РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Говорящий и пишущий

К 100-летию со дня рождения
Татьяны Григорьевны Винокур

Москва
2024

ББК 81
УДК 80/81
Г57

Утверждено к печати
ученым советом Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственные редакторы:
кандидат филологических наук Е. В. Какорина
кандидат филологических наук А. Р. Пестова

Редакционная коллегия:
Е. Г. Жидкова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, А. Р. Пестова,
Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина

Рецензенты:
Н. Г. Брагина, доктор филологических наук, профессор,
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, Российский государственный
гуманитарный университет
М. В. Шульга, доктор филологических наук, профессор,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Говорящий и пишущий: К 100-летию со дня рождения Татьяны Григорьевны Винокур / Отв. ред. Е. В. Какорина, А. Р. Пестова. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2024. — 504 с.

ISBN 978-5-7164-1495-2

Книга посвящена памяти замечательного ученого-русиста — Татьяны Григорьевны Винокур (1924–1992). Проблематика собранных в книге научных статей отражает широту исследовательских интересов Татьяны Григорьевны: история языка, поэтика, язык художественной литературы, стилистика, культура речи, проблемы изучения коммуникации и многие другие темы. Впервые публикуется текст беседы Т. Г. Винокур из цикла «Бесед о русском языке» на всероссийском радио — цикла, созданного по инициативе Т. Г. Винокур и при ее живейшем участии.

Публикуемые в сборнике работы ведущих современных лингвистов продолжают осмысление научного наследия ученого в новом контексте. В сборнике также представлены воспоминания коллег и другие материалы.

Книга адресована как специалистам-филологам, так и читателям, проявляющим интерес к русскому языку и его использованию в разных жанрах и разных ситуациях общения.

doi: 10.31912/anniversary_vinokur-2024

ISBN 978-5-7164-1495-2

© Тексты, коллектив авторов, 2024
© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2024

Оглавление

Л. П. Крысин
Несколько слов о Татьяне Григорьевне Винокур 6

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ВИНОКУР
В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

О. В. Антонова, Д. Ю. Гриченкова
Изменения в современном русском
литературном языке в акцентуации заимствований —
имен сущ. м. р. 2-го склонения 15

Е. Э. Бабаева
«Ненужности» русского языка:
С. Шевырев о языке А. Герцена 43

А. Н. Байкулова, А. В. Дегальцева
Татьяна Григорьевна Винокур и саратовские лингвисты:
созвучье направлений и идей 59

Е. Н. Басовская
Пишущий и читающий.
Варианты речевого несовпадения..... 67

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Диалектный дискурс:
лингвокультурологическое описание..... 78

Р. И. Воронцов, Е. В. Пурицкая
Нужна ли нормативному толковому словарю
помета «устаревшее»?..... 95

Е. Н. Геккина
Новые способы коммерческой номинации:
грамматический аспект 107

В. В. Дементьев
Фатика и информатика: фатические и информативные
речевые жанры в современной дискурсивной теории..... 120

А. Н. Ерёмин, О. О. Петрова
Репрезентативные номинативно-омадативные
лексические значения в коммуникативном процессе..... 137

А. В. Занадворова
Прагматический потенциал имен числительных
в устной и письменной коммуникации 150

Е. В. Какорина
Яркий голос и *вкусная цена*: опыт стилистического анализа
нестандартных лексических сочетаний..... 167

О. Ю. Крючкова
Суффиксальное усложнение как показатель
семантико-грамматического развития имен прилагательных
в древнерусский период..... 193

А. С. Кулева, Л. Л. Шестакова
Реликты кратких атрибутивных прилагательных в толковом
словаре современного русского языка и корпусе 204

Н. Б. Мечковская
Именные и глагольные категории в детской речи
и частотном словаре 220

Е. А. Никишина
Коммуникативная концепция Т. Г. Винокур в контексте
прагматической социологии (на примере пьесы Д. Данилова
«Сережа очень тупой») 238

Н. А. Николина, З. Ю. Петрова, Н. А. Фатеева
Национально-маркированные языковые единицы
в составе компаративных тропов
(на материале современной русской прозы)..... 259

Б. Ю. Норман
Речевой акт молчания как регулятор отношений
в малой социальной группе 269

А. С. Павлова
Неолексема *кринж* и ее дериваты как неологические
средства выражения семантики стыда, разочарования
и неловкости в современной интернет-коммуникации 283

А. Р. Пестова
Патлатый асоциал и *заскорузлый мозгоправ:* о лакунах
в «Толковом словаре русской разговорной речи» 299

А. Раскина
Понятия «справедливость» и «милосердие» в истории
Российского государства 313

Р. И. Розина
Судьба слов лагерного жаргона из повести
А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»..... 323

М. В. Сандакова
Синкретизм значений многозначного слова в текстах художественной прозы 338
О. И. Северская
Речевой «жест» как инструмент «поиска общего языка» 350
О. В. Соколова
Иллокутивные функции глаголов говорения в современной русскоязычной поэзии 359
Л. Л. Федорова
Давным-давно черным-черно: о возможностях модели экспрессивной интенсификации 373
И. А. Шаронов
Этикетные формулы речевого жанра «благодарность» 387
О. А. Шарыкина
Об особенностях описания устаревшей лексики в «Академическом толковом словаре русского языка» 402
А. Д. Шмелев
Языковое мастерство Солженицына в «Раковом корпусе» и проблемы перевода 411
Т. В. Шмелева
Речевое поведение как объект лингвистического внимания 422
С. Янурик
Особенности морфологической адаптации новых глаголов-англицизмов в русской компьютерной лексике 430

И В СЛОВЕ ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ...

Н. Н. Розанова
«Тайна и прелесть разговорчивости»: о речевой манере Татьяны Григорьевны Винокур (по материалам записей устной речи) 445
Татьяна Григорьевна Винокур и ее беседы о русском языке на радио.
Публикация, вступительная статья и примечания Н. Н. Розановой 475
Э. И. Хан-Пира
Татьяна Винокур (1924–1992) 497
Е. В. Клюев
Наблюдения над одною типичною речевою ситуациею 501

Л. П. Крысин
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
leonid-krysin@mail.ru

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТАТЬЯНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ВИНОКУР

Солнечным майским утром 1992 года я узнал о гибели Татьяны Григорьевны Винокур.

В самом слове *гибель* заключены трагедия и неожиданность. Так было и на этот раз: мгновенно, трагически и неожиданно перестал существовать человек, полный жизни, юмора, творческих идей.

За день до этого мы с ней записывали на радио большую передачу о Корнее Ивановиче Чуковском. После записи шли пешком с улицы Качалова, из радиокомитета, обсуждали наши дела и планы, невеселое положение академической науки в новых экономических условиях... На следующий день она была на заседании ученого совета на филологическом факультете Московского университета и, возвращаясь оттуда, на родной Волхонке, где в Институте русского языка она проработала не один десяток лет, попала под машину. Смерть была мгновенной...

Татьяна Григорьевна родилась 10 июля 1924 года в Москве, в семье выдающегося лингвиста Григория Осиповича Винокура. Училась и в обычной школе, и в музыкальной школе им. Гнесиных, и в музыкальном училище при консерватории. Во время войны вместе с родителями жила в эвакуации в Чистополе. Училась на курсах медсестер и после этого работала санитаркой и медсестрой на санитарно-транспортном судне «Ленинград». Вернувшись в Москву, в 1943 году поступила в Московский университет, филологический факультет которого окончила в 1948-м. Потом аспирантура в этом же университете, защита кандидатской диссертации в 1953-м, преподавательская деятельность в Историко-архивном институте, длительные поездки вместе с мужем-журналистом, С. В. Киселёвым, за границу. С 1960-го года Татьяна Григорьевна — в Институте русского языка АН СССР (позднее — РАН), где она в 1981 году

защитила докторскую диссертацию. С этим институтом она была кровно связана до самого последнего дня своей жизни.

Это — внешняя канва ее биографии. Для формирования же личности Татьяны Григорьевны огромную роль сыграла семья и окружение ее отца, Григория Осиповича — талантливого и разностороннего филолога, блестящего знатока русского языка и его истории, текстолога, пушкиниста и просто живого и умного человека. Как известно, Г. О. Винокур был одним из составителей «Толкового словаря русского языка», который впоследствии получил краткое наименование «ушаковского» — потому что главным идеологом и редактором его был Дмитрий Николаевич Ушаков. Имена других составителей этого словаря не менее известны: будущий академик Виктор Владимирович Виноградов, Борис Александрович Ларин, Сергей Иванович Ожегов, Борис Викторович Томашевский. В конце 20-х годов, когда началась работа над словарем, это были молодые люди: самому старшему из них, Б. В. Томашевскому, было около сорока лет, а самому младшему, С. И. Ожегову, не исполнилось и тридцати. Они часто собирались в квартире Винокуров или у Дмитрия Николаевича Ушакова, который жил на углу Сивцева Вражка и Плотникова переулка, то есть в пяти минутах ходьбы от дома на Арбате, где жила семья Г. О. Винокура.

Татьяна Григорьевна, а в ту пору просто Таня, с раннего детства могла наблюдать за работой отца и его коллег. И не только наблюдать, но и быть причастной к атмосфере творчества, интеллектуального блеска, словесной игры, каламбуров, острот. Кроме того, мир филологии соседствовал здесь с миром музыки: замечательным пианистом был Б. В. Томашевский; лингвисты Александр Александрович Реформатский и Рубен Иванович Аванесов, часто приходившие к Винокурам, были страстными меломанами; глубоким знатоком музыки был и блестящий литературовед Сергей Михайлович Бонди, также бывавший у Винокуров; в доме Д. Н. Ушакова, на одном с ним этаже, жил знаменитый пианист К. Н. Игумнов, не раз посещавший компанию лингвистов. Да и Григорий Осипович, хотя и был, как говорила о нем Татьяна Григорьевна, «неудавшийся певец» (из-за травмы носа, полученной во время игры в футбол), любил музыку и сам был музыкален.

Когда перед окончившей среднее образование Таней Винокур встал вопрос о выборе, по какому пути идти — филологическому

или музыкальному, она не сразу смогла сделать нужный шаг: колебалась между Гнесинкой и Московским университетом. Все же филология победила.

Филологам-русистам Татьяна Григорьевна известна прежде всего как специалист в области стилистики русского языка, хотя в начале своей научной карьеры она занималась изучением и древнего его состояния: ей принадлежат несколько статей о языке как источнике исторических сведений и учебное пособие для студентов «Древнерусский язык», опубликованное в 1961 году.

Татьяна Григорьевна была первой исследовательницей языка А. И. Солженицына. Вскоре после того, как в «Новом мире» была напечатана его повесть «Один день Ивана Денисовича» (ноябрь 1962 г.), она написала статью о языке этой повести и послала ее в редакцию «Нового мира». Однако власть уже сменила милость на гнев, и сочинения писателя, и все, что касалось его творчества, попали под запрет. Публикация статьи Татьяны Григорьевны в этом журнале не состоялась. Увидела же свет эта работа в 6-м номере сборника «Вопросы культуры речи» (1965 г.), который выходил в Институте русского языка. Между автором статьи и А. И. Солженицыным завязалась переписка; три письма писателя, адресованные Татьяне Григорьевне и связанные с лингвистическим анализом художественного текста, опубликованы в книге, посвященной ее памяти: «Поэтика. Стилистика. Язык и культура» (1996 г.).

Разумеется, статья о языке повести А. И. Солженицына не была единственной ее работой в области стилистики художественного текста. В 60–70-е годы она пишет и публикует статьи и разделы в коллективных монографиях, посвященные языку драматургии, структуре диалога в художественном произведении, понятию нормы применительно к художественному тексту, тенденциям в развитии стилистики современной русской прозы.

Т. Г. Винокур занималась изучением языка и стилистических особенностей не только художественных текстов, но и текстов публицистических, а также устной разговорной речи. В 1968 году под ее редакцией (совместно с Д. Н. Шмелевым) выходит книга «Развитие функциональных стилей современного русского языка», в которой половину её объема занимают две работы Т. Г. Винокур: «Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи» и «Стилистическое развитие современной русской разговорной речи».

Книга Т. Г. Винокур «Закономерности стилистического использования языковых единиц» (1980 г.) явилась итогом многолетних исследований автора в области функциональной стилистики, размышлений над местом и характером стилистических изменений в общей картине эволюции русского языка XX века. Эта книга, защищённая Татьяной Григорьевной в качестве докторской диссертации, содержит глубокие мысли о сущности стилистических противопоставлений в языке и обильный, но при этом тщательно подобранный и прокомментированный языковой материал, иллюстрирующий теоретические положения автора.

Вслед за этой книгой были опубликованы и другие работы Татьяны Григорьевны, в которых она рассматривает стилистику в неразрывной связи с речевой практикой, с коммуникативными намерениями говорящих и с социальными условиями общения. В опубликованной в 1988 г. коллективной монографии «Разновидности городской устной речи» ей принадлежит большой раздел «Устная речь и стилистические свойства высказывания». Уже после ее смерти выходит книга «Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект» (1993 г.), где помещена работа Татьяны Григорьевны, посвященная анализу различий между информативной и фатической речью, обусловленных разными коммуникативными намерениями говорящего и слушающего.

Эта последняя работа — фрагмент большого теоретического исследования, которое было завершено Татьяной Григорьевной незадолго до ее кончины и опубликовано в 1993 году в виде книги «Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения».

Для этой работы Т. Г. Винокур характерно тесное переплетение собственно лингвистического анализа с исследованием разнообразных условий реализации коммуникативных намерений человека. Говорит ли автор о самом понятии речевого поведения, о сферах общения и о стилях языка, о теме и условиях общения как факторах, определяющих его характер, о социально-психологических вариантах речевого поведения и о различных функциях высказываний, — в центре его внимания остается сущность взаимоотношений говорящего и слушающего, различия в их коммуникативных интенциях в зависимости от условий и практических целей общения. В книге получили отражение и история изучения проблем речевого общения, и современные исследования в области

коммуникативной лингвистики. Но главная цель этой работы была, конечно, не в добавлении к уже имеющимся точкам зрения на механизмы речевой коммуникации еще одного мнения, пусть и основательно аргументированного, а в том, чтобы вскрыть причины разного поведения человека, когда он выступает то в роли говорящего, то в роли слушающего, выявить стимулы, которые управляют речевым поведением людей в разных социальных и ситуативных условиях общения. И автор достиг этой цели.

Местами книга кажется написанной сложно; иногда автор злоупотребляет специальной терминологией и длинными синтаксическими конструкциями. Но таков авторский научный стиль. Да и материи, о которых идет речь в книге, отнюдь не просты — они связаны с целым комплексом разнородных, но взаимосвязанных факторов, относящихся и к языку, и к социальным условиям его существования, и к психологическим свойствам говорящих.

Кроме того, надо сказать, что Винокур – автор научных работ и Винокур-собеседница представляли собой две сильно различающиеся ипостаси одного человека. Татьяна Григорьевна была блестящий, остроумный рассказчик, мастер диалога, ее речь была ярка и образна, полна юмора, неповторимых живописных деталей и метких характеристик. Недаром она была автором текстов многих «капустников», которые в 60-е годы под Новый год с блеском разыгрывались в конференц-зале Института русского языка на Волхонке.

В последние годы своей жизни она на Всесоюзном радио вела передачи о русском языке и культуре речи, и здесь также проявился ее талант рассказчика, умеющего увлечь слушателя и предметом беседы, и ее манерой, живой и непринужденной. А на страницах лингвистической статьи или монографии Татьяна Григорьевна считала необходимым держаться в строгих рамках научного стиля. И такое «раздвоение личности» лишь подтверждало на практике ее собственные наблюдения над тем, как человек варьирует свою речь в зависимости от условий и целей общения.

Научное творчество Татьяны Григорьевны Винокур и его результаты актуальны и в наши дни. В этом можно убедиться, обратившись к чтению статей, составляющих содержание данного сборника.

АВТОБИОГРАФИЯ

Винкур Татьяна Григорьевна
Фамилия, имя и отчество

Родилась 10 июля 1924 г. в Москве. До войны училась в средней школе, в муз. школе им. Гнесиных и в муз. училище при Консерватории. В июле 1941 училась на курсах медсестер. С ноября 1941 г. по март 1942 г. находилась в эвакуации в г. Чистополе-на-Каме. С марта 1942 г. по VIII 1942 г. работала санитаркой и медсестрой на санитарно-транспортном судне СТС-№2, „Ленинград". Вернувшись в Москву сначала продолжала учиться в муз. училище, а с IX 1943 на филологич. ф-те МГУ, к-рый окончила в 1948 г. и была рекомендована в аспирантуру при кафедре русского языка. В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: "Синтаксические особенности диалогической речи в современном русском языке". С 1952 г. работала в Историко-Архивном институте, сначала на почасовой оплате, потом на полставки, а в IX 1954 г. прошла по конкурсу на должность старшего преподавателя. С 1953 г. работала также во ВГИК'е (Всесоюзный Институт Кинематографии), где прошла путь от почасовика до ст. преподавателя, работая по совместительству. В X 1956 г. уволилась в связи с отъездом заграницу. Преподавала же в обоих институтах разные предметы (русский язык иностранцам, древнерусский язык, стилистику русского языка, русскую и советскую литературу). Вернувшись в Москву, с IX 1958 опять работала в Историко-Архивном институте до IV 1960. Уволилась в связи с переходом в Институт русского языка АН СССР, где до 1963 г. занимала должность мл. науч. сотр. в секторе словаря древнерусского языка; с 1963 г. до 1966 г. - в секторе современного русского языка; с 1966 г. по 1983 г. - в секторе литературного языка и

стилистики, а с 1983 г. работаю опять в секторе современного русского языка. В 1974 г. была переведена на должность ст. науч. сотр., а в 1984 г. была утверждена в звании старш. науч. сотр. В 1981 г. защитила докторскую диссертацию на тему "Закономерности стилистического использования языковых единиц".

Во время учебы и работы всегда выполняла самые различные общественные нагрузки (от комсорга и старосты курса до ректора Университета культуры свердловского р-на). В настоящее время являюсь членом редакторов стенной газеты „Русист".

Мой муж Киселев Сергей Владимирович (1923 г. рожд.) работает в Агентстве Печати Новости в должности ответственного редактора ГРУМ

Отец (Винокур Григорий Осипович) умер в 1947 г.

Мать (Винокур Эмма Максимовна) умерла в 1965 г.

28/IX 1985

Т. Винокур

Фото Т.Г. Винокур
1960-х годов

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ВИНОКУР В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ

О. В. Антонова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ovantonova@gmail.com

Д. Ю. Гриченкова
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
dgrichenkova159@gmail.com

ИЗМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В АКЦЕНТУАЦИИ ЗАИМСТВОВАНИЙ — ИМЕН СУЩ. М. Р. 2-ГО СКЛОНЕНИЯ

В современной орфоэпии одной из основных задач является описание колебаний внутри акцентных парадигм. В наши дни на этом участке системы наблюдается значительная динамика, и своевременная фиксация этих изменений является важной задачей. В рамках настоящего исследования предпринята попытка проследить некоторые аспекты развития акцентной системы в современном русском литературном языке в заимствованиях м. р. 2-го скл., определить актуальные тенденции в акцентуации, выявить детали взаимодействия акцентных парадигм, значимые для характеристики современной нормы. Итак, в работе рассмотрены активные процессы в именном формообразовании (на основании экспериментальных данных) и акцентные изменения заимствований — существительных м. р. 2-го скл. — в сравнении со старыми акцентными парадигмами. Особое внимание уделено определению новых закономерностей постановки ударения, важных для описания современной нормы.

Ключевые слова: изменения в акцентуации, имена существительные 2-го склонения, заимствования, числовые подпарадигмы, орфоэпия, орфоэпический эксперимент

Одна из наиболее актуальных задач в орфоэпии в современном русском литературном языке — фиксация и нормативная оценка новых произносительных вариантов, в том числе акцентных. Среди

таких напряженных точек орфоэпии — динамика в акцентуации заимствований м. р. 2-го скл. в подпарадигмах ед. и мн. ч. По мнению авторов, все случаи движения ударения внутри парадигмы в литературном языке требуют отражения в словаре с соответствующим комментарием, поскольку процесс этот набирает все бóльшую активность. Следует особо отметить: в настоящей работе, вслед за [Каленчук 2021], мы противопоставляем в рамках литературного языка *кодифицированные* нормы *узуальным* нормам[1].

В отношении развития акцентуации существительных м. р. 2-го склонения исследователи прогнозировали расширение подвижной (имеющей ударение как на основе, так и на флексии в различных словоформах) АП[2]. Н. Н. Дурново отмечал, что русский язык имеет тенденцию к колонному[3] ударению, которое в результате послужило для усиления противопоставления между субпарадигмами мн. и ед. ч. По мнению большинства современных исследователей, главным критерием, регулирующим варьирование в акцентных парадигмах (АП) при формообразовании, следует признать морфологический фактор [Дурново 1971: 93–95;

---

[1] «...мы используем термины кодифицированные нормы и узуальные нормы. При этом под кодифицированными произносительными нормами понимаются официально закрепленные в словарях, справочниках, учебниках и пропагандируемые правила и способы реализации звуковых единиц. Не случайно понятие кодификации в работах многих западных лингвистов заменяется термином культивирование, нелингвистическое значение которого — «выращивание, разведение, развитие чего-либо в искусственных условиях». Результат принятия любой кодификационной рекомендации всегда рукотворен и в силу этого в определенной мере искусственен. <...> Для литературного языка как в общелитературном, так и в региональных его вариантах под узуальными нормами <...> понимаются предпочтения образованных людей в звуковом оформлении слов и словоформ. Эти предпочтения могут быть как осознанными, так и интуитивными» [Каленчук 2021: 7].

[2] Под акцентуационной (акцентной) парадигмой (АП) понимается «характерная для определенной группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода “акцентуационная кривая” грамматической парадигмы» [Воронцова 1979: 11].

[3] «Колонным ударением в группе словоформ (например, в парадигме) называется ударение на одном и том же слоге по счету от начала» [Зализняк 1985: 9].

Антонова 2021: 27–28]. Представляется важным проверить, отмечается ли в наши дни в динамике заимствований м. р. тенденция Сидорова — тенденция противопоставления существительных ед. ч. и мн. ч. по акцентному признаку, или тенденция грамматикализации [Антонова 2021: 27–30] (особенно в соотношении с процессами, действующими в исконно русских словах, где тенденция грамматикализации действует явно, см. [Антонова, Гриченкова 2024]).

В настоящее время в фонетике большое значение имеют статистические данные, полученные в результате экспериментов. Однако так было не всегда — долгое время лексикографы ориентировались на собственные лингвистические знания и интуицию, а в орфоэпии, по словам М. В. Панова, был прогрессивен традиционализм. Исследователи в большинстве своем придерживались идеи, которую точно отражает следующая мысль: «Только человек, выключенный из культуры, может радоваться тому, что орфоэпические нормы быстро меняются» [Панов 1979: 200]. Таким образом, во главу угла ставилось следование орфоэпическим традициям. Однако уже в начале XXI в. у исследователей возникает и иное мнение: «Самая трудная задача в деле создания орфоэпических рекомендаций — это своевременное признание тех новых вариантов, которые идут на смену старым» [Пожарицкая 2004: 237]. В ряде современных работ также отмечается необходимость использования в орфоэпии статистических данных, полученных от информантов — носителей литературного языка, см., к примеру [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2021; Каленчук 2021; Антонова 2021] и мн. др.

Для выявления современного состояния колебаний, зарегистрированных ранее в русском литературном языке, мы опираемся на проведенный Е. С. Скачедубовой и Т. Н. Коробейниковой в 2017–2019 гг. орфоэпический эксперимент, в котором приняли участие 120 информантов-москвичей трех возрастных групп: старшая группа (старше 50 лет), средняя группа (25–50 лет) и младшая (младше 25 лет). Испытуемые по условиям эксперимента должны были иметь высшее или неоконченное высшее образование. Гендерная принадлежность респондентов не учитывалась. Испытуемым предлагались для прочтения специально составленные

контексты, в которые были включены 39 заимствований — словоформ существительных м. р. 2-го склонения с возможными вариантами ударения. Словоформы отбирались как по современным орфоэпическим словарям, так и по наибольшему количеству зафиксированных в живой речи и в акцентном прошлом таких существительных отступлений от нормативной акцентуации.

Полученные данные были сгруппированы с точки зрения общности грамматической формы, а именно разделены на группы по падежам (от И. п. к П. п.) и по положению ударения в словоформе (наосновное или флексионное). Таблицы упорядочены по процентному убыванию выбора информантами той или иной словоформы от младшей группы к старшей[4]. Чтобы выявить динамику норм, для каждой словоформы собраны данные из орфоэпических словарей, отражающих установленную норму на современном этапе: Орфоэпического словаря русского языка под ред. Р. И. Аванесова 1983 г. (ОС 1983) [Аванесов (ред.) 1983], отражающего фиксацию нормы на предыдущем этапе развития русского литературного языка; Орфоэпического словаря русского языка под ред. Н. А. Еськовой 2015 г. (ОС 2015) [Еськова (ред.) 2015] и Большого орфоэпического словаря русского языка под ред. Л. Л. Касаткина 2018 г. (БОС 2018) [Касаткин (ред.) 2018]. В шапке таблиц приведены сокращенные названия словарей.

В И. п. у заимствований с преимущественно наосновным ударением наблюдаются как примеры с сильными колебаниями (*инспектора́* (50%) — *инспе́кторы* (50%), *фронта́* (40%) — *фро́нты* (60%) — *фронты́*, *трю́фели* (60%) — *трюфеля́* (40%), так и примеры с минимальными колебаниями или вовсе без колебаний (*корре́кторы* (100%), *фельдшера́* (20%) — *фе́льдшеры* (80%)). Динамика внутри этой группы во мн. ч. в целом противоречит тенденции грамматикализации и направлена на установление колонного ударения во всей парадигме (как и в формах ед. ч.). Нет сомнения, что это происходит вследствие влияния прагматического

[4] Несмотря на то, что в эксперименте принимали участие три группы испытуемых, результаты исследования и кодификационные рекомендации были сгруппированы в основном с опорой на показатели младшей группы (хотя известно, что не всегда в перспективе именно младшая норма выбирается носителями языка в качестве предпочтительной).

Табл. 1. Заимствования в форме И. п. мн. ч. с преимущественно наосновным ударением

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
корректор	**корре́ктор**, -а, *мн.* корректора́, -о́в *и* корре́кторы, -ов	**корре́ктор**, -а, *мн.* корректора́, -о́в *и* корре́кторы, -ов	**корре́ктор**, корре́ктора, *мн.* корре́кторы, корре́кторам (! *не рек. мн.* корректора́...) \\ **ко[р’]е́ктор**	корректора́ корре́кторы	100%	100%	100%
Примечание. Преобладающее употребление ударения на основе может быть связано с выходом слова из активного употребления. Форма *корректора́* рекомендовалась в ОС 1983 и ОС 2015, но в БОС 2018 рекомендуется только форма И. п. мн. ч. *корре́кторы*, что соответствует языковой действительности.							
фельдшер	**фе́льдшер**, -а, *мн.* фельдшера́, -о́в *и доп.* фе́льдшеры, -ов	**фе́льдшер**, -а, *мн.* фельдшера́, -о́в *и допуст.* фе́льдшеры, -ов	**фе́льдшер**, фе́льдшера, *мн.* фельдшера́, фельдшера́м *и допуст.* фе́льдшеры, фе́льдшерам \\ **[ф’]е́льдшер**; **фе́ль[чш]ер**, в *беглой речи возможно* фе́ль[ш]ер.	фельдшера́ фе́льдшеры	10% 90%	10% 90%	20% 80%
Примечание. Как и лексема *корректоры*, слово *фельдшеры* показывает тенденцию к установлению наосновного ударения у слов, выходящих из употребления.							
шафер	**ша́фер**, -а, *мн.* шафера́, -о́в	**ша́фер**, -а, *мн.* шафера́, -о́в	**ша́фер**, ша́фера, *мн.* шафера́, шафера́м \\ **ша́[ф’]ер**.	шафера́ ша́феры	10% 90%	10% 90%	30% 70%
Примечание. Рекомендации словарей (*шафера́*) и узуса (*ша́феры*) разнятся.							

Окончание табл. 1

И. п. ед. ч.	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
шомпол	**шо́мпол**, -а, *мн.* шомпола́, -о́в	**шо́мпол**, -а, *мн.* шомпола́, -о́в	–	шомпола́ шо́мполы	30% 70%	20% 80%	30% 70%
Примечание. Рекомендации словарей не соответствуют узусу. Предпочтение наосновного ударения может быть также связано с выходом слова из активного употребления.							
трюфель	**трю́фель**, -я, *мн.* трюфеля́, -е́й *и* трю́фели, -ей	**трю́фель**, -я, *мн.* трюфеля́, -е́й *и* трю́фели, -ей	**ТРЮ́ФЕЛЬ**, трю́феля, *мн.* трю́фели, трю́фелям *и* трюфеля́, трюфеля́м \\ **[т]рю́фель**; **трю́[ф’]ель**	трю́фели трюфеля́	70% 30%	80% 20%	60% 40%
Примечание. В ОС 1983 и ОС 2015 нормирована форма мн. *трюфеля́*, хотя ее употребление старшей группой составляет всего 30%. В БОС 2018 словарная норма мн. ч. меняется на форму *трю́фели*и, что на данный момент соответствует узусу, хотя стоит отметить ее отрицательную динамику по поколениям.							

фронт	**фронт**, -а, *мн.* фронты́, -о́в △ о фронте [нь ть] *не рек. устар.* *мн.* фро́нты, -ов	**фронт**, -а, *мн.* фронты́ , -о́в △ о фро́нте [нь ть] ! *не рек. устарел.* *мн.* фро́нты, -ов **18–19**: фрунт, -а [София] | Куда как мил! и весело мне страх Выслушивать о фрунте и рядах.. *Грибоедов, Горе от ума.*	**ФРОНТ**, фро́нта, *мн.* фронты́ , фронта́м \\ в форме фро́нте — **фро́[н’]те**.	фронта́ фро́нты фронты́	10% 60% 30%	40% 60%	40% 60%
Примечание. Форма *фронты́* устарела и требует лексикографической коррекции. Ее употребляют лишь 30% информантов старшей группы. Налицо несоответствие словарной нормы и узуса.							
инспектор	**инспе́ктор**, -а, *мн.* инспектора́, -о́в *и* инспе́кторы, -ов	**инспе́ктор**, -а, *мн.* инспектора́, -о́в *и* инспе́кторы, -ов	**инспе́ктор**, инспе́ктора, *мн.* инспектора́, инспекторам́ *и допуст. старш.* инспе́кторы, инспе́кторам \\ **и[нсп’]е́ктор.**	инспектора́ инспе́кторы	10% 90%	40% 60%	50% 50%
Примечание. Наблюдаются существенные колебания в произношении, соответствующие, однако, словарной фиксации. Форма *инспе́кторы* в БОС 2018 дана с пометой *допуст. старш., и* среди старшей группы процент произношения с ударением на основе наиболее велик. Требуется дальнейшее наблюдение за представленными словоформами, однако уже сейчас очевидно, что мы имеем дело с возвращением старшей нормы, которая на настоящем этапе должна быть помечена как предпочтительная.							

Табл. 2. Заимствования в форме И. п. мн. ч. с преимущественно флексионным ударением

И. п. ед. ч.	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
цех	**цех¹**, -а, *предл.₂* в цеху́ *и* в це́хе, *мн.* цеха́, -о́в *и* це́хи, -ов □ *Отдел промышленного предприятия* **цех²**, -а, *предл.₂* в це́хе, *мн.* -и, -ов □ *Организация ремесленников в средние века*	**цех¹**, -а, *предл.₂* в цеху́ *и* в це́хе, *мн.* цеха́, -о́в *и* це́хи, -ов □ *Отдел промышленного предприятия* | Ежедневно бывает в своем цеху́ (и це́хе) [*ср.: Разочаровался в своем це́хе*] **цех²**, -а, *предл.₂* в це́хе, *мн.* -и, -ов □ *Организация ремесленников в средние века*	**цех¹**, це́ха, в цеху́ *и допуст. младш.* в це́хе, *но* о це́хе, *мн.* цеха́ *и допуст.* це́хи, цеха́м *Подразделение завода.* **цех²**, це́ха, в, о це́хе, *мн.* це́хи, це́хам □ *Объединение ремесленников.*	цеха́ це́хи	100%	100%	100%
Примечание. В ОС 1983 и ОС 2015 формы *цеха́* и *це́хи* указаны равноправными, а в БОС 2018 форма *це́хи* дана с пометой *допуст*., что отражает верную динамику, ведь форма с ударением на основе фактически вышла из употребления.							
борт	**борт**, -а, *предл.₂* в, на борту́, *мн.* борта́, -о́в ◇ за бо́ртом *и доп.* за борто́м	**борт¹**, -а, *предл.₂* в, на борту́, *мн.* борта́, -о́в ◊ за́ борт *и допуст.* за бо́рт (бросить, спустить *и т. д.*);	**борт¹,** бо́рта, бо́ртом и борто́м, о бо́рте, но на борту́, *мн.* борта́, борта́м *Боковая стенка корпуса судна или летательного аппарата;*	борта́ бо́рты	100%	100%	90% 10%

	(находи́ться *и т. д.*); за́ борт *и доп.* за бо́рт (бро́сить, спусти́ть *и т. д.*); на́ борт *и доп.* на бо́рт (взять *и т. д.*) ! *не рек. ед.* борта́	на́ борт *и допуст.* на бо́рт (*на судно:* взя́ть *и т. д.*); борт о́ борт (о *судах*: *тесно соприкасаясь*); за бо́ртом *и допуст.* за борто́м (находиться *и т. д.*); за́ бортом (остаться; в *перен. смысле: вне чего-н.*) □ *У судна* ! *не рек. ед.* бо́рта **борт²**, -а, предл.$_2$ в, на борту́, *мн.* борта́, -о́в □ *У пальто, пиджака и т. д*	*в сочетаниях с некоторыми предлогами может произноситься двояко: с ударением на предлоге в соответствии со старшей нормой или с ударением на существительном в соответствии с младшей нормой, напр.*: за́ борт и за бо́рт *(бросать, кидать и др.),* на борт и на бо́рт \\ в форме бо́рте — бо́[р]те. **борт²**, бо́рта, о борте́ и на борту́, *мн.* борты́, борта́м *О корабле или летательном аппарате*.				
Примечание. В трех словарях признается нормой форма И. мн. *борта́*, что совпадает с узусом. Разница значений в эксперименте не показала особенностей в акцентуации.							

Окончание табл. 2

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
юнкер	**ю́нкер**[1], -а, *мн.* юнкера́, -о́в □ *Воспитанник военного училища в дореволюционой России* **ю́нкер**[2], -а, *мн.* -ы, -ов □ *Помещик в Германии*	**ю́нкер**[1], -а, *мн.* юнкера́, -о́в □ *Воспитанник военного училища в дореволюционой России* **ю́нкер**[2], -а, *мн.* -ы, -ов □ *Помещик в Германии*	**ю́нкер**, ю́нкера, *мн.* ю́нкеры, ю́нкерам *и* юнкера́, юнкера́м \\ **ю[нк']ер** *в формах с ударными окончаниями*: юнкера́, юнкеро́в... — **[йу]нкера́**, *в беглой речи возможно* [йи]нкера́.	юнкера́ ю́нкеры	80% 20%	90% 10%	80% 20%
Примечание. Преобладает произношение с ударением на флексии *юнкера́*, закрепленное во всех словарях. Представляется, что ударение на флексии находит поддержку в прецедентных текстах (ср. текст песни Б. Ш. Окуджавы «Господа юнкера» с рифмой *юнкера́ — вчера́*, а также А. А. Галича «Памяти Живаго» с рифмой *юнкера́ — с утра́*).							
катер	**ка́тер**, -а, *мн.* катера́ , -о́в	**ка́тер**, -а, *мн.* катера́, -о́в	**ка́тер**, ка́тера, *мн.* катера́, катера́м \\ **ка[т']ер**.	катера́ ка́теры	70% 30%	80% 20%	80% 20%
Примечание. Преобладает произношение с ударением на флексии *катера́*, закрепленное во всех словарях.							

якорь	**я́корь,** -я, мн. якоря́, -е́й	**я́корь,** -я, мн. якоря́, -е́й	–	я́кори якоря́	20% 80%	20% 80%	40% 60%
Примечание. В трех группах наблюдаются колебания, в целом совпадающие со словарной рекомендацией (*мн.* якоря́, -е́й). Но за отрицательной динамикой формы *якоря́* в узусе необходимо следить и в дальнейшем, т. к. в младшей группе разрыв между узуальной и кодифицированной нормой увеличивается.							
веер	**ве́ер,** -а, *мн.* веера́, -о́в	**ве́ер,** -а, *мн.* веера́, -о́в	**ВЕ́ЕР,** ве́ера, *мн.* веера́, веера́м \\ **[в’е΄]ер** (! *неправ.* [вэ́]ер...).	веера́ ве́еры	70% 30%	80% 20%	60% 40%
Примечание. В трех группах явны колебания, но в целом узус совпадает со словарной нормой. Однако в младшей группе процент наосновного ударения возрастает, и обусловлено это, без сомнения, прагматическим фактором.							

фактора[5] — все приведенные лексемы утратили (утрачивают) прежнюю высокую частотность.

В заимствованиях в формах И. п. мн. ч. с преимущественным ударением на флексии наблюдаются небольшие колебания, соответствующие словарной фиксации. Тенденция грамматикализации ударения более всего отражена в форме *цеха́* (100%).

В заимствованиях в Р. п. ед. и мн. ч. с преимущественно наосновным ударением примеры не поддерживают тенденцию грамматикализации (*пе́карей* (100%), *флю́геров* (100%), *шки́перов* (100%)). Колебания наблюдаются в употреблении форм *ку́черов* (60%) — *кучеро́в* (40%), *инспе́кторов* (50%) — *инспекторо́в* (50%); в ряде случаев требуется коррекция словарной нормы в соответствии с результатами эксперимента.

В заимствованиях в Р. п. мн. ч. с преимущественно флексионным ударением есть примеры, соответствующие тенденции грамматикализации (*цехо́в, катеро́в, шампуро́в*). Колебания наблюдаются в употреблении форм *о́рдеров* (50%) — *ордеро́в* (50%), *е́герей* (50%) — *егере́й* (50%), со словарными рекомендациями их употребление в узусе совпадает.

Представленная словоформа в П. п. с преимущественно флексионным ударением во мн. ч. в целом соответствуют тенденции грамматикализации.

В заимствованиях в П. п. с преимущественным ударением на основе наблюдаются колебания. В случае формы *фо́ртах* эти колебания фиксируются словарями, а вот форма П. п. мн. ч. *ве́ртелах* в словарях отсутствует, что, безусловно, требует коррекции. Эта группа заимствований не следует тенденции грамматикализации, акцентное противостояние подпарадигм в ед. и мн. ч. не формируется.

В заимствованиях в П. п. мн. ч. с преимущественным ударением на флексии существенные колебания отсутствуют. В словоформе *фронта́х* постановка всеми группами ударения на флексии соответствует тенденции грамматикализации. Произношение

---

[5] Я. К. Грот впервые упоминает [Грот 1899: 337] об особенности, которая впоследствии в трудах А. А. Зализняка получила наименование прагматического фактора, об этом также см. [Воронцова 1979: 27–29]. Влияние прагматического фактора обычно связывают с освоенностью/неосвоенностью слова говорящим [Зализняк 2010: 25].

Табл. 3.1. Заимствования в формах Р. п. ед. ч. с преимущественно наосновным ударением

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
борт	**борт**, -а, *предл.*$_2$ в, на борту́, *мн.* борта́, -о́в ◇ за бо́ртом *и доп.* за борто́м (находи́ться *и т. д.*); за́ борт *и доп.* за бо́рт (бро́сить, спусти́ть *и т. д.*); на́ борт *и доп.* на бо́рт (взять *и т. д.*) ! *не рек. ед.* борта́	**борт**^{1}, -а, *предл.*$_2$ в, на борту́, *мн.* борта́, -о́в ◊ за́ борт *и допуст.* за бо́рт (бросить, спустить *и т. д.*); на́ борт *и допуст.* на бо́рт (*на судно:* взя́ть *и т. д.*); борт о́ борт (о *судах*: *тесно соприкасаясь*); за бо́ртом *и допуст.* за борто́м (находиться и т. д.); за́ бортом (остаться; в *перен. смысле: вне чего-н.*) □ *У судна* ! *не рек. ед.* бо́рта **борт**^{2}, -а, предл.$_2$ в, на борту́, *мн.* борта́, -о́в □ *У пальто, пиджака и т. д*	**борт**^{1}, бо́рта, бо́ртом и борто́м, о бо́рте, но на борту́, *мн.* борта́, борта́м *Боковая стенка корпуса судна или летательного аппарата; в сочетаниях с некоторыми предлогами может произноситься двояко: с ударением на предлоге в соответствии со старшей нормой или с ударением на существительном в соответствии с младшей нормой, напр.*: за́ борт и за бо́рт *(бросать, кидать и др.),* на́ борт и на бо́рт \\ в форме бо́рте — бо́[р]те. **борт**^{2}, бо́рта, о борте́ и на борту́, *мн.* борты́, борта́м О *корабле или летательном аппарате*.	бо́рта борта́	90% 10%	100%	100%
Примечание. В младшей и средней группе в 100% случаев произносится ударение на основе, что совпадает со словарными рекомендациями.							

Окончание табл. 3.1

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
инструктаж	**инструкта́ж**, -а ! *не рек.* инструктажа́	**инструкта́ж**, -а ! *не рек.* инструктажа́	**инструкта́ж**, инструкта́жа, *мн.* инструкта́жи, инструкта́жам (! *неправ.* инструктажа́, инструкта́жи...).	инструкта́жа инструктажа́	60% 40%	40% 60%	90% 10%
Примечание. Помета во всех трех словарях ! *неправ. инструктажа́* не соответствует узусу. 10% представителей младшей группы и 60% средней группы выбирают эту форму. Т. о. ее не следует запрещать так категорично, возможно, следует перейти к мягкому запрету: *не рекомендуется*. Необходимо дальнейшее наблюдение: возможно, вскоре форма с флексионным ударением окажется в словарях в качестве допустимой. На основное же ударение *инструкта́жа* выбирается в 90% случаев представителями младшей группы и должно сохраняться в качестве основной словарной рекомендации.							

Табл. 3.2. Заимствования в формах Р. п. мн. ч. с преимущественно наосновным ударением

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
пекарь	пе́карь, -я, *мн.* пекаря́, -е́й *и* пе́кари, -ей	пе́карь, -я, *мн.* пекаря́, -е́й *и* пе́кари, -ей	**пе́карь**, пе́каря, *мн.* пе́кари, пе́карям *и допуст.* пекаря́, пекаря́м.	пе́карей пекаре́й	100%	100%	100%
Примечание: Преобладающее в узусе ударение на основе фиксируется и в словарях.							
флюгер	**флю́гер**, -а, *мн.* флюгера́, -о́в *и допуст.* флю́геры, -ов	**флю́гер**, -а, *мн.* флюгера́, -о́в *и допуст.* флю́геры, -ов	**флю́гер,** флю́гера, *мн.* флюгера́, флюгера́м *и* флю́геры, флю́герам \\ **[ф]лю́гер; флю́[г]ер.**	флю́геров флюгеро́в	100%	100%	100%
Примечание: Преобладающее в узусе ударение на основе фиксируется и в словарях.							
шкипер	**шки́пер**, -а, *мн.* шкипера́, -о́в *и* шки́перы, -ов	**шки́пер**, -а, *мн.* шкипера́, -о́в *и* шки́перы, -ов	**шки́пер**, шки́пера, *мн.* шки́перы, шки́перам *и* шкипера́, шкипера́м \\ **шки́[п’]ер**.	шки́перов шкипе́ров	100%	90% 10%	100%
Примечание. ОС 2015 дает нормативной в первую очередь форму *шкипе́ров*, однако эта рекомендация не подтверждается статистическими данными эксперимента (только 10% информантов средней группы ее предпочли). Больше нет необходимости закреплять ее в качестве единственного варианта. Напротив, форма *шки́перов* должна выступать в качестве основной, а форма с флексионным ударением может быть дана с пометой *допуст. старш. В* этом случае движение противоречит тенденции грамматикализации, очевидно стремление к установлению колонного наосновного ударения и во мн., и в ед. ч.							

Окончание табл. 3.2

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
вензель	**ве́нзель,** -я, *мн.* вензеля́, -е́й	**ве́нзель,** -я, *мн.* вензеля́, -е́й	**ве́нзель**, ве́нзеля, *мн.* вензеля́, вензеля́м *и допуст. устарелое* ве́нзели, ве́нзелям \\ **[в’]е́нзель**; **ве́[н]зель** *и допуст. старш.* ве́[н’]зель.	ве́нзелей вензеле́й	20% 80%	20% 80%	100%
Примечание. Представлены значительные колебания. В младшей группе статистические данные расходятся с современными словарями (ОС 2015 предлагает форму *вензеле́й*). Это объясняется влиянием прагматического фактора — слово *вензель* более не является употребительным и частотным. Словарные рекомендации нуждаются в корректировке.							
бункер	**бу́нкер**, -а, *мн.* бункера́, -о́в *и* бу́нкеры, -ов	**бу́нкер**, -а, *мн.* бункера́ , -о́в *и* бу́нкеры, -ов	**бу́нкер**, бу́нкера, *мн.* бу́нкеры, бу́нкерам *и* бункера́, бункера́м \\ **бу́[нк’]ер**.	бу́нкеров бункеро́в	80% 20%	100%	80% 20%
Примечание. Рекомендованная в ОС 2015 форма с ударением на флексии *бункеро́в* редко произносится информантами. Словарные рекомендации, предлагающие равноправные варианты, следует признать устаревшими. Необходимо отметить: лексема также утратила частотность.							
векселя	**ве́ксель,** -я, *мн.* векселя́, -е́й *и доп.* ве́ксели, -ей	**ве́ксель,** -я, *мн.* векселя́, -е́й *и допуст.* ве́ксели, -ей	**ве́ксель,** ве́кселя, *мн.* векселя́, векселя́м *и* ве́ксели, ве́кселям \\ **[в’]е́ксель; ве́[кс’]ель.**	ве́кселей векселе́й	40% 60%	30% 70%	80% 20%
Примечание. Рекомендация ОС 2015 *допуст.* ве́ксели, -ей не вполне верна. Употребление формы *ве́кселей* составляет 80% в младшей группе, необходимо уточнить рекомендации словарей, признав форму с наосновным ударением равноправной (наряду с ударением на флексии). И тут очевидно влияние прагматического фактора.							

договор	**догово́р,** -а, *мн.* -ы, -ов *и доп.* **до́говор**, -а, *мн.* договора́, -о́в	**догово́р,** -а, *мн.* -ы, -ов ! *не рек.* до́говор, *мн.* договора́, -о́в *и* догово́ры, -ов	**догово́р,** догово́ра, *мн.* догово́ры, догово́рам *и допуст. младш.* **до́говор**, до́говора, *мн.* до́говоры, до́говорам (! *неправ.* *мн.* договора́...).	догово́ров договоро́в	40% 60%	40% 60%	70% 30%
Примечание. Преобладающее в узусе младшей группы ударение на основе зафиксировано и в словарях. Однако сравнение колебаний во всех трех группах свидетельствует о необходимости включить форму *договоро́в* в число допустимых. Возможно, некоторый отход от флексионной формы в младшей группе связан с социолингвистическими параметрами: в последние годы ударение в косвенных падежах этой лексемы в ед. и мн. ч. было предметом жарких споров в СМИ, которые и могли повлечь за собой более осторожное отношение говорящих к смещению ударения на флексию.							
кучер	**ку́чер**, -а, *мн.* кучера́, -о́в	**ку́чер**, -а, *мн.* кучера́, -о́в	–	ку́черов кучеро́в	40% 60%	80% 20%	60% 40%
Примечание. Формы испытывают значительные колебания. Зафиксированная в ОС 1983 и ОС 2015 форма *кучеро́в* используется лишь в 40% случаев младшей группой. Необходимо включить форму *ку́черов* в словарь с пометой *допуст.* и наблюдать за дальнейшим развитием ударения. Большую распространенность формы с наосновным ударением объясняет и в этом случае фактическое исчезновение лексемы из живой разговорной речи.							
инспектор	**инспе́ктор**, -а, *мн.* инспектора́, -о́в *и* инспе́кторы, -ов	**инспе́ктор**, -а, *мн.* инспектора́, -о́в *и* инспе́кторы, -ов	**инспе́ктор**, инспе́ктора, *мн.* инспектора́, инспекторам *и допуст. старш.* инспе́кторы, инспе́кторам \\ **и[нсп']е́ктор.**	инспе́кторов инспекторо́в	70% 30%	60% 40%	50% 50%
Примечание: Формы представлены с большими колебаниями, однако помета БОС 2018 *допуст. старш.* инспе́кторы, инспе́кторам соответствует действительности. Необходимо наблюдение за дальнейшим развитием ударения.							

Табл. 4.1. Заимствования в форме Р. п. ед. ч. с преимущественно флексионным ударением

И. п. ед. ч.	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
шприц	**шприц**, -а, *мн.* -ы, -ев ‖ *у медиков* *ед.* шприца́, мн. -ы́, -о́в	**шприц**, -а, *мн.* -ы, -ев ‖ *у медиков* *ед.* шприца́, мн. -ы́, -о́в	**шприц**, шпри́ца, *мн.* шпри́цы, шпри́цам, в *профессион. речи* шприцы́, шприца́м \\ **ш[п]риц**.	шпри́ца шприца́	80% 20%	80% 20%	40% 60%
Форма *шприца́*, единственная из представленных в этой группе, возможно, проникает в литературный язык из речи медиков.							

Табл. 4.2. Заимствования в форме Р. п. мн. ч. с преимущественно флексионным ударением

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
цех	**цех¹**, -а. *предл.₂* в цеху́ *и* в це́хе, *мн.* цеха́, -о́в *и* це́хи, -ов □ *Отдел промышленного предприятия* **цех²**, -а, *предл.₂* в це́хе, *мн.* -и, -ов □ *Организация ремесленников в средние века*	**цех¹**, -а, *предл.₂* в цеху́ *и* в це́хе, *мн.* цеха́, -о́в *и* це́хи, -ов □ *Отдел промышленного предприятия* | Ежедневно бывает в своем цеху́ (и це́хе) [*ср.: Разочаровался в своем це́хе*] **цех²**, -а, *предл.₂* в це́хе, *мн.* -и, -ов □ *Организация ремесленников в средние века*	**цех¹**, це́ха, в цеху́ *и допуст. младш.* в це́хе, *но* о це́хе, *мн.* цеха́ *и допуст.* це́хи, цеха́м *Подразделение завода.* **цех²**, це́ха, в, о це́хе, мн. це́хи, це́хам □ *Объединение ремесленников.*	це́хов цехо́в	100%	100%	100%
Примечание. Пример показателен в плане отражения тенденции грамматикализации: все возрастные группы выбрали вариант с ударением на флексии *цехо́в*.							
катер	**ка́тер**, -а, *мн.* катера́ , -о́в	**ка́тер**, -а, *мн.* катера́, -о́в	**ка́тер**, ка́тера, *мн.* катера́, катера́м \\ **ка́[т’]ер**.	ка́теров катеро́в	20% 80%	100%	100%
Примечание. Произношение с ударением на флексии преобладает и находит закрепление в словарях. Это соответствует тенденции грамматикализации.							

Окончание табл. 4.2

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
шампур	**шампу́р**, -а	**шампу́р**, -а	**шампу́р**, шампу́ра, *мн.* шампу́ры, шампу́рам (! *неправ.* ша́мпур).	шампу́ров шампуро́в	40% 60%	100%	100%
Примечание. Произношение с ударением на флексии преобладает, хотя в словарях кодифицируется только ударение на основе в подпарадигмах ед. и мн. ч. Однако подавляющее большинство информантов выбирают формы мн. ч. с ударением на окончании (что соответствует тенденции грамматикализации). Эти новые реалии требуют словарной фиксации.							
фронт	**фронт**, -а, *мн.* фронты́, -о́в △ о фронте [нь ть] ! *не рек. устар. мн.* фро́нты, -ов	**фронт**, -а, *мн.* фронты́, -о́в △ о фро́нте [нь ть] ! *не рек. устарел. мн.* фро́нты, -ов 18–19: фрунт, -а [София] | Куда как мил! и весело мне страх Выслушивать о фрунте и рядах... *Грибоедов, Горе от ума.*	**фронт**, фро́нта, *мн.* фронты́, фронта́м \\ в форме фро́нте — **фро́[н’]те**.	фро́нтов фронто́в	20% 80%	100%	10% 90%
Примечание. Произношение с ударением на флексии *фронто́в* преобладает и находит подкрепление в словарях. Противопоставление флексионных форм во мн. ч. наосновным в ед. ч. можно считать сформированным.							

ордер	**о́рдер**[1], -а, *мн.* ордера́, -о́в □ *Документ*	**о́рдер**[1], -а, *мн.* ордера́, -о́в □ *Документ на получение чего-н.*	**О́РДЕР**[1], о́рдера, *мн.* ордера́, ордера́м □ *Документ* \\ **о́[рд’]ер**.	о́рдеров ордеро́в (док.)	10% 90%	10% 90%	50% 50%
Примечание. Колебания более всего выражены в младшей группе. Форма с ударением на основе постепенно становится предпочтительной. Возможно, это связано со снижением частотности лексемы.							
егерь	**е́герь,** -я, *мн.* егеря́, -е́й *и доп.* е́гери, -ей	**е́герь,** -я, *мн.* егеря́, -е́й *и допуст.* е́гери, -ей	**е́герь,** е́геря, *мн.* е́гери, е́герям *и допуст.* егеря́, егеря́м \\ **е́[г’]ерь.**	е́герей егере́й	50% 50%	30% 70%	50% 50%
Примечание. Колебания четко выражены во всех возрастных группах. Слово выходит из употребления, и ударение на флексии постепенно утрачивает актуальность (*егере́й* — 70% в ср. гр. и 50% в мл. гр.).							

Табл. 5. Заимствования в форме П. п. мн. ч. с преимущественно флексионным ударением

И. п. ед. ч.	**ОС 1983**	**ОС 2015**	**БОС 2018**	**Словоформа в эксперименте**	**Ст. гр.**	**Ср. гр.**	**Мл. гр.**
порт	**порт**, -а, *предл.*$_2$ в порту́, *мн*. порты и порты́, род. портов □ Гавань	**порт**, -а, *предл.*$_2$, в порту́, *мн.* по́рты и порты́, род. портов □ *Гавань* ! *не рек.* *мн.* по́ртов	**порт**^{1}, порт, в порту́, *но* о по́рте, мн. по́рты, по́ртам и порты́, порта́м □ *Гавань* \\ *в форме* по́рте — **по́[р]те**. **порт**^{2}, по́рта, в, о по́рте, мн. по́рты, по́ртам □ В *компьютере* \\ *в форме* по́рте — **по́[р]те.**	по́ртах порта́х	70% 30%	50% 50%	40% 60%
Примечание. Наблюдаются колебания в формах *по́ртах — порта́х*. Динамика такова: употребление варианта с ударением на флексии растет, а наосновное ударение постепенно уменьшается.							

Табл. 6. Заимствования в форме П. п. мн. ч. с преимущественно наосновным ударением

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
форт	**форт**, -а, *предл.*$_2$ в форту́. *мн.* форты, -о́в	**форт**, -а, *предл.*$_2$ в форту́, *мн.* форты́, -о́в	**форт**, фо́рта, *мн.* фо́рты, фо́ртам \\ *в форме* фо́рте — **фо́[р]те**.	фо́ртах форта́х	90% 10%	90% 10%	70% 30%
Примечание. Во всех трех группах информантов преобладает ударение на основе (*фо́ртах)*, что совпадает с рекомендациями словарей.							
трюфель	**трю́фель**, -я, *мн.* трюфеля́, -е́й *и* трю́фели, -ей	**трю́фель**, -я, *мн.* трюфеля́, -е́й *и* трю́фели, -ей	**трю́фель**, трю́феля, *мн.* трю́фели, трю́фелям *и* трюфеля́, трюфеля́м \\ **[т]рю́фель**; **трю́[ф’]ель.**	трю́фелях трюфеля́х	80% 20%	70% 30%	60% 40%
Примечание. Форма с ударением на основе наиболее употребима, что фиксируется в БОС 2018. ОС 1983 и ОС 2015 предлагают во мн. ч. произносить с ударением на флексии (*трюфеля́*, *-е́й*), однако эта рекомендация потеряла актуальность, ср. в младшей группе *трюфеля́х — только* 40%.							
вертел	**ве́ртел**, -а, *мн.* вертела́, -о́в	**ве́ртел**, -а, *мн.* вертела́, -о́в	**ве́ртел**, ве́ртела, *мн.* вертела́, вертела́м (! *неправ.* верте́л...) \\ **ве́[р]тел** *и допуст. устарелое* ве́[р’]тел.	ве́ртелах вертела́х	20% 80%	50% 50%	60% 40%
Примечание. Фиксируются значительные колебания в средней и младшей группе. Наблюдается тенденция перехода ударения на основу в связи с выходом слова из употребления. Прогнозируется дальнейший спад в динамике употребления ударения на флексии.							

Табл. 7. Заимствования в форме П. п. мн. ч. с преимущественно флексионным ударением

И. п. ед. ч.	ОС 1983	ОС 2015	БОС 2018	Словоформа в эксперименте	Ст. гр.	Ср. гр.	Мл. гр.
фронт	**фронт**, -а, *мн.* фронты́, -о́в △ о фро́нте [нь ть] *не рек. устар. мн.* фро́нты, -ов	**фронт**, -а, *мн.* фронты́, -о́в △ о фро́нте [нь ть] ! *не рек. устарел. мн.* фро́нты, -ов 18–19: фрунт, -а [София] | Куда как мил! и весело мне страх Выслушивать о фрунте и рядах... *Грибоедов, Горе от ума.*	**фронт**, фро́нта, *мн.* фронты́, фронта́м \\ в форме фро́нте — **фро́[н’]те**.	фро́нтах фронта́х	100%	100%	100%
Примечание. Во всех группах преобладает произношение с ударением на флексии *фронта́х*, что не противоречит словарной фиксации. Словоформа также участвовала в эксперименте в форме Р. п. мн. ч., в которой также более употребительным оказалось ударение на флексии. Этот случай соответствует тенденции грамматикализации.							
шприц	**шприц**, -а, *мн.* -ы, -ев || *у медиков ед.* шприца́, мн. -ы́, -о́в	**шприц**, -а, *мн.* -ы, -ев || *у медиков ед.* шприца́, мн. -ы́, -о́в	**шприц**, шпри́ца, *мн.* шпри́цы, шпри́цам, в *профессион. речи* шприцы́ , шприца́м \\ **ш[п]риц**.	шпри́цах шприца́х	60% 40%	40% 60%	10% 90%
Примечание. В младшей и средней группах преобладает произношение с ударением на флексии *шприца́х*, хотя словари рекомендуют ударение на основе. Вариант с ударением на флексии *шприца́х* необходимо поместить в орфоэпические словари в качестве допустимого.							

госпиталь	**го́спиталь**, -я, *мн.* го́спитали, госпита́лей *и* го́спиталей	**го́спиталь**, -я, *мн.* го́спитали, госпита́лей *и* го́спиталей	**го́спиталь**, го́спиталя, *мн.* го́спитали, го́спиталям и госпиталя́м \\ **го́[с]питаль**.	го́спиталях госпиталя́х	30% 70%	20% 80%	20% 80%
Примечание. В произношении с ударением на основе наблюдается отрицательная динамика. Ударение на флексии (*госпиталя́х)* наиболее частотно (и соответствует тенденции грамматикализации).							
кузов	**ку́зов,** -а, *мн.* кузова́, -о́в *и* ку́зовы, -ов	**ку́зов,** -а, *мн.* кузова́, -о́в *и* ку́зовы, -ов	**ку́зов**, ку́зова, *мн.* ку́зовы, ку́зовам *и допуст.* кузова́, кузова́м.	ку́зовах кузова́х	40% 60%	30% 70%	20% 80%
Примечание. Флексионное произношение *кузова́х* наиболее частотно и находит фиксацию во всех словарях.							

с ударением на флексии в формах *госпиталя́х* (80%), *шприца́х* (90%) и *кузова́х* (80%) частотно, что также отражает следование тенденции.

Как было указано выше, в эксперименте были рассмотрены 39 словоформ, только 3 из них имели форму ед. ч. Внутри массива мн. ч., состоящего из 36 словоформ, стремятся к наосновному ударению 25 словоформ, а 11 отчетливо тяготеют к флексионному. Из этих данных ясно, что последовательного формирования акцентной оппозиции по числу внутри подпарадигм в заимствованиях не происходит. В группе из 25 словоформ ясно прослеживается тенденция к установлению (а в ряде случаев — к возвращению) наосновного ударения во мн. ч., и связано это с влиянием прагматического фактора, а именно — с утратой лексемами частотности ввиду исчезновения реалий, которые эти лексемы обозначали.

В результате общего анализа массива данных можно сделать следующие выводы о динамике акцентуации заимствований м. р. 2-го склонения в современном русском литературном языке:

1) динамика парадигм в заимствованиях м. р. 2-го склонения продолжается. Она заключается в перестройке старых акцентных парадигм и установлении новых закономерностей (в ряде случаев — в возвращении словоформ к акцентным нормам предыдущего исторического среза);

2) тенденция грамматикализации (противопоставления парадигм ед. и мн. ч. не только грамматическими средствами (с помощью флексий), но и с помощью разной акцентуации) реализуется непоследовательно. В целом можно сказать, что в ряде заимствований наблюдается движение, прямо противоречащее (в отличие от исконных слов, см. [Антонова, Гриченкова 2024]) формированию акцентной оппозиции чисел, и особенно явно это заметно в тех лексемах, частотность которых в живой речи невелика[6];

3) узуальные употребления акцентных вариантов, а именно употребление таких вариантов в рамках разговорной речи (где они проходят своеобразную апробацию) и детальный анализ этих случаев ставят перед лингвистами целый ряд задач, важнейшей из

[6] Это соответствует поведению в языке и неосвоенных заимствований.

которых представляется устранение на современном этапе противоречий между нормативными рекомендациями специальных орфоэпических словарей и узусом говорящих, владеющих нормами русского литературного произношения.

Источники

Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.

Еськова Н. А. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / [Н. А. Еськова, С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова]; под ред. Н. А. Еськовой. — 10-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ, Lingua, 2015. — С 1-го по 9-е изд. под ред. Р. И. Аванесова.

Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина; под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., исправ. и доп., М., 2018.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru

Литература

Антонова О. В. Акцентуация имен существительных ж. р. на -а (-я) // Норма произношения в узусе и кодификации. Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: 2021. С. 26–57.

Антонова О. В., *Гриченкова Д. Ю.* Динамика в акцентуации существительных м. р. 2-го склонения в современном русском литературном языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 3. С. 11–26.

Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979.

Грот Я. К. О русском ударении вообще и об ударении имен существительных // Труды. Т. 2. Филологические разыскания. СПб.: 1899. С. 290–353.

Дурново Н. Н. склонении в современном великорусском и литературном языке // Вопросы языкознания. 1971. № 4. С. 90–103.

Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Зализняк А. А. Труды по акцентологии. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. I.

Каленчук М. Л. Узуальные и кодифицированные произносительные нормы // Норма произношения в узусе и кодификации: Монография / Под редакцией М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 4–25.

Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Акцентуации имен прилагательных // Норма произношения в узусе и кодификации: Монография / Под редакцией М. Л. Каленчук, Д. М. Савинова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2021. С. 106–131.

Панов М. В. Современный русский язык: Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Пожарицкая С. К. Орфоэпия; идея и практика // Язык и речь: проблемы и решения. Сборник научных трудов к юбилею профессора Л. В. Златоустовой. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 231–238.

Е. Э. Бабаева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
llevidova@gmail.com

Татьяна Григорьевна Винокур жила на Арбате, в доме 20. Этот дом был построен в 1929 г. в конструктивном стиле по проекту архитектора Владимира Матвеевича Маята, который и сам жил в Малом Николопесковском переулке, в двух шагах от своего детища. Это был жилой дом кооператива «Красный уголок». Часть квартир в этом доме принадлежала сотрудникам Российского телеграфного агентства Советского Союза. Григорий Осипович Винокур в 1920 году работал переводчиком Бюро печати советских полпредств в Эстонии и Латвии, а позже переводчиком-редактором в ТАСС. В эти годы он был хорошо знаком с моим дедом, журналистом Михаилом Юльевичем Левидовым, который в 1918–1920-х гг. заведовал иностранным отделом РОСТа. По всей видимости, они какое-то время вместе находились в Ревеле. Татьяна Григорьевна и моя мама, Майя Михайловна Левидова, знали друг друга с юности. С 1929 г. и до сих пор моя семья живет в квартире, когда-то купленной дедом. Наш дом стоит буквой Т, Татьяна Григорьевна с семьей жила в «перекладине» — в части, выходящей окнами на Арбат, а мы — в длинной «ножке», уходящей в переулок. Местом встречи всегда был дворик. Мама, вернувшись домой, часто говорила: «Встретила Таню, перекинулись парой слов, она спешила». Иногда, выйдя на балкон, я видела, как Татьяна Григорьевна стремительно пересекает двор, чуть наклонившись вперед. Впервые я попала к ней в дом только в начале 1990-х гг., когда Д. Н. Шмелев пригласил меня на работу в свой отдел. В отделе современного русского языка работала и Татьяна Григорьевна. Она очень удивилась новости о моем поступлении в отдел, поскольку знала, что мои интересы лежали скорее в области диахронии: «Боюсь, тебе придется отойти от истории языка. Я вот часто жалею, что забросила древнерусский язык». Конечно, мне очень хотелось о многом расспросить ее. Наше настоящее знакомство началось летом 1991 г., а через год, в мае 1992-го, Татьяна Григорьевна погибла. Я часто встречала Татьяну Григорьевну во

дворе, она кивала мне на бегу: потом, потом, встретимся, поговорим. Такой она мне и запомнилась — летящей через двор, взмах руки как обещание, так трагически оборвавшееся.

«НЕНУЖНОСТИ» РУССКОГО ЯЗЫКА: С. ШЕВЫРЕВ О ЯЗЫКЕ А. ГЕРЦЕНА

Статья представляет собой небольшой комментарий к очерку С. Шевырева «Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы», напечатанному в первых двух номерах журнала «Москвитянин» за 1848 г. Данный словарь состоит из 217 единиц, выбранных С. Шевыревым главным образом из книги А. Герцена «Кто виноват?», а также из его ««Писем из Avenue Marigny» и из «Московских новостей» и «Современника» (1847, 1848 гг.). Эти единицы рассматриваются С. Шевыревым как примеры неправильностей, опасных «нововведений», искажающих русский язык. «Словарь» С. Шевырева хорошо известен, однако до сих пор он не являлся предметом специального изучения. В данной статье «Словарь» рассматривается в контексте споров о языковом строительстве, бурно протекавших в 1830–1840-е гг. на страницах периодических изданий. Одним из важнейших критериев размежевания противоборствующих сторон стало отношение к заимствованиям, а также семантическим и синтаксическим калькам с европейских языков (французского и немецкого). Большинство неправильностей, попавших в список С. Шевырева, являются заимствованиями или кальками. Насыщение текста подобными единицами воспринималось им как искажение «народного духа», затемнение смысла, которое наносит прямой вред языку. Между тем, сам Герцен объяснял, что «темнота» языка создается им намеренно, имея в виду, по-видимому, необходимость приспосабливать русский литературный язык к европейскому понятийному аппарату. «Словарь» С. Шевырева, несомненно, является ценным источником, позволяющим конкретизировать общие положения дискуссий о языке 1830–1840-х гг.

Ключевые слова: история русского литературного языка, языковое сознание, неологизмы, заимствования, кальки

В первых двух номерах журнала «Москвитянин» за 1848 г. был опубликован «Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы» С. Шевырева, возглавлявшего литературно-критический отдел журнала при редакторе и издателе «Москвитянина» М. П. Погодине. Этот словарь включает 217 единиц, так называемых «искандеризмов», слов и словосочетаний, почерпнутых из книги А. Герцена «Кто виноват?» и из его «Писем из Avenue Marigny», а также еще 9 «берлинизмов» и других «измов» — неправильных оборотов, извлеченных им из «Московских ведомостей» (1847, 1848) и «Современника» (1847). В качестве своеобразного эпиграфа автор берет цитату из повести Герцена: «Я не умею писать повестей», добавив к ней само название, как бы служащее ответной репликой: «Кто виноват?». Собранные С. Шевыревым употребления являлись, по его мнению, ошибочными. В предисловии к словарю С. Шевырев сформулировал свою лингвистическую позицию, предполагавшую, прежде всего, активную защиту русского языка от «незаконной контрабанды», от «нововведений», которые «позволяет себе всякое пишущее и печатающее лицо» [Шевырев 1848, 1: 55].

Для обоснования необходимости борьбы с неправильностями С. Шевырев ссылается на мнение М. В. Ломоносова, не признававшего «дикие и странные сло́ва нелепости». Данная цитата взята Шевыревым из сочинения М. В. Ломоносова «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», самой поздней его филологической работы. Обращение Ломоносова к церковным книгам, как известно, являлось следствием предпринимавшегося им языкового строительства, при этом он призывал к осмысленному использованию различных языковых единиц в соответствии со стилем и жанром (см. подробнее в: [Ломоносов 2011: 785–789]). В частности, Ломоносов полагал, что необходимо «разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога», а также «старательно» и «осторожно» употреблять «коренной славенский язык купно с российским», чтобы «отвратить» «дикие и странные слова нелепости входящие к нам из чужих языков» [Там же: 471]. Под «нелепостями» Ломоносов понимал, в частности, ошибки, которые допускались иностранцами, и которые, по его мнению, «вкрадывались» в язык «нечувствительно», искажая красоту языка

и подвергая его «перемене» и «упадку» [Там же]. В «Материалах к Грамматике» Ломоносов также протестует против калек и заимствований из европейских языков; ср.: «Худо нѣмцы говорятъ: онъ не пустилъ спать. Дай чай, воду» [Там же: 491]; «Нѣмцы говорятъ: свѣжіе салдаты, свѣжей хлѣбъ» [Там же: 494]; «Находятся взято с нѣмецкаго. Въ пять часовъ взято съ нѣмецкаго жь. Имѣю честь съ французскаго» [Там же: 499]. В «Материалах к Грамматике» Ломоносова находится также запись: «О злоупотребленіи и въведеніи иностранныхъ словъ. Языки не меньше разнятся свойствами, нежели словами» [Там же: 499], а в краткой записке «О переводах» содержится приписка, согласно которой обращение к иностранным языкам как ресурсу построения языка возможно лишь в определенный период его становления: «NB. Ныне принимать чужих не должно, чтобы не упасть в варварство, как латинскому. Прежде прием чужих полезен, после вреден» [Там же: 620][1]. В статье 1842 г. «Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная» Шевырев писал: «Ломоносов освободил язык русский из-под оков языка словено-церковного касательно его грамматики, но относительно выражения, относительно слога, подчинил народный язык языку словено-церковному. В этом заключается великий его подвиг» [Шевырев 1842: IX–X][2].

[1] Об отказе от заимствований в российской филологии 1750-х гг. см. подробнее в [Живов 1996: 296–298]. Ср. рассуждение М. Загоскина в книге очерков «Москва и москвичи» (1842–1850): «В старину, то есть во времена Петра Великого и вскоре после него, получше вашего умели коверкать русский язык. Теперь, благодаря успехам просвещения и развитию нашей словесности, все эти чужеземные слова, за исключением немногих, исчезли из русского языка; нынче никто не скажет, что он ходил стрелять из фузеи или что мы под Малым Ярославцем одержали над французами знаменитую викторию. Кто нынче будет уверять кого-нибудь в своем респекте и венерации? Кому придет в голову эстимоватъ отличный мерит своего друга, хвастаться своим рангом или сделать презент своей аманте? Кто в наше время назовет заставу — барьером, штык — байонетом и предвещанье — прогностиком? А все это, однако ж, было и, слава богу, прошло» [Загоскин 1988: 286].

[2] В. Даль в очерке «Полтора слова о русском языке», который был напечатан под псевдонимом В. Луганский, предлагает программу создания *среднего слога*, опираясь на простонародный язык, старинные рукописи и славянские языки [Даль 1842: 540]; похожую позицию занимает и Шевырев [Чапаева 2006: 114].

Шевырев, следуя существовавшей в XIX в. моде на термины естествознания, называет нововведения *уродами* или *монстрами*: «Как явление уродов в мире физическом свидетельствует нам о том, что не совсем справно состояние организма природы, когда они рождаются: так точно и уродование народного языка должно в свою очередь обнаруживать не совсем разумное и здоровое положение литературы» [Шевырев 1848, 1: 56]. Защита русского языка, по мысли Шевырева, имеет глубокую мотивацию, поскольку искажение языка приводит к искажению «народного смысла», охрана которого являлась, как он полагал, одной из задач критики.

Вопросы чистоты языка и истории языковой традиции входили в круг основных занятий Шевырева. В письме к А. В. Веневитинову из Италии, куда Шевырев отправился в качестве учителя молодого А. Н. Волконского, он писал: «Что я служу отечеству путем ученым — это решено» [Барсуков 1890: 74]. Поприщем служения отечеству Шевырев наряду с «театром» (сочинением пьес) называет «кафедру». Вернувшись в Россию, он начинает преподавать словесность в Московском университете, а в 1836–1837 г. читает курс русского языка и слога. О программе курса можно судить, в частности, по запискам Ф. И. Буслаева, поступившего на словесное отделение философского факультета Московского университета в 1834 г. Буслаев вспоминал, что Шевырев знакомил слушателей «с элементами книжной речи в языке церковнославянском и русском, отличая в нем народные или простонародные формы от принятых в разговоре образованного общества. С этой целью он читал и разбирал с нами выдержки из летописи Нестора по изданию Тимковского[3], из писателей XII века и из древнерусских стихотворений по изданиям Калайдовича[4], из «Истории» Карамзина, из произведений Ломоносова, Державина, Жуковского и особенно Пушкина. При этом он вдавался в разные подробности из книги Шишкова о старом и новом слоге, из заметок Пушкина о русском народном языке» [Буслаев 2003: 134]. В лекциях по истории

[3] Издание, подготовленное Р. Ф. Тимковским, было напечатано Обществом истории и древностей российских в 1824 г. под названием «Летопись Несторова, по древнейшему списку Мниха Лаврентия».

[4] Видимо, имеются в виду книги «Древние русские стихотворения» (М., два издания: 1814 и 1818 гг.) и «Памятники русской словесности XII века» (М., 1821).

русской литературы Шевырев пользовался собранием русских песен П. В. Киреевского, а кроме того, обращался к разного рода источникам, в том числе рукописным: «Он сам — писал Ф. И. Буслаев, — постепенно разрабатывал источники русской старины и народности по рукописям, старопечатным книгам, народным песням и преданиям» [Там же: 136]. Можно предположить, таким образом, что программа курсов Шевырева во многом базировалась на теории М. Ломоносова[5].

В 1830-е гг. Шевырев уже обращался и к проблеме «ужасного» в языке. В знаменитой статье «Словесность и торговля», опубликованной в первом номере «Московского наблюдателя» за 1835 г., Шевырев писал: «Мы, свежие и нетронутые, считаем себя пресыщенными и раздражаем свой язык, будто уже притупленный, ненужными приправами ужасного» [Шевырев 2010: 134]. Появление «ужасного» Шевырев объяснял, в частности, «литературной спекуляцией», «болтливостью слога» (наличием плеоназмов, «необделанных периодов», рядов синонимов), от которого книга «вздувается», словно «калач у пекаря», и который собственно и способствует распространению жанра романа. «Русское слово», как полагал критик, оказалось «обезображено безвкусием, усилиями поддельной оригинальности», тогда как в идеале русский язык должен стать «достойным языком ума» [Там же: 145].

Как хорошо известно, В. Г. Белинский в статье «Педант. Литературный тип», опубликованной в «Отечественных записках» за 1842 г. (т. XXI, № 3), карикатурно изобразил Шевырева в образе Лиодора Ипполитовича Картофелина, педанта нового типа, а именно — «педанта-романтика», учителя «российской словесности»: «я убежден от всей души, что никакое звание так не идет к педанту, как звание учителя «российской словесности». Да, эта «российская словесность» преимущественно сподручна для шарлатанов и педантов: в нее можно класть, что угодно, и оттуда можно вынимать какие угодно теории» [Белинский 6: 71]. В 1835 г. Н. В. Станкевич, сначала высоко оценивший добросовестность, ум и любовь к науке, позже писал: «Ш<евырев> обманул наши ожидания: он педант» [Станкевич 1857: 135].

---

[5] О программах лекционных курсов С. Шевырева см., например, в [Коровин 2024].

Белинский отчасти характеризует стиль «романтика-педанта»: «Я уверен, что мой педант слова не скажет в простоте, — всё с ужимкой: например, вместо того, чтоб сказать, что Петербург построен на ровном месте, он скажет, что ровная гладь подкатилась под огромные дома града Петрова...», при этом он отмечает и любовь педанта к многоточию: «С особенною ревностию писал он статьи о балах и маскарадах; в этих статьях видно было утомление от танцев, ибо за каждою фразою следовало по крайней мере три точки... Это так понравилось педанту, что он без точек после каждой своей фразы уж ничего не мог писать» [Белинский 6: 74]; об этой особенности стиля Шевырева см.: [Там же: 721][6]. Белинский полагал также, что впоследствии любовь педанта «к букве должна все больше и больше увеличиваться; ненависть и отвращение ко всему живому и разумному — также» [Там же: 75]. В рецензии на «Карманный словарь иностранных слов», который был подготовлен кружком петрашевцев и издан в 1845 г. артиллерийским штабс-капитаном Н. С. Кирилловым, служившим в Павловском кадетском корпусе, Белинский приписывал педантам ориентацию исключительно на книжные слова и борьбу с заимствованиями: «Нет ничего смешнее и нелепее книжных слов, столь любимых педантами. Пуристы боятся ненужного наводнения иностранных слов: опасение больше чем неосновательное!» [Белинский 9: 61]. В том случае, когда есть два слова («иностранное и родное»), по мысли Белинского, лучшим следует считать то, которое вернее выражает понятие, и судьей должно являться «народ, общество». «Общество не примет, — пишет Белинский, — например, *побудки* вместо *инстинкта* и *сверкальцев* вместо *алмазов* и *брильянтов.* Что такое *алмаз* или *брильянт*, — это знает всякий стекольщик, почти всякий мужик; но что такое *сверкальцы*, — этого не знает ни один русский человек... Нет ничего смешнее и нелепее книжных слов, столь любимых педантами» [Там же].

---

[6] Следует отметить, что многоточие (*знак пресекательный или многоточие*), по всей видимости, введено в 1831 г. А. Х. Востоковым в его «Русской грамматике», хотя, несомненно, использовалось и раньше, например, Н. Карамзиным. Востоков полагал, что данный знак ставится, когда «речь бывает прервана», например: «Мне надлежало идти... но я невольно остановился» [Востоков 1831: 159].

В предисловии к своему «Словарю» Шевырев определяет интересующие его обороты как «исчадия *бельлетристики*» и замечает, что не у всякого есть время не только замечать странности слога, но «даже и читать все это со вниманием» [Шевырев 1848, 1: 56]. Слово *бельлетристика*, выделенное курсивом и явно несущее отрицательную оценку, также указывает на внутреннюю полемику текста. Термин *беллетристика* получил распространение благодаря Белинскому, который последовательно начал использовать его начиная с 1840 г. Так, в 1841 г. Белинский, противопоставляя литературу и беллетристику, замечает, что беллетристика является «насущным хлебом большинства общества» и потому обращение к ней требует таланта [Белинский 5: 303]. Назначение *беллетристики* или *легкой литературы* Белинский видел в том, чтобы «занимать досуги большинства читающей публики и удовлетворять его потребности» [Белинский 1991: 6]. Именно беллетристика, по мысли Белинского, являлась «меркой богатства всякой литературы» [Белинский 9: 363], и образцом в этом отношении он признавал Францию. Слово *беллетристика* обсуждалось в 40-е годы; так, например, М. Н. Загоскин, выделив ряд новомодных слов (*тенденция, субстанция, цивилизация, гуманность, юмористика, меркантильная индустрия, ирритация* и *беллетристика*), писал: «Увидев в первый раз слово беллетристика, я и сам подумал, что это какая-нибудь новая наука, и очень жалел, что для этой науки — может быть, весьма полезной — придумали название, которое так странно и так неприятно звучит для русского уха. Разумеется, я не мог долго ошибаться и, порассмотрев внимательно эту незваную гостью, тотчас узнал в ней нашу старую знакомую, которую до сих пор звали изящной словесностью. Неужели, спросите вы, эта бесстыдница, мадам беллетристика, то же самое, что наша чинная барыня, изящная словесность? Жаль, Андрей Яковлевич, что вы не знаете иностранных языков, а то бы я попросил вас заглянуть во французский академический словарь, и вы увидели бы тогда, что слово «belles lettres», от которого состряпали беллетристику, значит все то же, что наше слово изящная словесность» [Загоскин 1988: 352][7].

[7] Ср. в «Карманном словаре иностранных слов» (1845–1846): «Французское слово, вполне заменяемое выражением *изящная литература.* Следовательно, сюда входят все произведения словесности, удовлетворяющие требованиям изящного» [Карманный словарь иностранных слов: 14bis]

Для Шевырева же беллетристика являлась порождением *торгового* направления в литературе, воплощением которого он считал журнал «Библиотека для чтения», издававшийся А. Ф. Смирдиным и И. О. Сенковским.

Герцен, писавший с 1836 г. под псевдонимом Искандер, являлся объектом критики Шевырева еще в его лекциях: «Иногда Шевырев на кафедре потешался над современным слогом Герцена и других, и это было для нас не бесполезно, ибо обращало наше внимание на правильность речи. Второе полугодие было все посвящено преподаванию церковно-славянского языка, что также было не бесполезно, хотя вовсе не соответствовало университетскому курсу» [Чичерин 1991: 38]. В статье «Очерки современной русской словесности» Шевырев писал об авторе, скрывшемся за псевдонимом Искандер, что он по имени «отуреченный», по слогу — «онемеченный славянин», имеющий притязания на «сочинение романов, на преобразование или лучше на извращение русского языка» [Шевырев 1848: 39][8].

Поэт М. А. Дмитриев в письме к М. П. Погодину горячо одобряет критику Шевырева: «С нетерпением буду ожидать его новых статей, его подвигов против Искандера. Это дело за религию и философию; не надобно только давать отдыхать оружию в правой войне за истину» [Барсуков 9: 389]. Критикуя «новую школу», Шевырев замечает, что характерная для нее «отвлеченность» от жизни особенно отражается на языке, «который еще никогда столько не страдал» от искажений [Шевырев 1848: 41]. Пародию на натуральную школу находим в водевиле П. А. Каратыгина, одним из действующих лиц которого является писатель «натуральной школы» Иван Вихляев. «Благодаря некоторым журналам, — говорит

[8] И в целом Шевырев выступал против того, чтобы автор прятал свое имя. В знаменитой статье «Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная», напечатанной в «Москвитянине», он называет Белинского «рыцарем без имени» и выступает против «собирательных лиц» и журнальных компаний, «образуемых набором перьев безымянных» [Шевырев 1842: V]. Выпад в сторону Белинского, который не подписывал свои статьи в «Отечественных записках» содержится также в пьесе П. А. Каратыгина «Натуральная школа» (1847 г.), один из героев которой говорит: «Я очень много пишу в журналах, только не подписываю. Это такой вздор, что не стоит» [Каратыгин 2014: 167].

он, — я набрался философско-немецкого духу и забросаю мадам такими словами, что она их и до завтра не раскусит» [Каратыгин 2014: 166]. Этот же герой так объясняет основные принципы литературной школы, которую он представляет: «Ее принцип и доктрина должны быть абсолютно социальные, ее новициат анализирует мелочные личности, ее реакции и филистерские воззрения заключаются в нормальной субстанции, а субъективность человечности замкнута в естественной непосредственности! Оно довольно понятно, когда только знаешь: в чем дело» [Там же: 168].

Герцен, со своей стороны, в 1842 г. в очерке «Москва и Петербург» насмешливо замечал: «В Москве издается один журнал да и тот «Москвитянин»» [Герцен 2: 393]; «В Москве есть круги литературные, бескорыстно проводящие время в том, чтобы всякий день доказывать друг другу какую-нибудь полезную мысль, например, что Запад гниет, а Русь цветет» [Там же][9]. Невысокого мнения был Герцен и о лекциях Шевырева: «Шевырев — первый профессор елоквенции после Тредьяковского; он читал в Москве публичные лекции о русской словесности, преимущественно того времени, когда ничего не писали, и его лекции были какою-то детскою песнею, петой чистым soprano, напоминающим папские дисканты в Риме» [Герцен 2: 404].

«Словесные сшибки»[10] вписывались в атмосферу эпохи, для которой в целом было характерно бесконечное размежевание на «своих» и «чужих». «Искания пошли, как известно, с двух противоположных точек, — писал П. В. Анненков, — и рано или поздно должны были привести исследователей в столкновение. Шум

[9] Известно, что именно Шевырев ввел в употребление понятие «гниющий Запад», «загнивающая Европа».

[10] П. А. Вяземский писал: «Много ума, много выстрелов его расточено было в этих словесных сшибках; но завоеваний, кажется, никаких не было ни с одной, ни с другой стороны. Но все же эти военные упражнения не остались совершенно бесплодными. Некоторые умы в них изощрились и окрепли; в самом обществе, не принимавшем в них постоянного и деятельного участия, отголоски этих прений отзывались, зарождали мимоходом в умах новые понятия и бросали в почву ежедневной жизни семена, отличающиеся от обыкновенного и общим порядком заведенного посева. Следовательно, польза была, но польза несколько отвлеченная: много сеялось, но мало пожиналось» [Вяземский 1984: 342]

первых их сшибок и составил содержание всей эпохи нашего развития, которая обозначается общим именем — эпохи сороковых годов» [Анненков 1983: 205]. В этом контексте особую актуальность получает понятие «наши». В ответ на критику Белинского в адрес выпусков издания «Наши, списанные с натуры русскими» (1841–1842 гг.), каждый из которых был посвящен описанию какого-либо «русского типа», Н. М. Языков сочинил стихотворение «К не нашим» (1844 г.), которое имело хождение во множестве списков. В нем, в частности, упоминается «Поклонник темных[11] книг и слов, / Восприниматель достослезный / Чужих суждений и грехов», под которым, возможно, имелся в виду Герцен [Языков 1934: 624]. Характерно, что Герцен называет XXX главу «Былого и дум» «Не наши», и пишет о Языкове: «В пьесе под заглавием «Не наши» он называл Чаадаева отступником от православия, Грановского — лжеучителем, растлевающим юношей, меня — слугой, носящим блестящую ливрею западной науки, и всех трех — изменниками отечеству. Конечно, он не называл нас по имени, — их добавляли чтецы, носившие с восхищением из залы в залу донос в стихах» [Герцен 9: 167].

Полемика слышна и в названии «Словаря» Шевырева, поскольку в качестве заголовка он, по собственному его признанию, взял слова самого автора. «Один наш знакомый составил весьма остроумное определение Искандеризмов словами самого же автора. Эта мозаика, очень забавная, совершенно в его же стиле, может служить достойным заголовком для нашего собрания» [Шевырев 1848 1: 57]. В заглавии оказывается маркированным слово *искандеризм,* которое растолковывается следующим образом: «очень ячные ненужности русского языка, взлелеянные на тухлом знании родного слова и мешающие господину Искандеру, вообще испорченному западным нововведением прыгнуть к нам с видом русского писателя».

Как показал Ю. С. Сорокин, в 30-е гг. XIX в. обращает на себя внимание распространение существительных с суффиксом *-изм*, в том числе образованных от собственных имен, в частности, в языке Белинского [Сорокин 1965: 256]. Для этого же периода

[11] Ср. в пьесе П. А. Каратыгина: «Многому ли вы научите с вашим темным западом?» [Каратыгин 2014: 164].

отмечается особенно активное образование существительных с суффиксом *-ость* [Там же: 188]. Слово *ненужность*, согласно НКРЯ, впервые фиксируется именно в произведениях Герцена; ср. употребление применительно к ненужным материальным объектам: «В числе этих *ненужностей* купила она десятка четыре модных книг»; «вышивать в пяльцах разные *ненужности*». Однако это слово встречается и у М. Е. Салтыкова-Щедрина, хотя в абстрактном смысле: «Тут на самом деле нет с моей стороны ни трусости, ни храбрости, а есть просто сознание невыносимой тяжести и даже *ненужности* жизни при известных условиях» (М. Е. Салтыков-Щедрин. Противоречия, 1847). По поводу прилагательного *ячный* Шевырев писал: «Ячный по-русски говорится также, как овсяной, просяной, грешневой, — ржаной. Если же от местоимения личнаго я произвести ячный и ячность, то от чего же от множ. мы не произвести мычность, мычный?» [Шевырев 1848: 66][12]. Что же касается слова *ячность,* то оно употреблялось в философских кружках 1830–1840-х гг. наряду с существительными *самость* и *особость* [Сорокин 1965: 203]; ср. еще примеры существительных на *-ость* из списка Шевырева: *запущенность, чуждость, несбыточность, неразвитость, требовательность, надтельность, распущенность, смуглость, вальяжность, деликатность, необдуманность, возможность, разметистость*[13].

---

[12] Ср. замечание Белинского в письме к В. П. Боткину (1847): «Он употребляет в повести семинарственно-гнусное слово *ячность* (эгоизм т. е.)» [Виноградов 1994: 889]. Слово *ячность* использовал в оде «Совесть» (1796) поэт Н. П. Николев [Поэты XVIII в.: 57]. И Шевыреву и Белинскому не понравилось также использование выражения *довлеть себе* (‘быть довольным’; ср. *самодовольный*) во фразе «Беда тому, кто не умеет сам себе довлеть» [Виноградов 1994: 889].

[13] По поводу этого слова Шевырев пишет: «Это слово, изобретенное г. Искандером, в этом самом падеже [твор.] можно употреблять вместо зубочистки». Вероятно, это замечание отсылает к тексту О. И. Сенковского: «Немецкий язык, которым германцы говорят на лицевой стороне земного шара, потому только неудобопонятен, что они говорят им лицевою стороною; а выверни его наизнанку, то есть послушай его наоборот, он выходит тот же русский язык, ясный, приятный, сочный, только без грамматики, потому что он уже процежен сквозь немецкие зубы, в которых вязнут все наши окончания, так, что они принуждены добывать их оттуда *зубочисткою* [О. И. Сенковский. Сентиментальное путешествие на гору Этну, 1833, НКРЯ].

Следующая часть определения стиля Искандера («взлелеянные на тухлом знании родного слова») является переделкой фрагмента из романа «Кто виноват?»: «[Комната] время от времени наполнялась запахом подожженного масла, который, переплетаясь с постоянной табачной атмосферой, составлял нечто такое, что могло бы произвесть тошноту у иного эскимоса, взлелеянного на тухлой рыбе». Прилагательное *тухлый* входит в узус в конце XVIII в., применяясь к продуктам, в том числе и к рыбе; по всей видимости, Шевырева шокировало соположение этого слова с «высоким» глаголом *взлелеять* в значении ‘вскормить’. Слово *нововведение*, указывающее на неправильность слова или оборота, широко использовал А. С. Шишков; ср. критику О. Сенковского со стороны Н. А. Полевого: «Он портит русский язык своими *нововведениями*, вовсе не умея писать по-русски» [Н. А. Полевой. Письма (1824–1845), НКРЯ]. Наконец, последняя часть («прыгнуть к нам с видом Русскаго писателя») соотносится с описанием старой и молодой графинь, которые выходили из кареты: «Из допотопной кареты [...] вытаскивали два лакея старую графиню с видом вороны в чепчике и мешали выпрыгнуть молодой графине с видом центифольной розы». Выражение *иметь вид* (*кого-л., чего-л.*), с видом (*кого-л., чего-л.*), кальки с французского *avoir l'air de, avec l'air de,* достаточно часто встречается у Герцена; ср., например, еще из цитирующегося Шевыревым: «Он был с бамбуковой палкой в руках и с видом решительного провинциала».

Шевырев отмечает еще целый ряд калек в языке Герцена: «Графиня приказала племяннице одеться *повнимательнее*» (фр. *soigneusement, avec soin*); «Он унаследовал от отца *удачу*» (фр. *fortune* в значении ‘судьба’); «девушкой она бежала *в самое себя*» (фр. *dedans de soi-même*); «*судорожная* любовь к сыну» (фр. *convulsif*), «рассказывать *направо и налево*» (фр. *à droite et à gauche*); «*раздражение* мозга», «*раздражение* чувств» (фр. *exitation*); «Он *был потерян* в первый день приезда» (фр. *il était perdu*); «*симпатично* улыбаясь мужу» (фр. *avec sympathie, sympathiquement*); «Она уверяла, что *в* ея родине у них был виноградник» (фр. *dans*; Шевырев пишет: «вместо *на* ея родине»); «*тощие* средства» (фр. *maigres moyens*); «проезжать вагоном *с конца на конец*» (вместо *из конца в конец*; по всей вероятности, под влиянием фр. *d'un côté à l'autre*); «Ея Лиза будет всегда *стерта* благородной наружностью Любоньки» (фр. *effacer*);

«двоюродная сестра, *оседлая* и довольно богатая» (фр. *sédentaire* ‘домосед’); «*вымороженное* сердце» (фр. *coeur gélé*).

В «Словарь» Шевырева попали также некоторые новые заимствования из французского, например: «восемь лет *номадной* жизни» (фр. *nomade*); «Человек везде может *оклиматиться*» (фр. *acclimater*)[14]; «*драпри* скатерти» (фр. *draperie*); «Кто испытал на себе ряд ничтожных, нечистых *аваний*» (фр. *avanie* ‘публичный позор’); «Хозяйство не было *монтировано*» (фр. *monter son ménage*). По поводу слова *сак* Шевырев замечает: «Саком ловят у нас раков, а здесь, вероятно, разумеется, французский sac, т. е. мешок».

Шевырев критикует и отдельные синтаксические особенности языка Герцена: он исправляет конструкцию *шпынять над* (кем-л.), встречающуюся, согласно НКРЯ, у Фонвизина, на конструкцию *шпынять* (*кого*). Отмечает Шевырев и семантические рассогласования, например, *зарыдать в три ручья* (вероятно, вместо (*лить*) *слезы в три ручья*). Он также не считает возможным использовать глагол *дрягать*, вероятно, в силу стилистической отмеченности, («Амур, дрягавший ногами и крыльями») и деепричастий прошедшего времени от глаголов несовершенного вида («Она, хохотав и вязав чулок, жила себе беззаботно»).

Критику «Москвитянина» подхватывает Ф. Булагарин на страницах журнала «Северная пчела». В фельетоне, напечатанном 17 июля 1848 г. (№ 158), он пишет: «Можно ли быть народным писателем, не только не зная языка, но еще искажая умышленно его дух неправильным складом речи, галлицизмами и германизмами, и вводя в язык исковерканные чужеземные слова?». Писатель, по мнению Булгарина, «обязан очищать язык от чужеземных примесей, а не заглушать его чужеземщиною, как заглушают ниву нечистыми семенами».

Вместе с тем, на непонятность языка Герцена обращал внимание и Белинский. Он писал по поводу «Писем об изучении природы», философского сочинения, написанного Герценым в 1844–1845 гг. и опубликованного затем в «Отечественных записках»,

[14] Ср. также в «Былом и думах»: «В ней [семье] я больше оклиматился в две недели, чем в родительском ломе с самого дня рождения» [Герцен 8: 115] или в «Постскриптуме к статье о новых книгах»: «Железные дороги должны еще очень оклиматиться в России» [Герцен 13: 108].

что язык этого сочинения является «отвлеченным, почти тарабарским», доступным лишь тому, кто имеет за собой «десяток несчастных лет колобродства по немецкой философии» [Анненков 1983: 267]. Откликаясь на упреки в непонятности языка, Герцен записал в «Дневнике»: «Упрекают мои статьи в темноте, — несправедливо, они намеренно затемнены» [Герцен 2: 390]. Таким образом, «темнота» языка, являвшаяся объектом критики, была для Герцена особым приемом, средством создания нового языка литературы, нуждавшегося в обогащении за счет освоения европейского языкового опыта.

История критики С. Шевыревым ранней прозы А. Герцена должна, несомненно, помещаться в более широкий контекст многоголосия эпохи 1840-х гг. и прочитываться как одна из главок истории споров о построении русского литературного языка, происходившей в 1830–1840-е гг.

Литература

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М.: Художественная литература, 1983.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина в 22-х тт. Кн. 3. СПб: Погодин и Стасюлевич, 1890.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Белинский В. Г. Вступление // Физиология Петербурга. М.: Наука, 1991.

Буслаев Ф. И. Мои досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления. М.: Русская книга, 2003.

Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994.

Востоков А. Х. Сокращенная русская грамматика. СПб.: В типографии департамента народного просвещения, 1831.

Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984.

Герцен А. И. Собрание сочинений в 30-ти томах. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954–1966.

Даль В. Полтора слова о русском языке // Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 2. С. 532–556.

Дементьев А. Г. Грановский и Шевырев // Ученые записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. № 46. Вып. 3. Л., 1939. С. 321–354.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Загоскин М. Н. Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Бельского, издаваемые М. Н. Загоскиным. М.: Московский рабочий, 1988.

Каратыгин П. А. Комедии и водевили. СПб.: Чистый лист, 2014.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, издаваемых Н. Кирилловым. СПб.: Типография Губернского правления, 1845.

Коровин В. Л. С. П. Шевырев — историк древней и новой русской литературы // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 5. С. 9–19.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758). М., СПб: Наука, 2011.

Поэты XVIII века. Т. 2. Ленинград: Советский писатель, 1972.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX в. М., Ленинград: Наука. 1965.

Станкевич Н. В. Переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым. Москва: В типографии Каткова и К°, 1857.

Чапаева Л. Г. Синтетизм лингвистической концепции С. П. Шевырева // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 3. С. 112–115.

Чичерин Б. Н. Воспоминания / Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. Составление, общая редакция и предисловие С. Л. Чернова. М.: Издательство Московского университета, 1991.

Шевырев С. Н. Взгляд на современное направление русской литературы. Сторона черная // Москвитянин. 1842. № 1. С. I–XXXII.

Шевырев С. Н. Словарь солецизмов, варваризмов и всяких измов современной русской литературы. Продолжение словаря различных измов // Москвитянин. 1848. № 1–2. С. 56–67; 218–222.

Шевырев С. Н. Очерки современной русской словесности // Москвитянин. 1848. № 1. С. 30–55.

Шевырев С. Н. Избранные труды. Сост. К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянц. М.: Политическая энциклопедия, 2010.

Языков Н. М. Полное собрание стихотворений / Ред. М. К. Азадовского. М., Ленинград: Academia, 1934.

А. Н. Байкулова, А. В. Дегальцева
Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
allabay15@mail.ru, deganna@mail.ru

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ВИНОКУР И САРАТОВСКИЕ ЛИНГВИСТЫ: СОЗВУЧЬЕ НАПРАВЛЕНИЙ И ИДЕЙ

В статье раскрывается личность выдающегося лингвиста, популяризатора науки Татьяны Григорьевны Винокур, изложены размышления авторов о том, как соприкасались проблемы, над решением которых работали лингвисты Саратовского университета имени Н. Г. Чернышевского и сотрудники Института русского языка имени В. В. Виноградова, в частности Т. Г. Винокур. Многие идеи Татьяны Григорьевны были подхвачены и развиты саратовскими лингвистами в их работах. В статье даны фрагменты воспоминаний старейшего представителя Саратовского университета О. Б. Сиротининой, которой в 2024 году исполнился 101 год, о совместной работе саратовских лингвистов над книгой «Развитие функциональных стилей современного русского языка».

Ключевые слова: Татьяна Григорьевна Винокур, Саратовская лингвистическая школа, разговорная речь, художественная речь, стилистика, культура речи

Татьяна Григорьевна Винокур — видный представитель Московской лингвистической школы, автор работ по коммуникативистике ([Винокур 1993а, 1993б)], стилистике ([Винокур 1955, 1968б, 1968а, 1980, 1984]), истории языка ([Винокур 2011]). В фокусе ее внимания находились актуальные проблемы изучения разговорной и художественной речи, речевой культуры носителей русского языка, их речевого поведения и др.

В начале 90-х годов XX в. Татьяна Григорьевна выступила как блестящий популяризатор науки: радиослушатели всей страны, в том числе и саратовцы, с нетерпением ждали ее великолепные «Беседы о русском языке» на «Радио России», где обсуждались важнейшие проблемы культуры речи, речевого этикета. Т. Г. Винокур

сформулировала десять заповедей речевого поведения, среди которых, например, такие: «умей не только говорить, но и слушать», «умей находить общий язык с любым собеседником», «ищи образцовую речь, ищи свой идеал культуры речевого поведения», «в разной ситуации тебя слушают разные люди <...> в разной обстановке нужно себя вести по-разному и говорить по-разному» и др. [Винокур 2009: 50–63]. В связи с этим отметим, что и на саратовском радио сформировалась традиция рассказывать о русском языке: с начала 70-х годов XX в. это была передача «В пятницу вечером после шести», а с 1991 г. в эфире «Радио России» (ГТРК «Саратов») стала выходить передача «Слово за слово». Ее автором и ведущим была журналист И. В. Прозорова, а в качестве эксперта выступала профессор Г. Г. Полищук со своими учениками, затем эстафету подхватила ученица Галины Георгиевны — доцент Г. С. Куликова. Такая популяризаторская деятельность была, безусловно, созвучием помыслов московских и саратовских лингвистов, в ее основе — любовь к родному языку, беспокойство о его судьбе и желание рассказать о нем так увлекательно, как никто другой.

Идеи, высказанные Т. Г. Винокур, во многом созвучны идеям Саратовской лингвистической школы изучения реального функционирования русского языка, основанной и возглавляемой профессором О. Б. Сиротининой. Труды Т. Г. Винокур не только упоминались и цитировались саратовскими учеными, но и становились основой их лингвистических концепций. Так, например, работы, посвященные изучению художественной речи и коммуникативистике ([Винокур 1955, 1968а, 1968б, 1993а, 1993б и др.]), неоднократно упоминались в диссертациях, статьях и монографиях саратовских ученых (см., напр., [Байкулова 2014; Бердникова 2008; Дементьев 2010; Иванчук 2005; Куликова, Милехина, Полищук 1993; Полищук 2011; Седов, Горелов 2001; Седов 2011; Сиротинина 1968, 1983; Словоупотребление и стиль М. Горького...; Хорошая речь 2001] и мн. др.).

Татьяна Григорьевна Винокур очень внимательно относилась ко всему новому и интересному, что происходило в научной жизни страны. Очевидно, поэтому она стала инициатором плодотворного сотрудничества московских и саратовских лингвистов. Например, в 1967 году от нее поступило предложение написать раздел для книги «Развитие функциональных стилей современного русского

языка» [Винокур 1968а]. О. Б. Сиротинина так вспоминает об этом в своих мемуарах: «В шестьдесят седьмом году была годовщина — пятидесятилетие Октябрьской революции, и к этой дате шла очень массивная подготовка, в том числе и научная. В Институте русского языка огромный коллектив работал над темой, которая называлась “Русский язык и советское общество”. <...> В один прекрасный день мы получили предложение от Татьяны Григорьевны Винокур сделать работу по одному из стилей — публицистическому — для “Развития функциональных стилей русского языка”, поскольку стали известны наши коллективные работы (имеются в виду работы саратовских лингвистов — *прим. А. Б., А. Д.*) по стилям» [Сиротинина 2022: 162–163].

Результатом научного сотрудничества стал раздел «Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики», написанный О. Б. Сиротининой [Сиротинина 1968]. В сборе и анализе материала, наряду с О. Б. Сиротининой, принимали участие саратовские лингвисты С. А. Бах, В. А. Богданова, И. П. Глотова, М. В. Глушкова, Н. А. Кирсанова, Э. М. Ножкина, Г. Г. Полищук, Э. А. Клочкова (Столярова). Сама Татьяна Григорьевна выступила соредактором сборника и написала для него программные разделы «Развитие функциональных стилей русского языка советской эпохи» и «Стилистическое развитие современной русской разговорной речи», которые неоднократно цитировались лингвистами Саратовского университета.

Так, О. Б. Сиротинина в своем известном пособии «Русская разговорная речь» отмечала: «Примеры, приведенные современным исследователем стилистики русского языка Т. Г. Винокур в статье “Стилистическое развитие современной русской разговорной речи”, достаточно убедительно говорят о том, сколь чуждыми элементами в разговорной речи являются сугубо книжные слова и обороты, сколь нарушают они стиль, принятый говорящими, делают речь искусственной» [Сиротинина 1983: 32].

В монографии «Закономерности стилистического использования языковых единиц» Т. Г. Винокур рассмотрела отдельную область лингвостилистики — современный стилистический узус в русском языке. В основу книги была положена новаторская концепция рассмотрения стилистики в коммуникативно-прагматическом аспекте.

Т. Г. Винокур обращалась к живой речи, изучала факты реального функционирования языка в разных сферах и ситуациях общения. В одной из радиобесед о русском языке Татьяна Григорьевна, рассуждая о речевом поведении коммуникантов, сказала: «Потом еще вот разговоры с животными. Вы знаете их специфику? Это ведь очень интересно. Разговор с животным, живым, но бессловесным, однако понимающим тебя существом» [Винокур 2009: 56]. Мысль о необходимости исследовать общение человека и животного нашла отражение в трудах профессора Калужского государственного университета О. П. Ермаковой, которая активно сотрудничала с Институтом русского языка имени В. В. Виноградова [Ермакова 1988, 1998], и была воплощена в ряде работ саратовских лингвистов, см. [Сиротинина 1999; Байкулова 2008].

Предметом пристального внимания Т. Г. Винокур была разговорная речь: большое внимание уделялось узуальным нормам и окказиональным речевым образованиям. Татьяна Григорьевна писала: «Отношение человека к выразительным возможностям языка, которым он пользуется как средством общения, определяет языково-стилистический отбор высказывания. Следовательно, стилистический узус данного языка данной эпохи непосредственно обращен к экстралингвистическим факторам» и опирается на речевую деятельность, «поэтому стилистический узус характеризуется допуском индивидуальных отклонений как нормой речевого поведения» [Винокур 1980: 236].

Такой подход к стилистике речи разделяют и представители Саратовской лингвистической школы, принципами которой являются индуктивное построение гипотез на основе количественного анализа конкретных речевых фактов, внимание к реализации системы русского языка «в действии» и учет влияния экстралингвистических факторов на коммуникацию, изучение функционирования русского языка в разных сферах (в обиходно-бытовой, научной, художественной, деловой, медийной, а также в интернет-коммуникации) и средах общения: в речи актеров, предпринимателей, писателей, молодежи и т. д. [Кормилицына, Сиротинина 2016]. Именно поэтому работы Т. Г. Винокур нашли благодарный отклик в работах многих саратовских лингвистов.

В книге «Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения» Т. Г. Винокур, как проницательный исследователь, показывает, что носители языка в разных сферах и ситуациях общения

демонстрируют различные типы речевого поведения. Человек метафорически уподобляется ею «полифонической структуре, в которой звучат отголоски всех его речевых ролей как выразителя психологического типа, социальной группы, языкового коллектива» [Винокур 1993а: 68]. Речевое поведение говорящего рассматривается как мера проявления индивидуального языкового употребления в определенных коммуникативных условиях [Винокур 1993а].

Функциональные варианты речевого поведения, по Т. Г. Винокур, предопределяются экстралингвистическими факторами, в основе которых лежат социальные и психологические установки участников общения. Речевое поведение говорящего отражает его «готовность или способность к личному присвоению, ‘переживанию’ общих» для языкового коллектива «семиотических ценностей в той степени, в какой этого требуют условия общения» [Винокур 1993а: 160]. Этот подход Т. Г. Винокур к изучению речевого поведения личности в разных сферах и средах общения нашел отражение в ряде работ представителей саратовской лингвистической школы, например, в статье Г. С. Куликовой «О влиянии профессии на речь актеров» [Куликова 1998], исследовании Т. А. Милехиной «Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур)» [Милехина 2006], монографиях А. Н. Байкуловой «Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование» и «Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан» [Байкулова 2012, 2014].

Большой вклад в коммуникативистику внесли идеи Т. Г. Винокур о дихотомическом разграничении информативной и фатической интенций говорящего, по сути — о противопоставлении сообщения общению (в виноградовском понимании [Виноградов 1963]). По мнению ученого, «именно фатическая речь выражает человека как языковую личность, хотя и в неофициальном, но в творческом ракурсе, имеющем аксиологическую ценность» [Винокур 1993б: 11]. В фатической коммуникации адресант получает «право использовать весь диапазон коммуникативных ролей-функций» [Винокур 1993а: 138].

Значимость этой концепции для изучения теории коммуникации и генристики отмечают саратовские жанроведы: идеи, высказанные Т. Г. Винокур о фатическом общении, «представляют большую теоретическую и практическую значимость», поскольку

«стали завершением долгой дискуссии о сущности фатической коммуникации», ведь «в глобальном понятии “фатики”, вводимом Т. Г. Винокур, наиболее удачно объединяются “линия Малиновского” и “линия Якобсона”» [Балашова, Дементьев 2022: 142–143].

Саратовские лингвисты, которые знали Татьяну Григорьевну Винокур, сотрудничали с ней, говорят о том, что она была очень тонким исследователем, чрезвычайно эрудированным, обладающим широтой научных интересов. Ее голос не забыт, а книги находятся на «золотой полке» кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного СГУ и до сих пор не теряют своей актуальности. Их перечитывают и открывают для себя что-то новое уже состоявшиеся лингвисты, а молодое поколение ученых постигает «закономерности стилистического использования языковых единиц», суть многих стилистических понятий, особенности речевого поведения говорящего и слушающего.

Литература

Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.

Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: роль в нем животных, растений и предметов вещного мирам // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2008.Том 8. Серия Филология. Журналистика. Вып. 2. Изд-во Сарат. ун-та, 2008. С. 14–20.

Байкулова А. Н. Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Издат. центр «Наука», 2012.

Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. Саратов: Издат. центр «Наука», 2014.

Бердникова Т. В. Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Винокур Т. Г. Развитие функциональных стилей русского языка советской эпохи // Развитие функциональных стилей современного русского языка / под ред. Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1968а. С. 3–11.

Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного

русского языка / под ред. Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1968б. С. 12–100.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993а.

Винокур Т. Г. Древнерусский язык: учеб. пособ. для государственных университетов СССР. 4-е изд. М.: URSS, 2011.

Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993б. С. 5–29.

Винокур Т. Г. Воспроизведение особенностей разговорной речи в художественном тексте (к построению типологии приема) // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях: межвуз. сб. науч. тр. / гл. ред. М. Н. Кожина. Пермь: ПГУ, 1984. С. 31–46.

Винокур Т. Г. Десять заповедей культуры речевого поведения // Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 50–63.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980.

Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи // Исследования по грамматике современного русского литературного языка: сб. ст. / отв. ред. Н. С. Поспелов, Н. Ю. Шведова. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 342–355.

Винокур Т. Г. О языке современной драматургии // Языковые процессы современной русской художественной речи: проза / под ред. А. И. Горшкова, А. Д. Григорьевой. М.: Наука, 1977. С. 130–197.

Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук: сб. ст. / отв. ред. И. Т. Фролов. М.: Наука, 1989. С. 361–369.

Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры. М.: Издательский Дом ЯСК, 2022.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.

Ермакова О. П. Разговоры с животными (лингво-психологические заметки) // Разновидности городской устной речи М.: Наука, 1988. С. 240–247.

Ермакова О. П. Речевой портрет собаки // Лики языка (к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской). М.: Наследие, 1998. С. 94–104.

Иванчук И. А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2005.

Куликова Г. С., Милехина Т. А., Полищук Г. Г. Художественный стиль // Функциональные стили и формы речи / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. С. 99–136.

Кормилицына М. А., Сиротинина О. Б. Саратовская лингвистическая школа «Изучение функционирования русского языка» // Медиалингвистика. 2016. № 4. С. 7–14.

Куликова Г. С. О влиянии профессии на речь актеров // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. Вып. 27: Человек и текст. С. 103–109.

Милехина Т. А. Российские предприниматели и их речь (образ, концепты, типы речевых культур) / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006.

Полищук Г. Г. Необходимые и факультативные определения в русском языке: коммуникативная и конструктивная роль. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011.

Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011.

Седов К. Ф., Горелов И. Н. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001.

Сиротинина О. Б. Жизнь вопреки, или я счастливый человек: Воспоминания / Запись и подгот. текста, предисл., справ. аппарат О. В. Мякшевой; Хронологический указатель трудов О. Б. Сиротининой — Т. Н. Сиротининой, А. В. Дегальцевой / под ред. О. В. Мякшевой, А. Н. Байкуловой. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Амирит, 2022.

Сиротинина О. Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка / под ред. Т. Г. Винокур, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1968. С. 101–125.

Сиротинина О. Б. Речевой портрет собаки: иллюзия или реальность? // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28. С. 167–174.

Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983.

Словоупотребление и стиль М. Горького. Описание семантико-стилистической системы писателя, сопоставительная характеристика стиля, принципы Словаря М. Горького: сб. ст. / отв. ред. М. Б. Борисова. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982.

Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во СГУ, 2001.

Е. Н. Басовская
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
jeni_ba@mail.ru

ПИШУЩИЙ И ЧИТАЮЩИЙ. ВАРИАНТЫ РЕЧЕВОГО НЕСОВПАДЕНИЯ

В статье рассматривается специфика конфликтного речевого взаимодействия между авторами статей научно-популярного блога и читателями, негативно оценивающими опубликованный материал с точки зрения содержания и языковой формы. На примере дзен-канала «Популярная наука» отмечается несовпадение стилистики статей и сопровождающих их комментариев. Определяется несколько вариантов критики блога: замечания, связанные с фактологическими неточностями; общее несогласие с содержанием статьи; претензии к языку и стилю публикации. Подчеркивается особая значимость иронии как формы демонстрации коммуникативного превосходства пишущего. Выявляются две основные тактики, используемые в негативных комментариях: снижение стиля, достигаемое применением разговорных, просторечных, жаргонных речевых средств (образ агрессивного плебея), и повышение стиля, основанное на употреблении сложных терминов и упоминании необщеизвестных имен (образ снисходительного эксперта). В обоих случаях комментатор настроен на ниспровержение авторитета автора, захват доминирующего положения в коммуникации. Делается вывод о ярком отражении в макротексте научно-популярного интернет-канала важнейших черт современной коммуникации, соединяющей в себе досетевые традиции и новейшие тенденции, обусловленные тотальной цифровизацией.

Ключевые слова: блог, интернет-комментарий, популяризация науки, ирония, коммуникативно-стилистический диссонанс

Название книги Т. Г. Винокур «Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения» [Винокур 1993], простое и удивительно точное, не может не будить творческую мысль. В начале 1990-х, когда была впервые опубликована эта монография,

особое внимание исследователей закономерно привлекало устное общение, запечатлевшее в себе многие черты эпохи: спонтанность, раскованность, пренебрежение правилами, поиск новых выразительных форм.

С тех пор прошло более 30 лет. Изменились и социальная реальность, и, как теперь модно говорить, коммуникативное пространство. С развитием цифровых технологий на первый план вновь выдвинулась письменная речь. Человека с вечным телефоном у уха сменил человек с экраном смартфона перед глазами. И наверное, если бы Т. Г. Винокур занималась изучением русского языка 2020-х гг., она добавила бы много важного и интересного не только о говорящем и слушающем, но и о пишущем и читающем. Их сложным, порой драматическим взаимоотношениям посвящена эта статья.

Многих специалистов, занимающихся сегодня вопросами речевого общения, интересует относительно недавно возникший и стремительно развивающийся жанр блога. Исследователи отмечают такие его черты, как семиотическая и прагматическая неоднородность [Баженова, Иванова 2012], использование авторами различных коммуникативных стратегий [Горшкова 2013], диалогическая природа, интертекстуальный характер [Агафонова 2016], постепенная тематическая и стилистическая дифференциация [Кочеткова 2016].

Параллельно с изучением дискурса блогосферы ведутся исследования такого аспекта интернет-коммуникации, как сетевой комментарий [Карасик 2019; Кирилина 2015; Стексова 2014; Топчий 2020; Шилихина 2018; Щипицина 2015 и др.]. Авторы одной из новейших публикаций отмечают, что интернет-комментарий «является гибридным жанром виртуальной коммуникации, сочетающим, с одной стороны, характеристики традиционного жанра комментария и, с другой стороны, характеристики других интернет-жанров» [Ким, Рольгайзер 2024: 293]. К числу особых признаков сетевого комментария, «обусловленных виртуальной коммуникативной средой» [Ким, Рольгайзер 2024: 287], следует отнести интерактивность, возможность быстрого возникновения и длительного поддержания диалога между автором исходного текста и комментаторами, реагирующими не только на инициальное

произведение, но и на реплики других участников обсуждения; см., например, [Басовская 2020].

Перспективный подход к анализу одного из важнейших аспектов сетевой коммуникации намечен Н. Н. Кислицыной и М. В. Норецем, рассматривающими совокупность публикации в блоге и сопровождающих ее комментариев как макротекст [Кислицына, Норец 2024: 72]. Точным и значимым для дальнейших изысканий в области интернет-коммуникации представляется следующее наблюдение данных специалистов: в случае негативной оценки комментатором текста блога «наблюдается не только несовпадение мировоззренческих позиций актантов, но и лексико-стилистическое “расхождение” их регистров или коммуникативный диссонанс» [Кислицына, Норец 2024: 81]. В нашу задачу входит более детальное, чем в процитированной выше статье, рассмотрение природы и формы такого диссонанса.

Коммуникативно-стилистическое несовпадение характерно для макротекста блогов различной тематики. Один из типичных примеров такого рода — критическое комментирование читателями блогов научно-популярной направленности. Требовательное, а порой и открыто нетерпимое отношение части аудитории к блогам популяризаторов во многом определяется изначальной дидактической ролевой моделью автора. Он выступает с позиций большего знания, использует особые речевые тактики: самопрезентации специалиста, объяснения, убеждения, а также нередко — опровержения положений, с которыми не согласен. По точному наблюдению О. А. Шутовой, «адресант научно-популярного дискурса — это тот, кто выше по социальному статусу, мудрее, опытнее: руководитель, наставник, т. е. “учитель”... Продуцент НПД — автор, “хозяин”, тот, кому есть что сказать (потому что он личность и профессионал), и тот, кто умеет это сделать (потому что он обладает профессиональной компетентностью)» [Шутова 2017: 189]. Соответственно, представитель аудитории априори ставится в положение «младшего», предполагается, что он будет благодарным реципиентом отправляемых популяризатором сообщений.

Подобный коммуникативный дисбаланс провоцирует некоторых читателей научно-популярных блогов не только на дискуссию

по существу обсуждаемого вопроса, но и на ниспровержение авторитета блогера, необоснованно, по мнению оппонента, присвоившего право коммуникативного доминирования. Тотальный характер неудовольствия читателя и его противостояния автору публикации предполагает резкую критику как содержания, так и формы, в том числе — вербальных характеристик текста.

Рассмотрим случаи проявления данного коммуникативно-речевого конфликта в комментариях к блогу «Популярная наука» на платформе Яндекс Дзен (578 300 подписчиков на 9 октября 2024 г.)[1]. Заметим предварительно, что сами статьи, публикуемые на данном канале, выдержаны в целом в традиционной научно-популярной стилистике [Кириченко 2003]: авторы остаются в рамках литературного языка, преобладает ровная, объективная манера изложения с отдельными экспрессивными вкраплениями (*История далекого прошлого всегда конструируется по крупицам.* ***Уж*** *очень мало информации дошло до нас с древних времен (а объективной —* ***еще меньше!)***; синтаксис простой; периодически используются риторические приемы (*Но что же является основной причиной того, что под землю уходили целые поселения? Проблема, по словам ученых, заключается в накоплении культурного слоя*). Речевое оформление блога полностью соответствует принципам, сформулированным Т. Г. Винокур: «Найти общий язык с массовым адресатом — значит проявить готовность к использованию стандарта, выработанного для достижения целей, объединяющих ту или иную из разновидностей существенно значимых речевых сфер» [Винокур 1993: 63. Подчеркнуто нами. — *Евг. Б.*].

Однако макротекст «статья + комментарии» демонстрирует иные коммуникативные принципы и другую стилевую стратификацию. Если положительные отзывы выдержаны преимущественно в том же нейтральном тоне, что и статья (*Очень интересно; Спасибо авторам* и т. п.), то негативные отличает значительно большее стилистическое разнообразие. Здесь возникает система взаимоотношений, которую Т. Г. Винокур применительно к устной речи характеризовала как «антиномию говорящего и слушающего». По мысли исследователя, это «часто приводит к конфликту

[1] Популярная наука. Режим доступа: https://dzen.ru/nauka (дата обращения 11.10.2024). В статье рассматриваются публикации 2024 г.

в информативно-коммуникативном и в стилистическом отношении» [Винокур 1993: 83].

С точки зрения содержания неодобрительные отзывы о статье могут быть разделены на три группы. Авторы первых предъявляют блогерам **конкретные фактологические претензии**, оформляемые как **прямое высказывание**. Большую часть конкретных замечаний, касающихся затронутых в материале фактов, отличает категоричность, но стилистически они преимущественно нейтральны: *Дракул в переводе с румынского означает чёрт, а не дракон*; *На фотографии не комбат, а политрук; Вы уж извините, но 15 тыс. лет назад России не было*... и т. п. Лишь в отдельных случаях блогера поправляют в презрительной, псевдоуважительной манере, которая проявляется в использовании диминутивов и этикетных формул вежливости: ***Ошибочка** у Вас: битва при Кадеше случилась не при сыне Рамсеса I (Сети I), а при внуке — Рамсесе II*; *Автор, у вас **ошибочка**. Бурденко Николай Нилович происходит из семьи священника. **Потрудитесь узнать** о происхождении того или иного великого ученого из надежных источников.*

Второй, **иронический вариант фактологической критики** представляет собой косвенное высказывание. Широко применяется имитация уточняющего вопроса и вопросно-ответный ход, посредством которого комментатор подчеркивает ошибочные, алогичные и просто абсурдные, на его взгляд, стороны авторского сообщения: *Дочитал до зайца с нераздвоенными копытами. Это **что за живность такая?***; ***Красные глаза?** Лет тридцать назад я учился в одном институте в Марьиной Роще. Так у половины курса (включая меня) глаза тоже почти всегда были красные. Визин помогал, конечно*; ***А при чем здесь Трансильвания?!** Если Влад 3 Цепеш жил в Валахии?! И правил Валахией*; ***То есть трехэтажный дом**, в котором жила его семья **был построен в 1300х-1400х годах?***; ***А точно приведенное фото называется «комбат»?***; ***Раствор криолита — это что?** В чем криолит растворяют?*; ***Дэвид Юм — психолог?** Тогда Сократ тоже.*

Третий тип — реплики, отражающие **несогласие со смыслом публикации в целом**. При этом часть комментаторов ограничивается экспрессивными негативизмами-генерализаторами: *Бред; Вранье это; Какая-то ерунда; Чушь полная.* Но чаще всего, если возникает идейное несогласие с автором статьи, читатель опро-

вергает позицию блогера, комбинируя логическую и эмоциональную аргументацию, причем с явным количественным преобладанием последней: *Если **Вы не знаете**, как действует гомеопатия, не примешивайте ее сюда. Это **намного все сложнее**, и никто ее не вычеркивал из списка официально признанных разделов медицины; В любой больнице, где делают операции, только после консилиума решается, какому именно врачу именно эта операция будет поручена. Самые трудные и практически бесполезные из-за тяжести болезни доверяют заведующему или ведущему хирургу. **И выводы в статье неумные**; **Ерунда все это**. Природа могла бы придумать, как мозг почистить, и без сна; **Бред**. Сон — это привычка пещерного человека, когда он боялся ночью выйти наружу. Нам передалась по наследству*.

Один из важнейших речевых ходов негативно настроенных комментаторов — отрицание профессиональной компетентности блогера, причем собственная коммуникативная позиция по умолчанию определяется как экспертная: *Автор, если **вы не в теме**, то и писать не надо. Волки не являются предками собак, хотя и могут скрещиваться; Что за **дичь**?*; *Это **автор далек от науки** или ученые уже пробили дно?*; *Что за канал про науку если не дает конкретные значения?* В подобных случаях часто используются средства речевой экспрессии, прежде всего — стилистически сниженные слова и конструкции (вплоть до табуированных, которые мы не воспроизводим): ***Во дают** в 21 веке. Совсем не понимают, о чем говорят и пишут*; *Не ложка дегтя, а половник **дерьма**!*; *Концовка рассказа **лажа**...*; ***Бред ишачий!! Если вдруг решили назваться научным ресурсом**, то хоть бы выяснили, что собака произошла не от волка*; ***Фигня** на постном масле*. «Пренебрежительное комментирование» создает **коммуникативный дисбаланс**, который Т. А. Воронцова справедливо характеризует как один из ключевых принципов агрессивного речевого поведения [Воронцова 2005].

Особую роль в конфликтных репликах играет выбор «ты»-форм общения, также нацеленных на понижение коммуникативного статуса адресата: *Автор, ничего-то **ты не знаешь** про традиции предков. Надергал инфу из тырнета)))*; *Афтор чего **ты** ногами там хватал??* В последнем примере (не единственном в этом отношении) комментатор использует написание, характерное

для популярного в первом десятилетии XXI века «языка падонков», «веселую агрессивность» которого отмечал в свое время М. А. Кронгауз [Кронгауз 2007: 130–133]. Несмотря на то что мода на «олбанский язык» осталась в прошлом, его потенциал, судя по всему, не исчерпан. Специфическая орфография слова «афтор» недвусмысленно сигнализирует о ёрнической манере комментирования, отказе от серьезной дискуссии в пользу не требующей обоснования насмешки.

Применяются в такого рода комментариях и инвективы (в том числе — оскорбления и злопожелания): *Господа* ***недоумки*** *(включая автор[а|ицу])! Когда что-то постите, указывайте, пожалуйста, свою профессию и образование, чтобы всякому сюда заглянувшему всё становилось ясно без прочтения*; ***Лжемедики****, никакого отношения к медицине, науке! Продюсеры, рекламщики в плохом смысле! Сшибаете денег на доверчивости, не компетентности аудитории!; Аффтар (****с будуна****)* ***несет полную пургу****!*; *Какой* ***придурок*** *это написал??*; *Советую автору следующий раз когда будет понос от несвежей шавермы скушать кусочек мела и внушить себе, что это лоперамид. ЕГЭ рулит... Причем аффтора выгнали оттуда пинками... По истории и русскому — кол. В зад аффтору!*; *Канал в топку,* ***автора в баню****.*

В некоторых комментариях представлен характерный для современной медиасреды немотивированный пейоратив [Басовская 2005]: источник раздражения, гнева или сарказма не вполне ясен, пишущий как будто заранее настроен на неприятие содержания и оформления блога: *Откуда в статье эти дебильные картинки?!*; *Интересно, какой IQ у человека, который к этой статье картинки подбирал? Или просто какой-то торчебос за пакет солей трудится?*; *«Большевики захватили корабль. Погиб». Без подробностей. Типа, все кончилось. А может, и не надо тогда было начинать писать про героя очерка. Все равно погиб. Типа, «все умерли»*.

Следует отметить, что речевая агрессия недоброжелательного комментатора едина по существу, но вариативна по форме. Наряду с «плебейским» доминированием, обеспечиваемым использованием стилистически сниженной лексики и прямых инвектив, в текстах представлено «экспертное доминирование», которое поддерживается упоминанием необщеизвестных имен и употреблением

узкоспециальных терминов: *Сюда бы еще теорию поискового поведения* ***Ротенберга*** *и* ***Аршавского*****;** *Сны обычно снятся, когда человек сильно устал. Это механизм* ***гиперкомпенсации***; ***Почему автор не написал*** *главную, физиологическую причину: почему надо спать 8 часов в сутки?* ***Я об этом много раз писал*** *в интернете! Причина в работе сердца. Его работа состоит из двух фаз: сокращения — это* ***систола*** *и расслабления — это* ***диастола****. Так вот — если сложить время всех систол за сутки, то как раз получится 8 часов*; *Ситуация известна давным-давно. Еще* ***Уильям Эшби (William Ross Ashby)*** *указывал на* ***принцип необходимой достаточности****. Позднее этот принцип послужил началом для развернутого* ***понятия сложных систем***. В подобных случаях стиль комментария оказывается более книжным, чем стиль исходной статьи. Той же линии речевого поведения соответствуют комментарии, в которых негативно оценивается язык и стиль блога: *Дочитал до «В среде запорожских казаков традиции чтят наиболее полно!»*; *Не могу поставить лайк, потому что* ***с литературной точки зрения статья написана очень плохо****, постоянные повторы одного и того же, бессвязное перескакивание с одного на другое...* Все это дает эффект мены ролей: не блогер от имени научного сообщества обращается к массовой аудитории, а читатель-специалист снисходительно поправляет и дополняет простоватого дилетанта.

Примеры реального диалога, когда авторы статей отвечают на комментарии, на канале «Популярная наука» весьма немногочисленны. Тем не менее мы считаем важным обратить на них внимание, поскольку они позволяют уточнить представление о том, как оценивает сам блогер свою роль в коммуникации с адресатом. В ответ на оскорбительную реплику комментатора с ником Александр Кузьмин: *Подобных популяризаторов науки я в юности называл «популизаторами», —* авторы канала пишут: *Александр Кузьмин, в юности вы тоже* ***безграмотный*** *были как и сейчас? Ну обрастать знаниями трудно, понимаю.* ***Не всем же умными в этом мире быть***[2]*. Такие как Александр Кузьмин тоже могут на что-то сгодиться*. Можно сказать, что здесь предпринята редкая для данных блогеров попытка стилистической подстройки под язык оппонента. Интересно, что, указывая на его безграмотность,

[2] Сохранена пунктуация оригинала.

сами авторы допускают пунктуационные ошибки, которых практически нет в их статьях. Вероятно, это можно рассматривать как часть коммуникативной тактики приближения к адресату. Однако такое стилистическое «движение вниз» явно противоречит коммуникативной роли эрудита-популяризатора и, может быть, именно по этой причине не имеет регулярного характера.

Таким образом, анализ макротекста научно-популярного дзен-канала и сопровождающих его публикации комментариев подтверждает тезис о коммуникативно-стилистическом диссонансе как одном из важных признаков данного формата интернет-общения. Активно развивающаяся на протяжении последних десятилетий сетевая коммуникация обладает такими чертами, как анонимность и следующая за ней безнаказанность, а также полная демократичность: отсутствие реального представления об участниках общения исключает возможность построения строгой иерархии.

Соответственно, к 20-м годам текущего столетия сформировались поколения пользователей интернета, отвергающие саму идею ранжирования коммуникативных ролей и настроенные на то, чтобы транслировать свою точку зрения в качестве единственно верной. Такая установка вступает в закономерное противоречие с ключевым принципом популяризации науки, состоящим в том, что общество делегирует отдельным профессионалам полномочия получать и корректно передавать научное знание. В интернет-пространстве популяризатором порой объявляет себя некто совершенно несведущий, но и компетентного просветителя готов ниспровергнуть уверенный в себе дилетант.

Вероятно, есть определенные основания говорить о том, что данная конструкция находится сегодня в состоянии своего рода динамического равновесия: блогер в значительной степени ориентируется на традиции, сложившиеся в научно-популярной журналистике досетевой эпохи, аудитория же (точнее — ее значительная часть) общается с ним в стилистке интернет-чата, где нет ни безусловных авторитетов, ни строгих этикетных правил. Все это позволяет охарактеризовать макротекст популяризаторского интернет-канала как яркое отражение «коммуникативного пограничья», сложного переплетения традиций досетевого речевого взаимодействия и нарастающих тенденций, которые свойственны коммуникации в цифровом пространстве.

Литература

Агафонова О. В. Диалогичность и интертекстуальность в блогах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (110). С. 107–113.

Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125–131.

Басовская Е. Н. Дискурсивная глубина как типологический признак медиатекста // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17. № 1 (38). С. 21–33.

Басовская Е. Н. Немотивированный пейоратив в публицистическом тексте // Эмоции в языке и речи. Сб. статей / Под ред. И. А. Шаронова. М.: Российский государственный гуманитарный университет, Институт лингвистики. 2005. С. 223–235.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.

Воронцова Т. А. Деструктивное речевое поведение в публичном диалоге // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2005. № 2. С. 75–80.

Горшкова Е. И. Блог как вид интернет-коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2013.

Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55.

Ким Л. Г., Рольгайзер А. А. Комментарий vs интернет-комментарий: к проблеме специфики жанра виртуальной коммуникации // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 3 (43). С. 286–294.

Кирилина А. В. Интернет-жанр «комментарий читателя» // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. С. 67–76.

Кириченко Н. В. Научно-популярный подстиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 236–242.

Кислицына Н. Н., Норец М. В. Жанр «блог» в аспекте лингвокогнитивного консонанса и диссонанса участников коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2024. № 2 (119). С. 70–85.

Кочеткова М. О. Жанровая динамика дискурса блогосферы: социолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2007.

Стексова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1 (9). С. 81–88.

Топчий И. В. Комментарий в социальных медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 2 (36). С. 157–162.

Шилихина К. М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 218–225.

Шутова О. А. Фактор адресанта научно-популярного дискурса // Вестник научных конференций. 2017. № 3–6 (19). С. 188–190.

Щипицина Л. Ю. Жанровый статус сетевого комментария // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 2. С. 528–532.

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
irbukr@gmail.com, okarmakova@list.ru

ДИАЛЕКТНЫЙ ДИСКУРС: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

В статье анализируются диалектные записи, тематика которых отражает особое представление о мире носителей говоров. Истории, имеющие мистический подтекст, связаны с архаическим сознанием и записаны от людей, тяготеющих к традиционному типу культуры. Авторы рассматривают тексты разных жанров: рассказ-воспоминание о гадании и замужестве, быличку и семейную историю. В традиционном дискурсе размыты границы между бытовыми и фольклорными текстами, что и показано на примере былички. В народно-разговорной речи, как и в литературной, известны рассказы-пластинки и близкие к ним семейные истории. В статье приводится семейная история о *дворово́м хозяине* (домовом), которым пугают детей. Важной чертой диалектных рассказов является установка на достоверность, проявляющаяся в избыточной детализации. Среди текстов преобладают сюжетные истории с характерными чертами нарратива: изобразительный тип повествования, «совмещение ситуации темы с ситуацией текущего общения», указание на хронотоп, а в отношении к событиям всегда прослеживается точка зрения информанта. Эти черты свойственны не только диалектной, но и любой разговорной речи, при этом имеющиеся различия связаны в первую очередь с культурно-когнитивными особенностями. В литературно-разговорной речи установка на достоверность выражена слабее, чем в народно-разговорной, скорее в ней прослеживается мифологизация события, прежде всего это относится к рассказам-пластинкам, где чрезмерная конкретизация, как правило, отсутствует. Однако главное отличие касается тематики диалектных нарративов, отражающих иное мироощущение, которое допускает более тесную связь «этого и того света», мира материального и метафизического.

Ключевые слова: коммуникативная диалектология, традиционная культура, нарратив

Умей находить общий язык с любым собеседником.
Т. Г. Винокур

Исследования диалектных текстов как особого типа устной коммуникации в последние десятилетия стали актуальны, чему способствует создание диалектных корпусов и текстовых баз данных, иными словами, накопление большого объема материала. Коммуникативная диалектология, начало которой заложено работами В. Е. Гольдина [Гольдин 1997; 2002], успешно развивается, используя плодотворный опыт отечественной коммуникативной лингвистики (Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, Т. Г. Винокур, О. Б. Сиротинина и др.). Народно-разговорная речь имеет много общих черт с литературно-разговорной, поскольку тоже является спонтанной и неофициальной, но ей присуще определенное своеобразие, объясняющееся тем, что любой диалектный идиом представляет собой особое культурно-коммуникативное образование [Гольдин, Крючкова 2010].

Как известно, непосредственное живое общение — главная часть полевой работы диалектолога, тратящего немало времени на выбор нужного респондента, так как для опроса требуется найти хорошего рассказчика, наиболее полно репрезентирующего изучаемый социум не только со стороны языка, но и со стороны культуры, этики, мировосприятия. Не каждый носитель говора отвечает этому требованию, но тем не менее талантливый собеседник, в речи которого отражается диалектная картина мира, находится, при этом слушающего должно отличать умение сопереживать, задавать вопросы по существу, постоянное внимание к говорящему. В зависимости от поставленной задачи диалектолог реализует различные коммуникативные стратегии с тем, чтобы общение протекало в нужном направлении. Одна из целей полевых исследований — записать достаточно большой и по возможности монологический текст, дающий информацию обо всех уровнях языка. Поэтому разговор с информантом представляет собой специфический тип коммуникации — беседу-интервью: лингвист задает вопросы, направляет собеседника на нужные темы с опорой на его личный опыт. Но так как у участников коммуникации нет полного совпадение перцептивных и когнитивных баз, то порой возникают трудности в понимании. Здесь уместно вспомнить рассуждения

Т. Г. Винокур о ситуации речи, при которой говорящий может выбирать то или иное языковое средство, чтобы стать понятнее для слушающего [Винокур 2005: 80]. В связи с этим в тексте диалектоносителя появляются пояснения, другие номинативные единицы, непосредственно вплетающиеся в ткань повествования, а со стороны лингвиста возникают дополнительные вопросы и переспросы.

Как известно, самым распространенным жанром среди диалектных текстов-монологов, является воспоминание: «...РЖ “Воспоминание” как вербализация прошлого опыта составляет один из важнейших компонентов диалектного речевого общения, является средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации» [Демешкина 2000: 101]. Более подробное описание этого жанра содержится в работах томских диалектологов [Демешкина, Волошина и др. 2016]. Монолог-воспоминание может представлять собой собственно рассказ (рассказ-эпизод), рассказ-повествование, рассказ-пересказ, сочетание их, если текст объемный. В качестве особого жанра выделяется рассказ-пластинка — повествование о чем-либо, воспроизводимое не один раз в более или менее устойчивом виде. При определении жанровой специфики текста используется терминология, предложенная в [Китайгородская, Розанова 1995; 1999].

В ряде работ, анализируя диалектные нарративы, мы описали их структуру и жанровую специфику [Букринская, Кармакова 2012]. В качестве важнейших признаков были выделены линейно-ассоциативный характер построения текста и многоуровневость, связанная с «многогранной диалогичностью»: рассказчик постоянно обращается к собеседнику — «внешняя диалогичность» — и, помимо этого, ведет диалог с собой, оценивая с позиций современности себя в ситуациях прошлого, — «внутренняя диалогичность» [Краузе 2006: 107]. Таким образом, монологические фрагменты сменяются диалоговыми.

О структурной сложности диалектных текстов писали многие исследователи: так, В. Е. Гольдин и О. Ю. Крючкова считают, что к характерным чертам их организации «следует отнести также взаимоналожение пропозиций, связанных между собой в сознании говорящего. Лингвистическими следствиями наложения пропозиций являются нечеткая фразовая сегментация речи, многочисленные самоперебивы, отклонение от заявленной темы разговора,

ассоциативно-цепочечное нанизывание информационных блоков» [Гольдин, Крючкова 2016: 135].

Из текстов, проанализированных нами, большая часть действительно имеет *линейно-ассоциативную* (ассоциативно-цепочечную) структуру. Однако встречаются нарративы, которые построены иначе: в них практически отсутствуют параллельные сюжеты, отступления от основной темы, монолог разворачивается в четкой временной последовательности. Подобное повествование можно сравнить с документальным кино, где кадр за кадром регистрируется развитие действия. Такое построение мы назвали *линейно-документальным*, в нем нет диалогов с самим собой, обращений к собеседнику, минимален комментарий к описываемым событиям [Букринская, Кармакова 2020]. И, как показал дальнейший анализ, такой тип повествования отмечается не так уж редко. Различные типы нарратива могут чередоваться в речи одного и того же информанта, а преобладание той или иной структуры во многом зависит от личности информанта и от темы рассказа. Полагаем, что это утверждение справедливо как для народно-разговорной, так и для литературной языковой среды.

Тематика рассказов достаточно разнообразна и отражает как общечеловеческие ценности, так и особое представление о мире диалектоносителя, связанное с архаическим сознанием. Традиционная народная культура, прошедшая через трагические обстоятельства XX в., сохранилась лучше, чем можно было ожидать, и проявляется в фольклорных и в бытовых текстах [Толстой 1995; Олсон., Адоньева 2016; Русинова 2022 и др.].

Среди автобиографических рассказов о детстве, семье, крестьянском труде, буднях и праздниках часто присутствуют нарративы, которые принято называть мифологическими рассказами: истории о колдунах и знахарях, о покойниках, мистических болезнях и исцелениях, вещих снах и всякого рода иррациональных явлениях [Букринская, Кармакова 2014; 2018а; 2018б]. О том, что подобного рода рассказы непосредственно входят в диалектный дискурс, свидетельствуют различные диалектные корпусы[1]: «Картина мира,

[1] Подкорпус говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области, подкорпус говора с. Земляные Хутора Аткарского района Саратовской области и подкорпус куста сел Мегра Вытегорского района Вологодской области. А. В. Тер-Аванесова, С. В. Дьяченко, Е. В. Колесникова, А. В. Малышева,

свойственная народной культурной традиции, представлена в многообразии своих форм и видов. Она запечатлена в народном календаре, обрядах, в фольклорных текстах, легендах и мифах, верованиях, в специфическом (отличном от ЛЯ) народном лексиконе и не в последнюю очередь — в живой речи диалектоносителей» [Крючкова 2021: 127]. Как отмечают многие этнолингвисты, характеризуя деревенский социум, знание о потустороннем и сверхъестественном является не отвлеченным, а входит в повседневный бытовой опыт людей, сталкивающихся с миром мифологических персонажей [Санникова 1994: 81]. Граница между этими мирами проницаема, и влияние мира духов на судьбу человека и его благополучие четко осознается носителями традиционного уклада жизни.

Среди постоянных тем рассказов часто встречаются женские истории о сватовстве и замужестве. В большинстве подобных нарративов проявляется стойкая вера в судьбу, присутствуют элементы колдовства и любовной магии. Так, в некоторых случаях замужеству или женитьбе предшествует гадание, особенно в том случае, если девушка немолода или у матери сын долгое время ходит холостым.

Гадание о суженом — ритуально-магическая практика, хорошо изученная и описанная в научной и художественной литературе. Цель — «испрашивание» судьбы и желание изменений в благоприятном для участника направлении. Надо сказать, что не все представители деревенского сообщества относятся к гаданию серьезно, но есть и такие, кто верит и полностью полагается на его результат. Приведем пример текста, в котором рассказывается, как гадание определило судьбу женщины (фрагмент монолога о замужестве Анны Михайловны Шмотиной (АМ) из д. Бархатиха Варнавинского р-на Нижегородской обл., 1921 г. рождения, запись и расшифровка[2] авторов 2002 г.):

Д. И. Игнатенко, А. Б. Панова, Н. Р. Добрушина. Корпус говора села Роговатка. 2018. Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. Электронный ресурс: http://www.parasolcorpus.org/Rogovatka/.

[2] Тексты в статье даны в орфографической записи, без редактирования, с небольшими сокращениями, с сохранением грамматических особенностей и небольшого числа фонетических черт. Для удобства чтения рассказ разбит на тематические фрагменты. Полный текст А. М. Шмотиной опубликован в [Русская деревня 2009].

<Гадание о замужестве>

...Но я не любила, не любила и всё никого. Мы с мамой одни живём.

А я ходила к ба́ушке. Меня тут соседка: «Пойдем, Нюрка, к ба́ушке, узнавать будем, как жить». Поехали. Она за Варнавином живет. Приехали. Вот. Она книгу раски́дывает[3]*, говорит. Она мне книгу подала́. Я раски́дываю. Она говорит: «Ты не имёшь мужа». Я говорю: «Нет». Так. «Вроде, говорит, твоя судьба убита». Она мне так говорит. «Ты, говорит, вроде имеешь кого-то с детя́м». — «Никого нет, даже в уме, мол, нету у меня». — «Да вот если так, я не советую тебе, не сживёшь», — говорит. Вот так мне прямо сказала.*

Я и думаю, неужели я пойду за кого-то с детя́м. Ну ладно. Тут жила́, жила́. Один приставал. Тоже разошёлся с бабой. Ну, наш дерева́ньской, недальный. — Нет. Мне бабушка наворожи́ла с детя́м. Я говорю: «Нет, не пойду». Не пошла. Так я и жила с мамой одна-разъеди́ная <...>

Далее следует рассказ, как к АМ в одну ночь, 23 февраля, *на Масленку*, пришло два жениха: первого она отвергла — без детей, молоденький, а второй стал ее мужем.

<Сватовьё уж идут>

Опять то́ргается[4]*. Уж все иду́т Десять человек. Сватовьё уж иду́т. Мама: «Нюрк! Ведь опять кто-то то́ргается!» Я говорю: «Да что за леший. Всё по лешему. В праздники дома не дадут поспать. Не знаю, кому кто надо». Выбегаю: «Кто мы тут?» А это уже баба, Тонькой зовут. — «Нюрка, отпирай», — говорит. Я отперла. Она: «Да что это ты в одной рубашке?» — «А чего еще надевать али мы го́лы?» — «Да что ты! Мы жениха ведём». — Я говорю: «Ай, ма́тки, ай, ма́тки!» — «Да!» — говорит. Ну ладно. Я, значит, прибежала в дом, дёрнула комод, не знаю, что взять: пла́тьишки-ти коро́теньки, а рубашо́нки-ти, что ходила, дли́нные. Ой, батюшки! Пояс-то*

---

[3] Рукописная тетрадь, где записаны различные заговоры, заклинания, ритуалы и магические действия. Раскидывать книгу — предсказывать будущее.

[4] Стучится в дверь.

нашла — вот так подпоя́салась, пла́тьишко-то это надёрнула. Сижу на кровати жду жениха. Идут, идут, идут, идут, идут — пришли <...>

<В больнице>

А я до этого как раз лежала в больнице, меня лошадь уронила с возу. А этот мужик тоже лежал в больнице, но ведь я не знала. А вот то́ко люди-ти говорили тут, а вот, говорят, баба-то ушла из больницы, а мужика-то положи́ли. Ну, я ведь не знала, не спрашивала отко́ль, чей. Вот. А он такой, всех знает баб-то, такой шутливый, всё шутит, а я даже в больнице не сходила с кровати — мне нельзя было. Ну, тут как эдак-то он идёт, а вот я и узнала его. Батюшки! Батюшки! Вот так, мол, и надо.

<Предложение>

— «А чё ты, мол?» — «А я вот, — говорит, — овдове́л». Вот так. Батюшки! Ну, тут все сели, сидят. А мама даже не встала, даже не встала [с обидой]. Я так сижу на кровати. — «Вот мне невесту надо, это. Дак вот». — Я говорю: «Я ведь тебе не невеста». — «А что?» — Ну то, что я с мамой жила-то как молодёсенька, как девчонка. Мне мама всё дома делала, а я только на роботу ходила. Я знала только роботу. Я говорю: «Мне уж сорок семь. А тебе сколь?» — «А мне тридцать семь». — «Ну, дак, — я говорю, — иди и ишши́ таких-то, у нас вот много их, иди и ишши́. А я не пойду за тебя Я ведь одино́цка». И всё-таки понравилася, бабы-ти всё говорят. «А я всё равно не пойду, вот у меня мама». — «Мы маму-то увезём с собой».

<Благословение на брак>

Думала, думала, думала — долго всё. Ну уж е́жли идти, так надо идти к Алексею, у меня брат вот та́мо-то за оврагом ещё жил. — «Мам! Дак надо ли к Алексею идти нам?» — «Ой, дак иди́тё скорей, спрашивайтесь иди́тё». — Скорей посылает. <...>

Брат был бригадиром и сначала не хотел отпускать сестру замуж — некому будет возить сено.

Я говорю: «Ну так я ничего́ не говорю, я токо спросилась тебе́, пришла спрашиваться. Я ведь не пошла с бухты-барахты. Вот». — «Нет, нет!» Ну ладно, я опять стою. Оне́ рассуждали, рассуждали. А у Мишки-то [жениха], видно, была чеку́шечка в кармашке. Вынимает эту чеку́шечку и ему наливает. А Алексей и говорит: «Ой, Нюрка, дак вроде хороший мужик-от, иди взáмуж — видать хороший мужик».

Таким образом, в судьбе информантки важную роль при вступлении в брак сыграло гадание и ее уверенность в его правдивости. Похожее свидетельство мы находим в исследовании этнологов [Морозов, Слепцова 2004: 714]: «Несмотря на то что гадания воспринимались как забава, им очень верили. Они оказывали непосредственное воздействие на судьбу девушек, так как считалось, что “если выходишь замуж не за того, кто показался (при гадании с зеркалом, кольцом или с дугой), то скоро умрёшь”. Одна из наших собеседниц [1928 г. рождения] утверждала, что ее мать вышла замуж не за того парня, с которым дружила, так как, гадая на зеркале, увидела соседа-вдовца со всей его семьей, после чего сомнений в выборе суженого у неё уже не было (д. Сергеево Тотемского р-на Вологод.)».

АМ прожила с мужем почти 30 лет, он ушел из жизни раньше, хотя и был на 10 лет моложе, а она воспитала двух его детей, с первого дня начавших звать её мамой и заботившихся о ней в старости. Хотя информантке на момент сватовства было 47 лет, ей следовало, по установленному традицией регламенту, получить разрешение (благословение) на замужество, но, поскольку мать очень старая, она обратилась к брату, которого жених склонил на свою сторону, предложив выпить (*была чекушечка*).

Приводимый текст имеет *линейно-документальное* строение, развертывается в хронологической последовательности, без ассоциативных отступлений и самоперебивов, но содержит пояснение о том, как информантка лежала в больнице, где впервые увидела пришедшего свататься мужчину, и в разговоре с диалектологами описывает его в качестве человека веселого (*такой шутливый, всё шутит*). Это отступление важно для рассказчицы, поскольку она усмотрела в таком совпадении определенный знак судьбы.

Запись относится к жанру рассказа-повествования и обладает всеми признаками диалектного нарратива: указание на место

и время события — хронотоп (все происходит в доме АМ на Масленку, 23 февраля), «принцип совмещения ситуации-темы с ситуацией текущего общения»[5]: употребление настоящего времени в разговоре о прошлых событиях, обилие прямой речи и междометий, наличие сюжетных времен, выраженность авторского взгляда, стремление к изобразительности и иконичности (например, большое число усилительных повторов, чаще глагольных: *однаразъединая*; *думала, думала*, *думала — долго всё; идут, идут, идут — пришли*!) [Лотман 1992] Более подробный анализ повествования в диалектном дискурсе можно найти в [Гольдин 2009; Гольдин, Крючкова 2008; Букринская, Кармакова 2008]. АМ использует слова с суффиксами субъективной оценки: *платьишки-ти коротеньки, рубашонки-ти, молодёсенька*, *чекушечка в кармашке.* Всё это придает эмоциональную выразительность рассказу, причем многим диалектным текстам свойственна экспрессивность, образность и эстетическая установка [Букринская, Кармакова 2006].

Надо подчеркнуть, что в традиционном дискурсе размыты границы между бытовыми и фольклорными текстами. Так, в бытовых текстах некоторых информантов отмечаются фольклорные образы (*избушка на курьих ножках, суженый-ряженый, гуси-лебеди*), пословицы, частушки, троекратные повторы сюжетных ходов. Среди нарративов встречаются истории, которые для диалектоносителя являются свидетельством о потустороннем мире, нечистой силе и магии, но при этом для другого человека могут иметь и вполне реалистическое объяснение, поэтому слушателями иногда воспринимаются с недоверием. Коммуникативная интенция информанта — убедить слушателя в достоверности истории, поделиться опытом и, возможно, предостеречь.

В качестве примера приведем рассказ-пересказ про поросенка (фрагмент рассказа Екатерины Яковлевны Тищенко (ЕЯ), 1923 г. рождения, д. Лобок Невельского района Псковской области, образование 10 классов; запись сделана авторами в 2006 г.).

<Необычный поросенок>

А яшшо́ у Кря́кине у нас па́рни, я ж тады́ деўчо́нкой была́, ишли́ на танцы. Вышли — поросёнок, ну поросёнок такéй пу́да на́ два на́ три... Ну мы, говорит, глядём один на одного,

[5] Определение В. Е. Гольдина

а с тро́сточкой мы шли. Откуда ж это он бра́лся, у кого он удрал? Один говорит: «Васька, дай ты тому́ этой палкой!» Он раз — на другéй бок перескóчыў. Как éтот тóльки замахнéтся, он на тот бок перескóчыт. Тады́ говóрит: «Плохéи вы ходоки́!» — и не стаў. А это нечы́стая сила была свиннёй.

Диалектолог. *А кто это сказал: «Плохие вы ходоки?»*

Свиння́ эта, человечьим голосом.

События описаны со слов знакомого парня, сама ЕЯ в них не участвовала (*я ж тады́ деўчóнкой была́*), при этом она нисколько не сомневается в реальности происходившего: *А это нечы́стая сила была свиннёй*. В ее сознание даже не закрадывается мысль о том, что рассказ может быть шуткой. Поэтому при интерпретации диалектного текста так важно обращение к личности рассказчика и понимание того, насколько глубоки её архаические представления о мире. Для человека с другим мироощущением история кажется удивительной, вот почему вполне закономерен уточняющий вопрос диалектолога. Как известно, в народной культуре распространен сюжет, где колдуны или ведьмы превращаются в свинью, которая ходит за молодежью или детьми. Обычно ее бьют палкой, чтобы отстала, а наутро оказывается, что кто-то из жителей деревни заболел: его и считают оборотнем [Русинова, Черных, Шумов, Королева 2019]. В данном случае мы видим менее распространенный вариант: облик свиньи принимают бесы (*нечыстая сила*). В тексте дано точное указание на место и время (хронотоп), приведены подробности происходящего. По жанру нарратив ближе всего к быличке, но он допускает и вполне реалистическое объяснение, тем более что у ЕЯ встречаются и шутливые рассказы: например, случай, когда парни посмеялись над гадающими в бане девушками.

О подобной размытости границ пишут и фольклористы, в том числе на примере исследования меморатов о войне [Балашова 2012]. В наших материалах содержится большое количество воспоминаний о войне, относящиеся к разным типам нарративов. Среди прочих есть и истории, близкие к фольклорным. Подобного рода примером может служить рассказ, который представляется попыткой народного осмысления событий и записан от той же информантки — Е. Я. Тищенко.

Ну, былú — хто? — былú финны очень плохие. Финны, чехословаки, я их не люблю по севодняшний день. Очень вредные былú. А немцы — нет! Вот, бывало... мы их уже понимали, по-úхному. Они со словариком. Один и говорúт: «Пусть бы ваш Сталин, наш Yитлер вышли на дуэль, хто коγó победил — тоγó и власть! Што мы, — γоворит, — хóчем γолóвы ложúть здесь, у Россúи? Конечно, нет. Ну, заставлáют как ваших солдат, так и наших, а мы вот воюем».

До конца осталось неясным, присутствовала ли при этом разговоре сама информантка, или это пересказ, слышанный ею от кого-то. Из опыта общения известно, что ЕЯ легко переходит на трансляцию чужих историй. Приведенный текст отражает восприятие войны простым человеком и по смыслу близок к пословице «*Паны дерутся — у холопов чубы трещат*».

Среди автобиографических нарративов особый интерес, на наш взгляд, представляют рассказы-пластинки, семейные истории. Рассказ-пластинка — термин, который употребляется в коммуникативной лингвистике и используется специалистами по русской разговорной речи. Так называют рассказ, каждый раз воспроизводимый в более или менее устойчивом виде. Подобные истории имеют хождение в небольших социальных группах: в семье, в компании друзей, в кругу коллег, среди них выделяются рассказы — апокрифы, апологии, анекдоты [Китайгородская, Розанова 1999]. Рассказы-пластинки бытуют и в деревенском речевом общении, этот жанр, как правило, ориентирован на юмор, говорящий оценивает события с комической точки зрения, что, безусловно, усиливает эмоциональное воздействие на адресата. В диалектной среде тоже проявляется стремление пошутить, самоирония, желание рассказать что-нибудь веселое и смешное, познакомить с необычными явлениями [Букринская, Кармакова 2015].

В сельском социуме распространены нарративы, близкие к рассказам-пластинкам, которые можно назвать семейными историями. Они также характеризуются повторяемостью, хорошо известны всем членам семьи, но не такие сюжетно яркие и законченные, в них излагаются какие-то интересные эпизоды из прошлого, связанные с родными и близкими. Приведем в качестве примера рассказ, записанный А. В. Тер-Аванесовой в 1987 г. от Александры

Ивановны Изотовой, 1903 г. рождения, из деревни Се́лецкое в Заонежье. Расшифровка текста, объяснение слов, а также ля́панья — одного из ярких фонетических явлений Заонежья — взяты из работы [Тер-Аванесова 2021].

<Дворово́й хозяин>[6]

Мы́ те́шили[7] *вси́ друг дру́га. Тэ́гды*[8] *бабки не́ было, вси́ на робо́ту уходи́ли. Ну и во́т бра́т мой ста́рший Фёдор другого́ бра́та Никола́я ня́нчил, а я́-то уж в середи́ны и́х уж бы́ла, побо́льше тэ́го, а поме́ньше э́того, а вси́ ма́ленькы, небольшы́е. Во́т значит, а у сосе́дей бы́ла на́нята не́ня, пестю́нья, де́вка там го́дов пятна́ццать ёй бы́ло. Ну пестю́нья, как сказать, по-но́нешному не́ня, а — пестю́нья девчонка бы́ла. Го́дов пятна́ццать.*

Ну вот она́ при́дет к мэ́аму бра́ту в ка́мешки и́грать. Тэ́гды мы в ка́мешки робя́та игра́ли. Ка́мешков на́берем... Игра́ат-игра́ат с им в ка́мешки, а пэ́том и ска́жет: «Я́ как у́йду э́т вас, дак бу́дет, — говорит, — дворово́й хозя́ин к вам колоти́ться». А мы́ то́же робя́та глу́пы дак. Э́на значит у́йдет, бра́т вси две́ри зало́жит, зало́жки[9] *хоро́шы таки́е, не деревя́нны, а э́даки, желе́зны, в ве́рьхны там в си́ни*[10] *схо́дит, до́м был бэ́льшой дак, в ни́жных си́нях ту́т и, на у́лицю две́ри кото́ры — вси́ вы́заложаат.*

А она́ пробежи́т тут, поля́на бы́ла, поля́ной пробежи́т, да на дво́р к на́м и дава́й дуба́сить в это, в дверь! А о́н то́же ня́большой да глу́пый да, дава́й Бо́гу моли́ться. Мо́лится Бо́гу, чтобы ду́маат что дворово́й хозя́ин ото́йдет. Мо́лится-мо́лится, стэ́ит и стэ́ит — дворово́й хозя́ин не отхо́дит ника́к! О́н, бе́дный, на коле́нках! На коле́нках мо́лится Бо́гу, кла́няатся в зе́млю — дворово́й хозя́ин всё равно́ не отхо́дит. Ду́ет та́к,

---

[6] Домовой, по представлению жителей Заонежья, обычно невидим, но при перемещении по дому может шуметь, топать.

[7] Нянчить, присматривать за маленькими детьми.

[8] Ля́панье — перенос ударения с конечного слога фонетического слова на начальный.

[9] Засовы.

[10] Сени.

что во́т как! О́н затым возьмёт этого бра́та-то, кото́рый в лю́льки кача́атся-то, небольшо́й. О́кна-то ни́зко. Вы́нет э́того с лю́льки, опу́стит на зава́лину, ту́ды зна́чит посте́льку и всё это вы́несет, поду́шечку и одея́ло и всё́, и его́ значит поло́жит на зава́лины робёнка. А я запеха́юсь за́ щан[11]*. Ща́н был бо́льшой в фате́ры, я́, значит, за́ щан ту́ды запеха́юсь, он при́де, мя́ня за́ руку́ дак — «Сту́пай, ведь тя́бя дворово́й хозя́ин съе́ст!» Мя́ня э́ттуль вы́тащит и то́же в око́шко опу́стит и са́м опу́стится, и пэ́ка с по́жни не при́дуть ма́ть да э́тец, дак мы́ не сми́ем в фате́ру за́йти. Робёнок во́пит голо́дный, а мы́ не сми́ем в фате́ру за́йти: наверно, дворово́й хозя́ин там!*

Ма́ть по́йдёт Ма́ньку ру́гать: «Ма́нька, ка́к теби́ не сты́дно, — говорит, — ты́ ведь больша́а, с парня́мы ты́ гуля́ашь, а глу́пых ты рэ́бят пуга́ашь э́дак! Что дворово́й хозя́ин. Ка́кой дворово́й хозя́ин!» — говорит.

Рассказы о детских страхах, о том, как старшие дети и/или взрослые пугают младших, присутствуют в семейном фольклоре разных социумов. Подобное запугивание по разным поводам — бытовое явление. Детский страх вызван доверчивостью ребенка, неумением придуманное отличить от реальности. Как показывает практика, различия страхов у деревенского и городского ребенка касаются когнитивного уровня. Домовым (*дворовы́м хозяином*) городского ребенка вряд ли можно было напугать, — его, как показывает наш опыт и воспоминания носителей литературно-разговорной речи, пугали волком, медведем, милиционером, цыганами.

Приведенные истории, как и многие другие, демонстрируют тяготение народно-разговорной речи к сюжетности, о чем не раз писали диалектологи. Так, В. Е. Гольдин и О. Ю. Крючкова говорят о приоритетности эмпирико-событийного содержания диалектной коммуникации над обобщенно-логической: «Эмпирико-событийный характер познавательной деятельности определяет жанровую специфику диалектного общения, в котором предпочтение отдается “фабульным” жанрам» [Гольдин, Крючкова 2008: 404]. Кроме того, в диалектных текстах отчетливо прослеживается установка на достоверность, правдивость описываемого, так как

[11] Большая кадка для воды из досок.

в деревенской среде прежде всего ценится личный опыт человека, виденное и пережитое им самим (см. также [Свешникова 2015]). Цель информанта, как уже говорилось, — убедить адресата в правдивости своих слов, поэтому в разговоре дается развернутая картина происходящего, присутствует большое количество подробностей, несущественных для сюжета, но относящихся к описываемой ситуации. Рассмотрим это положение на примере последнего текста: приведение деталей (*зало́жки хоро́шы таки́е, не деревя́нны, а э́даки, желе́зны*), уточнение действия (*На коле́нках мо́лится Бо́гу, кла́няатся в зе́млю)*, объяснение слов, которые может не знать слушающий (*Ну пести́нья, как сказать, по-но́нешному не́ня*), развернутая информация о персонажах рассказа (*бра́т мой ста́рший Фёдор друго́го бра́та Никола́я нянчил, а я́-то уж в середи́ны и́х уж бы́ла; не́ня, де́вка там го́дов пятна́ццать ёй бы́ло*), точное указание на время и место *(пэ́ка с по́жни не при́дуть ма́ть да э́тець*; *до́м был бо́льшой дак*, в *ни́жных си́нях ту́т*). У некоторых информантов, например ЕЯ, в речи присутствуют формулы достоверности: *Вот так было*. *Вот это лично уже со мной было. Таке́и слу́чаи.*

Как уже говорилось, в диалектных текстах преобладает изобразительный тип повествования, «совмещение ситуации темы с ситуацией текущего общения», с точным воспроизведением своей и чужой речи. Если информант пересказывает чью-то историю, он часто переходит на рассказ от первого лица, а в отношении к событиям всегда прослеживается точка зрения рассказчика. Многие тексты неплохо структурированы, важную роль в них играют сюжетные, синтаксические и лексические повторы. Ряд перечисленных черт характерен не только для диалектной речи, но и для литературно-разговорной. Однако есть и различия, которые главным образом связаны с культурно-когнитивными особенностями деревенского социума. На наш взгляд, в литературно-разговорной речи установка на достоверность выражена слабее, скорее в ней прослеживается мифологизация события, усиление смешных или апологетических элементов (особенно это относится к рассказам-пластинкам). Излишняя детализация, как правило, в таких рассказах отсутствует.

Но самое главное касается тематики диалектных нарративов, отражающих иное мировосприятие, которое допускает более тесную

связь «того и этого света», мира материального и метафизического [Толстая 2015]. Надо отметить, что традиционная культура и традиционный («классический» [Неклюдов 2002]) фольклор достаточно хорошо сохранились в диалектной картине мира и в речи людей довоенного поколения (20–30-х гг. рождения), а у послевоенного поколения (40–50-х гг. рождения) — остались, но в более разрушенном виде. Как пишет С. М. Толстая: «Кардинальным отличием культурных текстов от собственно языковых является их принципиальная установка на длительное хранение, многократное использование и воспроизведение» [Толстая 2015: 79].

Литература

Балашова А. Ф. Устные рассказы о Великой Отечественной войне: общие и локально обусловленные мотивы в системе повествования (на материале русского и белорусского фольклора) // Славянские языки и культуры в современном мире: II Международный симпозиум. Труды и материалы. М., 2012. С. 228–229.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Экспрессивность как норма диалектного текста // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006. С. 93–104.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Строение и жанровые особенности диалектного текста // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III, М., 2008. С. 414–427.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Опыт анализа нарративных диалектных текстов. // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения / Отв. ред. Н. Н. Розанова. М., Наука, 2012. С. 42–51.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 2014. // отв. ред. А. С. Герд. / Ин-т лингв. исслед. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 155–164.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. Москва–Саратов, 2015. С. 26–36.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Мифологический рассказ как жанр диалектного монолога в современной русской деревне // Исследование по славянской диалектологии. Вып. 19–20. М., 2018а. С. 95–107.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Этнолингвистический компонент в диалектном тексте // Фортунатовские чтения в Карелии. Сборник докладов международной научной конференции (10–12 сентября 2018 года), Петрозаводск, 2018б. С. 238–240.

Буринская И. А., Кармакова О. Е. Разновидности повествования в диалектном тексте // Языковое сознание. Речевая коммуникация. Материалы международной научной конференции, посвященный памяти профессора В. Е. Гольдина. Саратов, 2020. С. 455–463.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: КомКнига, 2005.

Гольдин В. Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Диссертация в виде научного доклада, представленная на соискание ученой степени д-ра филолог. наук. Саратов, 1997.

Гольдин В. Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 58–64.

Гольдин В. Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 3–7.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. III. М., 2008. С. 398–413.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов, 2010.

Гольдин В. Е., Крючкова О. Ю. Коммуникативные свойства диалектной речи и специфика диалектного текстового корпуса // Известия ВПГУ. Филологические науки. Русская диалектология. 2016. № 9–10. С. 133–138.

Демешкина Т. А. Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск, 2000.

Демешкина Т. А., Волошина С. В., Карпова Н. А., Рюмин Р. В., Долганина А. А. Портреты речевых жанров: разные дискурсивные практики. Томск, 2016.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.

Краузе М. Уж это я помню! Диалогичность и верификационные стратегии в нарративах диалектоносителей русского языка // Актуальные

проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов Международной конференции (23–25 октября 2006 г.). М., 2006. С. 106–107.

Крючкова О. Ю. О возможностях корпусного изучения картины мира носителей традиционной народной культуры // Известия Саратовского университете. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 126–130.

Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1, Таллин, 1992. С. 184–190.

Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.

Неклюдов С. Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура как предмет междисциплинарного исследования. 2002. Т. 3. № 3. С. 3–7.

Олсон Л., Адоньева С. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М., 2016.

Русская деревня в рассказах ее жителей / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., АСТ-ПРЕСС, 2009.

Русинова И. И., Черных А. В., Шумов К. Э., Королева С. Ю. Этнодиалектный словарь мифологических рассказов Пермского края. Люди со сверхъестественными свойствами. СПб.: Маматов, 2019.

Русинова И. И. Лексика колдовства, знахарства русских мифологических текстов как особая идеографическая сфера: комплексное исследование: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Пермь, 2022.

Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М., 1994. С. 44–83.

Свешникова Н. В. Мифологические рассказы в диалектной коммуникации (на материале Саратовского корпуса) // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина. Москва—Саратов, 2015, С. 93–100.

Тер-Аванесова А. В. Рассказы из Заонежья // Проблемы русской диалектологии и лингвокраеведения: памяти заслуженного деятеля науки республики Карелии Любови Петровны Михайловой (1939–2020) / Ред. Н. В. Патроева. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2021. С. 25–32.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995.

Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М., 2015.

Р. И. Воронцов, Е. В. Пурицкая
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
roman.vorontsov.86@gmail.com
purichi@list.ru

НУЖНА ЛИ НОРМАТИВНОМУ ТОЛКОВОМУ СЛОВАРЮ ПОМЕТА «УСТАРЕВШЕЕ»?

В статье обсуждается проблематика, связанная со спецификой пометы «устаревшее» в нормативной толковой лексикографии. Аналогично пометам «областное» и «просторечное», помета «устаревшее» может характеризовать как слова и значения, выходящие за рамки литературного языка, так и языковые факты его периферии. Амбивалентность пометы «устаревшее» определяется смешением в ее содержании хронологического и стилистического аспектов словарного описания, что в свою очередь усугубляется семантико-стилистической разнородностью языковых единиц, традиционно относимых к разряду «устаревших». В статье на ряде примеров демонстрируются трудности описания хронологически отмеченной лексики в словаре и критически анализируются некоторые лексикографические решения. Устанавливается связь обсуждаемой проблематики с типологической природой нормативного толкового словаря: входит ли в его задачи показ исторической перспективы в развитии современного литературного языка или же он ограничен чисто синхронным взглядом. Если в синхронном словаре помета «устаревшее» представлена только в качестве стилистической, то в толковом словаре большого типа (толково-историческом) она, как правило, предназначена и для хронологической характеризации языковых фактов. Доказывается, что как в хронологической, так и в стилистической ипостаси помета «устаревшее» не может быть признана оптимальным метаязыковым инструментом, поскольку ее содержание отличается свойствами относительности и обобщенности. Предлагается ряд решений, которые позволят гармонизировать описание хронологически отмеченной лексики в будущем электронном нормативно-историческом толковом словаре русского языка.

Ключевые слова: русский литературный язык, толковый словарь, нормативно-стилистические пометы, устаревшая лексика, хронологически отмеченная лексика

В одной из известных статей Татьяны Григорьевны Винокур обсуждается вопрос о том, нужна ли нормативному толковому словарю помета «просторечное» [Винокур 1988]. Критика этой пометы исходит из того, что она не выполняет адекватной роли, поскольку может одновременно характеризовать два явления разного порядка: во-первых, относить языковую единицу к просторечию как одной из **внелитературных** форм национального языка, а во-вторых, приписывать тому или иному **литературному** слову экспрессивно-стилистическую характеристику, связанную с типичной для него гипертрофией грубости и вульгарности.

Т. Г. Винокур ставит помету «просторечное» в один ряд с пометами «областное» и «устаревшее» [Винокур 1988: 144], которые при внимательном рассмотрении также оказываются амбивалентными. Общим для них недостатком является некорректность в отношении к объекту описания в нормативном толковом словаре, а именно — к нормативной реализации лексической системы современного русского языка, представленной как лингвистическое и функциональное **единство**, см. [Щерба 1940, Сорокин 1967].

Так, помета «областное», с одной стороны, характеризует языковую единицу как региональную, т. е. выходящую за рамки общелитературного языка, а с другой, дает литературному слову семантико-генетическую характеристику, отмечая его отнесенность к наименованиям народного быта или подчеркивая его диалектное происхождение [Филин 1957, Пурицкая 2024]. Двойственность же пометы «устаревшее», находящейся в фокусе внимания настоящей статьи, определяется смешением в ее содержании стилистической и хронологической характеристик.

Компромиссное представление о специфике пометы «устаревшее», сложившееся в отечественной академической толковой лексикографии, сформулировано еще в Инструкции для составления семнадцатитомного БАС-1: «помета *устар.* указывает, что слово или одно из его значений вышло из употребления в живом современном языке или употребляется, но воспринимается как архаизм» [Инструкция 1958: 42]. Почти аналогичные характеристики

приводятся во всех прочих толковых словарях русского языка. Таким образом, словарная помета «устаревшее» оказывается способной характеризовать и единицу, находящуюся за рамками функционирующей системы (современного) литературного языка, и стилистически маркированную единицу ее периферии.

Двойственность содержания пометы «устаревшее» препятствует точному словарному описанию хронологически отмеченной лексики русского языка, при этом проблема усугубляется семантико-стилистической разнородностью языковых единиц, традиционно относимых к разряду «устаревших». По наблюдениям О. Н. Емельяновой, «выработанное в лексикологии представление о том, что ***устаревшая лексика = архаизмы + историзмы***, не разделяется отечественными лексикографами» [Емельянова 2015: 53], которые вынуждены квалифицировать гораздо более широкий и дробный круг явлений, не укладывающийся в двухкомпонентную классификационную схему.

В научной литературе последнего времени уделяется большое внимание разнообразию хронологически маркированной лексики и фразеологии, см. [Аркадьева и др. 2014; Василевич 2021; Генералова 2019, 2021, 2022; Грудева 2018, 2020; Самотик 2015]. Помимо архаизмов и историзмов, в качестве особых разрядов характеризуются старославянизмы (*очи, выя, длань*), библеизмы (*блудный* (сын), *злачное* (место)), экзотизмы (*дуэнья, панство*), советизмы (*агитпункт, наркомат, светлое будущее*). К словам, вышедшим из активного употребления, также во многом относятся диалектные и просторечные единицы. Кроме того, при лексикографическом описании чрезвычайно важно учитывать и динамические процессы, происходящие в лексике — архаизация, актуализация слова, возвращение устаревшего слова с новой семантикой (ср. *бомбардир* в царской армии и в современном футболе). И наконец, поскольку устаревшая лексика является «мощным стилистическим ресурсом современного языка» [Генералова 2022: 11], нормативный словарь обязательно должен отмечать характер ее современного употребления («поэтическое», «высокое», «в стилизованной речи», «в соврем. употр. — ироническое» и т. п.).

Арсенал метаязыковых средств, используемых при лексикографировании устаревшей лексики, довольно широк. Помимо эксплицитных способов хронологического маркирования — словарных

помет (*устар., устаревающее, истор., стар.*), хронотопических ремарок («в советское время», «в старину», «в России XVIII в.» и т. п.) и элементов толкования (*гавот* — ‘старинный французский танец в умеренном темпе’ [БАС-3, т. 4: 11]), он включает в себя и такие имплицитные инструменты, как использование в толковании грамматической формы прошедшего времени и отсылки к хронологически отмеченному производящему слову [Грудева 2018: 74–75]. Тем не менее толковые словари изобилуют неточностями в описании данного лексического пласта, а помета «устаревшее» часто оказывается «инструментом первого выбора». Не в последнюю очередь это можно объяснить размытостью ее содержания: в тех случаях, когда отсутствует или требует разработки более точный способ описания хронологически отмеченной единицы, лексикографы испытывают соблазн выбрать «прототипический» (хотя и не всегда корректный) метаязыковой инструмент.

Так, в толковых словарях пометой «устаревшее» отмечаются, с одной стороны, слова и значения, полностью вышедшие из употребления (напр.: *халтура* — ‘*устар.* поминки по умершему; даровая еда, питье на поминках’ [БАС-1, т. 17: 18]; *поверхность* — ‘*устар.* преимущество, превосходство над кем-л. (в борьбе, споре и т. п.)’ [БАС-3, т. 17: 225]; *благоусмотрение* — ‘*устар.* решение, суждение, не связанное заранее поставленными условиями, какими-л. ограничениями и т. п.; усмотрение’ [АТоС, т. 1: 338]), а с другой стороны, слова, продолжающие употребляться в особом стилистическом регистре (*дщерь* — ‘*устар.* дочь | *шутл.*’ [БТС: 291]; *весь* — ‘*устар.* селение, деревня’ с устойчивым сочетанием *по городам, градам и весям ездить, ходить* и т. п. (в соврем. употр. — обычно шутливо или в стилизованной речи) [БАС-3, т. 2: 458]; *изъян* — ‘*устар.* убыток, ущерб’, в стилизованной речи: *Не шей ты мне, матушка, Красный сарафан, Не входи, родимушка, Попусту в* ***изъян****!* Цыганов, Не шей... [МАС, т. 1: 657]). Кроме того, в словарях встречается использование пометы «устаревшее» при описании историзмов (напр.: *трактир* — ‘*устар.* гостиница с рестораном; ресторан низшего разряда’ [МАС, т. 4: 396]; *плерезы* — ‘*устар.* траурные нашивки на платье, обычно по рукавам и воротничку’ [БАС-3, т. 17: 62]) и экзотизмов (напр.: *богдыхан* — ‘*устар.* китайский император (название, принятое в русских грамотах XVI–XVII вв. и в другой литературе)’ [АТоС, т. 1: 360]). Попыткой

уточнить стилистико-хронологическую характеристику слова в словаре является использование лексикографами двойных помет типа *устар. прост., устар. разг.* или *устар.* и *прост., устар.* и *разг.*, которое, впрочем, подвергалось обоснованной критике еще в середине прошлого века, см. [Виноградов 1966: 7].

Помимо нечеткости характеристик, задаваемых пометой «устаревшее», большое значение для ее критического рассмотрения имеет **типологическая природа** нормативного толкового словаря, в частности: входит ли в его задачи показ исторической перспективы в развитии современного литературного языка или же он ограничен чисто синхронным взглядом. Так, очевидно, что в синхронном нормативном словаре нет места для лексики, вышедшей из употребления, поскольку ее включение нарушило бы сам принцип нормативности, состоящий в отражении словарного состава литературного языка как функционирующего в речевой практике единства. Отсюда следует, что помета «устаревшее» в таком словаре может быть только стилистической — характеризующей устаревшее слово или значение с точки зрения особенностей его употребления в современном языке.

Сложнее обстоит дело с толковым словарем большого типа, ориентированным, в том числе, и на исторические задачи. На первый взгляд, в таком словаре помета «устаревшее» может использоваться для соотнесения языковых фактов, относящихся к разным периодам охватываемого исторического отрезка (традиционно обозначаемого «от Пушкина до наших дней»). Однако практика показывает, что для адекватной хронологической характеристики языковой единицы этой пометы недостаточно. Так, сравнение значений слов *поверхность* и *изъян*, трактуемых в БАС-3 как устаревшие (см. выше), показывает, что с хронологической точки зрения они существенно отличаются друг от друга: первое полностью вышло из употребления уже к середине XIX в., а второе широко употреблялось в сниженной речи по меньшей мере до начала XX в.; подробнее см. [Воронцов и др. 2023: 20–21]. Несмотря на такое значимое отличие, словарь дает этим единицам одинаковую хронологическую характеристику, тем самым искажая историческую перспективу в описании словарного состава русского литературного языка.

Яркий пример стилистико-хронологических противоречий, которые трудно снять традиционными методами лексикографического

описания, представляет слово *трапеза*. По данным словарей, семантика этого слова развивается в двух плоскостях: в церковной сфере и в более широком употреблении. В первом случае словари приводят вокабулу в двух вариантах и сопровождают толкование указанием на сферу функционирования: *тра́пеза* и *трапе́за* — ‘в монастыре — обеденный стол; стол с едой и угощением’, ‘в монастыре — принятие пищи’, ‘в монастыре — пища, еда’ [БАС-1, т. 15: 828–830], ‘общий стол для приема пищи в монастыре, а также прием пищи (обед, ужин) за таким столом и сама пища, еда’ [МАС, т. 4: 400], ‘общий стол для приема пищи в монастыре’, ‘прием пищи, еда в монастыре’ [БТС: 1340; СОШ: 837]. На более широкое употребление слова *трапеза* обычно указывает слово «вообще» в толковании. Те словари, которые такое употребление приводят, маркируют его как устаревшее: ‘*устар*. обеденный стол вообще; стол с едой и угощением’, ‘*устар*. принятие пищи вообще’, ‘*устар*. обед, пиршество в честь кого-, чего-л.’, ‘*устар*. пища, еда вообще’ [БАС-1, т. 15: 828–830]. МАС добавляет помету *книжн*.: ‘*устар* и *книжн.* вообще стол для еды, а также прием пищи и сама пища, еда’ [МАС, т. 4: 400]. БТС отказывается от пометы *устар*., сопровождая расширительное употребление ‘о приеме пищи вообще’ пометой *шутл*. [БТС: 1340]. Ср. также выделяемый в ТСУ оттенок значения ‘вообще прием пищи, еда (*устар*., теперь *шутл*.)’ [ТСУ, т. 4: 776].

Слово *трапеза* в значении ‘прием пищи’ действительно активно употребляется в современном языке, однако во многих контекстах оно не содержит ни шутливой, ни высокой окраски. Ср.: *В салоне вагона-ресторана, куда я пошел пообедать, я сел за столик, за которым уже находились двое <...> людей;* ***трапезу*** *они, видно, закончили* (А. Ананьев, Версты любви, 1972). *Мы вернулись часов в восемь, а после этого были еще причитания по поводу кражи, приготовление ужина, сама* ***трапеза****, потом просмотр пленки...* (А. Маринина, Черный список, 1995). *Женщины... заваривали густой, ароматный чай, раскладывали на специально предназначенном столике принесенные из дома деликатесы, разные печенья и соленья, и начиналась часовая размеренная* ***трапеза****, наслаждение вкусом и самыми свежими новостями* (В. Валеева, Скорая помощь, 2002). Представляется, что причина расширительного и нейтрального употребления слова *трапеза* — отсутствие в русском языке однословного наименования приема пищи, не относящегося

к определенному времени (как *завтрак*, *обед, ужин* и др.). Данное явление даже комментируется некоторыми авторами, отмечающими отсутствие множественного числа у слова *еда* и неограниченность *трапезы* временными рамками: *Счастьем были* ***трапезы*** *втроем (слишком торжественно, но не назвать же их «еды»?) в кухне, за круглым столом* (И. Грекова, Перелом, 1987). *Поминки — это не завтрак, обед или ужин, а вневременная русская* ***трапеза****, когда вернувшиеся с кладбища люди плотно едят, пьют много водки, вспоминая усопшего добрым словом* (Е. Попов, Подлинная история «Зеленых музыкантов», 1997).

Слово *трапеза* активно функционирует в современной речи и в метонимическом значении ʻеда, пища’, напр.: *— Ладно, пора нам. — Сергей погасил примус, собрал остатки* ***трапезы****, сложил стол* (О. Морозова, Цветок папоротника, 2014). При этом в своем исходном значении ʻстол’ (греч. τράπεζα — стол, кушанье) вне монастырского контекста слово *трáпеза* (и его акцентологический вариант *трапéза*) уже в XIX в. встречается только в текстах, воссоздающих жизнь прошлых эпох, являющихся историческими стилизациями. Ср.: *Из них Езерский Варлаам Гордыней славился боярской; За спор то с тем он, то с другим, С большим бесчестьем выводим Бывал из-за* ***трапезы*** *царской* (А. Пушкин, Родословная моего героя, 1836); *Питаются роскошной паствой Их многоплодные стада;* ***Трапезы*** *клонятся под яствой; За их виной молчит вражда* (В. Кюхельбекер, Псалом 143, 1830-е); *Вокруг богатой* ***трапезы*** *пылают светильники* (Д. Мережковский, Митридан и Натан, 1887). Впрочем, под сомнение можно поставить функционирование слова *трáпеза / трапéза* в значении ʻстол’ и в церковной сфере, т. к. употребления в сочетаниях *сидеть за трапезой*, *садиться за трапезу* это значение не подтверждают, напр.: ***За трапезу садились*** *все, даже сама настоятельница; в это время одна из монахинь или воспитанниц читала житие какого-нибудь святого, все молчали* (Ф. Решетников, Свой хлеб, 1880).

Как это ни парадоксально, но получается, что применительно к значениям ʻприем пищи’ и ʻеда, пища’ помета «устаревшее» больше подходит для иронических и шутливых контекстов XIX в., в которых за счет использования архаичного слова *трапеза* обыгрывается связь с языком религиозной сферы (например, в стилизации «семинарской» речи: *Разнесся по всему дому чей-то дребезжащий*

голос: — <...> Прими под гостеприимный кров твой странника, притекша издалеча вкусить от твоея ***трапезы*** (И. Гончаров, Обрыв, 1869)). И напротив, в употреблениях, относящихся к XXI в., слово *трапеза* в большинстве случаев лишено архаического звучания и используется в качестве гиперонима по отношению к словам *завтрак, обед* и *ужин* — т. е. как нейтральный элемент лексической микросистемы. Схожим образом обстоит дело и со словом *трапеза* в значении ʻстолʼ — с той лишь разницей, что в современный период оно вообще не фиксируется. При этом для контекстов XIX в., когда эта единица употреблялась с целью создания исторической стилизации, использование пометы «устаревшее» имеет больше оснований.

Таким образом, несмотря на длительную метаязыковую традицию использования пометы «устаревшее», она вряд ли может быть сочтена оптимальным инструментом характеризации хронологически отмеченной лексики в словаре. Помимо того, что в ее содержании не разграничиваются хронологический и стилистический векторы описания языковых единиц, каждый из этих векторов в свою очередь также имеет непрочное основание. В своей хронологической ипостаси помета «устаревшее» отличается **относительностью** содержания: она характеризует языковой факт по отношению к современному состоянию языковой нормы. Но в словаре, охватывающем длительный временной отрезок, должны быть отражены и соотношения между другими стадиями развития нормы. С точки же зрения стилистического описания современного языка помета «устаревшее» оказывается слишком **обобщенной**: характеристика, сообщаемая ею языковой единице, как правило, требует дополнительных указаний: *ирон., шутл., высок., в стилизованной речи* и т. п.

Каким же может быть выход из сложившейся ситуации? Нам представляется, что в любом нормативном толковом словаре, как синхронного плана, так и с исторической перспективой, помета «устаревшее» должна использоваться только как стилистическая. Это влечет за собой важное смещение акцентов: помета «устаревшее» должна маркировать языковую единицу не как вышедшую (или выходящую) из употребления, а напротив, как ограниченно употребляющуюся в языке данной эпохи. При этом несколько избыточным (хотя и допустимым) кажется использование пометы «устаревшее» в качестве дополнения к таким, в сущности,

самодостаточным стилистическим характеристикам, как «высокое», «шутливое», «ироническое» и т. п. В частности, нуждается ли в помете *устар.* описание слов *депеша* — ‘письмо, телеграмма’ (*шутл.*) или *облачаться* — ‘одеваться’ (*высок.* или *ирон.*)? В существующих толковых словарях они трактуются как устаревшие, однако, в действительности, для словаря **современного** русского литературного языка важнее точно установить экспрессивные особенности употребления этих слов, а не отнести их к прежним состояниям лексической нормы.

Схожая проблема возникает и при описании старославянизмов, которые всегда представляли некоторый стилистический резерв, но во времени не предшествовали русским параллелям. В нормативном толковом словаре целесообразно не характеризовать их как «устаревшие», а сопровождать их описание пометой «высокое» или — чтобы дистанцироваться от генетически отличных единиц высокого стилистического регистра — «архаическое». Ср.: *сущий* — ‘существующий’ (*архаич.*), *дщерь* — ‘дочь’ (*архаич.* или *ирон.*), с одной стороны, и *баталия* — ‘битва, сражение’ (*высок.*), *держава* — ‘суверенное государство’ (*высок.*), с другой.

Единственным случаем, когда использование стилистической пометы «устаревшее» не вызывает сомнений, является описание единиц, которые были частотны и употребительны в недалеком прошлом, продолжают ограниченно использоваться в данный период развития языка, однако осознаются его носителями как принадлежность уходящей нормы, хотя и остаются нейтральными с экспрессивно-эмоциональной точки зрения. Например, для современного русского языка таким словом можно считать *платье* в собирательном значении ‘одежда, носимая поверх белья’ (*магазин готового платья; рабочее, форменное платье*). Для первой половины XIX в. такой единицей будет, например, слово *щепетильный* в значении ‘торгующий галантерейными товарами’ (*Всем, чем по прихоти обильной / Торгует Лондон* ***щепетильный*** (А. Пушкин, Евгений Онегин, 1825)). Именно в этом отношении помета «устаревшее» может иметь вариант «устаревающее» — в зависимости от того, насколько (по оценке лексикографа) снижена употребительность данного слова в описываемый период.

Все эти соображения справедливы и для большого толкового словаря, охватывающего продолжительный исторический отрезок («от Пушкина до наших дней»). При условии гармоничного

сочетания в этом словаре принципов нормативности и историзма (о том, как оно может быть достигнуто, см. [Воронцов 2024]) отличие от синхронного словаря современного языка будет состоять лишь в том, что радиус действия стилистической пометы «устаревшее», равно как и всех прочих стилистических помет, будет ограничен одним из **нормативных периодов**, описываемых в словаре. В рамках такого нормативного периода языковая норма остается относительно стабильной и поэтому может быть описана на примере одного синхронного среза, для которого помета «устаревшее» (применительно к той или иной единице) будет корректной. Архитектура такого словаря, в частности, позволит охарактеризовать слово *трапеза* в расширительном значении ‘прием пищи’ как устаревшее для XIX в. и как стилистически нейтральное и употребительное для сегодняшнего дня.

Однако в нормативном толковом словаре с исторической перспективой должен быть непротиворечиво реализован не только стилистический, но и хронологический вектор описания, традиционно задаваемый пометой «устаревшее». Хронологическая характеристика лексики в таком словаре должна быть не относительной, а **абсолютной**, однозначно маркирующей языковой факт как принадлежность той или иной из описываемых эпох. Поэтому вместо пометы «устаревшее» целесообразно использовать здесь целый ряд помет, характеризующих языковые единицы сообразно отражаемым в словаре нормативным периодам. Набор таких помет, основанный на нормативно-стилистической периодизации русского литературного языка XIX–XXI вв., еще предстоит выработать.

В заключение подчеркнем, что предлагаемые нами решения могут быть по преимуществу воплощены в электронных словарях, отличающихся от традиционных изданий возможностью нелинейной репрезентации словарных данных. Гармоничная реализация нормативно-стилистического и хронологического векторов лексикографического описания потребует от словаря как минимум двухмерной формы, которая не может быть реализована в «бумажном» исполнении. Именно поэтому переход толковой лексикографии в электронный формат неизбежно повлечет за собой и реформу сложившегося метаязыка описания хронологически отмеченной лексики, ключевым средством которого сегодня является помета «устаревшее».

Литература

Аркадьева Т. Г., Кольцова Л. М., Кудрявцева Т. Ю., Панова М. В., Чуриков С. А. Проблема описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 14–20.

АТоС — Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 1–2. М.: ЯСК, 2016 (издание продолжается).

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. / гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин. М.; Л.: Изд–во АН СССР, 1948–1965.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–27. М.; СПб.: Наука, 2004–2021 (издание продолжается).

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Василевич А. П. Жизнь после смерти. Заметки о словах, исчезающих из языка // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3 (49). С. 10–27.

Виноградов В. В. Семнадцатитомный Академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.

Винокур Т. Г. Нужна ли нормативному толковому словарю помета «просторечное»? // Словарные категории: Сб. ст. / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 139–145.

Воронцов Р. И. Большой академический словарь русского языка: перспективы электронной реализации // Филологический класс. 2024. Т. 29. № 3. С. 56–68.

Воронцов Р. И., Приемышева М. Н., Пурицкая Е. В. Принципы нормативности и историзма в русской академической лексикографии: еще раз о типе большого толкового словаря // Вопросы лексикографии. 2023. № 28. С. 5–27.

Генералова Е. В. Устаревшая лексика русского языка: вопросы преподавания и лексикографической интерпретации // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2019. Т. 1. № 2. С. 371–380.

Генералова Е. В. Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 2. С. 180–192.

Генералова Е. В. Приемы и способы лексикографирования устаревшей лексики в «Словаре русского языка XXI в.» как показ

связи разных эпох // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. 2022. Т. 4. № 1. С. 4–14.

Грудева Е. В. Способы лексикографического представления хронологически отмеченной лексики // Русский язык в школе. 2018. № 7. С. 72–76.

Грудева Е. В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и пути ее лексикографической интерпретации: Монография. Череповец: ЧГУ, 2020.

Емельянова О. Н. Устаревшая лексика в системе языка (по материалам толковых словарей современного русского языка) // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 48–69.

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в пятнадцати томах) / ред. С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1981–1984.

Пурицкая Е. В. Диалектная лексика в толковых словарях и ее функционирование в современном языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 3 (41). С. 295–302.

Самотик Л. Г. Устаревшая лексика в толковых словарях русского языка // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность / отв. ред. В. П. Антонов. Абакан, 2015. С. 33–35.

Сорокин Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // Вопросы языкознания. 1967. № 5. С. 22–32.

СОШ — *Ожегов С. И. Шведова Н. Ю.* Словарь русского языка. М.: Азъ, 1992.

ТСУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Филин Ф. П. Заметки по лексикологии и лексикографии (некоторые вопросы подбора слов для большого Словаря русского языка АН СССР) // Лексикографический сборник. 1957. № 1. С. 36–57.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940. № 3. С. 89–117.

Е. Н. Геккина
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
gekkina@rambler.ru

НОВЫЕ СПОСОБЫ КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ: ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается корпус наименований микрофинансовых организаций, репрезентирующих тенденцию использования предложенческих структур в современных эргонимах. Наименования извлечены из государственного реестра, содержащего сведения о микрофинансовых и микрокредитных компаниях, созданных в период с 2010 по 2023 год. Названия микрофинансовых организаций (МФО), образованные на основе предложений и их фрагментов, могут быть выражены глагольными, адъективными и адвербиальными лексемами в одночленных и многочленных конструкциях. Структурные особенности созданных названий отличает разнообразие, обусловленное многотипной системой задействованных предикативных конструкций, открытых для лексико-семантических и грамматических инноваций русского языка. Фактором, интенсифицирующим употребление коммуникативных единиц, становятся формы электронной «грамматики», скрепляющие номинационные образования графическими средствами. Модели, средства и инструменты грамматической индивидуализации, в совокупности с лексическими единицами, обеспечивают многослойный содержательный план номинации, преобразуя ее в информативное, наполненное положительными коннотациями и побуждающими доводами послание от предпринимателя к потребителю услуг и товарной продукции. Очевидно, что эргонимы, мотивированные единицами коммуникативного уровня, пополняют аттрактивные ресурсы динамично развивающейся коммерческой номинации, расширяют ее потенциал, обеспечивая полифункциональность и коммуникативную эффективность.

Ключевые слова: эргонимы, коммуникативные единицы, глаголы, наречия

Динамические тенденции русской ономастической системы с отчетливостью проявляются в речевом пространстве тех сфер деятельности, продуктивный потенциал которых определяется коммуникативной результативностью и аттрактивной эффективностью. Коммерческая номинация, или имя собственное, нацеленное на выполнение задачи сообщения и задачи воздействия и «функционально эквивалентное коммерческому микротексту» [Новичихина 2004: 5], наглядно демонстрирует возможности современного имяобразования, стимулируемого множественными речевыми интенциями и широким выбором языкового инструментария. Сложный онтологический «смысл» коммерческого имени создают его информативность, тематически адекватная ассоциативность, относительно прозрачная мотивированность, фонетическая привлекательность или допустимость — эти качества в совокупности формируют представление о «правильном», удачном названии, имеющем совершенно определенные лингвистические измерения, какие позволяют судить и о происходящих онимических трансформациях.

При системно-уровневой параметризации в центре исследовательского внимания закономерно оказываются лексические свойства номинаций коммерческих предприятий, предоставляющих товары и услуги частным лицам (в отличие от других предприятий и организаций). Однако изменения в процессе привлечения языковых единиц к именованию коммерческих объектов вынуждают сместить фокус наблюдений в направлении грамматических средств индивидуализации. В сопоставительных исторических обзорах, посвященных способам коммерческой номинации в разные периоды существования общества, также фиксируются не только традиционные, устойчивые модели, реализуемые прежде всего именами существительными и прилагательными, но и модели, *не имеющие аналогов* в предшествующие эпохи (если пользоваться определением П. А. Рожковой и М. Э. Рут в сравнительном анализе эргонимов дореволюционного и современного Екатеринбурга [Рожкова, Рут 2020: 310]).

Речетворческие устремления современных номинаторов, как отмечают лингвисты, воплощаются в названиях, образованных на основе предложений или их фрагментов. В ономастических исследованиях последних двух десятилетий, проведенных на

общероссийском и региональном материале, перечни коммерческих наименований с регулярностью включают номинации предложенческого типа; ср., в частности, названия магазинов «*Заходи!*», «*Примерь!*», «*Съешь-ка!*», «*Остатки сладки*», название турагентства «*Поехали!*» [Алистанова 2011], названия кафе и ресторанов «*Вкуснятина!*» [Михайлюкова 2013], «*Давайте потанцуем*», «*Суши весла*», «*Кому охота*» [Овсянникова 2016], «*Лепим и варим*», «*Жизнь прекрасна*» [Старикова, Хоанг 2017], «*Ешь-Пей*» [Вань, Кокорина 2021], названия стоматологических клиник «*Улыбнись!*», «*Полечись-ка*» [Иссерс 2016] и клиник суррогатного материнства «*Будут дети*», «*Стану мамой*», «*Я здорова!*» [Горяев, Полякова 2023].

Тематическое многообразие и количественная представленность номинаций предложенческого типа обусловливаются, с одной стороны, экстралингвистическими причинами, прежде всего разной отраслевой принадлежностью и внутривидовой классификацией коммерческих предприятий; ср. примеры, извлеченные из публикаций коллег и собранные на городских вывесках: сервис заказа такси «*Везёт*», вейп-шоп «*Выдыхай*», развлекательный парк «*ТутоКруто*», отель «*Близко*», турагентство «*Жизнь удалась!*», парикмахерская «*Хочу стрижку*», заведения общественного питания с конкретизированным профилем «*Кофеварим*», «*Кручу/верчу*», «*Настоять и закусить*», «*Здесь клюет*», «*ТутВкусно*», «*Вкусно как дома*», «*Всегда вкусно*», «*Вкусно — и точка*». С другой стороны — регулярное и в определенном смысле неслучайное появление наименований, восходящих к предикативным единицам, свидетельствует о том, что и сами наименования, и задействованные при этом языковые механизмы и инструменты индивидуализации понимаются как способные с полнотой воплотить актуальные и полиаспектные намерения субъектов нейминга.

Описание этого тренда в создании коммерческих наименований (или неймов) эволюционировало: на начальном этапе «номинационного бума» в конце XX — начале XXI в. в тематических исследованиях отмечается частеречное разнообразие используемых языковых единиц, в их числе глаголов. Особенности названий предикативного типа фиксируются в характеризующих обозначениях: ср. *названия-предписания* типа «*Плати меньше*», «*Сделай сам*», «*Non stop*» [Новичихина 2004], *грамматические каламбуры*

с двойным значением — имени существительного и предложения; ср.: «*Встрой!СЯ*», «*Ловись рыбка*», «*По пивку*» [Вайрах 2010].

Квалификация текста «вывески» как разновидности речевого жанра [Шмелева 2017] выводит наблюдения на новый этап, обеспечивающий материальную и интерпретационную релевантность наименований коммерческих объектов. Так в зоне анализа оказываются структурно-синтаксические признаки предложений разных типов: восклицательные инфинитивные (закусочная «*Есть!*»), номинативные (салон интерьера «*Красота!*», кафе «*Вкуснятина!*», кафе «*Житуха!*»), императивные (магазин стройматериалов «*Стройся*», кафе «*Заходи на огонек*»), вопросительные (кафе «*Споем?*») [Михайлюкова 2013, 15].

При этом терминологическое единство пока не достигнуто: при указании на номинации, созданные на основе предложений и их фрагментов авторы используют такие обозначения, как *имя-предложение* [Алистанова 2011], *предикативные единицы* [Иссерс 2016], *коммуникативные единицы* [Шмелева 2017], *название-предложение* [Хоанг 2018], *названия-реплики* [Вепрева 2019], *номинации предложенческой структуры* [Вань, Кокорина 2021].

Итак, основой рассматриваемых названий служат предикативные структуры, а соответственно, целесообразен исследовательский подход, учитывающий наличие в номинативной модели единиц уже другого, коммуникативного уровня, обладающих структурной, семантической и функциональной спецификой. Поскольку *экспансия коммуникативных единиц* [Вепрева 2019] наблюдается именно в эргонимической сфере, то обоснованным и перспективным представляется обращение к отраслевому вокабуляру, какой по хронометрическим и количественным параметрам удовлетворяет задачам исследования основных свойств обсуждаемой номинационной модели.

Тематически единым и репрезентативным по объему видится эргонимикон финансовых организаций, предоставляющих услуги микрокредитования. Официальный статус учреждений такого рода был закреплен федеральным законом «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», принятым в 2010 году. С этого же времени ведет свой отсчет государственный реестр, фиксирующий сведения об организационно-правовой форме и местонахождении *микрофинансовых организаций* (*МФО*),

подразделенных на *микрофинансовые компании* (*МФК*) и *микрокредитные компании* (*МКК*). Государственный реестр размещен на сайте «Банк России» [URL: https://www.cbr.ru/microfinance/registry/]. К настоящему времени зарегистрировано свыше 10 000 микрофинансовых организаций, продолжающих свою деятельность или прекративших ее, соответственно, в реестре представлено более 10 000 наименований МФО, образующих тематически единый и объемный вокабуляр онимов.

На формирование исследуемого вокабуляра, безусловно, влияет специфика денежной сферы, императивно «участвующей» в жизни каждого россиянина, и социально-экономическое положение страны, в которой стремительно развивается и повсеместно распространяется такой тип услуг, как микрофинансирование. Суть деятельности МФО и обстоятельства, в которых клиенты, обычные граждане, обращаются за денежной помощью, соотнесены не только с правовыми и экономическими, но и национально-культурными и психологическими сторонами общественной и частной жизни. Все это обусловливает тот широкий спектр мотивов и стимулов, какие руководят субъектами номинативной деятельности, а в итоге — лексическое и грамматическое разнообразие наименований МФО.

Типологическое разделение наименований МФО предопределяет отграничение номинаций, построенных по моделям грамматических конструкций. Традиционно большую группу составляют названия официальные, номенклатурные, реализующие потенциал когерентного фразообразования; ср.: «*Брянская Микрокредитная Компания*», «*Московский областной фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства*», «*Поволжский кредитный Центр*», «*Финансовый клуб онлайн*» (здесь и далее номинации воспроизводятся с сохранением исходных графических особенностей; в скобках приводятся соотносительные варианты).

В отдельную группу объединяются названия, отражающие креативные устремления номинаторов при создании заглавного «обращения» к клиентам: «*Деньги всем*», «*Добрые Деньги*», «*Магазин кредитов*», «*Центр инвестиций*», «*Выгодные займы*», «*Честный займ*», «*Лучший Финансовый Ракурс*».

Еще одну группу представляют номинации, свободные от «предписаний» грамматических моделей, но сохраняющие кон-

струкционные признаки; ср.: «*Легкий займ Астрахань*», «*Капуста Прикамье*», «*Раунд кредит*», «*Регент Фаворит*», «*Страна Экспресс*». Подобные «наборные» названия могут восходить к образцам на английском языке и воспроизводить модели, традиционно используемые иностранными компаниями («*Прима Финанс*», «*Смирнофф Инвестмент*», «*Бридж капитал*»). К этой группе могут быть отнесены наименования, содержащие цифровые символы: «*КАПИТАЛ ЗАЙМ 15*», «*Городские Микрозаймы 24*», «*ДЕНЬГИ 003*», «*495 Кредит*». Числовые комбинации апеллируют к традиции использования в информационных сообщениях обозначений телефонных номеров, временных интервалов; к практике создания номенклатурных названий технической и промышленной продукции.

Таков контекст вокабуляра наименований МФО, позволяющий вести речь и о феномене грамматической прецедентности. Создатели номинаций МФО, образно говоря, подхватили инициативу и ввели в онимический оборот наименования, созданные на базе коммуникативных структур и воспроизводимые в виде многочленных и одночленных конструкций.

В корпусе наименований коммуникативного типа прежде всего выделим номинации, содержащие компоненты предложений с глагольной основой. Преобладают названия, включающие личные глагольные формы, актуализирующие фигуры субъектов номинируемого действия. В частности, номинируется действие ‘дать’: «*Даём деньги*», «*Даем Заем*» (также «*ДаёмЗаём*», «*Даём Заём!*»), «*МожемДать*», «*ВамДам*», «*Одолжим.ру*», «*Поможем деньгами*», «*Заправляем деньгами*», «*Выручим!*», «*Срочные деньги выручим всегда*». Субъект действия ‘дать’ также указывает на себя с помощью глагольных номинаций, выражающих позитивно-оценочные значения: «*Нам Доверяют*», «*Выручил!*».

Наименования МФО актуализируют и другую фигуру — адресата заглавной «реплики»: «*Займи!*», «*Займи у нас*», «*Займи до зарплаты*», «*ЗАЙМИ ПРОСТО*», «*ЗАХОДИ ЗА ДЕНЬГАМИ*», «*Зайди за Займом*». В номинациях используются императивные формы глаголов *взять, брать, забирать*, обозначающих ключевое действие клиента микрофинансовой организации: «*ВОЗЬМИ*», «*Возьми ВЗАЙМЫ*», «*БеритеДеньги.РФ*», «*БЕРИ-ДЕНЬГИ*», «*Бери займ*», «*Рубли Бери*» (также «*РублиБери*»), «*ЗАЙМБЕРИ*», «*Забирай*»,

«*Бериберу*». В побудительных предложениях-названиях встречаются императивные формы других глаголов: «*Звони*», «*Платиза.ру*», «*Купи не копи*», «*Возвращайтесь*».

Наименования с глагольными формами отражают референтные ситуации, а не отдельные референты. Явственен идейный фундамент ситуационного сценария: это универсальная во взаимодействии людей пара действий «давать — брать». При этом передается точное направление ролевых (субъектно-объектных) связей в двух последовательных ситуациях: *мы* можем ***дать***, ***дадим*** вам — *вы* ***берите*** и платите за нужное.

Выражающая такой идейный комплекс предикативная конструкция легко трансформируется в соответствии с модальными установками номинаторов: предложенческая структура варьируется, приобретая ту или иную степень побудительности. В названной группе преобладают глагольные номинации, выражающие прямое побуждение императивными формами («*Займи!*», «*Займи у нас*», «*Зайди за Займом*», «*ВОЗЬМИ*», «*Купи не копи*»). Императивная форма использована и при создании контаминированных наименований: «*Руббери*» (от сочетания *рубли бери*), «*Займиго*» (по авторской версии, путем наложения слов *займи мигом*), «*Мр.ЗАЙМиДАв*».

Но побуждение к действию также выражается в косвенной форме. В частности, номинации конструируются в виде диалоговой реплики, автор которой сообщает о возможности выполнить действие ‘дать деньги’, что для адресата подразумевает осуществимость шага ‘взять деньги’; ср.: «*МожемДать*», «*ВамДам*», «*Вам одобрен Займ*», «*Одобрено*» и лаконичное «*Можно*». Модальная окраска действия ‘взять деньги’ может быть изменена в сторону усиленной директивности: «*Надо Финанс*», «*Надозайм*», «*Очень надо*», «*НУЖЕН КРЕДИТ*», «*НУЖНОДЕНЬГИ*».

Побуждающей силой наделены и номинации, в которых главная роль принадлежит сущностному компоненту, генерирующему обе ситуации («мы дадим» — «вы берите»): «*Деньги Будут!*» («*Деньги Будут*»), «*Деньги пришли*». Компонент «деньги» выступает на ситуационной «сцене» в качестве самостоятельного участника, а это влечет расширение синтаксической номенклатуры. Наименования упаковываются в форму двусоставного предложения с именным предикатом — как полного, так и неполного; ср.: «*Деньги доступны*» и «*Доступно Деньги*» («*ДоступноДеньги*»).

Востребованными оказываются эллиптические и номинативные предложения: «*ДА!ДЕНЬГИ*», «*Вот Вам Деньги*».

Номинации с предикативными компонентами могут включать местоименные лексемы с дейктической функцией. Конструкция с местоимениями *вам, ваши* сохраняет воздействующую адресность «реплики»: «*Ваши Деньги!*». Формула с компонентом *вам* даже закрепляется в качестве номинационного образца, свидетельством чего являются такие названия, как «*РубльВам*», «*ВамПомощь*» (облеченные к тому же в форму слитного производного слова). Если в номинацию включено местоимение множества *все*, то можно говорить о жанровом перевоплощении названия и его уподоблении манифесту: «*Даешь ВСЕМ займ!*», «*Даем всем*».

Тема денег, займа и кредитного случая закономерно выводит на уровень позитивных сентенций, убеждающих констатаций и призывов, актуализирующих представления о личных предпочтениях, материальном благополучии и комфорте: «*Мне нравятся деньги*», «*Кредит не вредит*», «*Выход есть*», «*Будьте Богаты*», «*ЖИВИТЕ ПРОСТОРНО*».

Грамматическое разнообразие форм и их варьирование свидетельствуют о стремлении номинаторов использовать функциональные ресурсы устного диалога, присущую ему стилистику разговорной речи, неформальный регистр *ты*-обращения, различные средства выражения побуждения и убеждения, эмоционально-экспрессивных оценок. Микрофинансовые организации предлагают клиенту с самого начала взаимодействовать в прозрачном диалоговом формате, когда открыты, ясны исходные и «выходные» интенции всех коммуникантов. Актуализация жанрово-коммуникативных признаков предложенческой конструкции ценна еще и потому, что транслирует социокультурные измерения непредвиденного и предвиденного «денежного случая»: его трактуют как типовую житейскую историю, в которой есть позитивная возможность быстрого и удобного «решения вопроса».

Тематическая конкретика наименований, образованных на основе предложенческих структур, позволяет обратить внимание на единичные случаи неинформативной номинации. В частности, в качестве примеров могут служить названия «*Сказано-сделано*», «*Пойдем!*». Неинформативность обусловила оценку «неудачное», данную названию МФК «*Пойдем!*» участниками лингвистического

эксперимента, студентами Новосибирского педагогического университета [Стексова 2025].

К разряду наименований, мотивированных единицами коммуникативного уровня, относятся номинации, состав которых формируется с помощью адъективных и адвербиальных единиц, ср.: «*ПРОСТО, ВЫГОДНО, УДОБНО*», «*Легко*», «*СРОЧНО ДЕНЬГИ*», «*СРОЧНО-МАНИ*», «*Деньги Быстро*» («*Деньги быстро*»). Функциональный заряд единиц, входящих в состав таких номинаций, определяется не автономным статусом лексемы, а синтаксической позицией в типовых предложениях, потенциальным «участием» в той или иной синтаксеме, связями с компонентами предикативной основы.

Словообразовательные и функционально-грамматические предпосылки могут обуславливать множественную трактовку единицы, содержащейся в заглавном «обращении» к клиенту: «*Деньги дешевле*», «*Деньги Просто*», *«Просто деньги»,* «*Просто Кредит*», «*Удобно-Деньги*», «*Ладно*». Квалификационное морфологическое разграничение нивелируется, напротив, принимаются во внимание все функциональные признаки единицы и приобретает ценность возможность совмещения омонимичных словоформ, их неразличения. Номинации типа «*ВЗАИМНО*», «*Отлично*» объединяют вариантные пропозициональные признаки, а также «собирают» признаки лексико-семантических вариантов родственных и омонимичных лексем (ср. *взаимный, занимать, заем*). Весь этот комплект смысловых признаков «работает», создает информативное, наполненное положительными коннотациями послание от предпринимателя к потребителю услуг.

Полифункциональность адъективно-адвербиальных единиц видится той платформой, какая стимулирует и появление номинаций, представленных в виде сложных дериватов или графически оформленных как слитные производные слова: *«Срочноденьги*», «*СкороДеньги*», «*Скорозайм*». В таких номинациях продуктивны основы *легко* и *быстро*: «*ЗаймЛегко*» («*ЗАЙМ-ЛЕГКО*», «*Займ Легко*»), «*Легко-Деньги*», «*ЛегкоФинанс*», «*Быстро-займы под залог*», «*Быстроденьги*», «*Быстроденежки*», «*БыстроЗАЙМ*» («*БыстроЗайм*», «*Быстрозайм*», «*БыстроЗаймы*»). В процесс создания гибридных номинаций вовлечена и английская лексема money: «*СРОЧНО-МАНИ*», «*Быстромани*» (ср. также «*Тут Мани*»).

Номинации конструируются в виде сочетаний, включающих непроизводные наречия и наречия, образованные от существительных: «*Деньги здесь*», «*ДЕНЬГИ ТУТ*», «*Деньги рядом*», «*Деньги Сейчас*» («*Деньги СЕЙЧАС*»), «*Деньги вовремя*», «*Деньги сегодня*», «*Деньги сразу*», «*Деньги вмиг*» («*Деньги в миг*»), «*Деньги вперед*», «*Даром Деньги*», «*Деньги Валом*», «*Деньги Напрокат*» («*Деньги напрокат*», «*Деньги на прокат*»). Отнесенность таких номинаций к обсуждаемой модели возможна с учетом традиционной синтаксической роли наречий в предложениях, с учетом их «участия» в создании синтаксем. Номинация «*Деньги? Здесь!*» может служить в качестве прототипического варианта, в котором воспроизведено неполное предложение.

Конструирование наименований происходит на основе редукции глагольного предложения, отражающего ситуационные сюжеты ‘дать деньги’ и ‘взять деньги’. Сочетания с наречиями многочисленны и разнообразны по семантике: «*ЗАЙМЫ ТУТ*», «*Займ по-соседски*», «*Займы Мигом*», «*Займы влет*», «*РАЗ-ДВА ЗАЙМ*», «*Капитал Взаймы*», «*Выгода вместе*», «*Рубли мигом*», «*УДАЧА РЯДОМ*».

Следует отметить, что графически сочетания могут быть представлены в стиле хештеговой записи, репрезентирующей их как слитные наименования — сплав существительного и наречия, образованный по образцу дериватов, созданных на базе моделей словосложения: «*МНОГОДЕНЕГ*», «*ВСЕГДАЗАЕМ*», «*ДеньгиТут*», «*Деньгимигом*», «*Мигомденьги*», «*Займвмиг*». В подобных наименованиях можно усматривать и реализацию специфических форм электронной «грамматики», соединяющих в рамках конструкции нестандартные для нее компоненты.

Номинации иллюстрируют и возможности продуктивного применения результатов процесса адвербиализации предложноименных сочетаний: *«Деньги до зарплаты»*, «*Наличка до получки*», «*ДЕНЬГИ ДО ПЕНСИИ*», *«Деньги в долг»,* «*Деньги в руки*», «*Деньги без проблем*». Адвербиальные конверсивы актуализируют в «тексте» номинации как пропозициональную семантику, связанную с действиями ‘дать’ и ‘взять’, так и семантику лексическую, обеспечивающую максимально широкий смысловой диапазон «обращений» к клиенту. Дать и взять деньги можно на нужный срок: «*Штучка до получки*»; быстро: «*ЗАЙМ ЗА 5 МИНУТ*»; на

определенных финансовых условиях: «*ДеньгиПодПроцент*», «*ЗАЙМЫ ПОД ЗАЛОГ*»; для различных целей: «*ДЕНЬГИ В ПОЛЬЗУ*», «*Рубль в помощь*», «*ДЕНЕЖКА В ДОМ*», «*ДЕНЬГИ НА УДАЧУ*», «*Деньги на-дам*»; с использованием современных инструментов передачи денежных средств: «*Срочно на карту*».

Создатели наименований находят приемлемым использовать адвербиальные единицы в автономном «режиме»; ср.: «*ВЗАЙМЫ*», «*Мигом*», «*Здесь и сейчас*», «*Вместе*», «*Всегда в наличии*», «*В ДОЛГ*», «*До получки*», «*По рукам*», «*На карту*», «*При Деньгах*». Используются и графические приемы предъявления номинации в цельном и самодостаточном образе: «*Дозарплаты*», «*За15минут*», «*БезОтказа*», «*ВКАРМАНЕ*».

В номинациях могут быть представлены комбинации с лексическими инновациями, близкими адвербиальным единицам по морфологическим и синтаксическим свойствам. Среди них отметим иноязычные по происхождению лексемы *плюс*, *онлайн*, *лайк*, пополняющие разряд неизменяемых единиц; ср.: «*Деньги Плюс*», «*ДЕНЬГИ ОНЛАЙН*», «*ДЕНЬГИ ЛАЙК*».

Семантический неологизм *плюс* в его признаковом значении отмечен в «Большом универсальном словаре русского языка»; лексикографическое описание начинается с нестандартной пометы о функционально-жанровой принадлежности вокабулы: «В некоторых новейших названиях указывает на то, что предыдущее слово следует понимать расширительно. *Газета* “*Центр плюс*”» [Морковкин, Богачева, Луцкая]. Номинации микрофинансовых организаций служат подтверждающими примерами: «*Займ плюс*», «*Капитал плюс*», «*Легкозайм плюс*», «*БЫСТРО ДЕНЬГИ ПЛЮС*», «*Деньги для Вас Плюс*», «*Мои займы плюс*», «*ХОРОШИЙ ЗАЙМ ПЛЮС*», «*ВЗАЙМЫ ПЛЮС*».

Лексема *онлайн* (англ. online, on-line ‘на линии, на связи, в сети, в эфире’) может находиться в исходной для нее постпозиции и выступать в функции наречия с обстоятельственным значением: «*Займ Онлайн*», «*Займотека Онлайн*», «*Касса взаимопомощи онлайн*» («*КВ онлайн*»), «*Микрокредит онлайн*», «*Домашние деньги онлайн*». Размещение компонентов в номинации может быть иным, и в препозиции лексема *онлайн* уже выступает в роли прилагательного: «*ОНЛАЙН ЭКСПРЕСС СИСТЕМС*», «*Онлайн Финанс*».

Подводя общие итоги, констатируем: в современном ономастическом пространстве, нацеленном на полифункциональность, все более широкое распространение получают наименования-эргонимы, мотивированные единицами коммуникативного уровня. Анализ вокабуляра микрофинансовой сферы показывает, что названия, образованные на основе предложенческих структур, способны с полнотой воплотить актуальные интенции номинаторов, субъектов коммерческой деятельности.

Структурные особенности созданных названий отличает разнообразие, обусловленное многотипной системой задействованных предикативных конструкций, открытых для лексико-семантических и грамматических инноваций русского языка.

Средства и инструменты грамматической индивидуализации обеспечивают многослойный содержательный план номинации, преобразуя ее в информативное, наполненное положительными коннотациями и побуждающими доводами послание от предпринимателя к потребителю услуг и товарной продукции.

Литература

Алистанова Ф. Ф. Эргонимы современного русского языка как микросистема: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дагестанский гос. техн. ун-т. Махачкала, 2011.

Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka (дата обращения 15.10.2024).

Вайрах Ю. В. Способы словообразования наименований коммерческих предприятий Иркутска // Вестник ИГЛУ. 2010. № 4 (12). С. 78–84.

Вань Х., Кокорина Н. А. Номинации предложенческой структуры в эргонимиконе г. Екатеринбурга // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте. Екатеринбург: ООО «Издательский дом “Ажур”», 2021. С. 17–20. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/106236/1/978-5-91256-531-1_2021_006.pdf (дата обращения 15.10.2024).

Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 168–179.

Горяев С. О., Полякова И. Г. Коммерческий ономастикон в сфере суррогатного материнства // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20. № 1. С. 183–201.

Государственный реестр микрофинансовых организаций [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/microfinance/registry/ (дата обращения 15.09.2024).

Иссерс О. С. Нейминг в медиапространстве сибирского региона // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 77–91.

Козлов Р. И. Современные эргоурбонимы в городской топонимической системе: [На примере г. Екатеринбурга] // Известия Уральского государственного университета. 2001. № 20. С. 25–35.

Михайлюкова Н. В. Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Владивостока): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дальневосточный федеральный ун-т. Владивосток, 2013.

Новичихина М. Е. Теоретические проблемы исследования эффективности коммерческой номинации: автореф. дис. ... доктора филол. наук / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2004.

Овсянникова К. В. Особенности номинаций предприятий общественного питания (на примере коммерческих названий г. Воронежа и г. Москвы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2016.

Рожкова П. А., Рут М. Э. Модели коммерческой эргонимии в России на рубеже XIX–XX веков и в наши дни: смена традиции // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 303–311.

Старикова Г. Н., Хоанг Ч. Т. Трофонимы (ресторонимы) как особый тип эргонимов (на материале имен заведений общественного питания Москвы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 72–87.

Стексова Т. И. Идентификация номинативной функции эргонимов в языковом сознании студентов-филологов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2025. Вып. 23 (в печати).

Хоанг Ч. Т. Ресторанный нейминг: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2018.

Шмелева Т. В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 14–18.

В. В. Дементьев
Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
dementevvv@yandex.ru

ФАТИКА И ИНФОРМАТИКА: ФАТИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ДИСКУРСИВНОЙ ТЕОРИИ

Противопоставление фатики и информатики, введенное Т. Г. Винокур, успешно используется в современной науке активно развивающимися теорией дискурса, жанроведением, включая изучение интернет-дискурса и интернет-жанроведение. В статье обсуждается 1) концепция Т. Г. Винокур, изложенная в основном в двух больших посмертных публикациях 1993 г. («Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего» и «Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения»); 2) современные представления о соотношении фатики и информатики, фатических и информативных речевых жанров как в теории дискурса и жанроведении, так и в более традиционных направлениях изучения коммуникации, устной речи; 3) этапы развития данной концепции от 1993 г. до современного состояния. Первый этап (1990-е гг.), по мнению автора, связан с развитием жанроведения и попытками применить модель Т. Г. Винокур к жанрам: фатическим (прежде всего) и информативным. Второй этап (первая половина 2000-х гг.) ознаменовался очень активным использованием модели Т. Г. Винокур при анализе разнообразного речевого материала и одновременно попытками преодоления слишком большой жесткости двучленной матрицы «фатика ~ информатика». Третий этап автор связывает с новейшими дискурсивными научными революциями 2010–2020-х гг., развитием интернет-коммуникации, интернет-лингвистики и интернет-жанроведения.

Ключевые слова: Т. Г. Винокур, фатика и информатика, фатические и информативные речевые жанры, жанроведение, теория дискурса

Противопоставление фатики и информатики, введенное Т. Г. Винокур, успешно используется в современной науке активно развивающимися теорией дискурса, жанроведением, включая изучение интернет-дискурса и интернет-жанроведение.

В статье обсуждаются: 1) концепция Т. Г. Винокур; 2) современные представления о соотношении фатики и информатики и фатических и информативных речевых жанров как в теории дискурса и жанроведении, так и в более традиционных направлениях изучения коммуникации, устной речи; 3) этапы развития данной концепции от 1993 г. до современного состояния.

Напомним вначале концепцию Т. Г. Винокур, изложенную в основном в двух больших посмертных публикациях 1993 г. — статье «Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего» и книге «Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения» [Винокур 1993а; 1993б].

Согласно Т. Г. Винокур, «фатика» и «информатика» представляют собой два основных инварианта речевого поведения. Вступление в коммуникацию подразумевает одно из двух коммуникативных намерений: сообщение чего-либо (реализуется информативной речью) или общение (реализуется фатической речью) [Винокур 1993а: 15; 1993б: 5].

Обсуждая проблемы фатики и информатики, Т. Г. Винокур, что вполне закономерно, больше внимания уделяла фатике, которая до этого была обойдена вниманием исследователей. Именно качества фатики, выделенные и систематизированные Т. Г. Винокур, представляется, больше всего обогатили последующую коммуникативную и дискурсивную теорию.

Под фатическим речевым поведением Т. Г. Винокур понимала «речевой акт, интенция осуществить который нацелена на сам этот акт как на предпочтительный способ вступить в общение: а) частные цели в фатическом речевом поведении всегда подчинены начальному контактному импульсу; б) информативная задача высказывания, следовательно, с точки зрения участников общения, вторична; в) коннотативный план коммуникативно-стилистического характера, наоборот, способен выступать как абсолютная ценность» [Винокур 1993а: 109; 1993б: 6]. Начальным контактным импульсом обусловлены такие качества всех разновидностей

фатической речи, как десемантизация лексики, тривиальность тем, большое количество речевых наполнителей, наличие строго регламентированных и постоянно воспроизводящихся клише и формул, способность быть регулятором психического состояния людей. Если фатическая коммуникация сопровождается другой деятельностью, она может быть по отношению к последней первичной (разговор, сопровождающий званый обед, первичен по отношению к еде, которая служит лишь предлогом для беседы) или вторичной (если болтовня сопровождает ручную работу) [Винокур 1993а: 140–142; 1993б: 17].

Т. Г. Винокур выделяет ряд «вечных» черт фатической речи: диалогическая форма, тематическая свобода (тема не столь важна, как ее обработка), столкновение полярных тематически-стилевых фрагментов, отражающее непременное соединение этикетных и содержательных участков беседы; разговорность стиля [Винокур 1993а: 144–145; 1993б: 11–12]. Фатическая коммуникация — коммуникация в наиболее чистом виде, ее «свобода личного содержательно-стилистического изъявления», по мнению Т. Г. Винокур, не ограничивается «информативным объемом вербализуемой референтной ситуации», поскольку в ней «референтная ситуация является, в известном смысле, производным от коммуникативной ситуации» [Винокур 1993а: 136; 1993б: 6]. «Очевидно, именно фатическая речь выражает человека как языковую личность хотя и в неофициальном, но творческом ракурсе, имеющем аксиологическую ценность», — писала Т. Г. Винокур [Винокур 1993б: 11].

Как нам представляется, работы Т. Г. Винокур наиболее удачно завершили долгие дискуссии о сущности фатической коммуникации: несколько десятилетий изучение фатической коммуникации велось в двух параллельных, почти не пересекающихся направлениях, которые можно обозначить как «линию Малиновского» и «линию Якобсона».

Б. Малиновский вводит понятие «фатическое общение» (phatic communion), определяя его как такую разновидность речи, которая отражает заложенное в самой природе человека стремление к созданию «уз общности» между людьми и часто выглядит как простой обмен словами [Malinowski 1972]. Нельзя сказать, что Б. Малиновский обратился к абсолютно неизвестному до него явлению. Об общении такого рода говорили Э. Сепир [Сепир 1993:

232–233], Э. Бенвенист [Бенвенист 1974: 318], Б. Гавранек [Гавранек 1967: 440–441]. Но именно работы Б. Малиновского послужили отправной точкой для исследований таких аспектов фатической коммуникации, как синтаксис и лексика [Драздаускене 1970], деонтическая и эмоциональная модальность [Арутюнова 1992: 55].

Р. Якобсон, опираясь на термин Малиновского «фатическая функция», выделяет «сообщения, которые предназначаются для того, чтобы установить, а затем либо продлить, либо прервать общение, т. е. проверить, работает ли канал связи, а также для того, чтобы привлечь внимание собеседника и удержать его в случае надобности» [Якобсон 1975: 201]. Фатические реплики, сигналы, с функциональной точки зрения, обеспечивают успешность «основной» — нефатической — коммуникации.

«Линия Малиновского» и «линия Якобсона» объединяются Т. Г. Винокур в глобальном понятии фатики: термин «фатическая речь» естественным образом расширяет рамки объекта, располагая внутри него следующие типологически обособленные звенья: а) конативную функцию элементарного содержания (вступление в контакт, его поддержка и проверка); б) область речевого этикета в целом; в) бытовые диалоги и бытовое повествование; г) художественные диалоги и повествование, стилизованные под бытовые [Винокур 1993а: 135; 1993б: 8].

Концепция Т. Г. Винокур сегодня широко известна, используется в лингвистических исследованиях при изучении речевой и невербальной коммуникации в качестве хорошо работающей теоретической модели. (Система Elibrary.ru выдает по тематике «Языкознание» 158 публикаций на запрос «фатический», 15 — «фатика» в названиях работ.)

В целом данная концепция принимается и разделяется большинством исследователей. Однако ряд положений подвергается переосмыслению и трансформации, результатом стало развитие полноценных направлений исследований речевой коммуникации.

*

Рассмотрим современное не вполне, но более или менее общепринятое представление о соотношении фатики и информатики как в жанроведении, теории дискурса, так и в более традиционном изучении устной и письменной речи, речевой и невербальной

коммуникации в целом, а также этапы развития данной концепции от 1993 года до современного состояния.

Первый этап (1990-е гг.), на наш взгляд, связан с развитием жанроведения и попытками применить модель Т. Г. Винокур к жанрам, а именно: фатическим (прежде всего) и информативным (далее — ФРЖ и ИРЖ).

В этом отношении наиболее значительные научные события были связаны с изучением ФРЖ, с учетом выявленных Т. Г. Винокур конститутивных свойств фатики, — именно потому, что до Т. Г. Винокур они, как и фатика в целом, были обойдены вниманием исследователей.

При этом изучение отдельных ФРЖ в какой-то степени было подготовлено самим Б. Малиновским, описавшим сейчас широко известный small talk, выделенный им в речи туземцев (их тривиальные разговоры по вечерам у костра, болтовня и сплетни во время работы). По мнению М.-Л. А. Драздаускене, разновидность фатической речи «small talk» впервые зафиксирована еще в 1751 г. в «Письмах» лорда Честэра [Драздаускене 1970: 18]. А. Вежбицка называет и описывает при помощи «семантических примитивов», но не выделяет в особую группу несколько ФРЖ («разговор», «ссора», «шутка», «похвальба», «флирт») [Вежбицка 1997: 104–108].

Главная трудность, с которой сталкивается исследователь ФРЖ на первом этапе исследования ФРЖ, как и жанров устной речи в целом, — поиск адекватного основания классификации ФРЖ.

Анализируя ФРЖ с целевой точки зрения, Н. Д. Арутюнова выделяет среди них две группы жанров: фатические, или праздноречевые, жанры, не имеющие непосредственной цели («д-5»), и жанры, имеющие целью установление или регулирование межличностных отношений («д-4»), распределенные по шкале А. Р. Балаяна (от унисона, или искренних признаний и комплиментов, до диссонанса, или ссор и выяснения отношений) [Арутюнова 1992: 52–56; Балаян 1971].

Как показала практика, данное противопоставление малоинформативно, поскольку жанры д-4 и д-5 обнаруживают очень большое сходство. Все истинное содержание этих жанров составляет вступление в контакт, организация ситуации общения и личности коммуникантов, т. е. все то, что Т. Г. Винокур включала в содержательные доминанты фатики (остальное можно понимать

как косвенность). Определение «не имеющие непосредственной цели» не вполне корректно: жанры д-5 так же, как д-4, направлены на межличностные отношения, а именно: они сохраняют достигнутую близость. Все ФРЖ можно расположить на шкале А. Р. Балаяна, при этом жанры д-5 занимают одну точку посередине шкалы (Рис. 1):

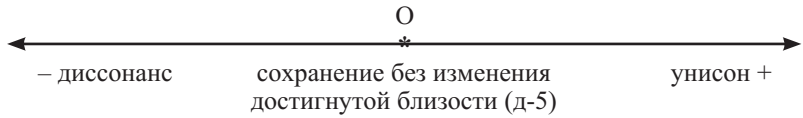

Рис. 1

В своей кандидатской диссертации, защищенной в 1995 г. [Дементьев 1995], мы предложили типологию ФРЖ с двумя основаниями: степень косвенности в виде условно градуируемой вертикальной шкалы, соединенной с горизонтальной шкалой А. Р. Балаяна. Все фатические речевые жанры располагаются на графике в виде двух прямых пересекающихся линий (Рис. 2):

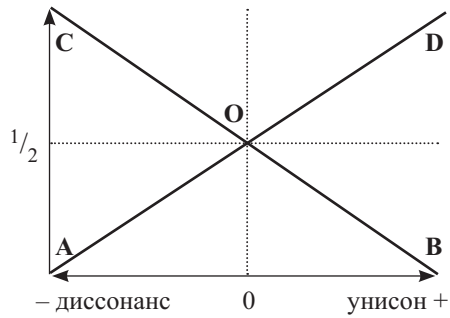

Рис. 2

В точке О находятся праздноречевые жанры (small talk): они соответствуют нулю на шкале изменения отношений и условно $^1/_2$ на шкале степени косвенности.

ФРЖ с нулевой косвенностью занимают позиции на краях оси отношений: точка А — эксплицитный разрыв и точка В — эксплицитное объяснение в любви.

В ФРЖ, для которых характерна меньшая степень улучшения/ухудшения отношений (отрезки ОА и ОВ), это улучшение/ухуд-

шение отношений осуществляется менее эксплицитно, т. е. выше их степень косвенности.

В соответствии с предлагаемой моделью типологизации фатики выделяются отчетливо противопоставляемые пять основных типов ФРЖ:

1. Праздноречевые жанры, или small talk: межличностные отношения не улучшаются и не ухудшаются, а сохраняются, степень косвенности — приблизительно $^1/_2$ (точка O).

2. ФРЖ, ухудшающие межличностные отношения в прямой форме: прямые *обвинения*, *оскорбления*, *выяснения отношений*, *ссоры* (отрезок OA).

3. ФРЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме: доброжелательные *разговоры по душам*, *признания*, *комплименты*, *исповеди/проповеди* и т. п. (отрезок OB).

4. ФРЖ, ухудшающие отношения в скрытой, косвенной форме — например, чтобы ответственность лежала на партнере (отрезок OC). Сюда относятся некоторые разновидности *иронии*, *издевка*, *колкость*, *розыгрыш*.

5. ФРЖ, улучшающие отношения в косвенной форме: *шутка*, *флирт* (отрезок OD).

Верхнюю часть графика (отрезки OC и OD) составляют ФРЖ, улучшающие/ухудшающие отношения конвенциональным образом в скрытой, косвенной форме: например, при *флирте* (OD) стремление к большей близости обязательно сопровождается большей заботой о форме речи, что необходимо при невозможности называть истинное положение дел. Максимальному сближению должна соответствовать максимальная косвенность (точка D):

> *— Вообще что жизнь? — громко заговорил он. — Все кончится — и все! — Он глядел на женщину — ждал, что она поймет его. — Ну, сделаем мы какое-то свое дело, то есть будем стараться!.. — Художник досадливо поморщился — слова были глупые, мелкие. — Черт возьми! ... Ты понимаешь? Ну, сделаем — ну и что? А всю жизнь будем себя за горло держать! Такие уж... невозможно хорошие мы, такие уж... А посмотри — лес, степь, небо... Все истомилось! Красотища! Любить надо, и все! Любить, и все! Все остальное — муть. — Он как будто спорил с кем, доказывал — говорил запальчиво, взмахивал рукой... И смотрел на женщину. Ждал.*

Она внимательно слушала. Она хотела понять. Мужчина тронул ее за руку.

— Ну, что смотришь? Не понимаешь меня? — Положил руку на ее мягкое плечо, хотел привлечь к себе (В. Шукшин. Кукушкины слезки).

Как и иронические высказывания (отрезок ОС), флирт — жанр косвенный, не имеющий прямых средств осуществления и маркирования и тем самым оставляющий говорящему возможность сделать вид, что «ничего не было» (хотя разница между флиртом и иронией очевидна: если в первом случае грубость, фамильярность на поверхностном уровне соотносится с выражением симпатии на глубинном уровне, то во втором случае соблюдение норм вежливости и правил этикета на поверхностном уровне соотносится с оскорблением на глубинном уровне).

Количество работ, в том числе диссертаций, посвященных отдельным ФРЖ в данной типологии и ФРЖ в целом, за последние 30 лет исчисляется сотнями (система Elibrary.ru выдает по тематике «Языкознание» 15 публикаций на запрос «фатические жанры», 24 — «флирт», 35 — «ссора», 87 — «small talk», 180 — «шутка», 302 — «комплимент», 531 — «разговор», 771 — «беседа» (в названиях работ)).

Что касается жанров информатики и их соотношения с ФРЖ, здесь, хотя их исследование осуществлялось не менее активно, роль Т. Г. Винокур не столь очевидна. Однако можно высказать некоторые предположения о месте ФРЖ и ИРЖ в системе речевых жанров в целом.

Если принять за границу фатики и информатики условную линию, образуемую на графике шкалой А. Р. Балаяна, РЖ, находящиеся в точках А и В (прямые *признание* и *разрыв отношений*), являются в равной степени фатическими и информативными (а следовательно, в каком-то смысле «наименее фатическими»), а вся нижняя часть типологии ФРЖ сливается с (мета-)диалогом об отношениях коммуникантов (т. е. по преимуществу информативным) и оказывается имеющей лишь косвенное отношение к основной коммуникативной цели — удовлетворению потребности в общении. С ФРЖ в точках А и В смыкаются (при максимальном личностном начале) личностно релевантные информативные жанры (гармоничные — *представление*, *соглашение* —

и дисгармоничные — *выговор*, *ультиматум*). Данные жанры являются по отношению к своей основной коммуникативной цели (информативной) косвенными: косвенные средства используются для того, чтобы смягчить тон, подчеркнуть доброжелательное отношение к собеседнику, избежать конфликтных ситуаций (либо, наоборот, создать иронический эффект). Косвенность этих информативных жанров заключается именно в экспликации личностного начала и, как следствие, в переводе части (информативной) импликатуры в имплицитный план. К личностно нейтральным информативным РЖ («собственно информатика») относятся (личностно нейтральные) *вопросы* и *ответы, дискуссии*, (прямые) *просьбы* и *обещания*.

Второй этап (первая половина 2000-х гг.; некоторые значимые идеи в этом направлении высказывались и много позже) ознаменовался очень активным использованием модели Т. Г. Винокур при анализе разнообразного речевого материала, причем объем и разнородность материала все время увеличивались. Понятно, что не ко всем разновидностям речевой коммуникации диада Т. Г. Винокур была применима одинаково хорошо. Закономерно «горизонтальный» рост материала потребовал «вертикальной» модернизации теоретической модели — прежде всего, преодоления слишком большой жесткости двучленной матрицы «фатика ~ информатика».

Подобные попытки восходят к высказанной еще в начале 1960-х гг. идее В. В. Виноградова, выделявшего, как известно, не две, а три «важнейшие общественные функции языка: общение, сообщение, воздействие» [Виноградов 1963: 5–6], — в современной лингвистике они представлены, например, независимыми по отношению друг к другу моделями К. Ф. Седова и автора настоящей статьи.

Процитируем размышления К. Ф. Седова, высказанные в его книге, посвященной *суггестивному*, т. е. *воздействующему дискурсу* [Седов 2011]:

> «Мысли Т. Г. Винокур развил и положил в основу своей концепции В. В. Дементьев. <...> По мнению ученого, все жанры речи (модели вербального и невербального оформления типических ситуаций социального взаимодействия) тяготеют либо к информатике, либо — к фатике. При этом в поле фатического общения существуют нейтральные коммуникативные ситуации (*болтовня*, *шутка*, *анекдот*) и ситуации, которые либо улучшают

тональность общения (*похвала*, *комплимент*, *лесть* и т. п.), либо, напротив, ухудшают (*ссора*, *оскорбление* и т. п.). Идеи, высказанные В. В. Дементьевым, когда-то разделял и автор настоящей книги. Но в отношении бинарной оппозиции информатика/фатика я должен высказать коллеге принципиальные возражения.

Разделение всего пространства повседневного дискурса, во-первых, неоправданно расширяет смысловое поле “фатика”. Трудно согласиться с тем, что *спор*, *ссора*, *инвектива*, *комплимент* — это речь, которая строится ради общения. Во-вторых, полностью игнорируется важнейшая функция межличностного общения — функция воздействия. Таким образом, я к уже названным полюсам предлагаю добавить третий — воздействия. Схематически это можно представить следующим образом.

Рис. 3

Отдавая дань информативным моделям межличностного общения, мы не должны забывать, что одна из функций дискурса — передача информации от одного участника коммуникативного акта — другому. В своем речевом произведении говорящий довольно часто сообщает собеседнику смысл, которого тот не знает. Это — фундаментальная цель общения, присутствие которой никто не оспаривает. Фатика — также важнейшая составляющая нашего речевого бытия. Очень часто люди вступают в коммуникацию ради самой коммуникации, чтобы ощутить себя частью социума. Но, наряду со стремлением передать информацию и реализовать желание бессодержательно пообщаться, мы воздействуем на другого человека: побуждаем его к поступку, влияем на его мировоззрение, изменяем его эмоционально-психологическое состояние и т. п.» [Седов 2011: 15–16].

Упрек К. Ф. Седова в мой адрес представляется несправедливым: еще за десять лет до его процитированной книги была защищена

моя докторская диссертация «Основы теории непрямой коммуникации», где одним из главных членений непрямой коммуникации была виноградовская триада «общение ~ сообщение ~ воздействие» — соответственно выделялись непрямое общение, непрямое сообщение и непрямое воздействие [Дементьев 2001: 209–266].

Как уже говорилось, для этого направления характерны попытки «добавить» в диаду Т. Г. Винокур другие члены оппозиции. Так, В. В. Прозоров, с одной стороны, вставляет «номером три» в диаду «фатика ~ информатика» *монологическое мышление* (далее — ММ):

> «Удивляет, однако, отсутствие в этой типологической картине речежанровой вселенной ещё одной (помимо фатики и информатики) — третьей — существенно важной составляющей. Имеются в виду все многочисленные и издревле присущие человеку универсальные речевые жанры более или менее *скрытой*, *мысленной* (в устных версиях почти беззвучной) *вербализации*, внутренней монологической речи, с разной степенью интенсивности используемой нами во всяком возрасте и в бесконечном множестве ситуаций. Это речь для себя, наедине с самим собой. Она может быть всякой — печальной и радостной, озабоченной и расслабленной, мечтательной, отрешенной от реальности или, напротив, прагматичной по своим главным функциям. Часто она итожит прожитое, предваряет некие действия, сопутствует важным жизненным и житейским поворотам и т. п. “Тихо сам с собою я веду беседу”, — как пелось в одной, некогда популярной песне» [Прозоров 2017: 143].

С другой стороны, В. В. Прозоров соотносит получившуюся триаду с известной (Платон — Аристотель — Гегель) триадой «эпос ~ лирика ~ драма». (Причем важно, что автор не только выделяет и соотносит три типа речевой коммуникации, но и делает это с точки зрения речевых жанров, существующих в данных типах коммуникации.)

> «К **драме** тяготеют прежде всего все разновидности **информативной**, нечто сообщающей речи. В самой природе информации, в разнообразных процедурах ее передачи, ее распространения и восприятия всегда заложен конфликт разного масштаба, конфликт между тем, что было известно, ведомо, привычно до получения данной информации, и тем, что привнесла с собой в картину мира

или в ее отдельные (пусть даже крохотные) фрагменты, во взаимоотношения с другими, в собственные самочувствия и т. д. новая или обновленная информация. Это конфликт настоящего (состояния) и будущего (со всеми последствиями, которые может иметь новое сообщение). Драматическое ощущение новизны, потребность в сообщении нового пронизывает и состояние-поведение говорящего, и вольное/невольное ожидание воспринимающего информацию. Обе стороны (в том числе, и в ситуациях, когда они меняются ролями) устремлены навстречу будущему времени. Их гложет желание поделиться, поведать, доложить, наговорить, уведомить, нашептать, поверить нечто до поры до времени остававшееся сокрытым... В драме конфликт между Я и Ты (Он, Она, Они) проясняется, обостряется, достигает своего предела. Вот почему к драматическому роду могут быть отнесены всевозможные разновидности жанров молвы (слухи, толки, сплетни, россказни, рассказы о только что увиденном и услышанном), известий, новостей, сенсаций, сообщений, объявлений, манифестов, заявлений, распоряжений, приказов, объяснений, сведений, извещений, выступлений, докладов, лекций, диспутов, дискуссий, споров, выяснения отношений, обвинений, угроз, доносов, ссор...

Эпическое начало, устремленное к некоему равновесному состоянию, обнимает все разнообразие живого **фатического** общения, при котором сам акт коммуникации со своими героями и героинями многообразно самоценен и представляет собой поведенчески-речевое ритуальное событие, фамильярное, ласковое, приятельское, праздное, неприязненное, намеренно раздражающее, бранное говорение, признание, описание, разные виды непрямой коммуникации. Эпическое многоцветие пронизывает жанры светской беседы, благодарности, флирта, комплимента, шутки, анекдота, разговора по душам, разговора с попутчиками, объяснения в любви, похвальбы, жалобы, оскорбления, извинения, издевки, тоста, поздравления и соболезнования, проповеди, беседы <...> Фатика привычно опирается на прошлый опыт участников общения и пробует вновь и вновь испытать его правомерность и надежность. И с этой точки зрения, она находится в сфере эпического притяжения.

Лирика словно бы обнимает все разновидности **автокоммуникации**, предполагающей преимущественно **внутреннее** (про себя) речевое общение, замкнутое на одном субъекте, имеющее в виду монологи-медитации, высказывания, выстраивания речевых

периодов, обращенных прежде всего и главным образом к самому носителю-инициатору речи. <...> Лирика (уединенное) в переводе на язык речевой практики — это очень часто вербально реализуемое самочувствие Робинзона (без Пятницы), погруженного волею жизненных обстоятельств в свой мир переживаний этих обстоятельств и раздумий по их поводу. Это жанры самопризнания, исповеди, дневниковой записи (дневника), воспоминания, автобиографии, самоиронии, самоанализа, самокритики, самовнушения, саморефлексии, самоутверждения, самоутешения, клятвы, завещания и т. д. По сути дела, это жанры, которые М. М. Бахтин относил к разряду интимных. В «автокоммуникации» я весь отдаюсь настоящему времени: это мои нынешние переживания, сегодня, сейчас, сию минуту остро отзывающиеся в душе» [Там же: 147–148].

Кроме того, по мнению В. В. Прозорова, три литературных рода (а также тройственная функция речи, тринарные свойства человеческой психики) органично соотносятся в новой и новейшей истории и с основными разновидностями СМИ: печатью, радио и телевидением, все чаще неожиданно и органично совмещаемыми в Интернете [Там же: 145].

Как видим, в поисках универсальной речеведческой модели, которая позволила бы охватить все важнейшие разновидности и сферы речевого общения, ученые — филологи разного профиля — дополняют диаду «фатика ~ информатика» противоположными вещами: чтó может быть более противоположно монологическому мышлению, чем воздействие?

Мы пока не готовы удовлетворительно разрешить данное противоречие. Выскажем осторожное предположение, что сложившаяся ситуация не случайна, а обозначенная противоположность во многом кажущаяся.

То, что ученые расширяют и дополняют бинарную модель языка и речи, претендующую на универсальность, вполне понятно и естественно; естественно также искать и находить новые рядоположенные члены, делающие данную модель более гибкой, а значит, более адекватной. Вопрос только в том, сколько таких новых рядоположенных членов будет введено и какие именно.

Чтобы удовлетворительно ответить на этот вопрос, требуется довольно кардинальная трансформация взгляда на речевую коммуникацию (которая к этому времени сама изменилась — с появлением

Интернета, искусственного интеллекта), без преувеличения: новая научная революция в теории коммуникации.

Итак, **третий этап** мы связываем с новейшими дискурсивными научными революциями 2010–2020-х гг., развитием интернет-коммуникации, интернет-лингвистики и интернет-жанроведения. Диада Т. Г. Винокур применима к интернет-коммуникации, но имеет здесь ряд особенностей.

Главной типологической чертой интернет-коммуникации, которая обязательно должна учитываться при изучении ее информативных и фатических жанров, является совмещение двух противоположных тенденций — к повышению диалогичности (увеличивается количество коммуникантов, количество источников информации (гипертекстовость) и скорость — как обмена репликами, так и завязывания новых контактов) и уменьшению диалогичности (по-своему вполне естественным и распространенным следствием развития интернет-коммуникации являются эскапизм и аутизм), или, по выражению А. Н. Фортунатова, «интерактивности» и «интерпассивности» [Эпистемология сегодня 2018: 269–272; «Это эпидемия цифрового аутизма...» : 2020].

Данные характеристики значимы для развития и успешного осуществления форм и жанров коммуникации, требующих, с одной стороны, самоуглубления и рефлексии (включая саморефлексию), рефлексии над формой речи (включая эстетическую), с другой — массовости контактов, скорости и условий для повышения воздействительности (флешмобы, контент-агрегаторы, в т. ч. для сетевой рекламы, сетевые платформы — уже сложившиеся эффективные формы интернет-воздействия).

Очень важно, что все эти феномены имеют, кроме дигитальной, текстовую природу, а значит, попадают в ве́дение дискурсивных и текстовых направлений лингвистики.

Для объяснения важных, на первый взгляд, противоположных свойств интернет-коммуникации оказываются востребованными различные трехчленные модели (подобные рассмотренным выше тринарным моделям К. Ф. Седова и В. В. Прозорова), возможно, трансформированные из тринарных в тетрарные, например: общение ~ сообщение ~ воздействие ~ ММ (Рис. 4). Воздействие и ММ расположены на противоположных вершинах квадрата, так как являются противоположностями.

Рис. 4

Получившаяся тетрарная модель кажется оптимальной для описания языка и речи (речевой коммуникации) во многих отношениях. Все члены (четыре) данной модели безусловно значимы, новые рядоположенные члены не просматриваются.

Традиционные направления изучения внутреннего мышления, включая текстовое — ММ, — могут и должны привлекаться для осмысления многих важных моментов интернет-коммуникации.

Лингвистика Интернета может снабдить данные традиционные направления полноценным текстовым материалом, которого им всегда недоставало, и предложить новые эффективные методики для анализа не только данного специфического материала, но и материала ММ.

Доказана ли целесообразность перехода к тетрарной модели для описания языка, речи и речевой коммуникации, особенно учитывая, что за двухтысячелетнюю историю филологии большинство моделей, претендующих на универсальность, были не тетрарные, а именно тринарные: модель Платона — Аристотеля — Гегеля (проза ~ поэзия ~ драма), Карла Бюлера (говорящий ~ слушающий ~ предмет речи), наконец, названного В. В. Виноградова (общение ~ сообщение ~ воздействие)? Возможно, целесообразнее вернуться от тетрарной модели к тринарной, переосмыслив значение членов, а именно: допустив, что триады К. Ф. Седова и В. В. Прозорова близки по своей сути, объединить ММ и воздействие (или, точнее, допустить, что ММ содержит в себе средства его), воспользовавшись максимой *les extrêmes se touchent*. Добавим, что сделать это помогает новое, изменившееся в новую эпоху состояние речевой коммуникации, а именно: появление и широкое распространение интернет-коммуникации, которое выводит на первый план диалектическое единство *интерактивности* и *интерпассивности*.

*

Судьба концепции Т. Г. Винокур, по сравнению с многочисленными другими речекоммуникативными типологиями на целевой основе, сложилась чрезвычайно успешно за тридцатилетие, прошедшее после смерти ее автора. С одной стороны, идеи Т. Г. Винокур активно и успешно привлекались для осмысления и новой социальной реальности (постсоветское российское общество с его официальными и неофициальными новыми структурами), и новых сфер и форм коммуникации (интернет-коммуникации, которой при жизни Т. Г. Винокур не существовало, а также искусственного интеллекта, программ чат-ботов и т. п.). С другой стороны, они оказались в высокой степени востребованы в новых направлениях лингвистики, прежде всего, теории речевых жанров и дискурсивной теории, которые при жизни Т. Г. Винокур только начинали складываться в полноценные лингвистические дисциплины. Как представляется, наибольший научный вклад Т. Г. Винокур в развитие этих дисциплин состоял в обосновании коммуникативного статуса фатики, рядоположенном информатике, и разработке основ теории фатики, прежде всего, содержательных доминант и интенциональных структур. Если при новом дискурсивном, речежанровом изучении информатики исследователи могли вполне успешно и непротиворечиво опираться на достижения традиционной лингвистики, то при изучении фатики и ее жанров таких сложившихся традиций не было, за исключением концепции Т. Г. Винокур, на которую и опирались в очень большой степени практически все новые исследования фатики, включая исследования очень значительной фатической составляющей интернет-коммуникации.

Концепция Т. Г. Винокур давала и дает для этих целей богатые возможности, и, безусловно, традиция будет продолжена.

Литература

Арутюнова Н. Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52–56.

Балаян А. Р. Основные коммуникативные характеристики диалога: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.

Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 99–111.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993а.

Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993б. С. 5–29.

Гавранек Б. О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 432–443.

Дементьев В. В. Жанровая структура фатической коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995.

Дементьев В. В. Основы теории непрямой коммуникации: дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 2001.

Драздаускене М.-Л. А. Контактоустанавливающая функция речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150.

Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, Универс, 1993.

Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / Под ред. И. Т. Касавина и Н. Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 269–272.

«Это эпидемия цифрового аутизма» // Forbes, 23.01.2020: https://forbes-ru.turbopages.org/s/forbes.ru/finansy-i-investicii/391757-eto-epidemiya-cifrovogo-autizma-o-chem-doktor-kurpatov-i-yog-sadhguru.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.

Malinowski B. Phatic Communion // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 146–152.

А. Н. Ерёмин, О. О. Петрова
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского
(Россия, Калуга)
eremin.an55@yandex.ru, poks1990@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ НОМИНАТИВНО-ОМАДАТИВНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрена природа семантики репрезентативно-омадативных имен и амбивалентность социально значимой оценки в их семантической структуре. Анализируется оценка: частная и общественная; эксплицитная и имплицитная. Общеизвестно, что «содержание слова отображает в сознании... представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр.», однако движение мысли может идти и в обратном направлении: «содержание значения конструирует представление о предмете, свойстве, процессе, явлении. Рассмотрены стороны взаимодействия субъекта с языковым материалом для получения знаний о реальности**,** особенности человеческого освоения объекта в процессе познания, языковое сознание именующего субъекта, интересы субъекта. Как известно, в процессе познания субъект открывает в объекте какие-то его свойства, но не все. Авторы данной статьи приходят к следующим выводам, которые дополняют друг на друга: 1) формирование репрезентативных номинативно-омадативных имен обусловлено в том числе природой познания; 2) языковая система модифицирует полученные семантические значения; 3) семантика рассматриваемых репрезентативных номинативно-омадативных имен под влиянием языковых компетенций и интересов участников коммуникации может трансформироваться дополнительно; 4) члены социума могут использовать эти лексемы для манипуляции общественным сознанием.

Ключевые слова: лексическое значение, репрезентативное номинативное значение, репрезентативное номинативно-омадативное значение, репрезентативное омадативное значение, коммуникативный процесс

Одной из черт работ Т. Г. Винокур является заложенное в них понимание того, что автоматически следовать нормам литературного канона недостаточно, нужно видеть этот канон через призму национальной жизни и культуры в целом. «Вдруг, видите ли, выяснилось, что у нас есть тюремный жаргон, что есть *зэки* (упаси Бог!), есть *параши...*» [Винокур 2009: 60].

Все слова (значения) по объективности/субъективности их содержания можно условно разместить на шкале: репрезентативное номинативное — репрезентативное номинативно-омадативное — репрезентативное омадативное значения.

Соотносительные примеры: *человек*, *белый*, *спать — глупый*, *Наташа Ростова*, *красивый — коммунизм*, *ангел*, *бессмертный*.

В статье рассмотрены некоторые репрезентативные номинативно-омадативные имена, содержащие неочевидную неправду или неполную правду, что обусловлено природой познания, влиянием языковой системы, языковых компетенций субъекта, особенностями дискурса, речевых действий говорящего, включающих разные цели — благовидные и/или неблаговидные.

Термин омадативный ‘конструирующий реальность’, как считается, одним из первых использовал Ч. Фёргюсон [Ferguson 1968: 40–47].

Авторы данной статьи приходят к следующим выводам, которые дополняют друг друга:

I. Формирование репрезентативных номинативно-омадативных имен обусловлено в том числе природой познания.

II. Языковая система модифицирует полученные семантические значения.

III. Семантика рассматриваемых репрезентативных номинативно-омадативных имен под влиянием языковых компетенций и интересов участников коммуникации может трансформироваться дополнительно.

IV. Члены социума могут использовать эти лексемы для манипуляции общественным сознанием.

I. Природа познания в формировании репрезентативных номинативно-омадативных имен

В процессе познания человек ищет истину, часто правду.

Правда — обыденная форма бытия истины.

«Истина, одна из важнейших ценностных универсалий культуры, выступающая ориентиром познавательной и практической деятельности, соотносимой с определенными критериями (соответствия действительности, приближения к идеалу, внутренней согласованности и эмпирического оправдания, успешности действия, ощущения внутренней гармонии и т. д.)» [Порус. Истина// https://bigenc.ru/].

Познанное фиксируется в лексических значениях.

О содержании лексического значения писали много и с давних времен. Однако вопрос по-прежнему актуален. Предлагаем провести следующие сопоставления:

А. Платон соотносил значение с истинным или ложным знанием: он считал, что оценка человеком своих или чужих поступков и убеждений как истинных или ложных неизбежно зависит от того, как человек понимает саму истину. Определив критерий истинности как основу для оценки позиций сторон, Платон видит в позиции Гермогена его понимание истины в духе учения Протагора, полагавшего, что общей для всех истины нет, а истина у каждого своя: сколько людей, столько и истин: «Мера всех вещей — человек» [Платон 1990, т. 1: 616]. «Сущности вещей для каждого человека особые, и, следовательно, какими мне представляются вещи, такими они и будут для меня, а какими тебе, такими они и будут для тебя» (386a) [Там же]. «Что б каждому ни показалось, то для каждого и будет истинным» (386d) [Там же]. Эта позиция сегодня является основой некоторых философских течений, по большей части, постмодернистского толка. Ее можно сформулировать еще и так: сколько людей, столько и мнений.

Платон предлагал концепцию, согласно которой знание — это не просто мнение, а истинное мнение, то есть такое мнение, которое по удачному совпадению соответствует реальности.

Б. Теория современной когнитивистики, поставившая человека в центр языковой деятельности, провозгласила, что отражение этого мира осуществляется через «идеализированные когнитивные модели» (ИКМ) [Лакофф 2004: 99–211].

В отечественной лингвистической научной традиции лексическое значение «отражает», «отображает» действительность.

Д. Н. Шмелев отмечал: «Значение слова — отражение в слове того или иного явления действительности (предмета, качества, отношения, действия, процесса)» [Шмелев 1977: 58].

В. Г. Гак, обобщая наблюдения лингвистов в области теории лексического значения, пишет следующее: «Лексическое значение — содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр. Лексическое значение — продукт мыслительной деятельности человека, оно носит обобщенный характер. <...> Лексическое значение представляет сложную структуру, определяемую... семиотическими отношениями словесного знака: его семантикой, прагматикой, синтактикой» [Гак 1997: 213].

Рассмотрим таблицу:

Внешняя среда → внутренний мир	← Человек → (пол, возраст, образование, культура, социальный статус, профессия)	Лексические значения слов

А. А. Потебня выделял «ближайшее значение» слова, являющееся собственно языковым, и «дальнейшее значение» слова, которое содержит дополнительные сведения — последнее включает и то, что западные ученые назвали прагматическим, или лингвопрагматическим, значением [Потебня 1958: 19–20; см. также Виноградов 1977: 162–192; Morris 1938].

С. Д. Кацнельсон разграничивает языковые знания и конкретные знания об объекте, выражаемые с помощью языка. «Каждый человек, как правило, знает о предметах и их свойствах гораздо больше, чем это нужно ему для называния. Конкретные знания о предметах могут быть весьма обширными, выражаются они с помощью языка, но не в самом языке, а в образуемых на его базе речевых произведениях, сообщениях, текстах. Конкретные знания о мире различаются у разных людей в зависимости от житейского опыта, круга занятий и интересов, уровня образования и т. п. Что объединяет при этом всех носителей данного языка, это знание основ языка и соответственно минимальный запас предметно-содержательных знаний, подсказываемых языковыми единицами» [Кацнельсон 1972: 131].

В работе «Эстетика и поэтика» А. А. Потебня писал: «Обыкновенно мы рассматриваем слово в том виде, как оно является в словарях. Это все равно, как если бы мы рассматривали растение, каким оно является в гербарии, то есть не так, как оно действительно живет, а как искусственно приготовлено для целей познания. Отсюда произошло то, что многие явления языка понимались ошибочно» [Потебня 1976: 465–466].

Уже здесь задана неопределенность границ семантики лексического значения. Постулируется, что отдельное значение — это интегральная часть семантики слова. Оно в том или ином виде представлено в толковых словарях.

Можно отметить несколько причин, которые задают основу необщности значения у разных лиц: а) интеллектуальный фактор в значении; б) социальный фактор в значении; в) языковой фактор в значении.

Человек в процессе познания не может в одном или нескольких значениях охватить все стороны объекта, поэтому он обозначает какое-то его свойство. И это мы видим на примере мотивированности знака.

> «Образ стола может иметь много признаков, но слово *стол* значит только простланное...» [Потебня 1976: 114].

Эта особенность представления внешнего объекта лежит в основе формирования лексических значений, она может быть использована намеренно, например, при толковании социальных терминов. Тогда интеллектуальный фактор дополняется собственно языковым, а также социально-языковым.

Сравните дефиницию слова *работодатель* в разных словарях:

> **РАБОТОДА́ТЕЛЬ**, -я, м. (офиц.). Лицо, к-рое предоставляет работу, наниматель [Шведова 2011: 785].
>
> **РАБОТОДА́ТЕЛЬ**, -я, муж. (экон.). 1**.** Тот, кто предоставляет работу, нанимает рабочую силу. 2. Предприниматель, эксплоататор, человек, нанимающий рабочих с целью извлечения прибавочной стоимости [Ушаков 1939, т. 3: 1099].

Оторванные от квазисинонимического ряда, такие номинации служат разным идеологическим целям.

Ср. также официальное значение аббревиатуры *ГИБДД* и ее осмысление частью водителей. *ГИБДД* **нормативно** расшифровывается как *Государственная инспекция безопасности дорожного движения.* Это подразделение занимается регулированием дорожного движения и контролем соблюдения правил дорожного движения. Иронические или саркастические прочтения аббревиатуры *ГИБДД* водителями: «Гони Инспектору Бабки, Дуй Дальше!»; «Государственная Инспекция Баранов, Дезориентирующих Движение».

II. Языковая система модифицирует полученные знания

В любом случае полученная информация о внеязыковой реальности не может быть представлена без языка.

Язык формирует реальность. В этой синтаксически обратимой конструкции субъект может быть прочитан как объект, а объект — в качестве субъекта.

Эти вопросы с несколько иной стороны излагались многими лингвистами (см., в частности, [Шмелев 2016]).

Движение мысли может идти не только от внеязыкового объекта к формированию соотносительной лексемы, но и в обратном направлении: «содержание значения конструирует представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и пр.».

Глупый и мудрец, смотря на одно и то же дерево, видят два разных дерева (автор неизвестен).

Русский разговорный дискурс неоднороден. Так, многие терминологически нейтральные обозначения больных в обиходной речи представлены как оценочные номинации-параллели, которые непоследовательно отражены в толковых словарях*: идиот, дебил, даун, психопат, псих, кретин, шизофреник* и т. п.

> **ДЕБИ́Л**, *-а, м.* Человек, психически недоразвитый, с примитивными суждениями, с недостаточностью эмоций, со сниженной социальной адаптацией [Шведова 2011: 184].
>
> **ДЕБИ́Л**, *-а, м.* 1. Разг. Человек. Страдающий олигофренией. 2. Бранно. О тупом, несообразительном человеке [БТС 1998: 244].

«В общих толковых словарях термины не имеют строгих дефиниций. Скорее, здесь содержатся такие их толкования, которые

соответствуют представлениям обычного носителя языка (не специалиста в данной области науки или техники) о том или ином предмете, явлении, устройстве, процессе» [Крысин 2008: 128].

Известно, что просторечные лексемы, попадая в литературный язык, испытывают давление последнего, что может искажать описываемый соотносительный объект или ситуацию.

ДЕ́ВКА, -и, *ж.* (устар. и прост.). То же, что девушка (в 1 и 2 знач.). [Шведова 2011: 185].

ДЕ́ВУШКА, -и, *ж.* 1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности, к зрелости. *Юноши и девушки.* 2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но ещё не вступившее в брак [Шведова 2011: 185].

Представленное в словаре под ред. Н. Ю. Шведовой толкование просторечного ***девка*** неточно. Оно должно быть таким:

Девка, прост. Лицо женского пола.

Ср.: *— Да ты же, помнится, говорил, что родилась* ***девка***. [В. А. Каверин. Верлиока (1981)];

— Ему собраться — только подпоясаться! — встрял в разговор молчавший до этого старик. — Чего вы навалились на ***девку****? Чего счас с нее спрашивать?* [В. Шукшин. Калина красная (1973)];

Борисовской была ***девка*** *лет пятидесяти или больше, ростом высокая, мужественная и еще красивая, хотя старуха по летам* [А. Я. Артынов. Воспоминания (1884)];

— Знакомая ***девка*** *на пенсию пошла* (живая речь).

БРЕХА́ТЬ, брешу, брешешь; *несов.* (прост.).

1. То же, что лаять (в 1 знач.). *Брешет собака.* 2. *перен.* Врать, говорить вздор [Шведова 2011: 61].

В живом просторечии слово ***брехать*** имеет 3 значения:

1. Лаять (о животных). — ***Брешут*** *у реки собаки.*

2. Говорить. — *Бабы* ***брехали****, Верка ушла от свавó.*

3. Врать. — *Не* ***бреши****, тебя не видели на работе.*

Лексемы литературного языка и внелитературных форм характеризуются дублирующими аналогами слов-характеристик (метафора) и слов-номинаций (метонимия) в кругу вторичных

значений. Это напоминает в каком-то смысле дублирование систем в технике:

> **«ДУБЛИ́РОВАНИЕ** (от франц. doubler — удваивать) в технике, способ повышения надёжности объекта (напр., системы, агрегата, устройства) путем однократного резервирования объекта в целом или его отд. узлов, блоков, элементов. Основной и резервный объекты образуют дублированную группу» [В. Н. Фомин: https://old.bigenc.ru/].

Ср. в языке дублирующие метафоры: *бездельник* — ***трутень, сачок*** и т. д.

Дублирующие метонимии: *курить* — ***дымить***; ***грустить*** — ***вздыхать*** и т. п.

Часто эти аналоги входят в разные по объему синонимические ряды.

Литературный язык: *есть — вкушать, поглощать, насыщаться,* ***жевать***...; *пить — утолять жажду,* ***глотать****, хлебать* и т. д.

В просторечии и сниженном регистре речи носителя литературного языка может наблюдаться наложение рядов, относящихся к смежным денотатам: ***есть — хлебать***, ***жрать***...; ***пить — хлебать, жрать*** и т. п.

III. Семантика рассматриваемых имен под влиянием языковых компетенций и интересов участников коммуникации может трансформироваться дополнительно

Речь молодого человека 22 лет, образование 9 классов, ПТУ. В момент записи речи (2002 г.) работал трактористом на стройке. В данном тексте ярко выражена «низовая» идеология, часто прямо противоположная принятым в обществе канонам:

1. — Расскажите, какие бывают девушки?

2. Будем *трепаться про девочек?* Я так думаю/ всех девушек можно *распределить на*.. несколько *категорий*// Первые/ *правильные* (воспитанные, грамотные)// Все *замороченные* (тяготеют к культуре, много учатся)/ сидят/ *зубрят*/ умницы/ *никуда* (туда, куда хотелось бы говорящему) носа не показывают// У всех у них забот полон рот (с иронией)// *Плющит* (доставляет удовольствие)

их што ль от этой учебы?! И *пацаны* им *типа по фигу*// Они *тормознутые* (неинтересные, неразвитые)/ мне не нравятся// Другие/ *такие*/ ну как сказать/ *типа крутые*/ ходят все в *прикиде* (дорогой и модной одежде — с точки зрения говорящего)/ с *модными* (нравящимися говорящему) *прибамбахами* (аксессуарами одежды)// *Кохти* по километру// Но... На лице *боевой раскрас* (яркий макияж)// Ходят/ *блин*/ *как пишут* (необычная, сексуальная походка)// Нос/ *блин*/ кверху// *Типа* все *мужики фуфло*// Но это *опять* (?) неправда// *Не трогай нас руками* (цитация речи таких девушек)// На хромой кобыле не подъедешь// А *хто* на *тачке*/ на машине то есть/ автомобиле// Подъедет *так*/ с *деньгами*// И сразу *блин*/ такие сговорчивые становятся// Это правда! Для *понта поморозят* (для вида притворятся, что не знают, как быть)/ *поломаются*/ а потом *типа* согласны/ с вами... Но это *не фонтан* (не хорошие девушки)// Вот// Кх-х// А *есь* девчата *норма-альные* (которые ему нравятся)// *Простые*// *Прос-таки* хорошие// *Зыкнешь* (скажешь резко)/ они *мигом*:/ — Зачем пришел? — *Про-осто*// В парк придут// *Скучкуемся*/ *перебазарим*/ *скинемся*// И пошли... в загул// *Держись колхоз!* Вот это *вообще клёвые*/ хорошие девчата// Нравится с ними и *побазарить*/ и *побухать*// Можно и *это* (эвфемизм «заняться сексом»)// Бывает (смеется)// А бывает/ *протрешь* им *по ушам* (обманешь)/ что денег *нету*// А они за свои деньги и *харчик* (еду)/ *бухло* (спиртные напитки) *доставят* (принесут)// Это в доску свои девчата!

Члены социума выбирают номинацию из числа возможных, исходя из своего интереса или отсутствия интереса к объекту именования, оформляют ее как единицу с нейтральной (положительной) стилистической коннотацией или как лексему, содержащую негативную оценку.

Слово *работяга* в словаре под ред. Н. Ю. Шведовой во 2-м значении еще сохраняет поддержку коммунистической идеологии, но в современных текстах оно получает новое содержание и негативную оценку. Ср.:

> **РАБОТЯ́ГА**, — и, м. и ж. 2. Рабочий человек, простой труженик (прост.) [Шведова 2011: 785].
>
> «Широкоплечими, кряжистыми, грубоцицыми мужиками, с тяжеленными ручищами и багровыми затылками — одним словом, представителями того типа людей, на которых, взглянув,

сразу скажешь: ***работяга***» [С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева (2006–2007)].

«Итак, настоящий работяга обязан не бежать впереди паровоза, быть трудолюбивым и исполнительным, с начальством не спорить, не перечить. “Настоящий работяга” говорится с придыханием, с уважением, и с некоторым пренебрежением ко всем остальным» [https://talinkas.livejournal.com/].

IV. Члены социума могут использовать эти лексемы для манипуляции общественным сознанием

В обществе в сознании людей «многое строят власть имущие, эксперты и т. д.», формирующие средствами языка в голове отдельного субъекта манипулятивную картину мира.

«Идеологии (включая научные) позволяют (ре)конструировать социальную реальность, основанную на групповых интересах» [Тён ван Дейк 2013: 54]. Ср., например:

ГОСПОДИ́Н. 4. Официальное, а также вежливое обращение к мужчине (обычно перед именем, званием, должностью); вообще упоминание о таком лице. *Г. министр! Г. полковник* (в старой русской армии). *По данному вопросу обратитесь к господину Петрову!* [Шведова 2011: 165].

Совершенно очевидно, что отмеченное в словаре Н. Ю. Шведовой 4-е значение слова *господин* не может быть актуальным в современных условиях (например, в ситуациях естественного общения). Трудно представить, к примеру, что в современной России ученик обращается к учителю: «***Господин*** учитель!».

Сегодня воспринимаются как нелепые такие обращения, как *господин* ***слесарь, госпожа*** *дворник,* ***госпожа*** *воспитатель* и под.

Идеологически заданным является обращение Н. С. Михалкова к президенту В. В. Путину: «***Ваше Высокопревосходительство господин*** президент...» [Айсакова 2008: 171].

В. И. Даль, человек воцерковленный, объясняет значение слова ***безбожие*** только как воображаемое состояние.

БЕЗБО́ЖИЕ. Воображаемое состояние кого или чего при отсутствии Бога, божества... [Даль 1981, т. 1: 58].

По идеологическим причинам составители словаря 1847 года [СЦРЯ 1847] не включают в него слово *рабовладелец* ни по отношению к древним рабовладельческим обществам, ни в переносном значении: в данном словаре его нет вообще.

Хотя слово ***раб*** есть.

> **РАБ.** 1. Слуга, состоящий в полной власти своего господина [СЦРЯ 1847, т. 4: 2].

Есть оно и у В. Даля: **РАБ.** Невольник, крепостной; человек, обращенный в собственность ближнего своего, состоящий в полной власти его... Встарь были различные степени рабов: *холоп, смерд, кабальный...* ***Рабами*** писались сами, в унижении своем, безусловно преданные кому слуги... [Даль 1982, т. 4: 1].

Также: *Три тяжкие доли имела судьба, И первая доля: с* ***рабом*** *повенчаться, Вторая — быть матерью сына* ***раба,*** *А третья — до гроба* ***рабу*** *покоряться, И все эти грозные доли легли На женщину русской земли* (Н. А. Некрасов. Мороз. Красный нос).

Релятивная пара *рабовладелец — раб* не представлена в словаре, что противоречит действительности.

Аналогично избирательны и манипулятивны высказывания: Все дети ***талантливы*** (педагогический дискурс). Успешные люди добились результата ***своим трудом*** (политический дискурс). Из ***шлюх*** получаются хорошие жены (дискурс женского любовного романа) и под.

> «Итак, что же такое ***старец***? ***Старец*** — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог наконец достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли» (Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы).

Итак, действительность, какую мы знаем, сформирована во многом языком, в котором происходит ее осмысление, дополнение или переосмысление, вследствие чего эта действительность

обычно в чем-то сконструирована и не является простым аналогом реального положения дел.

По этой причине можно выделять репрезентативные номинативно-омадативные лексемы.

Что касается оценочной семантики рассматриваемых слов, то она может быть амбивалентной.

Литература

Айсакова Е. А. Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук / МПГУ. М., 2008.

Большая Российская энциклопедия. Электронный вариант [https://bigenc.ru/].

БТС — Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977 (1963). С. 162–192.

Винокур Т. Г. Десять заповедей культуры речевого поведения // Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. I. М.: ЯСК, 2009. С. 50–63.

Гак В. Г. Лексическое значение // Русский язык. Энциклопедия. Изд-е 2-е, переработанное и дополненное. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.

Даль В. Толковый словарь живого Великорусского языка. М.: Русский язык, 1981–1982 (репринтное воспроизведение 2-го изд., 1880–1882 г.), Т. 1. 699 с.; Т. 4.

Крысин Л. П. Терминологическая лексика в современных лингвистических словарях // Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.

Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л. Экономика и управление, финансы и право. Словарь-справочник. Москва, Чебоксары: Вуз и школа, 2004. 1288 с.

Лакофф Джордж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: ЯСК, 2004. D0%B0%2

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ruscorpora.ru.

Платон. Кратил // Собрание сочинений в четырёх томах / Общ. редакция А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Автор вступительной статьи и статей в примечаниях А. Ф. Лосев. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 613–681.

СЦРЯ 1847 — Словарь церковнославянскаго и русскаго языка / Составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1847. Т. 1–4.

Тён А. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и в коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2011: Издательский центр «Азбуковник».

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 3, 4:/ Гл. ред. Б. М. Волин, Д. Н. Ушаков; Сост. В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков; Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1939–1940.

Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика, Учебное пособие для студентов пед. Ин-в по специальности «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1977.

Шмелев А. Д. Лингвистические приемы манипуляции // Межвузовский научный семинар «Актуальные проблемы современной лингвистики и межкультурной коммуникации» (26–27 мая 2016 г., г. Улан-Удэ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rutube.ru/video/2102a2ed22847c60104bb7d7a5cce959/. Дата обращения: 04.08.2024.

Ferguson Charles A. (1968). Language Development // Charles A. Ferguson, Thom Huebner. Sociolinguistic Perspectives: papers on language in society, 1959–1994, Oxford University Press US, pp 40–47.

Morris Ch. W. Foundations of the theory of signs / Charles W. Morris. Chicago, III: The University of Chicago Press, 1938. — VIII, 59 c.

А. В. Занадворова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
annazann@gmail.com

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматриваются количественные и порядковые числительные, которые в современном русском языке приобретают дополнительные значения или развивают устойчивые коннотации в различных сферах коммуникации и подсистемах языка.

Анализируются механизмы появления у числительных дополнительных значений и культурных коннотаций, их функционирование в текстах разных жанров и в различных социальных сферах. Числовые обозначения часто используются в функции гиперболы (реже — литоты). Подобные значения фиксируются во фразеологии (ср. пословицы с числительными: *два, три, семь, девять* и т. п.). Слова *сто, тысяча, миллион, миллиард* также имеют значение большого количества, которое отмечается в толковых словарях. В разговорной речи спорадически в этой функции могут употребляться и другие числительные. В сетевом общении встречаются «несуществующие» слова со значением большого количества, созданные по моделям существующих слов (ср.: *стопицот, дофигиллиард, дохренард* и др.).

Кроме экспрессивных функций, числовые обозначения могут приобретать дополнительные значения по смежности. Так, стандартный размер, вес, площадь, температура и т. п. указывают на ту предметную область, в которой эти числительные употребляются (ср., например, *36 и 6* указывает на семантическое поле «здоровье», *шесть соток* отсылает к стандартным размерам дачного участка и т. п.).

Числовые обозначения используются и в качестве эвфемизма, когда речь идет о вещах, связанных с телесным низом (*одно место, пятая точка*), запрещенной идеологией, острыми политическими и социальными вопросами (*пятьдесят восьмая, пятый пункт* и др.). Они встречаются также в художественных произведениях,

поэтому можно говорить и о «прецедентных числах», которые приобретают культурные коннотации (*451, 1984* и др.).

В профессиональном или внутригрупповом общении такие словосочетания могут использоваться в функции тайного языка, как знак принадлежности к своим или просто для экономии времени.

Ключевые слова: имена числительные, сетевое общение, лингвистическая прагматика, эвфемизация, культурные коннотации

Число есть чаша, в которую может
быть налита жидкость любой величины.
В. Хлебников

Имена числительные, на первый взгляд, наименее эмоционально окрашенный разрядов слов. Однако числа присутствуют во всех сферах нашей жизни — номера домов, машин и телефонов, маршруты автобусов, дни рождения и даты исторических событий. В нашей повседневной жизни постоянно приходится что-то считать, измерять, взвешивать, располагать по порядку. Таким образом возникает метонимическая связь между объектом измерения и соответствующей ситуацией. В языковом сознании говорящих возникают устойчивые ассоциации, которые связаны с определенным временем суток, возрастом, историческим периодом и т. п. В разных культурах числительные обрастают различными коннотациями.

Как показывают исследования, многие культурные коннотации являются национально специфичными. Так, например, в России и Европе число *13* считается несчастливым, а в Японии и Китае несчастливым считается число *4* (по созвучию со словом «смерть»). Число 666 в христианском мире — это апокалипсическое число Зверя, которое упоминается в последней книге Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова» и считается очень «плохим» числом, так как оно символизирует антихриста. На Востоке же оно не имеет таких коннотаций — напротив, для китайцев число 6 счастливое, в современном китайском сетевом сленге 666 употребляется очень часто и обозначает положительную оценку, что-то вроде ‘супер, круто’. О значениях и коннотациях чисел в различных культурах см. также [Кодоньо 2022, Сотой 2016, Цуй Хун Ень 2003, Баясгалан 2006] и др.

Вполне естественно, что числительные используются в языке в качестве **гиперболы** или **литоты**. Во многих языках существуют

устойчивые выражения, в состав которых входят числительные: так, например, частотны выражения, где число **один** обозначает предельно малое или недостаточное количество (***один*** *в поле не воин, на* ***один*** *зуб, на* ***один*** *укус*); частотны фраземы, где **два** (или существительное ***пара***) обозначает малое количество чего-л., ср.: *от горшка* ***два*** *вершка, на* ***два*** *слова, в* ***два*** *счета, в* ***двух*** *словах,* ***пара*** *пустяков*; см., например, [Гайломазова 2016].

Числа **три** и **семь**, наоборот — большое и очень большое количество (*плакать в* ***три*** *ручья, гнать в* ***три*** *шеи, наврать с* ***три*** *короба и др.*; *за* ***семь*** *верст киселя хлебать,* ***семь*** *пятниц на неделе, книга за* ***семью*** *печатями,* ***семь*** *пядей во лбу* и т. п.). Причем в разных языках в этой функции могут употребляться разные числительные (ср., например, русское *быть на* ***седьмом*** *небе от счастья* и английское *cloud* ***nine*** буквально ‘***девятое*** *облако*’)[1].

У некоторых числительных это значение отмечаются даже в нормативных толковых словарях, ср., например, толкования, приведенные в Малом академическом словаре: «**СТО** ... 2. *Разг.* Служит для выражения неопределенно большого количества в значении: ***много***, ***очень много***; **ТЫСЯЧА** ... 2. *обычно мн. ч.* (т ы́ с я ч и , - с я ч). Огромное количество, множество кого-, чего-л.; **МИЛЛИОН ...** 2. *обычно мн. ч.* (м и л л и о́ н ы , - о в). Огромное количество, неопределенное множество кого-, чего-л.; **МИЛЛИАРД** ... **2.** *обычно мн. ч.* (м и л л и а́ р д ы , -о в). Огромное количество, неопределенное множество кого-, чего-л.» [МАС 1981–1984].

В разговорной речи могут окказионально употребляться в роли гипербол и другие числительные, ср.: *Почему надо* ***десять*** *раз повторять одно и то же!;* (Разговор об оформлении грантов): *Приходится по* ***тридцать*** *раз переделывать одну и ту же бумажку*!; ***Пять*** *раз ему сказала что купить/ все равно хлеб забыл!; Согласен на* ***150*** *процентов!* (Записи устной речи, 2001–2024); *Я почему знаю... да я эти фотографии* ***пятьдесят раз*** *в своих руках подержала...* (Д/ф из цикла «Письма из провинции», 2007); *Или тебе* ***сто писят раз*** *повторять надо?* (К/ф «Друг мой, Колька!», 1961).

[1] Прочие числа также могут возникать во фраземах, но нерегулярно, ср. например, французское устойчивое выражение «**увидеть тридцать шесть подсвечников**», аналогичное русскому «**искры из глаз посыпались**» (о других примерах употребления чисел в иностранных фраземах см. [Иомдин, Левонтина, Шмелева 2024: 18–21]).

Для обозначения крупного человека (а также расширительно, для обозначения чего-л. большого размера) в разговорной речи используется выражение *семь на восемь (восемь на́ семь)*[2]. Ср.: *Амбал **7 на 8**; А на входе два молодца стоят — **семь на восемь**, но тоже при галстуках* (Азартные игры для бабушек // Истории из жизни, 2004); *Бежит по полю Афанасий (морда **семь на восемь, восемь на семь**) В больших солдатских сапогах (без подметок, на босу ногу, чтоб не жали)* (Блатная песня); *У дам глаза — **семь на восемь**, **восемь на семь*** (Аркадий Пастернак. Сонька-помойка).

В разговорной речи и в сетевом общении также могут образовываться игровые **псевдочислительные**. Например, от выражений «до фига» и «до хрена»[3] (имеющих значение ‘большое количество чего-л.’) образуются слова *дофигилиард, дофигиллион*, *дохренард, дохренион*, а от слов *офигеть* и *охренеть* (которые употребляются в функции коммуникатива как эмоциональная реакция на что-л.) образовались — *офигиллион, охренеллион* по моделям слов *миллиард* и *миллион*. Ср.: *Это было капец как давно. И да, на фото я. **Дофигиллиард** лет назад; Чтобы температура тела не приближалась к показателям термометра снаружи, нужно укутать себя в **дофигиллион** одёжек; Рецепты пирога из варенья гуглите, их **дохренард**; Заодно становится понятно, зачем за **офигиллион** денег конструировали трамвай специально для этого маршрута; А если серьезно, в каждом человеке **дохренион** интересного, но в людях-рыбах этого добра вагон!* (Блоги, 2017–2024).

Сравните также наречия с количественным значением: *дофигашечки, дохренашечки, дохренашки,* ср.: *Я тут уже **дофигашки** играю и мне не надоело; Ну а раз счастье мужнино у ног находится, тогда пожелаю благополучия, новых впечатлений, ну и — еще **дохренашечки** чего ещё!!!; объектив решила не брать — что-то **дохренашки** расходов щас* (Блоги, 2017–2024).

---

[2] См., например, Словарь русского арго: СЕМЬ-НА-ВО́СЕМЬ, в зн. *нескл. сущ.* (*или* СЕМЬ-НА-ВО́СЕМЬ, ВО́СЕМЬ-НА́-СЕМЬ). Что-л. очень большое (в том числе о человеке). *Братец у тебя **семь-на-восемь**, видно, что не корой питается. **Семь-на-восемь** квартирка-то, не чулан однокомнатный, есть где на дальность поплеваться* [Елистратов 2000].

[3] См. соответствующие статьи ФИГ и ХРЕН в «Толковом словаре русской разговорной речи» [ТСРР 5: 165, 320].

В значении ‘большое количество’ употребляется и слово *пятносто*, образованное, видимо, как контаминация числительных *пятнадцать* и *девяносто*, ср.: *Коллективно было решено полагаться на расписание двухдневной давности, которое уже успело* ***пятносто*** *раз поменяться, и никуда не идти!* (Блоги, 2018).

В сетевом общении в значении запредельно большого количества употребляется числительное *100500* (**сто пятьсот**). Его эмоциональная окрашенность и экспрессивность подчеркивается сознательной «неправильностью», математической невозможностью существования подобного числа, ср.: *Надоело по* ***стопятьсот*** *раз всё перепроверять.*

Кроме цифровой записи **100500**, которая является наиболее частотной единицей, встречается еще около пятнадцати ее орфографических вариантов *(сто пятьсот, стопятьсот, сто пяцот, сто пяццот, стопятцот, стопяццот, 100пяцот, сто питьсот, стопитьсот, сто пицот, сто пиццот, стопицот, стопитцот, стопиццот, 100пиццот, 100пицот).*

Вот типичные контексты его употребления: *Если для покупки надо одалживать, подумаю* ***стопицот*** *раз и откажусь от покупки; Я же просила по-хорошему* ***стопицот*** *раз!; А, кроме того, по моему мнению, второй сезон гораздо умнее, серьёзнее и в* ***стопицот*** *раз лучше первого; А у меня не будет* ***стопятьсот*** *фотографий у/за/под/на ёлке, у меня вообще ёлки не будет, и праздника тоже, и Нового года в принципе;* ***Сто пятьсот*** *тысяч раз мне сказали, что все операторы заняты, оставайтесь на линии. и вдруг... Прекрасный брутальный мужской голос ответил мне!; Я когда приехала в Англию, то осознала, что мой английский, несмотря на* ***стопитцот*** *лет изучения оного в школе, довольно ужасен и вообще какой-то неживой совсем* (Блоги 2014–2024).

По сведениям словарей, составленным в результате авторефлексии — самими носителями сетевого жаргона, оно возникло, вероятно, из числительного *пятьсот (пяцот, пицот*), которое также имело значение неопределенно большого количества, ср.:

> **Питцот минут** — 1) большой промежуток времени (*мы ехали* ***питцот*** *минут — мы ехали очень долго*). 2) поздний срок (*уже* ***питцот*** *минут! пора валить! — Уже поздно! Пора уходить!*) (vk.com/topic-42352649_27105532).

Также к специфическому «сетевому» употреблению относится широко известный «**+1**», который является универсальной реакцией согласия на любой пост. Более развернуто его смысл можно сформулировать так: «полностью согласен, готов подписаться под каждым словом». Изначально единица обозначала человека, который выражает согласие (‘и я тоже’), но довольно быстро она десемантизировалась, появились эмоционально окрашенные модификации, гиперболы + **100, + 1000** аналогичные гиперболам, характерным для разговорной речи.

Наряду с числовой функционирует и буквенная запись *плюс один*, чаще даже в более экспрессивном варианте *плюсодин (плюсадин)*, и, соответственно, ***плюссто, плюстыща***, ср., например: *Жирный* ***плюсодин****;* ***Плюсодин****, простите за выражение = И отдельная* ***плюстыща*** *за абзац про не-семьи; Ага, очень верно подмечено кстати!* ***Плюссто****!* (Живой Журнал, 2014–2016).

От этого выражения образовался глагол — *плюсодинить*, который обозначает примерно ‘выражать свое согласие с автором поста, оставляя комментарий «+1»’, а также имеет коннотацию — отделываться шаблонным коротким ответом вместо содержательного комментария: *Это не то, что можно хвалить и* ***плюсодинить****, тут такие категории как «хорошо» — «плохо», по-моему, уже вообще не работают; Комментирую редко, так как меня всегда кто-нибудь да опередит, а «****плюсодинить****» не хочется); Тут в дружественных журналах опять и снова поднималась тема ролевых игр, причём так качественно поднималась, что хотелось* ***плюсодинить*** *по всем пунктам* (Блоги, 2015–2023).

В русском языке также существует ряд идиом, образованных по формуле **n+1**, где **n** — прототипическое число чего-л. Подобные сочетания могут иметь два значения: 1) что-то лишнее, ненужное; 2) что-то необыкновенное, небывалое.

В выражениях, обозначающих что-либо лишнее, ненужное, даже числительное *два* уже не имеет значение малого количества, оно, напротив, выражает избыточность:

> ***Два*** *канатоходца не могут ходить по одному канату;* ***Два*** *кота на одном столе не находятся; Два медведя в одной берлоге не уживутся;* ***Два*** *меча в одни ножны не входят;* ***Два*** *века жить не будешь; Кто цепляется за* ***два*** *корабля — утонет;*

Третий *лишний; две собаки дерутся —* ***третья*** *не приставай; Если у одной плиты* ***три*** *повара толкутся — обед пригорает;*

Пятое *колесо; Нужен, как собаке* ***пятая*** *нога;* ***Пятая*** *колонна.*

Во втором значении (‘что-то необыкновенное, небывалое’), встречаются выражения: ***третий*** *глаз,* ***шестое*** *чувство,* ***седьмой*** *континент,* ***восьмое*** *чудо света* и под.

Формула n + 1 (*n и один*) используется и с числительными, обозначающими очень большое количество, для еще большего усиления гиперболы.

Ср. название знаменитого памятника арабской литературы «Сказки тысяча и одной ночи», по образцу которого создаются подобные названия и выражения:

(Название книги:) А. Некрасов. ***Тысяча и один*** *способ быть самим собой; Один из слухов о вас гласит: у Семиной* ***тысяча и один*** *бурный роман, сто и один муж, не считая мимолетных любовников...* (Сельская новь, 11.11.2003); *Сейчас есть* ***тысяча и один*** *способ сбросить вес — по крайней мере, так утверждает реклама* (Домовой, 04.11.2002); *Однако, хоть я не читал ее, скажу вам с полной уверенностью, что в ней есть* ***тысяча и один*** *пункт, делающие договор недействительным* (М. Алданов. Чертов мост).

По такому же принципу образовано выражение *сто один* (или *сто и один)*. Ср. название мультфильма «Сто один далматинец», а также:

— А вы уверены, что это убийство?» — «На ***сто один*** *процент!»* (М. Милованов. Рынок тщеславия); *Да и было б смешно, кабы нам вдруг стали выплачивать деньги: вот тебе, дескать, мальчик,* ***сто один*** *рубль и одна копейка, распишись в получении...* (А. Рекемчук. Мальчики); *Я привез тебе* ***сто один*** *подарок. Милая, дорогая, как я тосковал без тебя!* (В. Каверин. Открытая книга); *Но лечиться привычным способом кудесник не разрешил, а велел вместо того обежать остров ровно* ***сто и один*** *раз.* (М. Успенский. Там, где нас нет); *Один из слухов*

о вас гласит: у Семиной тысяча и один бурный роман, ***сто и один*** *муж, не считая мимолетных любовников...* (Сельская новь, 11.11.2003).

Помимо оценочных значений (экспрессивное выражение гиперболы и литоты), числительные способны развивать коннотации другого рода. Они могут метонимически отсылать нас к определенному семантическому полю. Этот прием используется, например, в городской коммуникации на вывесках. Так, в Москве открылась сеть аптек «**36,6»** («Тридцать шесть и шесть»), что сразу вызывает в памяти общеизвестный факт, что нормальная температура человека составляет 36 и 6 десятых градусов Цельсия. Появилась также сеть аптек «**120/80**». Эти цифры обозначают показатели давления, которые являются нормой для здорового человека, и мы сразу понимаем, что речь идет о чем-то из области медицины или здоровья.

Издается газета для дачников с названием «**Шесть соток**», что соответствует наиболее распространенному размеру дачного участка (которые в советское время «выдавали» сотрудникам предприятий).

Существует ювелирный магазин **585*Золотой** (585 — это проба золота; аналогичный магазин серебра мог бы называться 925).

Особые культурные коннотации есть и у дат. Ср. реакцию на несправедливый и абсурдный приговор суда: — *У нас что/ опять* ***37*** *год//* (имеется ввиду 1937 год — разгар сталинских репрессий).

Существуют также «прецедентные числа», которые отсылают к прецедентным текстам. Таким числом является, например, «1984» — название романа-антиутопии Дж. Оруэлла: — *Это мне уже напоминает* ***1984****//* (Запись устной речи, 2024). Еще один пример — число 451, которое является частью названия романа-антиутопии Рэя Брэдбери «451 по Фаренгейту».

Кроме того, числительные могут употребляться в функции **эвфемизма**.

Эвфемизации подвергаются разные сферы жизни человека. В первую очередь, это название объектов и процессов, связанных с **телесным низом** (отправлением естественных потребностей,

сексуальными отношениями и т. п.). Так, выражение *одно место* является эвфемизмом, который имеет целых два значения:

> **Одно место** — 1) уборная. *Сходить в **одно место***; 2) зад. *Думать **одним местом**. Делать все через **одно место**.*

Эвфемизм в данных контекстах опирается на значение слова *один*, которое отражено в толковых словарях, ср., например: «ОДИН ... 9. *в знач. неопр. мест*. Какой-то, некий [МАС].

Пятая точка — эвфемистическое обозначения зада, ягодиц.

Ср.: *Искать приключений на свою **пятую точку***; *Ноги плохо держат: села и покатилась, как говорят туристы «на **пятой точке**»* (И. Грекова. Перелом); *Катальщики на огромной скорости неслись с горы, скользя по ледяным ухабам на «**пятой точке**»* (Народное творчество, 16.02.2004).

Шутки (шуточки) за 300 — обозначает разряд неприличных плоских шуток. Изначально употреблялось, как общее названия для типа шуток, когда собеседника просят сказать слово, а к нему в рифму добавляют нечто обидное или издевательское (— *Скажи «подвал» — Подвал. — Тебя скелет поцеловал*). Так и в ответ на «триста» произносится «*Лизни подмышку тракториста*», а также более непристойные варианты. Выражение употребляется в устной речи и в непринужденном сетевом общении. Ср.: (Название статьи): *«**Шутка за 300**», которая шокировала екатеринбуржцев* (Блоги, 2019); *Победа запустила «**шутки за 300**»* (о новых поборах за выбор мест); *8 юзерпиков: всем известный основной, дернутый из клипа «Магадан», QR-код со ссылкой на блог, Фрейд, Холмс и Граммар-наци — изредка украсить комментарии в стилях «**шутки за триста**», «вот я вас и раскусил» и «пешы паруске правельна» соответственно; Подпись к фото с надписью «Сыр российский полутвердый радость вкуса 45%». Прекрасно понимаю, что сейчас будет «**шутка за 300**», ... но все же любопытно, что скрывают в себе остальные 55%* (Живой Журнал, 11.07.23).

Помимо телесного низа, эвфемизация затрагивает также социальные и политические темы.

Ср., например, возникший в советское время выражение «**пятый пункт**», эвфемистическое указание на принадлежность

к еврейской национальности. Раньше в СССР в паспорте была графа «Национальность», но «пятый пункт» взялся не из паспорта. В формуляре Личного листка по учёту кадров паспортных органов МВД СССР была графа номер 5 для указания национальности.

Ср.: *Его на физфак в свое время не приняли/ у него* ***пятый пункт***// (Запись устной речи, 1988); *Наступит срок, разберутся-оценят, станешь вновь полноценным человеком. Может быть, и в газету примут, несмотря на* ***пятый пункт*** *и родственников за границей* (Е. Гаммер. Живые зеркала // «Ковчег», 2014); *Хвалит Мария Евгеньевна большой талант Миши Гаспарова и жалеет умницу Сесиль Топштейн (нигде не берут на работу,* ***пятый пункт*** *мешает)* (А. Тахо-Годи. Жизнь и судьба: Воспоминания); *А у кого из них анкета на «****пятый пункт****» хромает?* (Г. Елин. Доверчивый ёрник (Виктор Астафьев)); *Другой недостаток его значился в «серпастом-молоткастом», в* ***пятом пункте*** (Знание — сила, 2009).

Есть числительные, которые стали «мемами», благодаря какому-л. известному событию, прецеденту. Так, выражение «**146 процентов**» стало эвфемистическим выражением, обозначающим нечестные подсчеты голосов, фальсификацию.

> *Сегодня главное для ответственного руководителя — «эффективно освоить бюджет». Не сомневаемся, что в случае с переписью это было сделано. А итог сойдёт любой — даже если это очередные «****146 процентов****»* (ВКонтакте, 2020).

Существуют и более сложные (зашифрованные) цепочки эвфемизации. Так, на некоторых автомобилях одно время можно было увидеть на первый взгляд бессмысленные, но безобидные наклейки, например: «Купил себе пальто на осень», однако, на самом деле эта строчка являются рифмой к сочетанию цифр 14/88 — «один четыре восемь восемь», имеющему националистическую окраску.

Своего рода фигурами умолчания можно назвать обозначения уголовных статей по номерам, ср.:

> **«Закон о трёх колосках»** (также «закон о пяти колосках», закон «**семь восьмых**», «закон от седьмого-восьмого», **указ «7-8»**) — распространённое в исторической публицистике

наименование Постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятого по инициативе Генерального секретаря ЦК ВКП(б).

— Вещь-то вы взяли у жены английского дипломата. И по действующим соглашениям, стоимость норковой шубки тысчонок под сто — всего-то навсего — должен был бы им выплатить большой театр, то есть государственное учреждение. Ты, Ручечник, усекаешь, про что я толкую?

*— Указ «**семь-восемь**» мне шьёшь... — ни на миг не задумался Ручечник.*

Жеглов выскочил из своего роскошного кресла и воздел руки вверх...

*— Я шью? При чём здесь я? Поглядел бы ты на себя со стороны — ты бы увидел, что **Указ от седьмого августа**, то, что ты «**семь-восемь**» называешь, уже у тебя на лбу напечатан! — Сделал паузу и грустно добавил: — И у подруги твоей Волокушиной тем паче! По десятке на жало! По десятке!»* (А. и Г. Вайнеры. Эра милосердия).

58 статья (эта статья Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в редакции 1926 года и более поздних редакциях устанавливали ответственность за контрреволюционную деятельность) — это печально известная статья, по которой осуждали политических заключенных. Номер статьи получил, увы, настолько широкую известность, что часто употребляется без поясняющего слова *статья*:

*Жизнь любого человека **пятьдесят восьмая** накрывала смертным саваном* (А. Купер. Истопник); *Матрос Грязнов. Неужели не слышали? Затем, как положено, гражданская война, служба в ЧеКа. Чистки тридцатых. **Пятьдесят восьмая**. СЛОН Соловецкий лагерь особого, так сказать, назначения. И, удивительное дело, дед выжил* (О. Селедцов. Протокол одного собрания. Повесть для театра); *Вот сотнями привозят ссыльных немцев и казахов, подселяют по избам. Никто не*

*возмущается, только подкармливают гостей рыбешкой и повторяют «**пятьдесят восьмая**»* (М. Тарковский. С людьми и без людей).

Иногда уточняется и номер подпункта 58-й статьи, по которому человек был осужден: *Я — из Ленинграда, — в глазах у женщины вопросительно засветились огоньки, — зиму провела на Шпалерке, в апреле — приговор, **пятьдесят восьмая, десять-два,** перевели в Кресты* (Н. Гаген-Торн. Memoria).

Словосочетание «**пятьдесят восьмая**» благодаря метонимическому переносу может обозначать также и людей, осужденных по этой статье:

*Не видишь, что ли, женщина стоит рядом, шибко грамотная, **пятьдесят восьмая**!* (Е. Гинзбург. Крутой маршрут); *А унизительнее голода в лагере нет ничего. Ведь тут, Георгий Николаевич, ведь что страшно: не совесть люди теряют, а голову. Мы, **пятьдесят восьмая**, красть не умеем, а крадем* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Также достаточно широкую известность, особенно в молодежной среде, имеет номер статьи — **228** УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконное приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта.

Возможно, она получила известность благодаря песне, в которой есть, например, такие слова: ***Два два восемь** — мы курить не бросим*.

Соответственно, словосочетание ***два-два-восемь*** употребляется без поясняющих слов (статья или номер статьи). Ср.:

(Заголовок поста, использует цитату из песни:) **Лето, осень, папиросим. Два, два, восемь, Два, два, восемь.** (далее идет собственно пост:) *Сегодня, кстати, праздник — российский национальный день торчка. Праздник празднуется 2 раза в год — 28 февраля и 22 августа* [т. к. если даты записать цифрами — по системе месяц-число 2.28 или, наоборот, число-месяц 22.8, то получается отсылка к номеру статьи УК 228] (Живой Журнал, 28.02.2009);

Становится не по себе. Срочно нужно выйти. А вдруг там, на улице, уже ждут? Вдруг на улице принималово? ***Два-два-восемь****. От четырех до восьми* [лет]. *Точно, таков уговор! К. поймали на сбыте, он договорился: К. и С. накачивают жертву по уши, выманивают на улицу и там сдают с рук на руки. Статистика по району не страдает* (М. Лялин. Параной. Озеро Долгое).

Вполне естественно, что в профессиональном общении людей, связанных с юридической деятельностью или судами, используется обозначение широкого спектра уголовных статей по номерам (и обозначение людей по номеру статьи): это позволяет экономить время и коммуникативные усилия, т. к. содержание статей является общим знанием для этой профессиональной группы, но за рамки внутригруппового общения выходят лишь некоторые.

В узких **профессиональных группах** числовые обозначения становятся частью внутригруппового жаргона и также могут приобретать значения, непонятные непосвященным. Числа могут заменять иногда целые словосочетания или устойчивые этикетные формулы, они являются очень экономным средством передачи информации.

Так, например, в среде радиолюбителей приняты следующие сигналы:

55 — не имеет однозначного общепринятого толкования, разными группами радиолюбителей применяется как «рукопожатие», пожелание успеха, и даже «храни вас Бог»;

73 — наилучшие пожелания;

88 — любовь и поцелуй (в шутку передают оператору-женщине);

99 — не желаю с вами работать (единственное общепринятое грубое выражение в международном коде; употребляется крайне редко, Nine-Nine по форме напоминает немецкое «nein nein», что значит *нет и ещё раз нет*) (из статьи в Википедии «Радиожаргон» https://ru.wikipedia.org/wiki/Радиожаргон). Разумеется, это далеко не полный список значений.

Примечательно, что некоторые из них могут выйти за рамки профессионального жаргона и использоваться в качестве неизбитого

средства выражения экспрессии. Ср., например, строки из стихотворения Роберта Рождественского «Восемьдесят восемь»:

Предпоследним словом / себя обозвав, / парень объясненья не бросил.
*Поцелуй / восьмерками зашифровав, / он отстукал / **ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ**!*
*Разговор дальнейший / был полон огня: / Милая, / пойми человека! (**Восьмьдесят восемь**!) / Как слышно меня? / (**Восьмьдесят восемь**!) / Проверка.*
Он выстукивал восьмерки / упорно и зло. / Днем и ночью. / В зиму и в осень.
*Он выстукивал, / пока / в ответ не пришло: / Понимаю, / **восемьдесят восемь**!..*

Вот и я / молчание / не в силах терпеть! / И в холодную небесную просинь
*сердцем / выстукиваю / тебе: / Милая! / **Восемьдесят восемь**!..*
Слышишь? / Эту цифру я молнией шлю. / Мчать ей / через горы и реки...
***Восемьдесят восемь**! / Очень люблю. / **Восемьдесят восемь**! / Навеки.*

В современном китайском сетевом сленге очень распространены числовые обозначения, заменяющие целые фразы, которые возникают обычно по созвучию со словами и выражениями. Так, число 233 (233333 — с любым количеством троек на конце) обозначает смех (аналог английского lol), а 555 — плач, 520 — ‘я люблю тебя’, а 1314 созвучно с выражением «от рождения до смерти» и обозначает ‘навсегда’, то есть 520 1314 означает ‘я люблю тебя навсегда’; 88 — используется при прощании и отсылает к bye-bye; 7456 — созвучно с выражением «вы меня до смерти злите», т. е. выражает крайнее раздражение в адрес собеседника и др.[4]

[4] Подробнее см. https://dzen.ru/a/YbJihQU9Fy2832L5; https://dark-seven.livejournal.com/576700.html.

В англоязычном молодежном сленге также используются числовые обозначения, например, существует много числовых способов признания в любви:

143 Я тебя люблю I Love You (число букв в каждом слове);

14344 Я тебя очень люблю I Love You Very Much (число букв в каждом слове);

381 Я тебя люблю I Love You (3 слова, 8 букв, 1 смысл);

459 Я тебя люблю I Love You (телефонные цифры для аббревиатуры ILY);

520 Я тебя люблю I Love You (китайский);

721 Люблю тебя Love You (7 букв, 2 слова, 1 смысл);

831 Я тебя люблю I Love You (8 букв, 3 слова, 1 смысл).

Их можно встретить в социальных сетях, в личной переписке, выпускаются даже специальные сувениры (кольца, подвески, брелки) с этими числами, которые можно дарить в качестве знака любви своим избранникам.

*Сегодня смотрел американской фильм 2016 года «Зачинщики» (Masterminds) и там главная героиня написала главному герою на руке после телефона код «**143**». Он, хоть и американец, удивился и спросил, что это значит и она ему ответила, что это означает I LOVE YOU по количеству букв в словах* (Живой Журнал, 14.10.2018).

(Подпись под видео, где рысь сидит на плече у хозяина и ласково трется об него мордочкой): ***14344** Бенджи любит своего владельца* (ВКонтакте, 21.03.2021).

В малых социальных группах числа могут получать свои **внутригрупповые значения** и **коннотации**, понятные только членам этой социальной группы, отсылающие к общему опыту, возможно, связанные с какими-то событиями, совместной деятельностью и др.

Ср. известный анекдот про нумерацию анекдотов:

Лежат зеки на нарах после отбоя. Вдруг из одного угла слышится: 27.

Вся камера: бу-га-га!

Из другого угла: 34.

Камера опять ржет.

Новенький зек спрашивает у лежащего рядом старожила: А че это за цифры, из-за которых все в камере смеются?

Старый отвечает: Понимаешь, кореш, давно тут сидим, все анекдоты уже рассказали и, чтобы не повторять каждый раз, присвоили им номера. Называет кто-то номер анекдота, а все остальные вспоминают и смеются.

Новенький на всю камеру: 17.

Тишина, никто не смеётся.

Он опять к старожилу: А что, анекдот под номером 17 не смешной?

Старожил: Понимаешь, анекдот-то смешной, просто есть люди, которые умеют анекдоты рассказывать, а есть те, которые не умеют!

Выводы

Итак, мы рассмотрели количественные и порядковые числительные (а также словосочетания с ними), которые в современном русском языке приобретают дополнительные значения (кроме прямого обозначения числа или порядка) или развивают устойчивые коннотации в различных сферах коммуникации и подсистемах языка.

Значения некоторых из рассмотренных единиц вошли в язык и нашли свое отражение в нормативных толковых словарях, другие имеют функциональные ограничения и используются только во внутригрупповом общении или ограничены определенной сферой, например, рамками интернет-общения. Как пишет Т. Г. Винокур, в стилистике необходимо учитывать такие факторы, как «функционально-жанровые различия, которые обнаруживаются в закономерностях использования языка разными коммуникативными сферами. Каждая функциональная подсистема языка и каждый текстовый жанр в ней характеризуются типическими ситуациями, формальными и содержательно-тематическими особенностями общения» [Винокур 2009: 117]. Таким образом, из этих типических ситуаций возникают метонимические переносы, когда какое-то числовое обозначение становится символом какой-либо предметной области, определенного семантического поля.

Примечательно, что среди функций употребления таких числовых обозначений отчетливо выделяется эвфемистическая. Также часто говорящий (или пишущий) прибегает к «числовому» обозначению в поисках экспрессии, новых выразительных средств, так как синонимическая вариативность и стилистически направленный языковой отбор нередко опирается «не на денотативную, а на коннотативную необходимость», «дающую большее право собственно номинативного выбора» [Там же: 114].

Интересной задачей представляется дальнейший сбор и классификация подобных примеров, значимых для современной русской культуры, составление словаря-справочника подобных числовых коннотаций.

Литература

Баясгалан Ш. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2006.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 2009. 240 с.

Гайломазова Е. С. Этнокультурная прагматика чисел // Международный научно-исследовательский журнал. № 5 (47), часть 2, 2016, С. 19–21.

Елистратов В. С. Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000.

Иомдин Б. Л., Левонтина И. Б., Шмелева Е. Я. 36 подсвечников. Шляпа, шарады и другие игры со словами. М.: Розовый жираф, 2024.

Кодоньо М. Что скрывают числа. М.: Дискурс, 2022. 191 с.

Маркус дю Сотой. Тайны чисел: математическая Одиссея. М., 2016.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

ТСРР 5 — Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л. П. Крысина. Вып. 5. М., 2022.

Цуй Хун Ень. Семантика наименований чисел в русском и китайском языках (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003.

Е. В. Какорина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
kakor@yandex.ru

ЯРКИЙ ГОЛОС И *ВКУСНАЯ ЦЕНА*: ОПЫТ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕСТАНДАРТНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЙ

В статье представлены наблюдения за употреблением семантически и стилистически аномальных лексических сочетаний в стилистически далеких коммуникативных сферах — в поэтическом, рекламном и повседневном дискурсах. На примере сочетания *яркий голос* из стихотворения А. С. Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума...», а также диахронического анализа этого синестетического сочетания в поэтической традиции конца XVIII — первой четверти XIX вв. дается оценка семантических нарушений сочетаемости, раскрываются конкретные механизмы реализации эстетической функции в поэтическом тексте. Другое аномальное сочетание с прилагательным, обозначающим чувственные ощущения, *вкусная цена*, содержит несколько иной тип семантического и стилистического нарушения. Оно основано на неоправданном, не закрепленном в узусе расширении лексической сочетаемости, обусловленном общими прагматическими функциями языковых средств в рекламном дискурсе. Сочетание анализируется в ряду других внутристилевых синонимов в обозначении цены (*справедливая/ разумная/ приятная/ смешная* и мн. др.) с точки зрения выражения тенденции чередования экспрессии и стандарта, действия фактора новизны, интенций престижа и моды.

В работе предпринята попытка контрастного исследования художественного и нехудожественного стилистических узусов, которое, по мысли Т. Г. Винокур, позволяет увидеть общие модели и экспрессивные модификации стилистически отмеченного употребления языковых единиц.

Ключевые слова: стилистика, семантика, аномалии; поэтический, рекламный, обиходный (бытовой) дискурсы; А. С. Пушкин, Т. Г. Винокур

Нарушения лексико-семантической сочетаемости широко распространены в языке (в данном случае рассматриваются **намеренные** аномалии в лексических сочетаниях, основанные на противоречивости смыслов). Такая нестандартная сочетаемость несет в себе определенное семантическое приращение и имеет экспрессивный, стилистически и/или прагматически значимый эффект.

Одним из центральных в работах Т. Г. Винокур по стилистике было понятие **стилистического узуса**. Вслед за Т. Г. Винокур мы понимаем его как коллективные навыки стилистически значимого использования языка в данную эпоху и в данном обществе (в какой-либо языковой системе/подсистеме, имея в виду как «схему», закономерности такого использования, так и ее реализацию) [Винокур 2009: 19–22, 161]. Опираясь на данное понятие, мы попытаемся проанализировать похожие, типологически синонимичные примеры нестандартных сочетаний из далеких стилистических узусов, подробно рассмотреть процесс их жизни в языке и речи, чтобы оценить уникальность/стереотипность, экспрессивный, стилистический и прагматический потенциал этих единиц, специфику их употребления в различных языковых подсистемах. Т. Г. Винокур подчеркивала важность такого ракурса стилистического исследования: «...сравнение двух коммуникативных сфер — художественной литературы и нехудожественной — в большей степени, чем любой другой способ анализа, отвечает основной задаче <...> т. е. обнаружению ряда общих моделей формирования стилистически отмеченных употреблений (узуально-стилевых комплексов) и их экспрессивных модификаций, отвечающих нуждам разных функционально-коммуникативных сфер» [Там же: 118].

В работах, посвященных типологии языковых аномалий, был выдвинут тезис о постоянном порождении языком и освоении, переработке аномалий разного рода, их коммуникативно-прагматической «легитимизации». «Язык идет по пути расширения сферы допустимости аномальных и противоречивых явлений, по пути усиления возможности выразить противоречивое и порою абсурдное содержание. Естественным полигоном для реализации этой «диалектики аномальности» выступает художественная речь, публицистическая речь, политический дискурс и некоторые особые режимы обыденной коммуникации» [Радбиль 2006: 99].

Для анализа контрастных стилистических узусов мы будем использовать поэтический, рекламный, обыденный дискурсы.

Голос яркий соловья: загадка образа

Современный читатель воспринимает выражение *голос яркий соловья* из стихотворения А. С. Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума...» (1833) как авторскую находку, смелый, оригинальный образ.

А ночью слышать буду я
Не ***голос яркий соловья***,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань смотрителей ночных,
Да визг, *да звон оков*.

Это сочетание содержит семантическое «нарушение». Ярким, т. е. очень сильным, ослепительным, сияющим бывает *свет*. Яркими, чистыми и интенсивными могут быть *тона* или *цвета* предмета. Сочетание *яркий голос* построено на **противоречивости** смыслов, смешении чувственных ощущений: визуально воспринимаемый признак (яркий) приписывается звуковому феномену (голосу), зрительное ощущение становится характеристикой звука.

Эта «аномалия» зафиксирована в словаре [СУш] в качестве устаревшего значения без указания на перенос и только с одним примером (т. е. такое значение было не совсем актуальным уже в первой трети XX в.):

О голосе: громкий и звонкий (устар.). *Яркий голос.*

В [МАС] этот признак приписан звукам:

Устар. Громкий и звонкий (о **звуках**).

В современном русском языке семантический сдвиг идет от чувственного представления к более абстрактному признаку, свойству. Помимо прямого значения — обозначения силы и интенсивности света или цвета — у прилагательного *яркий* развилось и закрепилось переносное значение, ср.:

3. Выразительный, производящий сильное впечатление; сильный, выдающийся в каком-л. отношении. *Яркий талант. Яркая самобытность. Яркая игра актрисы. Яркая речь. Яркий человек. Самое яркое событие года. Яркое впечатление. Яркий пример* (наглядный и убедительный) [Кузнецов].

Можно отметить, что словосочетания с этим эпитетом пополняют ряды клише (*яркий пример, яркое впечатление, яркое событие*). Данные сочетания эксплуатируют сему «интенсивность признака». Материалы словаря позволяют говорить о частичной нейтрализации экспрессивности светового/цветового признака в сочетаниях с абстрактными существительными в общеязыковом употреблении XX столетия.

Однако для того, чтобы определить, какова стилистическая и эстетическая функция рассматриваемого словосочетания в тексте А. С. Пушкина, необходимо учитывать литературный контекст и поэтическую традицию XVIII–XIX вв., в русле которой создавалось данное стихотворение. Чтобы оценить экспрессивность и новизну (или, напротив, нейтральность и стереотипность) синестетического словосочетания *яркий голос* в поэтических текстах в первой трети XIX в., посмотрим пристальнее на текст стихотворения Пушкина и на более широкий литературный фон.

В фундаментальном исследовании поэтического языка Пушкина Г. О. Винокур описал как факты наследования «элегического словаря» предшествовавшей традиции, так и «преодоление поэтического языка в области лексики и фразеологии» [Винокур 1991: 294]. Важный вывод состоял в том, что существенно изменялись не только и не столько сами языковые средства поэта, сколько нормы словоупотребления и эстетическая (поэтическая) функция этих средств.

Подчеркнем при этом совершенную органичность художественного приема нестандартного сопряжения слов в поэзии. В поэтическом узусе подобные сочетания создаются намеренно и имеют эстетическую функцию. Более того, синестезию можно считать типологическим, универсальным принципом поэзии и искусства в целом. Ср. [Ульман 1970: 279–281].

Очевидно, что в стихотворении А. С. Пушкина это сочетание конструктивно выделено, оно используется как живое стилистическое средство для создания экспрессии. Мы видим, что этот стилистический прием усилен контрастом сочетаний «*голос* ***яркий*** соловья» и «*шум* ***глухой*** дубров» (с постпозицией эпитета), «***голос*** *яркий* соловья» и «***шум*** *глухой* дубров», а также насыщением текста аллитерациями, отсылкой к **другим звукам**, производимым человеком или предметами и имеющим отрицательные коннотации: ***крик*** *това**р**ищей,* ***брань*** *смот**р**ителей ночных, да* ***визг,*** *да* ***звон оков****.*

Далее возникает вопрос о том, является ли образ *яркого голоса соловья* **авторским**. Было ли это сочетание слов поэтической находкой Пушкина или он использовал **клише** поэтической речи того времени. Иными словами, существовало ли это выражение до Пушкина и насколько оно уникально? Когда соловей становится эталонным носителем *яркого* голоса?

Используя НКРЯ, находим в поэтическом подкорпусе текстов 7 примеров употребления сочетаний: *голос яркий* — 2 примера; *яркий голос* — 5 примеров. Приведем часть из них в порядке убывания по временно́й шкале.

Но розы, розы, сколько роз
И ***яркий голос*** *соловья*
Для вдохновения
Во сне.
[И. В. Одоевцева. Разностопные ямбы (1961)]

За встречу первую, любимая, с тобой,
За зелень глаз твоих, за ***яркий голос*** *твой,*
За губы детские, за нежный их привет,
За то, что так сбылось, что вешний твой рассвет
Свой пламень влил в мою вечернюю зарю,
Судьбу и небеса, молясь, благодарю.
[Н. М. Минский. «Молитв просительных
не знает мой язык...» (1877–1937)]

Но грянул своенравный хор:
Блеснул ее туманный взор,
Уста улыбка озарила;
Воскреснув в крике хоровом,
Она, веселая лицом,
С ним ***яркий голос*** *согласила.*
[Е. А. Баратынский. Цыганка (1829–1842)]

Всё пел приятнее певец,
Всё ***ярче голос раздавался****,*
В единый с лирой звук сливался;
И робко Лида, наконец,
В избытке страстных чувств вздохнула,
Приподняла чело, взглянула...
[А. И. Одоевский. Амур-Анакреон (1826–1829)]

Словосочетание *яркий голос* ***филомелы*** (т. е. *соловья*) находим в стихотворении 1815 года «Последняя весна» К. Н. Батюшкова:

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И ***яркий голос филомелы***
Угрюмый бор очаровал:
Всё новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил...
[К. Н. Батюшков. Последняя весна (1815)]

Пушкинское выражение *яркий голос соловья* многие исследователи считают реминисценцией из данного стихотворения, см. [Зыкова 1993]. Вероятно, само стихотворение было написано А. С. Пушкиным под впечатлением от посещения К. Н. Батюшкова, тяжело страдавшего душевной болезнью, встреча с ним состоялась в 1930 году [Алексеев 1949].

В. В. Набоков высказывал предположение о том, что выражение *яркий голос* К. Н. Батюшков, в свою очередь, взял из французской поэзии, калькируя выражение *la voix brillante*, однако в [Зыкова 1993: 4] обоснована сомнительность данной версии.

В поэзии конца XVIII — первого десятилетия XIX вв. этот эпитет и образ можно, безусловно, назвать частью поэтической традиции. Ср.:

Великолепный, ***яркий****, громкий,*
Пронзающ душу, ***глас*** *звучит...*
[М. Л. Магницкий. **Соловей** (1797)]

Другой певец прешибкой,
Душа велика, малый рост,
Скача на ветви гибкой,
Корючит кверху хвост;
Жарок,
Ярок*,*
Удал ***соловей****,*
Всех даром веселит музыкою своей.
[В. П. Петров. Весна. Точная дата неизвестна, ранее 1799]

Соловей из груди пламенной/
Выливает ***трели яркие****...*
[П. И. Шаликов. Весна (1805)]

И ***ярким голосом*** *весь воздух вдаль потряс.*
[В. А. Озеров. Поликсена (1808–1809)]

Первую фиксацию искомого словосочетания, по данным НКРЯ, встречаем у Н. М. Карамзина в стихотворении, написанном высоким слогом, с торжественной интонацией, в одической стилистике:

Кто свод небес рукой своею
Шатром раскинул над землею,
Как искру солнце воспалил,
Украсил ночь луной, *звездами*,
Усеял шар земной цветами,
Древа плодами озлатил;
Дал силу львам неукротимым,
Дал ум пчеле и муравью,
Полет орлам неутомимым
И ***яркий голос соловью****...*
[Н. М. Карамзин. Дарования (1796)]

При этом невозможно утверждать, что Н. М. Карамзин является «автором» данного выражения. М. Ю. Лотман считал, что у Карамзина нет «оригинальных, индивидуализированных эпитетов» [Лотман 1966: 30–31]. Сам Карамзин, напротив, таким образом характеризовал творчество любого поэта и писателя: «Что ж остается делать автору? Выдумывать, сочинять выражения; угадывать лучший выбор слов; давать старым некоторый новый смысл, предлагать их в новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть от них необыкновенность выражения!» [Карамзин 1964: 185].

Ситуацию несколько проясняет обращение к словарю. В русском языке «звуковое» значение прилагательного *яркий* фиксируется уже в [САР]:

> Яркий. 1) Говоря о голосе и звуке значит: громкий, чистый. *Яркий голос, выстрел. Яркое произношение*. 2) Относительно к краскам: много свету содержащий. *Белая, алая, оранжевая краска почитаются красками яркими*. 3) Относительно к огню: испускающий чистый пламень без дыму. *Яркий пламень*.

И далее в такой же последовательности даются значения и примеры у наречия и существительного:

Ярко. 1) громко. *Гром ярко раздается по горам, по лесам. Ярко говорит*. 2) Говоря об огне: ясно. *Ярко горит*.

Яркость. Свойство того, что ярко. *Яркость* ***звука***.

Таким образом, можно говорить, по крайней мере, об актуальности и сосуществования «звукового» и «зрительного» значений в национальном языке того периода («звуковое» значение даже дается первым). В этом случае принцип синестезии чувственных ощущений заложен в восприятии «простых» носителей языка, это факт языковой картины мира, живого русского языка той эпохи, а следовательно, словосочетания с этим прилагательным были в стилистическом отношении нейтральны.

Однако при этом мы не можем не учитывать особую функцию слова в художественном тексте, автор которого призван придавать новизну стершемуся образу, создавать «расширение» смыслов «обычных» слов и выражений.

Если вновь обратиться к примерам использования выражения в стихотворных текстах того времени, можно отметить именно синестетичность образов. Не случайно соловей одновременно и ***жарок***, и ***ярок***:

Жарок,
Ярок,
Удал ***соловей,***
Всех даром веселит музы́кою своей.
(В. П. Петров)

А также имеет грудь «пламенную» (!).

Соловей *из груди* ***пламенной****/ Выливает* ***трели яркие****...*
(П. И. Шаликов)

Показательно также, что в приведенных выше стихотворных отрывках эпитет *яркий* используется в контекстах, связанных с пением соловья **весной**.

Обращение к этимологии слова *яркий* отсылает к др.-рус. (с XV в.) **яръ, ярый** — «весенний» с суф. *-ък-*. Старшее же зна-

чение этого слова — «весенний» (солнечный), а также (о хлебных злаках) «яровой» [Черных 1993: 471].

На протяжении долгой истории употребления в языке и в художественной литературе, в течение XVIII и XIX вв. выражение *яркий голос* меняло свой стилистический статус, оно могло восприниматься и как метафорический эпитет, колоритный образ, и как поэтический штамп. В частности, интересно такое свидетельство Ю. Никольского об исправлении Тургеневым фетовских стихотворений и его мотивировку: «Стихи Фета в его “Фантазии” 1847 года: “Иль поет и ярко так и страстно/ Соловей, над розой изнывая?” вызвали неодобрение И. С. Тургенева — не то излишней метафоричностью эпитета, не то избитостью метафоры» [Цит. по Зыкова 1993: 4].

В указанном крайне интересном исследовании Г. В. Зыковой высказывается соображение о том, что «стихи Батюшкова и Пушкина были оценены исследователями с позиций русского языка и литературы второй половины XIX–XX веков, и поэтому **новаторскую, смелую образность увидели там, где было следование нормам русского языка** (выделено нами — *Е. К.*)» [Там же: 5].

Нет сомнения в том, что лингвистический анализ должен опираться на языковые нормы соответствующей эпохи. Однако с утверждением цитируемого автора о простом «следовании нормам русского языка» нам трудно согласиться. Вероятно, имеет место более сложная картина. Попадая в ткань художественного произведения, изначально нейтральное общеязыковое выражение неизбежно приобретает новую стилистическую функцию. С одной стороны, действительно, *голос* ***яркий*** параллелен и одновременно противопоставлен *шуму* ***глухому*** (т. е. создается контраст *звонкий* (громкий) / *глухой* (тихий)). С другой стороны, *голос яркий* (звонкий и громкий) слышен **ночью** (*А* ***ночью*** *слышать буду я*), в темноте, которую он этим звуком озаряет. Пушкин дает контрастный фон для проявления, оживления «светового» значения слова *яркий*. По крайней мере, в языке того времени оба значения этого прилагательного для читателя равно актуальны. Нам трудно предположить, что автор без особой цели, без специального стилистического задания, как дань традиции или как отсылку к стихотворению К. Батюшкова, или вовсе «безразлично» использует это языковое клише. Ведь и у Батюшкова ***яркий*** *голос* противопоставлен ***угрюмому***

бору: И ***яркий голос филомелы*** */ Угрюмый бор очаровал*. Здесь мы также видим более сложный, неоднозначный, многослойный образ: не только громкий, звонкий, но и жизнерадостный, веселый (как противопоставление *угрюмому*), а также, возможно, сильный, интенсивный, чистый как краски, как огонь. Таким образом, наше прочтение опирается на идею одновременной актуализации двух (или трех) значений: громкий; яркий по цвету; яркий, как огонь, — т. е. многоплановой мотивированности образа.

Предложенный нами вариант прочтения стихотворения созвучен идеям Г. О. Винокура, изложенным в уже упоминавшемся нами труде «Наследие XVIII века в стихотворном языке Пушкина». Пафос данного исследования состоит в наблюдении за эволюцией стихотворного мастерства поэта, в признании «стилистически осмысленного», новаторского и функционально оправданного использования им традиционных языковых средств. Ср. «Именно в изменении функций отдельных элементов языковой традиции и заключалась преимущественно роль Пушкина как преобразователя русского литературного языка, он не придумывал новых слов, форм и т. п., вообще совершенно не занимался словотворчеством, но он резко изменил традиционное **отношение** к словам и формам и потому создал новые нормы словоупотребления» [Винокур 1991: 294].

Стихотворение «Не дай мне бог сойти с ума...» относится к зрелому периоду творчества. Тем не менее мы видим в языке поэта достаточно много типичных элементов, которые были названы «поэтическими вольностями» (такими употреблениями слов или форм слов, которые изначально создавались с «технической» целью, для удобства стихосложения и не соответствовали живой речи, были данью предшествующей стихотворной традиции). «Это и с точки зрения самого пушкинского времени были **условности** стихотворного языка, но такие условности, которые имели своим источником не произвол стихотворца, а определенную **традицию**» [Там же: 246]. К подобным элементам можно отнести факты «усечения» прилагательных и причастий (*И я глядел бы, счастья* ***полн***; *И* ***силен, волен*** *был бы я*); звук *е* вместо *о* после мягких согласных в рифме (*грез*); полногласие и его отсутствие (*труд иль* ***глад***); классическое, отмеченное еще Тредиаковским, ***иль*** вместо *или* [Тредиаковский 1735 (1865): 31]. Ср. также *шум дубр**ов*** (в данном тексте) и *гул дубр**ав*** (А. С. Пушкин. К ней).

Кроме того, стихотворении находим факты элегического словаря (*грезы, небеса, дубровы, пламенный, чудный, резво*) и некоторые др. языковые средства, которые можно интерпретировать как дань поэтической традиции.

Однако все эти языковые средства приобретают в тексте Пушкина совершенно иное звучание, теряют эмоциональную печать абстрактного элегического чувства или состояния (*пламенный взор, услада разлуки* и т. п.), утрачивают качества стандартной характеристики (*шепот леса, сады и рощи говорящи* и т. п.), эмоционального тона «сладостности», нежности и чувствительности, но приобретают свойства элементов психологически разработанной картины глубокого потрясения, реального внутреннего переживания. С помощью уникальных экспрессивных эпитетов Пушкин создает пронзительные, авторские, далеко не трафаретные образы. *Пустые небеса* — для безумного они пусты, не наполнены смыслом, представлением о Боге и Вселенной, и пусты «физически» (ср. крайне модный в то время стандартный эпитет *пустынный:* «пустынный небосклон» (Батюшков)).

Такую же экспрессивную значимость, на наш взгляд, имеет сочетание *голос яркий соловья.* Показательно при этом, что, если принимать во внимание отсылку к стихотворению Батюшкова, мифологическое имя Филомела — *И* ***яркий голос филомелы*** — заменяется на «обиходное» *соловей*. Не случайно оно рифмуется с ***я*** автора — лирического героя — и усилено ассонансом: *А ночью буду слышать* ***я*** */ Не голос* ***я****ркий соловь****я***. Выражение это используется в последней части стихотворения, в которой уже утрированно описываются невыносимые, ужасные последствия безумия: «как раз тебя запрут», «посадят на цепь дурака», «и сквозь решетку как зверка дразнить тебя придут». Она контрастна той светлой, мечтательной части, где безумие представляется как забвение, бред, грёзы, сила и счастье. «Как бы резво я пустился...», «пел бы в пламенном бреду», «забывался бы в чаду...», «заслушивался волн», «счастья полн».

Выражение *голос яркий соловья* на фоне ночи звучит выразительно, напряженно и эмоционально, оно является частью смыслового центра всего стихотворения, своеобразной вершиной светлого умозрительного мира, нарисованного в воображении лирического героя, после которой происходит «падение», нарастающее

развертывание ситуации в противоположном направлении, к страшной реальности, где *крик товарищей моих / Да брань смотрителей ночных*, / *Да визг, да звон оков*. Это противопоставление частей стихотворения достигается переходом с внешней точки зрения к внутренней (*Как раз* ***тебя запрут***, ***Посадят*** *на цепь* ***дурака*** *<...> // — А ночью* ***слышать буду я***); переключением с сослагательного наклонения в будущее время, которое воспринимается как неизбежная перспектива (*...как* ***бы*** *резво я / Пустился в темный лес! Я пел* ***бы*** *пламенном бреду...; И я* ***б*** *заслушивался волн* vs *А ночью* ***слышать буду*** *я; И* ***страшен будешь*** *как чума; И сквозь решетку как зверка / Дразнить тебя* ***придут***).

Таким образом, в этом сложном и гармоничном, равновесном, мастерски построенном стихотворении, наполненном глубоким философским содержанием, дающем детализированное описание психологического переживания, все языковые элементы подчинены авторской задаче. Тот факт, что образ *яркого голоса соловья* не является индивидуально-авторским, еще не делает его «просто» поэтизмом (т. е. данью поэтической традиции) или нейтральным выражением, «соответствующим нормам языка». Современный читатель воспринимает этот образ иначе, чем современники Пушкина, он в большей степени аномален и синестетичен, однако конкуренция разных вариантов прочтения внутренней формы слова *яркий* была присуща образу изначально.

Эволюция стихотворного языка Пушкина определяется Г. О. Винокуром как «постепенный отказ от всех условностей традиции и употребление только таких средств языка, имеющих источником эту традицию, которые могут быть мотивированы стилистически, т. е. употреблены как выразители конкретного стилистического задания <...> а не как внешний признак стихотворной речи» [Винокур 1991: 250]. Поэтическое (и языковое) клише в стихотворении, безусловно, имеет эстетическую функцию.

Далее предлагаем проанализировать употребление подобного, также аномального словосочетания из нехудожественной и крайне «далекой» сферы — рекламного дискурса: выражения *вкусная цена*. Посмотрим и каковы функции таких языковых средств еще в двух — взаимосвязанных с рекламным — потребительском и обиходном дискурсах.

Почему цена *вкусная*?

Сочетание также содержит сенсорный компонент — прилагательное со значением «приятный вкус».

Прилагательные, обозначающие различные типы чувственного восприятия, легко развивают переносное значение: ***холодный*** *взгляд,* ***теплые*** *чувства,* ***сладкая*** *улыбка,* ***горький*** *опыт.* Сочетания этого типа (с одним сенсорным компонентом) не воспринимаются носителями языка как семантические аномалии, они широко распространены в языке. При этом сочетаемость здесь не полностью свободна и многие из данных единиц относятся к числу стереотипов. Возможно, что именно расширение «узаконенной» узусом сочетаемости может приводить к аномалиям?

В отличие от рассмотренного выше синтестетического словосочетания *яркий голос* сочетание *вкусная цена* основано на необычном сближении чувственного ощущения и **абстрактного понятия**. Абстрактному понятию из экономической сферы приписан конкретный сенсорный признак? Соединение слов стало возможным, поскольку у слова *вкусный* произошло расширение значения, появился переносный смысл: ‘приятный на вкус’ → ‘приятный, желаемый, доставляющий удовольствие’, ‘хороший’. Соответствующие значения зафиксированы у прилагательного и наречия в БАС-3, они иллюстрируются примерами из литературы XIX и XX вв.:

ВКУСНЫЙ.

2. *Перен. Разг.* Доставляющий удовольствие, нравящийся. *Самая* ***вкусная*** *приятная работа. Какой станок получится!* Гранин, После свадьбы.

ВКУСНО.

2. *Разг.* С удовольствием, с увлечением. *Но дети играют так* ***вкусно****, что у него самого появляется охота присоединиться к ним и попытать счастья*. Чех. Детвора.

В современном русском языке сочетания со словом *вкусный* в переносном значении распространены в различных функциональных сферах языка, они используются применительно к произведениям искусства, книгам, фильмам, а также для характеристики самого широкого круга объектов: *вкусная книга, вкусный фильм,*

вкусное зрелище, вкусная девушка, вкусный день, вкусные каникулы... Ср. следующие контексты:

*«Ненастье»: **«вкусный»**, атмосферный **фильм** о брутальной стране* (Отзыв о фильме, vesti.ru, 26.10.2018);

*Паника играет на руку трейдерам, которые обрушивают котировки «**вкусных» предприятий**, чтобы затем скупить их по дешёвке* (Парламентская газета, 03.03.2020);

*Уверен, что отец Иларион/ новое наше руководство районом ... мы доделаем то/ чтобы Печоры были не только в монастыре/ но и в округе самым милым/ самым прекрасным и самым **вкусным местом** в России/ на северо-западе/ во всяком случае//* (Проповедь. Прощальное слово митрополита Тихона к братии и прихожанам Псково-Печерского монастыря 14.10.2023).

Нередко внутренняя форма слова обыгрывается в тексте: *куски* — это не только ‘часть целого, часть предмета’, но и ‘отрезанная или отломанная часть чего-л. съедобного’:

*А накануне отопительного сезона горадминистрация продала самые «**вкусные» куски** Тепловой компании — еще предприятия, принадлежащего мэрии* (Комсомольская правда, 29.04.2011).

Интересен такой пример из речи лингвиста (в научно-популярной программе «Скажем так! с Александром Хабургаевым»):

*Коммуникативы — это/ такие... ответные реплики в диалоге// Коротенькие/ **вкусные/** часто/ имеющие совсем не то лексическое значение/ что он(а) имеет в обычном языке...и обладающ(ая) такой вот/ и/ особой интонацией...* (И. А. Шаронов «Коммуникативы — соль языка» // Радио России, smotrim.ru, 16.10.2024).

Еще один пример, записанный на научной лингвистической конференции:

*Новые идеи/ новые материалы... Это конечно очень **вкусно**!* (Запись устной речи, 01.12.2024).

Однако словосочетания с сенсорным прилагательным *вкусный* в переносном значении нередко воспринимаются носителями языка неоднозначно. Ср. комментарии подписчиков канала «Помогите словарю»[1], на котором проводился мини-опрос[2] с вопросом о наиболее типичных ассоциациях и словосочетаниях со словами *вкусный, вкусная, вкусное, вкусные*:

— ***Вкусный день*** *— который с солнышком и предвосхищает всякое веселье и радость. Это как вот прям перед впрыскиванием всякий эндорфинов и прочих гормонов радости.*

— *Удручает меня, что прекрасным явлениям и моментам жизни (**день, каникулы** и т. д.) столь часто теперь дают этот новомодный «желудочный» эпитет ((*

— *А если «**вкусное предложение**» — это скидка на торты или «**вкусная фотография**» — хорошо сфотографированный торт, то это ведь уже другое употребление, не бесячее?*

— *Понятно. Просто мне видится в этой экспансии «**вкусного**» опошление, примитивизация.*

— *Бесячее. Ну, ёшкин кот, это же звучит ужас как вульгарно!*

Таким образом, носители языка характеризуют названные выше сочетания как нестандартные (оцениваемые положительно, как средство для выражения экспрессии, и оцениваемые отрицательно, как выражение безвкусицы, «опошления» и «вульгарности»).

Несмотря на достаточно продолжительную историю существования переносного значения у прилагательного *вкусный*, сочетания с ним продолжают восприниматься как семантические и стилистические аномалии.

Что же служит источником аномалии? В исследовании, специально посвященном анализу сенсорных сочетаний в различных языках, был осуществлен корпусный анализ семантических групп слов, «которые вступают во взаимодействие с сенсорной лексикой»

---

[1] Автор канала — филолог А. Р. Пестова, часть подписчиков — профессиональные лингвисты, часть — «простые» носители языка.

[2] В опросе приняли участие около 100 респондентов.

(использовался параллельный мультиязычный корпус текстов из НКРЯ, анализировались, в частности, словосочетания, в которых только одно из слов имеет сенсорный семантический компонент). Было выявлено 16 основных частотных групп слов, получающих сенсорную характеристику, таких как *человек* (лица), *его физиология* (части тела, лица и органы человека; физиологическая сфера), *психика, речевая и когнитивная деятельность* (эмоции и чувства; ментальная сфера; свойства человека; дискурс); *окружающая действительность* (место; время; события; природные явления; бытийная сфера); а также ряд более абстрактных категорий (*ситуации; физические действия; физические свойства*) [Ярошенко 2023: 97–98]. Можно видеть, что все «освоенные» семантические типы таких слов антропоцентричны. Например, выражения *сладкий сон* или *сладкие воспоминания*, хотя и содержат в своей семантической структуре сочетания признака с абстрактным существительным, но характеризуют человека, тогда как *вкусная цена* уже представляет отрыв от исходной области в семантически далекую сферу.

Большое значение имеет также и сфера «жизни» языкового средства, его прагматическая и стилистическая функция.

Нужно сказать несколько слов об особенностях самого́ рекламного дискурса (имея в виду как официальные именования, адресантом которых выступает торговая фирма, так и неофициальные номинации, автором которых может быть конкретный продавец; они сосуществуют в коммуникативном пространстве города).

Если в поэтической речи господствуют **индивидуальные**, авторские стилистические установки, то для массмедийного, рекламного и бытового дискурсов на первом плане оказываются **групповые** стилистические предпочтения, «языковой вкус эпохи», определяемые экстралингвистическими, социально-психологическими мотивировками в использовании языковых средств. Ср. [Винокур 1993: 100–103]. Крайне значимы здесь, в рекламном (и шире — в медийном) дискурсе, помимо общих прагматических установок **убеждения** и **побуждения**, интенции **престижа** и **моды**. Все эти коммуникативные стратегии хотя бы отчасти предполагают обращение к экспрессивному и аффективному багажу языка.

Если же говорить о других мотивировках использования того или иного стилистически маркированного языкового средства, то это, конечно, постоянная борьба нового и старого, антиномия

стандарта и экспрессии, стереотипа и штампа, конкуренция концептуально и стилистически своего и чужого слова.

На пересечении всех названных выше прагматических, коммуникативных и стилистических стимулов и импульсов и возникает в узусе сочетание, подобное *вкусной цене.*

Характеризуя «престижную» функцию использования языкового средства как составляющую речевого поведения, Т. Г. Винокур отмечала, что интенции престижа и моды (реализующиеся в данном случае в связи с употреблением «модного» слова *вкусный* в переносном значении) «вызывают к жизни языковые средства, действующие окольным путем. Поэтому их источник — периферийные области стилистического узуса: групповые коды, узкоограниченные в социальном смысле привычки к повышению или понижению стилистического значения, эвфемизмы» [Винокур 1993: 102]. В этот же ряд периферийных языковых средств можно поместить и языковые аномалии разного рода.

Неоднородность и множественность индивидуальных и внутригрупповых стилистических норм и «вкусовых» эталонов конкретных представителей массового адресата в медийном дискурсе регулярно приводят к конфликту восприятия «модного» экспрессивного слова. Экспрессия именования (созданного по вполне стандартной языковой модели) не для всех носителей языка перевешивает семантическую противоречивость (от легко восстанавливаемого прямого значения) и стилистическую «дефектность» сочетания:

«Бергамасскую сюиту» Рихтер играет... ммм... ну так ***вкусно****... что никаких нет слов;*

Во время распродаж готовлю для вас, мои подписчики, особенно ***вкусный*** *контент;*

*Мы собрали советы, которые помогут вам написать текст «****вкусной****» вакансии для менеджера по продажам;*

*Возможно, прозвучит слегка жестоко, но мне хочется таких людей, которые слова (особенно «****вкусный****») не по значению употребляют, по голове стукнуть. Уж очень раздражает такое меня;*

*Ну, в описанных случаях «****вкусный****» — это просто дань моде, способ показать, что автор «в теме»;*

*Это всё из рекламы пошло **вкусные цены**. А люди как попугаи стали пихать это слово повсюду. Никогда не куплю товар с **вкусной ценой**;*

*«**Вкусный**» в некулинарном контексте — такая же мерзкая пошлятина, как и «волнительный»* (Статья «Слово “вкусный” как апофеоз безвкусицы» и комментарии к статье // dzen.ru, 30.05.2023);

*Да, меня так просто коробит, когда деятели КУЛЬТУРЫ применяют эпитет «**вкусный**» к произведению искусства, песне, фильму и т. д. сразу ассоциация с пищеварением, физиологическим процессом* (Комментарии, dzen.ru, 01.09.2023).

Таким образом, мы видим, что в узусе все еще идет процесс освоения переносного значения слова *вкусный*, оно не утвердилось в языке, расширение сочетаемости оценивается как нарушение стилистических норм, сочетания с ним не являются свободными. (Ср. значение прилагательного *безвкусный* — ‘не отвечающий нормам хорошего вкуса, лишенный красоты и изящества’ — от слова *вкус* ‘чувство прекрасного’, — не имеющего сенсорного компонента семантики в отличие от значения прилагательного *вкусный*.)

Обратимся теперь к использованию выражения *вкусная цена* в рекламном дискурсе.

Положительный прагматический эффект извлекается из употребления «модного» экспрессивного слова *вкусный* (и соответствующего словосочетания с ним), использующегося прежде всего в функции привлечения внимания к товару, а также для его «расхваливания», подчеркивании его преимуществ через эмотивное воздействие на адресата. *Спешите купить подарки по **вкусной цене**!* (реклама). Чтобы точнее оценить прагматический и семантический потенциал данной номинации, бросим взгляд на более широкий фон употребления этого словосочетания.

Сочетание интересно тем, что оно именует крайне важный концепт рекламного (да и обиходного) дискурса — *цена* (товара) в ключевой ситуации купли-продажи.

Это слово получает экспрессивные оценочные эпитеты как в рекламном дискурсе (именование объекта с точки зрения продавца), так и в потребительском и обиходном, бытовом, дискурсе

(именование с точки зрения покупателя). Таким образом, у одного объекта в «общеколлективном» узусе могут существовать амбивалентные номинации.

У продавца есть цель — продать товар, назвав его максимально привлекательно для покупателя. Прагматическая цель именования выходит на первый план. Способ, которым эта цель достигается, связан, в частности, с оценкой, которая вводится в именование ключевого концепта — цены товара.

Рассмотрим номинации со знаком «плюс» и номинации со знаком «минус». Номинации со знаком «плюс» преобладают в текстах продавца. Языковые средства, призванные привлечь покупателя и склонить его к покупке: номинативные подмены (*демократичная/свободная*[3] цена[4]), эмоционально-экспрессивные номинации с положительной характеристикой (*вкусная/приятная/копеечная/* цена); номинации, создающие видимость объективности (*справедливая/выгодная/честная* цена) и др. Используются типичные для разговорной речи принципы именования — «диффузности, неопределенности, нетерминологичности» [Винокур 2009: 168] — там, где ожидается «терминологическая», объективная стратегия именования. Аффективная стратегия создания номинаций подчас оказывается наиболее действенной.

Именования со знаком +, с точки зрения продавца
Рациональная мотивировка

адекватная
выгодная
грошовая
демократичная
доступная
лучшая
низкая
отличная
правильная

---

[3] *Свободная/договорная/фиксированная/старая цена* — эвфемизмы, созданные в том числе для «оправдания» высокой стоимости товара или для подчеркивания его низкой стоимости.

[4] В узусе нередко употребляется во мн. числе.

приемлемая
разумная
справедливая
фиксированная
хорошая
честная
широкодоступная

Экспрессивно-эмоциональная мотивировка

божеская
бросовая
вкусная
горящая
интересная
копеечная
красная
народная
нормальная
обалденная
приятная
смехотворная
смешная
специальная
справедливая
супер-
суперская
улетная

Именования со знаком –, с точки зрения покупателя

адская
астрономическая
баснословная
безумная
бесящая
бешеная
буржуйская
дикая

заоблачная
запредельная
катастрофически высокая
конская
космическая
кусачая
непомерная
несправедливая
огромная
страшная
сумасшедшая
убийственная
улетная
умопомрачительная
фантастическая

Здесь уместно вспомнить наблюдение Т. Г. Винокур о богатстве внутристилевой синонимии при «скупости» межстилевой. Каждый стиль стремится к максимально возможной вариативности языковых единиц с определенной смысловой структурой по своим, особым содержательным критериям отбора [Там же: 164–167]. «Внутристилевые синонимы скорее составляют **предельное смысловое наполнение** (выделено нами — *Е. К.*) одной, экспрессивно и функционально обособленной, стилистической среды, известным образом определяя и отграничивая типические способы и средства ее языкового выражения» [Там же: 165].

В рекламном дискурсе в погоне за новой экспрессивной номинацией, привлекающей внимание покупателя, происходит ускоренное развитие и постоянное обновление языковых средств, которые быстро становятся клишированными сочетаниями и теряют стилистическую маркированность. Большая часть сочетаний стала стереотипами: *демократические цены, выгодные цены, разумные цены, честные цены, смешные цены, красная цена, справедливая цена*.

Мы видим также, что одна сторона коммуникативного взаимодействия своей оценкой стремится приуменьшить цену (*грошовая, копеечная, смехотворная*), а другая — преувеличить ее размер (*дикая, баснословная*), подчеркнуть потенциальную агрессивность, нанесение вреда (*кусачая, убийственная*).

Показательно, что внутренняя форма узуальной номинации может прочитываться продавцом и покупателем противоположным образом. Ср. ответы покупателей на вопрос: «Что значит *по **улётным** ценам*, высокие, низкие, они какие?»:

УЛЕЕЕЕЕТНЫЕ — высокие, до небес так сказать.
У нас точно цены точно улётные все вверх и вверх идут.))) (otvet.mail.ru, 2023).

А вот у продавцов другое значение:

*Участвует в акции. **Улетная цена**. **Цены снижены*** (Реклама, komus.ru, 2024).
***Акции**. Сезонный каталог Чижик «Качество по **улетной цене**» с 15 по 21 ноября 2024* (Реклама, mos.proshoper.ru, 2024).

Дадим несколько характерных примеров:

*Сейчас кафе МОНЕ — это в первую очередь кондитерская, где всегда можно купить десерт, готовый торт или сделать заказ с оформлением на любой вкус по весьма **демократичным ценам*** (PULSEPRIME Воронеж. Медиапроект, 2022);
*Выкуплю за реальные деньги любой ваш недострой в Рязани по **справедливой цене*** (Чат-Форум жителей Рязани, 2018);
*Комиссия приказала предоставить информацию по «**справедливым» ценам**, не указав, что является справедливым. Сама Microsoft утверждает, что ее расценки были ниже, чем те, которые в качестве справедливых определил независимый эксперт* (Lenta.ru, 08.07.2008);
*Известная торговая компания открыла в крайцентре свой гипермаркет. «Лента» славится своими **разумными ценами*** (Комсомольская правда, 05.07.2008);
*Хорошие были обеды/ очень **доступная цена**/ не знаю как сейчас//* (Беседа лингвиста с информантом, Санкт-Петербург, 1997–1998);
*Цена-то в разы меньше! Что-то типа 51 рубль за ту, первую, и остальные что-то в этом роде... Ну, такая **нормальная цена** для толпы и обычных старых, потрепанных детских книжек... И я на дедульку ещё ворчу, мол, что ж вы цену так невнятно пишете, я думал — совсем **ненормальная**, а она*

***правильная**, **божеская цена**... сейчас куплю у вас все три* (Псевдоним alfare. Лайфстайл блог, 2022);

*Эта сумка идеально дополнит любой образ. Элегантная, стильная, удобная и по **приятной цене**. Всего за 1599* (margo_poetry. Мысли автора, стихи, 19.05.2023);

***Вкусная цена** — почему и чем она вкусная? Хотела бы немного рассказать об альбоме «**Хорошая** цена», который недавно появился в магазине, а вернее о том, почему на товары в этом альбоме **«вкусные» цены**. По поводу этих товаров поступают как правило такие вопросы: «Что не так с этим товаром?», «Он сломанный?», «Его нельзя использовать?», «В чем подвох?» А скажу так: **«вкусная» цена** — это не значит, что товар бракованный, сломанный и его нельзя использовать* (livemaster.ru, 29.10.2018).

Таким образом, аномальность сочетания *вкусная цена* обусловлена расширением сочетаемости, сопряжением далеких семантических областей; в узусе продолжается процесс адаптации слова *вкусный* в переносном значении.

Использование аномального сочетания *вкусная цена* вызвано целью создать новую экспрессивную номинацию с «модным» словом. Прагматические цели — привлечения внимания, убеждения, побуждения к покупке — достигаются через коннотацию новизны, престижа, экспрессию и апелляцию к эмоциям адресата.

Выводы

Словосочетание является точкой пересечения синтагматических и парадигматических отношений, существующих в языке. Это первая ступень актуализации семантики слова (ср. ***сладкий** пирог/ **сладкий** сон/ **сладкая** жизнь*). Именно словосочетание может служить ключевой единицей для семантического, стилистического, концептуального и прагматического анализа. Ср. широко известную цитату из исследования языка А. С. Пушкина: «“Строй сознания” ярче всего отражается и выражается в способе сближения и сочетания слов» [Виноградов 1941: 190]. Нестандартные сочетания, как уникальные, так и стереотипизированные, заключают в себе существенные характеристики текста (и много говорят нам о его авторе).

Нам было интересно проследить, каковы конкретные языковые механизмы использования семантико-стилистических аномалий в сочетаниях с сенсорным компонентом значения в художественном и нехудожественном тексте. Такие нестандартные сочетания являются типичным средством создания экспрессии, средством выражения поэтической и прагматической функций.

Регулярное использование аномальных языковых средств в различных, стилистически далеких узусах говорит о том, что язык способен «не замечать» аномалий, порождать и усваивать их, если им приписана важная содержательная роль в тексте или в дискурсе в целом.

* * *

Татьяна Григорьевна была моим научным руководителем. Она погибла через две недели после защиты моей диссертации. Невозможно и сейчас, через много лет, понять и принять это.

...Как научный руководитель Татьяна Григорьевна отпускала аспиранта в самостоятельное плавание и, казалось, встречала одобрением все созданные им или добытые на просторах научной мысли и в глубинах библиотек «сокровища», которые он приносил (отсутствие критики меня тогда часто огорчало). Все написанное оценивалось крайне доброжелательно, без какого-либо давления — теперь я понимаю, что именно это обеспечивало нужную свободу, позволяло мыслям рождаться, помогало писать «без оглядки» на.

Татьяна Григорьевна была не только человеком другого поколения, но и жителем недоступного, иного мира. Внимательный взгляд, мягкий, даже ласковый звук голоса, безусловно «принимающая» собеседника манера общения. Никакого намека на менторский тон, абсолютно выверенная дистанция учителя и ученика при максимальном участии в нем и сердечности. Всегда легкая, изящная, подчеркнуто элегантная, будто летящая, умопомрачительно красивая. Мне казалось, что ее взгляд был всегда устремлен вверх, в какую-то только ей ве́домую высоту.

От общения с Татьяной Григорьевной в памяти остались наши «разговоры», ее воспоминания, рассказы «о папе», о Д. Н. Ушакове и других лингвистах. Храню я и подарки аспирантке (!): резной сандаловый веер, тончайшие прозрачные перчатки (то ли

для раута, то ли для бала...), открытку со стихами-посвящением ко дню рождения, написанную таким похожим на нее изящным почерком...

В облике Татьяны Григорьевны, как и в ее работах, всегда читалось полное приятие мира, любовь и неугасающий, по-детски пылкий интерес к нему.

Литература

Алексеев М. П. Несколько новых данных о Пушкине и Батюшкове // Известия АН СССР, ОЛЯ, Т. VIII, вып. 4, 1949. С. 369–372.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Том 2. М.; СПб.: Наука, 2005.

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.

Винокур Г. О. Наследие XVIII века в стихотворном языке Пушкина // О языке художественной литературы Учеб. Пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т. Г. Винокур; Предисл. В. П. Григорьева. М.: Высш. Шк., 1991. С. 228–296.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Зыкова Г. В. «Яркий голос соловья» // Русская речь. 1993. № 1. С. 3–5.

Карамзин Н. М. Отчего в России мало авторских талантов? (1802) // Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 183–187.

Кузнецов — *Кузнецов С. А.* (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., Норинт, 2008.

Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. Вступительная статья // Полное собрание стихотворений М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 5–54.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

Радбиль Т. Б. Языковая аномальность в русской речи: К проблеме типологии // Русский язык в научном освящении. 2006 № 1 (11). С. 77–100.

САР — Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, Ч. 6, 1794.

СУш — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Составители Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под редакцией Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Тредиаковский В. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего подлежащих званий // Сб. материалов для Истории Императорской Академии Наук в XVIII веке. Ч. 1, САНКТПЕТЕРБУРГ, 1865. С. 17–74.

Ульман С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике. М.: Прогресс. № 5. 1970. С. 250–293.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М.: Рус. яз, 1993.

Ярошенко П. В. Словосочетания с сенсорными семантическими компонентами (на материале параллельного мультиязычного корпуса). Дисс. ... канд. филол. наук / Институт языкознания РАН. М., 2023.

О. Ю. Крючкова
Саратовский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
(Россия, Саратов)
vpks@rambler.ru

СУФФИКСАЛЬНОЕ УСЛОЖНЕНИЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЕРИОД

Нанизывание синонимических адъективных суффиксов — заметное явление в словообразовании имен прилагательных в древнерусском языке: *–ов/–ев* + *–ьн* (**воловьный**), *–ив* + *–ьн* (**льстивьный**), *–ин* + *–ьск* (**звѣриньский**), *–ов* + *–ьск* (**поповьский**). Участие адъективных суффиксов в моделях суффиксального нанизывания определяется особенностями их функционирования в древнерусском языке, а также развитием значимых исторических процессов в кругу имен прилагательных: усилением категории качественности, структурно-семантической дифференциацией именных и местоименных форм.

Свободная вариативность, взаимозаменяемость суффиксов *–ьн, –ов, –ьск* при одних и тех же основах сочетается в древнерусский период с тенденцией к некоторой дифференциации данных суффиксальных формантов, тяготеющих к деривации прилагательных определенного лексико-грамматического разряда. Благодаря этим свойствам адъективных формантов суффиксальное усложнение при деривации имен прилагательных выступает в роли своеобразного экспликатора общих семантических тенденций данного категориально-грамматического класса — центростремительного движения всех лексико-грамматических разрядов прилагательных к категории качественности. Выразителями указанной тенденции стали вторично присоединяемые к основам имен прилагательных древнейшие адъективные суффиксы *–ьск* и *–ьн* с широким относительным или качественно-относительным значением. Присоединение вторичных суффиксов *–ьск* или*–ьн* к первичным суффиксам

–ов или *–ин* способствовало также транспозиции именной формы посессива в местоименную.

Суффиксальное усложнение в структуре качественных имен прилагательных объективирует еще одну семантическую тенденцию, приведшую в дальнейшем к становлению семантической оппозиции по линии бытийности (‘иметь’) — посессивности (‘иметься’): **льстивый** ‘льстящий’ — **льстивьный** ‘содержащий лесть’.

Ключевые слова: древнерусский язык, имя прилагательное, суффиксальное усложнение

Нанизывание адъективных суффиксов тождественной значимости (синонимическая суффиксальная редупликация) в древнерусский период отмечается во всех лексико-грамматических разрядах имен прилагательных: при словопроизводстве качественных, относительных и притяжательных прилагательных. Среди довольно разнообразных моделей морфемного повтора наибольшей относительной регулярностью характеризовалась отсубстантивная модель с нанизыванием синонимических суффиксов *–ов(ый)/–ев(ый) + –ьн(ый)*: **верховой — верховьный**, **воловый — воловьный**, **волховъ — волховьный**, **грѣховой — грѣховьный**, **дождевой — дождевьной**, **домовый — домовьный**, **круговой — круговьный**, **медовый — медовьный**, **рядовой — рядовьный**, **Христовъ — Христовьный** и др.

Второе место по количеству лексических реализаций принадлежало модели *имя сущ. + –ив(ый) + –ьн(ый)*: **благочестивый — благочестивьный**, **незлобивый — незлобивьный**, **льстивый — льстивьный**, **милостивый — милостивьный** и др.

Все прочие модели были представлены единичными образованиями: *имя сущ.+ –ин(ый) + –ьск(ий)* (**звѣриный — звѣриньский**, **непризнинный — непризнинъский**); *имя сущ.+ –ав(ый) + –ьн(ый)* (**лукавый** (от **лука**) — **лукавьный**, **ласкавый — ласкавьный**); *имя сущ.+ –ов(ый, ой) + –ьск(ий, ой)* (**поповый — поповьский**, **рядовой — рядовьской**); *имя сущ.+ –ич(ь) + –ьск(ий)* (**младеничь** (от **младя**) — **младеничьский**); *имя сущ.+ –ьн(ый) + –ьн(ый)* (**сильный — сильньный**); *имя прилаг.+ –ов(ый) + –ьн(ый)* (**неистовый** (от **неистый**) — **неистовьный**) и др. (подробнее см. [Крючкова 2000]).

Прежде всего, обращает на себя внимание позиционное распределение суффиксальных формантов: для аффиксов с элементом *в*, среди которых по количеству реализаций в описываемых моделях выделяется суффикс *–ов*, характерна позиция первичных суффиксов, тогда как суффиксы *–ьн* и *–ьск* выступают по преимуществу в роли вторичных, усложняющих суффиксов. Все названные суффиксы (*–ьн, –ов* и *–ьск*) относятся к числу продуктивных словообразовательных аффиксов в подсистеме прилагательных древнерусского языка, обладают наиболее отвлеченным значением и широкими дистрибутивными возможностями. Первоначальная недифференцированность адъективных формантов приводила к параллелизму в их функционировании, к свободной вариативности, взаимозаменяемости суффиксов при одних и тех же основах, см. [Булатова 1982: 111].

Вместе с тем суффиксы *–ов, –ьск* и *–ьн* различались, хотя и не строго, предпочтительным употреблением при деривации прилагательных того или иного лексико-грамматического разряда. Так, с помощью суффикса *–ов* образуются притяжательные и притяжательно-относительные прилагательные; суффикс *–ьск* выступает в функции форманта притяжательно-относительных прилагательных, склонных к контекстному развитию качественных значений; суффикс *–ьн*, являясь более древним относительным суффиксом, имеет наиболее широкую сферу употребления и участвует в деривации качественно-относительных прилагательных, обозначающих различные качества и отношения в зависимости от значения производящей основы.

Указанные семантико-деривационные различия суффиксов *–ов, –ьск, –ьн* в древнерусском языке не были все же четко оформившимися, а носили скорее характер тенденций. Каждый из этих суффиксов мог быть использован при образовании прилагательных любого разряда. Семантическая недифференцированность суффиксов прилагательных была обусловлена более поздним сравнительно с другими грамматическими категориями оформлением категории имен прилагательных и отсутствием в словообразовательной подсистеме прилагательных специфических словообразовательных суффиксов общеиндоевропейского происхождения, см. [Потебня 1889: 77–86; Жирмунский 1976: 79, 214]. Суффиксы *–ов, –ьск, –ьн* были (и остаются) формальными

средствами адъективации, роль которых состоит в изменении категориальной принадлежности мотивирующей основы, см. [Улуханов 1967: 193]. Это и определяло возможность синонимического использования этих аффиксов (Н. П. Зверковская насчитывает в древнерусских памятниках около 60 основ параллельных однокорневых прилагательных с суффиксами *–ьн* и *–ск* [Зверковская 1964: 273]), в том числе и их контаминацию при одной и той же основе.

Суффиксальное усложнение при адъективной деривации является своеобразным экспликатором общих семантических тенденций данного категориально-грамматического класса. Историческая динамика лексико-грамматических свойств имен прилагательных в целом заключается, как это неоднократно показано исследователями на разном конкретном материале, в усилении качественной семантики, в центростремительном движении всех лексико-грамматических разрядов к категории качественности. В самом общем виде эта эволюция может быть понята как поступательное движение адъективного класса имен от индивидуальной относительности к более общей родовой относительности и далее к предметно-абстрагированной, окачествленной относительности и к обозначению независимого безотносительного признака.

Выразителями указанной тенденции стали древнейшие суффиксы *–ьск* и *–ьн* с широким относительным или качественно-относительным значением. Вторичное присоединение аффиксов *–ьск* и *–ьн* к производным основам прилагательных, уже осложненным другими атрибутивными суффиксами, усиливало, делало материально обозначенными семантико-словообразовательные процессы, имплицитно развивавшиеся в первичных суффиксально-производных основах. Так, например, почвой для вторичного суффиксального осложнения атрибутивных основ, содержащих суффиксы *–ов* и *–ин*, стало начавшееся в древнерусский период семантическое расщепление каждого из этих формантов на притяжательный и относительный, см. [Лопатин, Улуханов 1988: 200]. Этот процесс был связан, в свою очередь, с развитием и укреплением местоименного склонения прилагательных и с семантической дифференциацией именных и местоименных форм адъективов, которые в древнерусском языке стали различаться как посессивные и относительные. Посессивное значение суффикса *–ов*

явственно выступало при мотивирующих именах собственных, относительное — при мотивирующих нарицательных, см. [Фролова 1960: 340; Васильева 1970: 172; Полякова 1994: 184]. Ср.: **Христовъ**, но: **круговой**. (В дальнейшем семантическая противопоставленность прилагательных от имен собственных, не развивавших полных форм, и прилагательных от имен нарицательных, активно продуцировавших членные формы, стала основой семантической оппозиции именных и местоименных форм по признаку «посессивность — относительность».)

В этих условиях присоединение вторичного относительно-притяжательного суффикса *–ьск* или вторичного относительно-качественного суффикса *–ьн* к первичному посессивному суффиксу (*–ов* или *–ин*) способствовало транспозиции именной формы посессива в местоименную и усилению относительно-качественной семантики у местоименных форм имен прилагательных. Ср., например, посессивное значение у именных односуффиксных форм прилагательных и относительно-качественное значение у однокорневых местоименных форм с суффиксальным усложнением (здесь и далее примеры приводятся по [Срезневский 1893–1903] и [СлРЯ XI–XVII вв.]):

> **Рожьство Христово**. Стихир. 1157 г.; **Христовъ хрьститєлю Иоанє**. Там же. Но: **Хс̃вны страсти на тѣлѣ своємь носѧ**. Мин. Пут. XI в.; **Оутвьрдисѧ вѣрою цьркы Христовьна**. Ирм. ок. 1250 г.; **Єванове попове** [надпись о чем-то, принадлежащем попу Ивану]. Берест. гр. XIII–XIV вв. Но: **Нам же вьсѣмъ въходящємъ съ Єпифанъмь въ цр̃квь, имяхъ мысль бѣжати, тяготу творя врѣмя поповьскоє**. Усп. сб. XII–XIII вв. А **плѣвел и суть сынове непріязнини** (**непріязнь** ‘злой дух, дьявол’). Остр. ев. 1057 г.; **Льстьць ли бѣ Хс̃ъ, свобожии от льсти непріязниньскыя имущая зълыи дх̃ы?** Усп. сб. XII–XIII вв.

Примечательна также семантическая дифференциация прилагательных с корнем *–дом–*, описанная В. В. Колесовым. Если прилагательное *домовый* выражает значение принадлежности (**Двери и окна домовыє**. Назиратель, 21. XVI в.), а прилагательное **домьный** указывает на отношение к дому, то слово **домовьный** отражает семантическую эволюцию от значения принадлежности к относи-

тельному значению ‘все домашние, к дому принадлежащие’: **аще кто домовный или рабъ**. Кн. законные, 67 [Колесов 1991: 77].

Степень продуктивности тех или иных моделей указанной семантической направленности связана с функционально-семантическими особенностями первичных адъективных формантов — с их продуктивностью, возможностью употребляться как в составе именных, так и в составе местоименных форм, с семантической сложностью суффиксальных формантов имен прилагательных. Так, суффиксы *–ич* и *–ин* редко включались в модели суффиксального усложнения, тогда как суффикс *–ов*, напротив, «охотно» присоединял к себе вторичный синонимический формант. Объяснить это можно, вероятно, функциональной ограниченностью первых двух формантов и противоположными качествами суффикса *–ов*, высокопродуктивного и семантически сложного форманта. Если суффикс *–ич* употреблялся в притяжательном значении исключительно в составе именных основ, а суффикс *–ин* принадлежал к восточнославянским инновациям [Историческая типология... 1986: 91] и не приобрел еще в древнерусском языке достаточной для его самостоятельного функционирования продуктивности, то суффикс *–ов* относился к общеславянскому фонду словообразовательных средств (был выделен из существительных древнего типа склонения на **й*), широко употреблялся как в составе именных, так и в составе местоименных основ, и отличался, наряду с этим, неоднозначностью и семантической неустойчивостью.

Особенности первичных адъективных формантов с притяжательно-относительным значением объясняют лишь бóльшую или меньшую степень их участия в моделях суффиксального нанизывания. Коммуникативная же функция во всех случаях удвоения адъективных суффиксов одинакова — придать структурную выраженность важному языковому процессу, направленному на укрепление категории качественности. Суффиксальная редупликация в моделях с первичными притяжательно-относительными суффиксами отражает историческую эволюцию адъективных словообразовательных средств, движение к обозначению безотносительного признака и одновременное угасание передаваемой словообразовательными средствами семантики реляционного характера.

Суффиксально редуплицированные прилагательные либо четко противопоставлены нередуплицированным однокорневым образо-

ваниям как относительные прилагательные прилагательным притяжательным (см. выше контексты с прилагательными **Христовъ** и **Христовьный**, **поповъ** и **поповьскый, неприязнинъ** и **неприязниньскый,** ср. также: **волхвовъ** — ‘принадлежащий волхву’ и **волхвовьный** — ‘относящийся к гаданию, прорицаниям’; **младеничь** — ‘принадлежащий младенцу’ и **младеничская —** ‘сущ. то, что свойственно младенцам, детям’), либо дублируют относительную семантику прилагательных 1-й ступени (**дождевой** — ‘дождевой’; ‘дождливый’ и **дождевьной —** ‘то же, что дождевой’; **ѣздовый —** ‘предназначенный для езды, выездов’ и **ѣздовьный** — ‘то же, что **ѣздовый**’), или же, наконец, поддерживают и развивают качественность, реально существующую или потенциально содержащуюся в семантике прилагательных 1-й ступени. Ср.: **звѣриный** — ‘принадлежащий зверю’; ‘подобный звериному; жестокий, свирепый, дикий’; ‘звериный, относящийся к зверю’; ‘предназначенный для охоты на зверя’ и **звѣриньскый** — ‘подобный звериному’; **медовый** — ‘относящийся к меду, напитку из меда’; ‘относящийся к выплате натурального оброка медом’ и **медовьный** — ‘свойственный меду, медовый’; **воловый** — ‘прилагат. к волъ’ и **воловьный** — ‘прилагат. к волъ’; ‘медленный, ленивый’; **верховой** — ‘расположенный вверху’; ‘лежащий в верховье реки или выше по течению’; ‘навесной (о стрельбе)’ и т. д. и **верховьный** — реализует те же значения, что и **верховой**, добавляя к этому качественно-характеризующее значение ‘верховный, высший, главный’, которое в [СлРЯ XI–XVII вв.] приводится как 2-е в перечне из 6-ти значений.

Коммуникативная значимость описываемой семантической эволюции подчеркивается также развитием таких моделей суффиксальной редупликации, в которых вторичный суффикс присоединяется к суффиксальным основам собственно качественных прилагательных. В этих случаях структурная объективация качественной семантики как общий фактор адъективной суффиксальной редупликации сопровождается развитием значения степени качества. Усилительно-интенсифицирующую функцию, по-видимому, выполняет вторичное присоединение суффикса *–ьн* к суффиксальным основам качественных прилагательных, в том числе полное удвоение суффикса *–ьн*. (Суффикс *–ьн*, по-видимому, искони характеризовался дополнительным потенциальным компонентом ‘большое количество’. Так, например, описывая праславянские суффиксальные

распространители имен прилагательных, Ж. Ж. Варбот приводит, в частности, такой пример: **vysokъjь* > польск. диал. *wysochny* ‘очень высокий’ [Варбот 1984: 240]. Дополнительное значение ‘большое количество’ отмечает у современного суффикса *–н* И. С. Улуханов в качественных прилагательных типа *сильный, жирный, модный* [Улуханов 1996: 166], см. также [Костромина 1961: 19–20; Пастушенков 1983: 112]). Так, прилагательное **сильньный,** являясь семантическим дублетом к соответствующему суффиксально нередуплицированному производному **сильный**, употребляется в усилительно-эмоциональных контекстах. Ср.: ...**силньнъ гласъ ревоуще в полкоу ихъ**. Ип. л. Ср. также прилагательное **трьостьньный**, зафиксированное только в форме с суффиксальным удвоением. Наряду со значением ‘имеющий три острия’, оно употребляется в значении ‘вредоносный’ (**трьостьньныи бѣсъ**. Іо. Лѣств. XII в.). Усилительное значение, возникающее при полной редупликации суффикса *–ьн*, способствует развитию в восточнославянских языках словообразовательного типа увеличительных прилагательных с суффиксом *–енн* типа *здоровенный, толстенный* (о восточнославянском происхождении этого словообразовательного типа см. [Историческая типология... 1986: 95]).

Аналогичным образом сравнение семантической структуры качественных прилагательных **неистовый** и **неистовьный** показывает, что второе, суффиксально усложненное, производное специализировано на значениях, явно характеризующихся семой интенсивности проявления качества, ср.: **неистовьный** — ‘безумный, помешанный’; ‘свирепый, яростный’; ‘страстный, необузданный, буйный’; ‘жестокий, непереносимо сильный’, тогда как в значениях односуффиксного прилагательного семантика интенсивности необязательна (напр., **неистовый** — ‘обманный, фальшивый’; ‘лживый, бесчестный’; ‘недействительный’; ‘неправильный, плохой, негодный’). Таким образом, суффиксальное нанизывание не только объективирует качественную семантику в отличие от относительной или посессивной, но и подчеркивает важнейшее свойство качественного признака — его градуируемость, возможность проявляться в большей или меньшей степени.

Суффиксальное усложнение в структуре качественных имен прилагательных объективирует еще одну семантическую тенденцию, приведшую в дальнейшем к становлению семантической

оппозиции по линии бытийности (‘иметь’) — посессивности (‘иметься’). (В современном русском языке эта оппозиция, по наблюдениям исследователей, является основной семантической оппозицией в сфере отсубстантивных имен прилагательных, см. [Гинзбург, Хидекель 1993: 72]). Посредством суффиксальной редупликации в древнерусском языке осуществлялось, как правило, посессивное изменение бытийной семантики, свойственной прилагательным 1-й ступени производности. Так, прилагательное **льстивый** чаще употребляется при характеристике лиц, имея значение, близкое к действительному причастию ‘льстящий’ (**суть бо грьци лстивы**; **сотону лестиваго**), тогда как **льстивьный** обычно сочетается с абстрактными существительными (**льстивъны бесѣды**; **льстивное писание**; **льстивным лобзаниемъ**), давая им качественную характеристику — ‘содержащий лесть’.

Подобное соотношение бытийности — посессивности имеет место и в семантической структуре других дериватов той же словообразовательной модели. Ср., например, контексты производных **незлобивый** и **незлобивьный**: **рѣснотивый** и **рѣснотивный** (‘справедливый, правдивый’): **Нѣсть такого от сущихъ на земли чл҃вка подобьна ему, <u>незълобивъ</u> бо есть и истиньнъ**. Усп. сб. XII–XIII вв.; **Бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, <u>незлобивъ</u> нравомъ**... Лавр. лет. Но: **Ума <u>незълобивьна</u>**. Панд. Ант. XI в.

А иже родится мужескъ пол, варовит будет, паметливъ, книжникъ, <u>рѣснотивъ</u>, приязнивъ, от татбы погибнет. Лунник, 165. XV в. Но: **Не дѣтьскыя бо гласы вьсяко <u>рѣснотивьны</u> у таковыихъ** [желающих принять обет девства] **мьнѣти подобаше**... (Вас. Вел. 18) Ефр. корм., 482, XII в.

Примечательно, что иное позиционное распределение словообразовательных аффиксов (*–н + –ив*) меняет и направление бытийно — посессивных отношений в словообразовательной цепочке. Так, прилагательные *любезный* и *любезнивый* противопоставлены как дериваты с посессивной и бытийной семантикой соответственно: *любезный* — 1) ‘внушающий любовь, уважение; приятный, достойный’; 2) ‘дорогой, милый’; 3) в знач. сущ. ‘дорогой, возлюбленный’; *любезнивый* — 1) ‘любящий, исполненный любви’; 2) ‘имеющий склонность, пристрастие, приверженность к чему-л.’; 3) ‘чувствительный, чувственный’.

Суффиксальная синонимическая редупликация при словопроизводстве имен прилагательных обусловлена становлением данной грамматической категории, отражает важнейшие семантические процессы в формирующейся словообразовательной подсистеме имен прилагательных. Семантический эффект, достигаемый редупликацией адъективных суффиксальных формантов, свидетельствует о начавшемся в древнерусском языке снижении актуальности словообразовательных типов, специализированных на значении индивидуальной принадлежности, и о формировании новой посессивной семантики в недрах неспециализированных словообразовательных типов с общекатегориальными, общеотносительными формантами. Результатом такой «переадресации» становится качественное изменение посессивного значения, приобретающего иное содержание: не ‘принадлежащий’, а ‘содержащий что-л., насыщенный чем-л.’. Значение же индивидуальной принадлежности начинает постепенно вытесняться из сферы словообразовательной семантики в сферу семантики лексической и синтаксической.

Литература

Булатова Т. П. К вопросу об адъективном параллелизме в древнерусском языке // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Ч. II. Казань, 1982.

Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология. М., 1984.

Васильева В. Д. К вопросу о суффиксальной синонимии в системе образования относительных прилагательных в древнерусском языке XI–XVII веков // Вопросы русского языка. Вып. 1. Ярославль, 1970.

Гинзбург Е. Л., Хидекель С. С. Конверсные отношения словообразовательных значений // Проблемы функциональной семантики. Калининград, 1993.

Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.

Зверковская Н. П. Параллельное образование прилагательных с суффиксами -ьн- и -ьск- в древнерусском языке // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.

Историческая типология славянских языков. Киев, 1986.

Колесов В. В. Домъ и дворъ в древнерусских текстах XI–XVI веков // Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М., 1991.

Кострома Н. В. Суффиксальное словообразование прилагательных в русском литературном языке первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1961.

Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Структура славянской морфемы в синхронном и диахронном аспектах // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988.

Пастушенков Г. А. К вопросу о словообразовательном значении отсубстантивных имен прилагательных // Проблемы современной русской лексикологии. Калинин, 1983.

Полякова Е. Н. Роль лексики в развитии словообразовательной системы (по материалам пермских памятников XVII — начала XVIII веков и современных говоров) // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1886–1889.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1903.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости словообразовательных морфем // Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967.

Фролова С. В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Сб. ст. по теории и методике русского языка. Учен. зап. Куйбыш. гос. пед. ин-та им. В. В. Куйбышева. 1960. Вып. 32.

А. С. Кулева, Л. Л. Шестакова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
an_kuleva@mail.ru, lara.shestakova@mail.ru

РЕЛИКТЫ КРАТКИХ АТРИБУТИВНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И КОРПУСЕ

В грамматике современного русского языка противопоставляются полные атрибутивные и краткие предикативные прилагательные. Употребление кратких атрибутивных форм допускается в единичных устойчивых выражениях (*по белу свету* и пр.); примеры использования кратких атрибутивных форм в языке поэзии принято считать искусственными «усеченными прилагательными». Исследователи (в частности, Т. Г. Винокур) отмечали, что формирование современной системы имени прилагательного было длительным процессом: атрибутивное употребление кратких (именных) форм, характерное для древнерусского языка, фрагментарно сохранялось вплоть до XVII в. Так называемые «усеченные прилагательные», которые было принято считать яркой чертой силлаботоники XVIII в., реально употреблялись как раньше, в силлабической поэзии XVII в., так и позже, вплоть до современного этапа, причем речь идет о тех же падежных формах: кроме форм И.-В. п., отличающихся от кратких форм атрибутивным употреблением и изредка ударением, продолжали употребляться некоторые формы косвенных падежей (преимущественно Р. и Д. ед.). Таким образом, имеет смысл говорить о художественном переосмыслении грамматического элемента, уходящего на периферию грамматической системы. О том, что краткие атрибутивные формы продолжают существовать в современном русском языке, говорит их отражение в толковых словарях. В статье рассматриваются примеры словарных статей в сопоставлении с данными Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: атрибутивная форма, корпус, прилагательное, словарь, словарная статья

В грамматике современного русского языка противопоставляются полные (атрибутивные) и краткие (предикативные) прилагательные [РГ-80, 1: 554–558]. Известно, что в центре системы имени прилагательного первоначально находились древние именные формы, изменявшиеся по родам, числам и падежам и выступавшие в предложении в роли как предиката, так и определения: «И качественные краткие прилагательные (*красьнъ*, *синь*), и относительные (*деревянъ*, *роусськъ*), и притяжательные (*отьцевъ*, *сестринъ*), поскольку они могли употребляться в качестве определений, склонялись. И в этом их основное отличие от современных кратких прилагательных» [Винокур 2004: 83]. Принято считать, что перестройка грамматической системы отражена уже в древнейших памятниках русского языка. Однако исследователи отмечают, что именные формы в атрибутивном употреблении встречаются не только в древнерусских памятниках XI–XIV вв., но и в старорусских памятниках XV–XVII вв., причем речь идет как о качественных, так и об относительных прилагательных: «...еще в XVI–XVII вв. подобное употребление кратких прилагательных было нередким: *пришелъ чернець молодъ*, *послали ковшь золотъ*, *допрашивати женьскъ полъ* — в Соборном Уложении 1694 г.» [Там же].

Для современного языка возможность употребления склоняемых атрибутивных кратких форм допускается лишь в устойчивых сочетаниях разных типов: а) во фразеологизмах: *средь бела дня*, *по белу свету*, *на босу ногу* (с субстантивацией: *не по хорошу мил, а по милу хорош*; *мал мала меньше*; *от мала до велика*; *по добру по здорову*), ср. также наречия: *добела*, *издавна*, *смолоду*, *сгоряча*; б) в фольклорных постоянных эпитетах: *красна девица*, *чисто поле*, *чаша зелена вина*, *на ворона коня*, *добру молодцу*; в) в церковнославянизмах: *свято место пусто не бывает* [РГ-80, 1: 555; Краткая русская грамматика 2002: 256; Шмелев 1960/2002: 590–592; Винокур 2004: 83].

Показательно, что исчерпывающего списка подобных «застывших форм» до сих пор не существует, в связи с чем вопрос об их «устойчивости» остается открытым. Так, фразеологические словари (например, [ФС 1995]) включают и другие единицы: *(не) велик барин*, *велики баре*; *лиха беда (начало)*, *не лиха (велика) беда*, *эка беда*; *всяко дело*, *всяко разно*; *в оны дни*, *во время оно*; *под белы ручки (руки*, *рученьки)*; *право слово*, *слово твердо*; *за добра*

ума ‘по-хорошему’ (*за добра ума поздорову убирайся*) и др., причем обращает на себя внимание их вариативность, ср.: *средь бела дня* / *по белу свету* vs. *до белого (белу) света (свету)*, *до светла* ‘до утра’, *от светла до светла* ‘в течение суток’.

Интересно, что в рамках истории имени прилагательного обычно не обсуждался еще один случай атрибутивного использования кратких форм — так называемые «усеченные прилагательные». Они традиционно рассматривались как характерная черта поэзии XVIII в. (ср.: *Поля покрыла* ***мрачна*** *ночь*; *Взошла на горы* ***черна*** *тень*; ***Несчетны*** *солнца там горят.* М. Ломоносов, 1743). Считалось, что это искусственная форма полного прилагательного, образованная механическим «отсечением» окончания (или его части), которая использовалась в качестве одной из поэтических вольностей, поскольку делала слово на слог короче. Такая трактовка встречается в филологических трудах поэтов XVIII в. (Кантемира, Тредиаковского, Ломоносова), в научной литературе XIX–XX вв. (например, в работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. М. Живова), представлена в существующей учебной и справочной литературе, см. подробнее [Кулева 2017].

По словам Г. О. Винокура, «изучение языка отдаленной эпохи, например, такого вопроса, как система склонения в эту эпоху, удобнее всего вести исходя из сравнения с языком современности. Но при этом необходимо соблюдать два условия: 1) наблюдаемые несовпадения с теперешним языком нельзя без достаточных оснований объяснить капризом, прихотью или неосведомленностью изучаемого писателя, сразу же называть их ошибками против языка или “поэтической вольностью”; 2) нельзя отрывать язык изучаемого писателя от его исторической обстановки, смотреть на него, как на изолированное единичное явление» [Винокур 2006: 159]. Однако названные условия редко соблюдались применительно к усеченным прилагательным. Попытка рассмотреть это явление на обширном материале в сопоставлении с историей имени прилагательного позволяет утверждать, что здесь мы имеем дело скорее с маргинальным, но вполне живым реликтом грамматической системы — возможностью атрибутивного употребления кратких форм. В работе [Кулева 2017] было проанализировано более 15 тыс. поэтических контекстов, содержащих усеченные формы (рассматривался корпус из 30 тыс. русских поэтических текстов 500 авторов XVIII — начала XXI вв., а также произведения силлабической

поэзии XVII в.). Как представляется, «усеченные прилагательные» можно определить как особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий (в том числе действительных), местоимений-прилагательных, порядковых числительных, некоторые субстантивированные формы, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах, причем не столько в версификационной, сколько в стилизующей функции. Важно, что такие формы образуются с легкостью (в корпусе собранных примеров более 2 тыс. лексем, в том числе единично употребленных) и продолжают использоваться. Например, в современной поэзии: *Мол, к нашим дырявым овчинам* / *Пришьем* ***драгоценны*** *заплатки* (Л. Мартынов); ***Древня*** *венца сим не сподоблюсь* (И. Бродский); ***Небесна*** *лошадь ест в желудок* ***пуст*** (В. Соснора); *Разъедают град карминный* / ***Опрокинуты*** *дожди* (А. Филимонов); *Ветра* / *В парусах не достанет судну* / *Преодолеть эту тьму* ***безлюдну*** (О. Охапкин); *Я начал жизнь с белого листа* / *С* ***религиозна*** *фикуса* (А. Верницкий).

Показательно, что использование в языке поэзии атрибутивных кратких форм в качестве стилизующего элемента отмечается в грамматиках, но в связи с упоминавшимися выше постоянными фольклорными эпитетами, ср.: «В художественной литературе, преимущественно в поэзии, краткие формы в определительной функции употребляются в целях создания народно-поэтического колорита; например, у А. Блока: *Я голосом тот край, где синь туман, бужу, Я песню длинную прилежно вывожу* (“Песельник”); *Ой, синь туман, ты — мой! Ал сарафан — пожар, что девичий загар!* (там же); *Как пошли наши ребята В красной гвардии служить — В красной гвардии служить Буйну голову сложить* (“Двенадцать”)» [Краткая русская грамматика 2002: 256].

Наиболее интересно, что и в списках «устойчивых выражений», и в качестве «усеченных прилагательных» в языке поэзии преобладают те же грамматические формы, которые, согласно исследованиям по истории языка, существовали дольше всего (вплоть до XVII в.) — И. и В. всех родов и чисел, Р. и Д. м.-ср. ед., см. подробнее [Кулева 2017: 48–50]. Такая ситуация вполне объяснима, поскольку это либо формы И. п., отличающиеся от современных кратких (предикативных) форм только атрибутивным употреблением и изредка ударением, либо формы косвенных падежей,

настолько выразительные и легко образующиеся, что любому носителю русского языка они интуитивно понятны. Отметим, что встречающиеся в языке поэзии формы именного склонения (Р. м. ***чиста***/*чистого*, ***древня***/*древнего*, Д. м. ***вечну***/*вечному*, ***синю***/*синему*) находят опору в церковнославянском языке, где атрибутивное употребление кратких прилагательных сохраняется; ср. и более редкие формы: Р. ж. ед. *в конец* ***вселенны*** (И. Богданович), П. м.-ср. ед. *Что, полная чаша куста,* / *Находишь на сем — месте* ***пусте****?* (М. Цветаева; ср.: *свято место пусто не бывает*).

Мнение о том, что краткие прилагательные в атрибутивном употреблении не окончательно ушли из современного русского языка, можно найти в современных грамматических исследованиях, ср.: «Из числа наиболее интересных морфологических явлений, бесспорно существующих в современных русских текстах, но недостаточно отражаемых нормативной грамматикой (или вовсе не отражаемых), можно упомянуть следующие: <...> 3) Стойкое сохранение такого явления, как склоняемые краткие формы прилагательных в атрибутивной функции (*всяк человек*, *кари очи*, *тёмну силу*, и т. п.); распространенность этого явления (в современном языке в основном связанного с использованием псевдонародной речевой маски) выходит далеко за пределы клишированных сочетаний типа *средь бела дня*» [Плунгян 2008: 19]. Ср. [Плунгян 2011: 233].

Подтверждением «скрытого» существования современных кратких атрибутивных форм можно назвать их отражение в лексикографической традиции.

Поскольку, согласно грамматикам и учебникам, атрибутивных кратких прилагательных в современном русском языке не существует, в толковых словарях им также нет места. Однако «явочным порядком» такие формы попадают в словарные статьи без каких-либо пояснений, что предполагает их очевидность для носителя языка. Обычно они встречаются в зоне фразеологии, что формально не противоречит нормативной грамматике. Ср. фрагменты словарных статей из авторитетного толкового словаря [МАС, 1, 2]:

> **БЕ́ЛЫЙ** ... ◊ ... **Среди (средь) бела дня** — днем, когда светло.
>
> (Ср. в современном толковом словаре отражение развития переносных значений, что свидетельствует о дальнейшем отходе от прямого значения: ◊ ...**Среди (средь) бела дня —**

1) днем, когда светло; 2) открыто, у всех на виду, не стесняясь [АТоС, 1]).

БОСО́Й ... ◊ ... **На босу́ (бо́су) ногу** — на голую ногу, без чулок.

ЗЕЛЁНЫЙ ... ◊ ... **Зеленое (зелено́) вино** (*народно-поэт.* и *прост.*) — водка, хлебное вино.

В приведенных примерах специфика кратких атрибутивных форм подчеркивается постановкой ударения (*зелено́* vs. кр. ср. *зе́лено*), хотя и непоследовательно (так, не отмечено ударение в выражении *средь бе́ла дня*).

Внутри соответствующих статей приводятся и выражения с субстантивированными формами, при этом в отдельную статью выделяется форма *всяк*, склоняемость которой подтверждается текстовыми иллюстрациями (*за **всяку** безделицу*), ср. в [МАС]:

ВСЯК, -а, -о, *мест. Определит.* (*кратк. ф. к* «всякий» в 1 знач.). *Устар.* и *прост.* Каждый. *Всяк кулик свое болото хвалит.* Пословица. *Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык.* Пушкин, Я памятник себе воздвиг нерукотворный. — *И ведь за всяку безделицу норовит выругать лысым.* И. Гончаров, Обломов. || *в знач. сущ.* **всяк**, *м.* (*употр. только в им. п.*). Каждый, любой человек...

ВЕЛИКИЙ ... ◊ ... **От ма́ла до вели́ка** — все без различия возраста.

МАЛЫЙ ... ◊ ... **Без малого** и **без мала** (с *количественными именами существительными или количественными именными сочетаниями*) — почти, около. И **старый и малый**; **и стар и мал** *см.* старый. **От мала до велика** *см.* великий. **Мал мала меньше —** один меньше другого (о детях).

Показательно, что в разных словарях существуют расхождения как в толкованиях сходных выражений, так и в помещении их в определенную зону словарной статьи. Так, в [МАС] находим в фразеологической зоне статьи БЕЛЫЙ выражение **Среди (средь) бела дня** с одним значением ‘днем, когда светло’, и **Белый свет** *см.* свет^2. (СВЕТ^2 ‘земля, мир; люди’ ◊ **Белый** (или **божий) свет** ‘мир’); выражение *по белу свету* нигде не отражено, хотя встречается в иллюстративных примерах. В [МАС, 1–4] разные контексты

употребления сочетания *белый свет* можно найти в иллюстративной зоне в 20 словарных статьях, причем семь из них включают атрибутивные формы, в том числе в значениях, не зафиксированных в словаре:

ГОРЕМЫ́ЧНЫЙ *...не рыскал бы* ***по белу свету*** *горемычным бродягой.* Марков, Строговы.

ГРУ́СТНЫЙ *...муж убит на войне, дети разбросаны* ***по белу свету****, а она только на днях вернулась из эвакуации.* Галин, Точка опоры.

ОЩЕТИ́НИТЬСЯ *...Прост.* Разозлиться, рассердиться. — *Папапа Максимыча я мало знаю, а толкуют, что, ежели он на кого ощетинится, тому лучше* ***с бела света*** *долой.* Мельников-Печерский, В лесах.

ПОМОТА́ТЬСЯ *...Где я только не работал! И в совхозе «Гигант» в Сальских степях работал, и на Каспийском море нефть добывал, и в Донбассе шахты откачивал. Помотался* ***по белу свету****.* Овечкин, Районные будни.

ПОМЫ́КАТЬСЯ *...Я немало помыкался* ***по белу свету*** *и могу сказать, что хорошо знаю жизнь.* Куприн, Собачье счастье.

РАЗО́ХАТЬСЯ *...Он к вечеру разохался, К полуночи попа просил,* ***К белу свету*** *преставился.* Н. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо.

ЦЫГА́НСКИЙ *...А у самой — цыганская натура. Век бы кочевала* ***по белу свету****.* Овечкин, Районные будни.

Отметим выражение *к белу свету* ‘к рассвету’, которое должно было бы относиться к статье СВЕТ[1].

Ср. также подачу в [БТС]:

БЕ́ЛЫЙ ... **3**. Лишённый интенсивности, дополнительной окраски или необычайно яркий, слепящий (о свете, освещении или источнике такого света, освещения). ... || *Трад.-нар.* Ясный, светлый. *Б. день* (дневное время). *Вышли из подземелья на б. свет. Средь бела дня* (днём, пока светло или открыто, у всех на виду). ... ◊ ... **Бе́лый свет**. Земля, люди.

В [МАС] в отдельных случаях возможность атрибутивного употребления кратких форм фиксируется только в иллюстративных

примерах (*мне, **добру** молодцу*), причем также непоследовательно (например, *красная девица* иллюстрируется только примерами с полными формами), ср.:

> **ДО́БРЫЙ** ...**6.** (в *сочетании с сущ.:* «люди», «человек», «молодец» и т. п.). *Устар.* и *народно-поэт.* Обладающий положительными человеческими качествами, достойный уважения. *Не страшна мне, **добру молодцу**, Волга-матушка широкая, Леса темные, дремучие.* Кольцов, Стенька Разин. ...
>
> **КРА́СНЫЙ** ... **3.** ... | В народной поэзии: постоянный эпитет молодой девушки. *[Сват:] Что ж, **красные девицы**, вы примолкли? Что ж, белые лебедушки, притихли?* Пушкин, Русалка. *Толпа без **красных девушек**, Что рожь без васильков.* Н. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо.

Ср. также подачу в [АТоС, 3 (в печати)], где выражение с обеими формами вынесено во фразеологическую зону:

> **ДЕВИ́ЦА** и (*народно-поэт.*) **ДЕ́ВИЦА** ... ◊ ...**Красная** (или **красна**) **девица** — 1) (*народно-поэт.*) девушка.

Отметим, что особо оговариваются нестандартные формы в «Грамматическом словаре», причем упоминаются и «краткие формы прилагательных в косвенных падежах», и «так наз. усеченные формы», хотя ничего не говорится о различиях между ними:

> «За ◊ приводятся также устойчивые сочетания, в которых сохранились ныне отсутствующие в парадигме формы (в частности, краткие формы прилагательных в косвенных падежах и так наз. усеченные формы прилагательных), например:
> **бе́лый** п 1a/c» ◊ средь бе́ла дня́
> **рябо́й** п 1b/c' ◊ ку́рочка ря́ба» [Зализняк 2003: 15].

По знаку ◊ в словаре можно найти следующие примеры: *великий — от мала до велика*; *короткий — волос долог, да ум короток*; *экий — эка=экая важность* (*беда*, *невидаль*); *рябой — курочка ряба*; *босой — на босу ногу*; *малый — мал мала меньше*, *от мала до велика*, *куча мала*; *белый — средь бела дня*; *ровный — не ровён час*; *старый — это старо (как мир)*. Включение в словарь этих форм связано, прежде всего, с особенностями акцентуации (тем

же условным знаком в словаре отмечаются «сведения о переносе ударения с полнозначного слова на служебное (предлог или частицу), например: за́ руку, до́ смерти» [Там же]).

Особого внимания заслуживают случаи, когда отнесение краткой атрибутивной формы в словарную статью на полное прилагательное для современного носителя языка не вполне очевидно, ср. в [МАС, 3, 4]:

> **СИ́НИЙ** ... ◊ ...**(Ни) синь пороха** *см*. порох; **ПО́РОХ** ... ◊ ... **(Ни) синь пороха** (нет, не останется и т. п.) (*устар*.) — ничего. — *Дом сгорел*, *кузница новая сгорела*. *Синь пороха не осталось*. Короленко, Павловские очерки.
>
> **СЫРО́Й** ... ◊ ... **Сыр-бор загорелся** (или **горит)** *откуда или из-за чего* — затеялось дело, начался переполох.

Как представляется, сейчас прилагательные в этих выражениях едва ли соотносятся с соответствующими полными формами (*синий порох*, *сырой бор*; ср. *куча мала = малая куча*, а также в [Зализняк 2003] *ку́рочка ря́ба* = ‘рябая курица’). О затемнении смысла может свидетельствовать и орфографический разнобой; так, в разных источниках находим варианты *Ку́рочка Ря́ба*, *Курочка-ряба*, *курочка-ряба*, ср. в [Академос]:

> **по бе́лу све́ту**
>
> **на бо́су но́гу**
>
> **всяк**, *другие формы не употр*. (*всякий*)
>
> **ку́ча-мала́**, ку́чи-малы́ [изменено, ср. РОС 2012: **ку́ча-мала́**, *другие формы не употр*.]
>
> **Ку́рочка Ря́ба**, Ку́рочки Ря́бы
>
> **весна́-красна́**, весны́-красны́
>
> **кра́сна де́вица**, кра́сной де́вицы; ср. **кра́сный**; *кр*. *ф*. -сен, -сна́, кра́сно́
>
> **мо́лодо-зе́лено;** ср. **зелёный;** *кр*. *ф*. зе́лен, зелена́, зе́лено, зе́лены́
>
> **синь-по́рох**: **ни синь-по́роха**, **синь-по́роха не́т** (не оста́лось)
>
> **синь-тума́н**, -а (*нар.-поэт.*)
>
> ср. **си́ний**; *кр*. *ф*. синь, синя́, си́не

сыр-бо́р (загоре́лся, разгоре́лся)
сы́р-дрему́чий бо́р
ма́ть сыра́ земля́, ма́тери сыро́й земли́

Вероятно, именно отсутствие непротиворечивой точки зрения на функционирование кратких атрибутивных форм в современном языке и приводит к неполноте и непоследовательности информации в грамматиках и словарях. С одной стороны, утверждается, что краткие атрибутивные формы сохраняются только в застывших устойчивых сочетаниях. С другой стороны, отсутствует исчерпывающий список таких «застывших» форм, фиксируется их вариативность, противоречиво указываются сведения о сохранении склонения (т. е. о возможности употребления кратких форм не только в атрибутивной функции, но и в косвенных падежах), не всегда указывается информация о специфике таких форм (в частности, о месте ударения). Показательно, что некоторые «наиболее застывшие» формы предписывается писать через дефис, что должно говорить об их лексикализации, семантическом опустошении прилагательного. Кроме того, остается открытым вопрос о свободном употреблении кратких атрибутивных форм.

Обращение к НКРЯ показывает, что исследование реального употребления кратких атрибутивных форм корпусными методами также не вполне эффективно: поскольку грамматическая разметка в корпусе строится на существующих грамматиках и словарях, поиск нестандартных грамматических форм затруднен (например, нерелевантные результаты дает поиск по сочетанию запросов «краткая форма» + «атрибутивное употребление»). Технические проблемы возникают при поиске лексем с дефисным написанием. Можно пользоваться поиском по точной форме, но это позволяет анализировать только частные случаи.

Рассмотрим примеры употребления одного из выражений с неочевидной краткой атрибутивной формой — (*ни*) *синь пороха* (см. также о выражении *сыр-бор* [Кулева 2017: 137–141]). Ср.: «*Ни синь-пороха* — для нас неразложимый идиоматизм. Его сложность ощутима, но его лексический состав не поддается непосредственному осознанию и объяснению; в нем даже синтаксическая связь элементов нарушена. Очевидно, *ни синь-пороха* восходит к архаическому словосочетанию *ни синя пороха* (ср. *средь бела дня, от мала до велика* и т. п.)» [Виноградов 1999: 380].

Для поиска в НКРЯ имеет смысл предусмотреть сочетание разных вариантов поисковых запросов:

лемма: «синь-порох», точная форма: «синь-порох», «синь-пороха» [Академос]; лемма: «синий» + «порох», «синь» + «порох», точная форма: «синь пороха» [МАС]; точная форма: «синя», «синю» — для поиска склоняемых форм;

лемма: «сыр-бор», «сыр» + «бор», «сырой» + «бор»; точная форма: «сыр-бор», «сыра-бора», «сыру-бору», «сыры-боры» и также без дефиса.

Согласно [Академос], сейчас предполагается, что нормативны только застывшие формы (*ни*) *синь-пороха* (*нет*/*не осталось*) и *сыр-бор* (*загорелся* и пр.). Обращение к НКРЯ, однако, показывает более сложную картину (при этом приходится оставить в стороне проблему дефисного vs. раздельного написания).

Поиск по дефисным формам (лемма: «синь-порох», точная форма: «синь-порох», «синь-пороха», «синя-пороха», а также «синь-туман») не дает результатов. Ср.:

«синь» 605 текстов, 1298 примеров;
«синь» + «порох» — 55 текстов, 63 примера;
«синий» + «порох» — 5 текстов, 6 примеров;
поиск по точным формам:
«синь порох» — 8 текстов, 8 примеров; ср. «синь» 451 текст, 857 примеров;
«синь пороха» — 40 текстов, 47 примеров;
«синя пороха» — 14 текстов, 18 примеров; ср. «синя» — 80 текстов, 183 примера;
«синя пороху» — 2 текста, 2 примера;
«синь пороху» — 5 текстов, 5 примеров;
«синю пороху» — 0; ср. «синю» — 25 текстов, 44 примера.

Найденные примеры распределяются следующим образом. Основной массив (47 примеров в 40 текстах от 1830 до 1970 г.) составляют контексты с выражением (*ни*) *синь пороха* (*синь-пороха*). Отмечается и варьирование формы Р. п. существительного *пороха*/*пороху*. Также встречаются варианты с согласованием, т. е. с формой косвенного падежа — Р. м. ед. (*синя пороха*). Показательно,

что унификация происходит и по первой части: *синь-порох*, в том числе и с нарушением согласования. Вариативные формы демонстрируют значительный хронологический разброс, в том числе встречаются в более современных текстах (*синь пороху* — 5 примеров от 1829 до 2001 г., *синь порох* — 8 примеров от 1830 до 1997 г.). Формы с Р. п. относятся преимущественно к XIX в. (*синя пороха* — 18 примеров от 1828 до 1901 г., *синя пороху* — 2 примера 1899 и 1903 г.). Наиболее архаичными оказываются формы с полным прилагательным (т. е. не претерпевшие окончательной идиоматизации) — 4 примера с *ни синего пороха* 1830–1846 гг. и дважды употребленное выражение *синей порох* в тексте XVIII в. Ср. примеры:

Девушка неубогая, грамоте и писать горазда, а пуще всего великая экономка: у нее ***ни синей порох*** *даром* ***не пропадет****; такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал* [Н. И. Новиков. Живописец (1775)].

Так они пожили немного-недолго, — не осталось в доме ***ни синего пороха*** [В. Ф. Одоевский. Живописец (1839)].

Командирша такая, голова, была, что ***синя пороха*** *без ее воли в доме* ***не сдувалось*** [А. Ф. Писемский. Плотничья артель (1855)].

Жил на фабрике... домой ничевошеньки, ***ни синя пороху*** *не подавал* [С. П. Подъячев. Мытарства (1903)].

Из своего я ему ***ни синь-пороха не дам****, будьте спокойны...* [Вас. И. Немирович-Данченко. Сластеновские миллионы (1893)].

Вот ваша сумка, все цело, ***ни синь пороха не тронуто****...* [Вл. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)].

— А семья-то есть у тебя, Петюшка? — ***Ни синь пороха****!.. Один, как месяц в небе!* [М. А. Шолохов. Чужая кровь (1926)].

Уехал, и хоть бы что. ***Ни синь пороха*** [С. И. Шуртаков. Первое свидание (1962)].

Распорядок добрый у него, а у нас порядку ***ни синь-пороху*** [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев (1934–1939)].

На этих выборах ему ***ни синь пороху не светит****, это я точно говорю* [А. Белозеров. Чайка (2001)].

Долго ль до греха... ***Ни за синь-порох пропадешь****...* [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев (1934–1945)].

Сел намедни со старухой чай пить и — ни боже мой, ни капельки, ***ни синь-порох****, хоть ложись да помирай...* [А. П. Чехов. Хирургия (1884–1885)].

Интересно, что возможны употребления этого выражения и в других конструкциях, в том числе не в отрицании (о таких случаях см. в [Виноградов 1999]), ср.:

...да маленькая внучка, любимица бабушки, которая ее нежила, холила да лелеяла, так что и ***синь-пороху не даст****, бывало,* ***пасть*** *на нее* [О. М. Сомов. Кикимора (1829)].

Я ему ни слова не говорю, перебил все ***до синя пороха****, однако чего искал, не нашел* [А. Ф. Писемский. Леший (1853)].

Вы у меня, что ***синь-порох*** *в глазу!* [И. А. Гончаров. Обыкновенная история (1847)].

Все на другой день перерыли ***до синь пороха****, а его не нашли* [Вл. А. Гиляровский. Мои скитания (1927)].

Упадет, говорит, на старуху спичка, ее как ***синь-порох*** *взорвет* [Н. А. Тэффи. Веселая вечеринка (1910)].

Выражение народно-поэтического характера *синь-туман* в основном корпусе не встречается, но присутствует в поэтическом корпусе, преимущественно в текстах, отмеченных стилизацией (12 примеров), ср.: *У Садко — цвет-призорник, Жар-птица,* ***синь-туман****; У нас — плакун-терновник И кровь гвоздинных ран* [Н. А. Клюев. «Без посохов, без злата...» (1912)]; *Горстью серебряных бубенцов Свадьба швыряется В* ***синь туман*** [П. Н. Васильев. Свадьба (1932–1933)]. Ср. также единичные случаи поэтического осмысления выражения (*ни*) *синь пороха*: *И лишь не будет, — как ни пой, как ни гляди назад, — до встречи ласковой с тобой* ***синь-пороху*** *в глазах...* [О. Ф. Берггольц. «И я осталася одна...» (1927–1930)]; *Лишь на краю, на краюшке, пылала Полоска красная — она одна,* ***синь-порох****, мало-мало Мне лето красное с тобой напоминала* [Т. В. Чурилин. Непогода (1937)].

С другой стороны, встречаются и другие сочетания с атрибутивными краткими прилагательными, преимущественно в цитат-

ных или стилизующих текстах: *из-за синя моря*, к *синю морю*, *на синю гору*, *Не синю-морю я просватана* и пр., а также:

А то это будто ***из*** *самого* ***синя неба*** *красный свесит свой дерево блекнущий лист* [А. Белый. Серебряный голубь (1909)].

Сидит господь на холме, среди луга райского, на престоле ***синя камня яхонта****, под серебряными липами* [М. Горький. Детство (1913–1914)].

А *ты, чадунюшка, доживешь до такой поры-времени, что увидишь, как землю всю опутают проволокой, и будут летать* ***по синю небушку*** *птицы с железными носами, будут людей клевать, как грач арбуз клюет...* [М. А. Шолохов. Тихий Дон. (1928–1940)].

— Очень вы, Марья Ивановна, ненаглядны. Только во взорах эка печаль... — Оттого, что родом я ***со*** *печального* ***синя-солона моря****...* [Б. В. Шергин. У Архангельского города (1930–1960)].

Если сказать, что Маша была устроена лучше большинства, то и того будет мало. Она плыла ***по синю морю****, как принцесса* [В. Михальский. Весна в Карфагене (2001)].

О богатом потенциале сочетаний с *синий* говорит и словарь поэтического языка [СЯРП], где находим и атрибутивные употребления краткой формы прилагательного, и примеры индивидуально-авторского словообразования (ожидаемо — у Есенина и Цветаевой, но также и у Маяковского):

СИНЬ [*кр. ф. прил.* СИНИЙ; *с.* си́не и *устар.* и *прост.* синё; *тж субст.*] ...Нивы сжаты, рощи голы, От воды туман и сырость. Колесом за сини горы Солнце тихое скатилось. [здесь: усеч.] *Ес917-18 (II,27)*; ... Зной — в зной, Хлынь — в хлынь! До — мой В огнь с.. [здесь: усеч.] *Цв922 (III,327)*; ... Ай да Питер-град! От полуночи До синя утра Над Невой твоей Бродит тень Петра. [здесь: усеч.] *Ес924 (III,145)*; ... Знак — по́ синю бел! Вопль — по́ белу бей! Что перекипел Сливочник морей. *Цв928 (II,266)*; ...

СИНЬ-ДУНАЙ [*нар.-поэт.*] Пела рана в груди у князя. <...> Или просто степь Пела, белое омывая Тело... «Лебедь мой дикий гусь», Пела... Та, что с синя́-Дуная К Дону тянется...

Или Русь Пела? *Аллюз. Цв924 (II,252.1)*; ср. также у Цветаевой: СИНИ-ВОЛНЫ, СИНЬ-ЛАДАНОВНА, СИНЬ-МОРЯ, СИНЬ-ОЗЕРОВНА, СИНЬ-САВАНОВНА, у Есенина: СИНЬ-СТУДЁНЫЙ.

СИНЬ-СЛЕЗИЩА [*нов.*] Скучно здесь, / нехорошо / и мокро. / Здесь / от скуки / отсыреет и броня... – / Дремлет мир, / на Черноморский округ / с.-слезищу / морем оброня. *М926 (267)*

Таким образом, сопоставление толковых словарей и корпусных данных позволяет утверждать, что в современном русском языке, на периферии грамматической системы, атрибутивные краткие формы, в том числе склоняемые, продолжают встречаться в ограниченном употреблении, оставаясь понятными носителю языка.

Литература

Академос — Русский орфографический академический словарь. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН — https://orfo.ruslang.ru.

АТоС — Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 1–2. М.: ЯСК, 2016. Т. 3 (в печати).

БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Виноградов В. В. История слов. М.: ИРЯ РАН, 1999.

Винокур Т. Г. Древнерусский язык. М.: Лабиринт, 2004.

Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991; 2-е изд. М.: КомКнига, 2006.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: Языки славянской культуры, 2003.

Краткая русская грамматика / Н. Ю. Шведова, В. В. Лопатин (ред.). М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2002.

Кулева А. С. История усеченных прилагательных в языке русской поэзии. М.; СПб: Нестор-История, 2017.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16) С. 7–20.

РГ-80 — Русская грамматика: в 2 т. / Шведова Н. Ю. (гл. ред.). М.: Наука, 1980.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX– / Григорьев В. П. (отв. ред.), Шестакова Л. Л. (отв. ред.), Колодяжная Л. И. (ред.), Кулева А. С. (ред.), Бакеркина В. В., Гик А. В., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А. М.: Языки славянской культуры, 2001–2022–.

ФС 1995 — Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1995.

Шмелев Д. Н. Архаические формы в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1960; переизд.: Шмелев Д. Н. Избр. труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Н. Б. Мечковская
Белорусский государственный университет
(Беларусь, Минск)
nina.mechkovskaya@gmail.com

ИМЕННЫЕ И ГЛАГОЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ И ЧАСТОТНОМ СЛОВАРЕ

Исследуется лексика, извлеченная из трех словарей окказионализмов в речи детей с родным русским языком (словарей С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеевой, В. К. Харченко). Показаны основные направления в преобразовании словообразовательных и лексико-грамматических категорий существительных, прилагательных и глаголов. Окказиональные инновации существительных и глаголов связаны с разным линиями в функционировании языка: субстантивы развивают его парадигматику, в то время как глаголы организуют синтагматику. Окказиональные детские субстантивы направлены на детализацию и смысловое обогащение той эгоцентрической и отчасти мифологической картины мира, которая складывается и одновременно изменяется в сознании ребенка (лексическое расширение оппозиции одушевленных существительных по роду и по признакам взрослости-невзрослости; более широкий, чем в общем языке, состав притяжательных прилагательных). В сфере глагольных инноваций значимо количественное превалирование окказионализмов несовершенного вида над глаголами совершенного вида, а также глаголов возвратных над невозвратными. Обилие возвратных окказиональных глаголов может быть связано с более широкой тенденцией в современных языках к неопределенности в выражении субъектно-объектных и ряда других значений.

Ключевые слова: детская речь, частотный словарь, окказионализмы, лексико-грамматические категории, род одушевленных существительных, обозначения невзрослых существ, притяжательные прилагательные, возвратные глаголы, однократные глаголы

1. Лингвистический смысл сопоставления коллекции детских окказионализмов с данными частотного словаря. Словарь детских лексических окказионализмов и частотный словарь,

построенный на основе представительного корпуса текстов, глубоко различны по своему назначению. Частотный словарь суммирует словоупотребления лексем, обобщает их в леммах и ранжирует леммы по употребительности. Между тем словарь детских окказионализмов — это коллекция уникальных словоупотреблений, которых никто не повторит, разве что мама или бабушка: *не набуквить, а написать*, *не нагибнусь, а нагнусь*.

В частотном словаре первые по частоте, допустим, 100 прилагательных или 300 глаголов ценны как долговременные симптомы «положения дел» — коллективных презумпций и тревог, по пословице «У кого что болит, тот о том и говорит». Собственно частотный словарь — тысячи лемм, ранжированных по убыванию частот, — отражает реальную значимость смыслов. Это как бы прейскурант смыслов, в разной степени нужных; картина постфактум. Отдельный человек в той или иной мере вписывается в нее, повторяя в главном, но и внося нанограммы статистически нечувствительных различий, которые, однако, со временем суммируясь с близкими нанограммами других говорящих, дают о себе знать. В речевой практике индивида лемма частотного словаря — это обычное слово, движение по уже проложенному пути, повтор, в котором больше инерции, чем поиска новых смыслов.

В детской речи узуальная лексика, разумеется, преобладает, но в точности пропорции узуального и окказионального в речи детей неясны. Они, безусловно, различны и зависят от многих факторов: возраста, предмета речи, условий общения; от того, к кому речь обращена — к взрослому или к ровеснику, к одному, к двум или пяти. Несмотря на редкость детских неологизмов, они составляют яркое отличие речи ребенка от речи взрослого. Дело не только в «невзрослости» ребенка, в недостаточной усвоенности им взрослых форм и значений. В детском неологизме значима интенция поиска. Окказионализмы, эти случайные одноразовые слова, собранные под одной обложкой, но увиденные в их языковом разнообразии и сходствах, в повторяемости их назначений и неслучайности неузуальных черт, и симптоматичны, и прогностичны. Окказионализм свидетельствует о востребованности определенного контента. Собранные вместе окказионализмы детской речи — это словарь поисков смыслов, для которых говорящий не находит (хотя бы и в силу возраста) узуальной словесной оболочки.

Источниками языкового материала исследования послужили три словаря окказионализмов, составленные по записям речи детей с родным русским языком: С. Н. Цейтлин и М. Б. Елисеевой (1996), В. К. Харченко (2005) и С. Н. Цейтлин (2006)[1]. Некоторые подсчеты проведены на материале 14 сплошных выборок окказионализмов разной частеречной принадлежности: 6 выборок по 50 существительных; 4 выборки по 50 прилагательных; 4 выборки по 100 глаголов. Выборки производились из разных мест названных словарей. Однако отдельный окказионализм не является «единицей исследования» — тем, что в методологии называют «атомарным фактом», потому что с одним окказиональным словом может быть связано разное число «атомарных» окказиональных фактов. Так, в появлении слова *выждалась* (Девочка: *Я тебя ждала-ждала и вся выждалась* [Цтл]) релевантны три факта: 1) появление нового слова со значением, согласно словарю, ‘утомиться от ожидания’; 2) факт перфективации: появился глагол сов. вида; 3) факт трансформации переходного глагола в возвратный. Поэтому для количественной оценки тех или иных окказиональных преобразований подсчитывались не слова (в ткани которых шли процессы), но «грамматические участники процесса», т. е. члены оппозиций (напр., совершенный вид vs несовершенный; переходный глагол vs возвратный и т. д.).

2. Различия между частотным словарем русского общего («взрослого») языка и словарем детских окказионализмов в количественной иерархии основных частей речи. Можно допустить, что пропорция детских окказионализмов, относимых к разным частям речи, пропорциональна частотности слов соответствующих разрядов в общем (взрослом) языке, хотя эмпирические доказательства здесь в настоящее время едва ли возможны. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что детские окказиональные

[1] Приношу свою глубокую признательность С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеевой и В. К. Харченко за создание этих замечательных книг. Далее ссылки на словари приводятся сокращенно: Цтл/Ел, Хр, Цтл (см. «Условные сокращения лексикографических источников» в конце статьи). Паспортизация примеров дается только при цитировании детских высказываний с окказионализмами; алфавитная организация словарей позволяет не указывать страницы; для нескольких примеров из одного источника, приводимых подряд, дается общая ссылка. Количество примеров пришлось сократить.

глаголы как раз и нарушают постулируемую пропорциональность, что, однако, находит свое объяснение.

Количественное (процентное) соотношение детских окказионализмов, относимых к разным частям речи, отличается от аналогичных пропорций лексики взрослой речи. По данным «Обратного словаря русского языка» (1974), в котором суммировано количество разных слов в четырех толковых словарях русского языка, три части речи по количеству лексем, входящих в каждую из них, образуют следующую последовательность: на 1-м месте — существительные, на 2-м — глаголы, на 3-м — прилагательные. Эта же иерархия объемов словоупотреблений по трем частям речи сохраняется в частотных словарях русского языка Л. Н. Засориной (1977) и О. Н. Ляшевской и С. А. Шарова (2009). Однако в словаре детской речи процентное соотношение окказионализмов, относимых к разным частям речи, изменилось.

Подсчет окказионализмов разной частеречной принадлежности, представленных в трех сплошных выборках по 100 слов из разных частей словаря [Цтл] показал, что здесь процент глаголов меньше, чем процент существительных и прилагательных (см. таблицу).

Таблица. Процент слов или словоупотреблений различной частеречной принадлежности по четырем словарям

	Обратный словарь	**Засорина**	**Ляш/Шар**	**Цтл**
Существительные (%)	46,35	26,65	30,6	43
Глаголы (%)	**30,71**	**17,12**	**15,8**	**20**
Прилагательные (%)	20,4	9,37	9,3	32
Прочие части речи (%)	2,5	46,86	44,3	5

В словаре детской речи глагольные окказионализмы заняли 3-е место, уступив 2-е прилагательным. Это вполне объяснимые перемены: словарь детских окказионализмов основан на устной спонтанной речи, которая вообще тяготеет к эллиптичности, свернутости, конситуативной неполноте, при этом чаще всего незамещенным оказывается именно глагол-сказуемое. При порождении высказывания, когда все актанты отобраны и вот-вот будут названы,

глаголы чаще, чем слова других частей речи, скорее подразумеваются, чем оказываются названными.

В таблице в строке «Глаголы» в трех первых клетках от словаря к словарю показано снижение удельного веса глаголов, причем особенно резко — при переходе от «Обратного словаря» (свода четырех словников) к словарю, основанному на корпусе, в котором что-то близкое к разговорной речи могло встретиться в текстах пьес (в составе корпуса [Засорина]). Повышение процента глаголов в словаре детских окказионализмов (по сравнению с взрослой речью) связано с тем, что словарь [Цтл] целиком основан на записях устной детской речи, по природе своей разговорной.

3. Смысловые неологизмы vs «недоусвоенные взрослые» слова: пропорции в лексике основных частей речи. В составе детских окказионализмов отчетливо выделяются два вида новообразований в зависимости от того, что́ в них нового: 1) окказионализмы, передающие новое значение (представление); это собственно неологизмы; 2) окказиональные варианты выражения «взрослых», но еще не вполне усвоенных ребенком представлений. Для собственно неологизмов в узуальном языке нет однословного обозначения, заменить их может только словосочетание: *муравица* (‘самка муравья’), *грохотилка* (‘то, что грохочет’); *баянить* (‘играть на баяне’), *поклюшкать* (‘поиграть в хоккей’); *веселильный* (‘тот, который веселит’), *двухребеночный (Вы видели двухребеночную коляску?*) [Цтл]. Для окказионализмов второго вида однословные узуальные соответствия имеются: *грузиник* (то же, что *грузовик*), *гусиха* (то же, что *гусыня*); *бинтить* (то же, что *бинтовать*), *ночеваться* (то же, что *ночевать*); *двухгодный* (то же, что *двухлетний*); *Это собака войная, а это циркая* (то же, что *военная* и *цирковая*) [Цтл].

В трех сплошных выборках по 100 существительных, 100 прилагательных и 100 глаголов пропорции «нового» vs «невзрослого» оказались различны: у существительных 45/55; у прилагательных 42/58; у глаголов 74/26. У имен (и субстантивов и адъективов) преобладают, хотя и не сильно, недоусвоенные слова узуальной лексики, в то время как у глаголов смысловых неологизмов в 2,8 раза больше, чем недоусвоенных. Можно ли на этом основании считать, что глаголы вносят бóльший вклад в создание своеобразия детской картины мира, по сравнению со взрослой? Не думаю. Эти

отличия от взрослого языка не просто временные, но и большей частью «разовые», одномоментные. Тот факт, что у глаголов бóльше (чем у имен) смысловых окказионализмов, объясняется большей легкостью создания глагольных неологизмов. Чтобы создать субстантивный смысловой неологизм (например, *поезжалочка* ('то, с помощью чего ездят'), *пожилость* ('период жизни, когда человек является пожилым'), *поздняк* ('тот, кто делает что-л. поздно; тот, кто поздно просыпается') и т. п.) ребенок должен «вписать» новое значение в микросистему сосуществующих представлений, что предполагает более значительные интеллектуальные усилия, чем трансформация в глагол предметного субстантива, называющего объект, субъект или инструмент действия. Ср.: *вдыркнуть* ('просунуть в дырку': *Никак не могу эту нитку вдыркнуть* [Цтл/Ел]), *вратарить* ('исполнять обязанности вратаря'), *гармонить* ('играть на гармони'), *гвоздячить* ('действовать с помощью гвоздей, забивать гвозди'), *капустить* ('квасить капусту'), *кистить* ('рисовать кисточкой') [Цтл] и т. п. Глаголы как бы более окказиональны (случайны), чем неологизмы-имена, и их жизнь короче. О глаголах в играх не договариваются, между тем о субстантивах — именно договариваются, спорят, их устанавливают. Примеры (для удобства восприятия они нумеруются): 1) *Если он — блох, то она блоха или блохиня?*; 2) *Оля не шофёр, а шофёрка*; 3) *Немка — мама. А нем — папа?*; 4) *Ты же не чужой, ты мой подруг*; 5) *— Папа ! Мама — жена, а ты — жин?* [Цтл]; 6) *— Дедушка, ты ябед*? [Цтл/Ел]; 7) А *что, если самец — утконос, то самка утконосица?*; 8) *— Ты, мама, не футболиста. — А кто я ? — Свистуха!* [т. е. судья] [Хр].

Отсубстантивные глагольные неологизмы (в качестве однословных обозначений действий) новы, но семантически элементарны. Иное дело отглагольные глаголы-неологизмы: в них преобразуется лексико-грамматическое значение глагола, и это создает новую лексему.

Грамматическое объяснение количественного преобладания в глаголах смысловых неологизмов над недоусвоенными обозначениями состоит в том, что элементарные и ad hoc глаголы (типа *балеринить* ('танцевать подобно балерине'), *водичить* ('мочить водой') или *музить* ('исполнять музыку') нужны ребенку как синтаксические организаторы его фраз.

Таким образом, детские окказиональные субстантивы, с одной стороны, и глаголы, с другой, существенно различны по своим функциям: большинство окказиональных субстантивов связаны с недостаточной усвоенностью узуальных обозначений и в меньшей мере — с поиском выражения для новых, хотя бы и производных значений. Между тем большинство глаголов-окказионализмов, легко и наскоро называя действие по его связи с определенным предметом, важны прежде всего в качестве предикативной основы предложений.

4. Оппозиция в детской речи одушевленных существительных по роду. В рассмотренных выборках субстантивных дериватов, образующих пару противопоставленных обозначений (типа *композитор — композита* ‘жена композитора’, *лягушка — лягух*), отмечено 75 окказионализмов. Это количество невелико, однако оно превышает любые другие семантические группы субстантивных окказионализмов; в именной лексике (объединяющей субстантивы и адъективы) нет более яркого отличия детской речи от взрослой.

В большинстве случаев во взрослом языке имеется узуальный субстантив, противопоставленный по роду, но он еще неизвестен ребенку (особенно в супплетивных парах): *баранка* (ж. р. к *баран*), *бычиха, гусиха* (а также *гусица* и *гусеница*). Иногда узуальное слово в той или иной мере ограничено в употреблении в силу своих прагматических свойств и тогда меньше известно детям (*моряк* — узуально *морячка* — детск. *моряканка*). В большинстве пар обозначений окказионализмом является дериват ж. р.: *биолога* (‘жена биолога’), *бандитница, брата* (ж. р. к *брат,* т. е. ‘сестра’), *институтница* ‘студентка’, *библиотечница, мама-инженерка, Бармалиха, Гулливериха, вруниха, геройка / геройница, госпожиха, дворница, докторка, докторица, капитанка, козлица, колдовка, командирка, королиха, малыша́* (*Мама, дай малыше цветок* [Цтл]), *монаха* и др.; в названиях животных: *бульдогиня, ёжица, жирафица, лебедица, носорочица, поросиха* и др. Окказионализмы м. р. встречаются реже, но для судьбы категории весьма показательны: *королев* ‘муж королевы’, *жин* (м. р. к *жена*), *кокет, мещан* (*Ты, Толя, ужасный мещан*), *подруг (Ты же мой подруг* [Цтл]), *коров* ‘бык’, *старух* (‘старик’), *овец (Раньше здесь была коза, а теперь овец)* [Хр]), *лягух.* Вопреки ощутимому стремлению детей иметь

коррелятивные по роду (полу) пары обозначений, в составе окказионализмов воспроизводятся модели также и общего рода на *-а*: Ср. слова мальчиков и о мальчиках: *Мама, я больше не буду бесилкой; Я же не объедуха* [Цтл]. Встречаются, впрочем, и переделки слов общего рода в слова м. р.: *Какой я чумазый нерях* [Цтл].

5. Оппозиция существительных по признаку взрослости/невзрослости. В рассмотренном материале кластер окказиональных обозначений невзрослых существ насчитывает 38 слов. Большинство составляют окказиональные обозначения детенышей животных: *бабчонок* (‘маленькая бабочка’), *бараник, бобрёк, ведьмежонок* (‘детеныш ведьмы’), *ворончик, выдренята, гагята* (‘гусята’), *ёжичата, жирафёночек, квакёныш, конёнок, коровёнок, лошадёнок, мумята* (‘телята’), *мушеница* (‘дочь мухи’), *носорожка* (‘маленький носорог’), *обезьёныш и др.*

Окказионализмы, относящиеся к людям, редки, но показательны: *королята* (‘дети короля’), *матросяты* (‘дети матросов’), *людёныш (Я лежу на кровати, он забирается ко мне и говорит: Я — людёныш, а ты — машина* [Цтл]). Кроме названных двух групп с маркером невзрослости, есть окказионализмы, называющие «невзрослые» растения и явления неживой природы, при этом в высказывании рядом могут находиться окказионализмы, которые обозначают их «родителей» (или одного из них). Примеры: *кактусёнок, кактусеночек, кивчик* (уменьш.-ласк. к *киви*), *колесёнок* (‘маленькое колёсико’), *корзинёнок* (‘маленькая корзина’), *стеклёнок* (‘маленький кусок стекла’), *домятки* (‘маленькие домики’), ср.: *А я и не думал, что у дома такие домятки родятся* [Хр]), *луковятки* ‘маленькие луковицы’, *лампиха, лампёнок*: Илья (4 г.) предлагает играть в семью: *Ты лампиха, а я твой лампёнок* [Цтл/Ел]; другой мальчик: *Мама, а давай ты будешь самолётиха, а я твой самолетёнок*) [Цлт/Ел]. В детской речи противопоставление одушевленных существительных по взрослости/невзрослости настолько востребовано (по сравнению с речью взрослых), что захватывает названия растений и неодушевленных предметов.

К окказионализмам со значением невзрослости функционально близки субстантивы с показателем сингулярности, называющие предметы, так или иначе выделенные из некоторых совокупностей: *бигудинка, бровинка* (‘один волос брови’), *лучинка* (‘одно перышко лука’), *лёдина* (‘кусок льда’), *людинка* (ед. ч. к *люди*; ‘человек’),

песочинка (сахарного песку). В узуальной речи субстантивов с маркером сингулярности немного (*льдинка, снежинка, соломинка, тростинка, хворостинка*), и, как представляется, они не слишком частотны. В частотном словаре [Засорина] из 6 названных слов только одно (*снежинка*) с частотой 13 вошло в ранжированный по убыванию частот список 9 тыс. самых частых слов.

В детской речи субстантивы с семой единичности более востребованы — потому и возникли окказионализмы. Они органичны для мировосприятия ребенка. Он видит мир крупным планом, словно под увеличительным стеклом: вокруг неповторимые, и потому единичные предметами, когда и комната, и деревья кажутся большими, двор — бесконечным, а настенные часы — по-своему живыми. Когда в набивном узоре пододеяльника замечаются оранжевые бабочки, а на кубике — не только клюв аиста, но и коричневые верхушки камыша, а в львином зеве — переливы желто-бело-фиолетового... Вот откуда обилие окказиональных субстантивов, которые в детском словаре восполняют узуальную нехватку названий, различающих окружающий мир по полу и взрослости-невзрослости. Дошкольники уверены в универсальности и надежности разделения всего окружающего на детей, женщин и мужчин.

6. Почему в детской речи сохраняются притяжательные прилагательные? По своему генезису притяжательные прилагательные — это те адъективы, основа которых первоначально указывала на единственного владельца определяемого предмета: *отцов дом* принадлежит отцу, *женина шуба* — жене, *волчий хвост* — волку. Однако постепенно прилагательные подобной морфологии расширяли свою семантику и стали указывать не на единственного и актуального владельца, но порой на бывшего владельца (*Отцов дом пришлось продать*), на поколения предшественников (*...игры наши девичьи*) или на нематериальный источник каких-то вещей (*Припомнились отцовы наставления, но время уж не то*). По мере развития образных значений притяжательные прилагательные становились качественными: *бабьи сказки, волчья хватка, девичья память, заячья душа, змеиная хитрость, львиная доля*.

Круг притяжательных прилагательных сужается. Их давно нет во французских, немецких, английских грамматиках. И в русских грамматиках, как сказано у В. В. Виноградова, «судьба притяжа-

тельных лишена перспектив» [Виноградов 1947: 200]. В академической грамматике 1970 г. разряда притяжательных прилагательных не было, но в издании 1980 г. разряд был восстановлен и расширен: в него включили дериваты с суффиксами *[н']ий, -ск, -ов* и их соединениями (*дочерний, конский, бобровый, отцовский*); отмечалась необязательность для притяжательных прилагательных значения «индивидуальной принадлежности, свойственности тому, кто назван мотивирующим словом» [Шведова (ред.) 1980, I, 328).

В. В. Виноградов, отмечая, что притяжательные прилагательные «тяготеют к слиянию с качественно-относительными словами», вместе с тем подчеркивал, что «этому объединению мешает оттенок индивидуализирующей, личностной принадлежности, так ярко окрашивающий притяжательные прилагательные» [Виноградов 1947: 197]. Именно этот «оттенок индивидуализирующей, личностной принадлежности» определяемого предмета оказался активно востребован в детской речи. Он отвечает детскому первичному, т. е. базовому пониманию мира: есть *мама, папа, ребенок, кошка*; есть *моё* и *твоё*, есть *кошкины* (или *котины*) блюдце или миска, а у людей есть *людья* или *людина* посуда. Более широкие значения притяжательных прилагательных сформируются в дальнейшем онтогенезе.

Вот один из замечательных стоп-кадров раннего онтогенеза семантики слова *воспитательный* в детсадовском разговоре: [Саша, 6 л.:] *Не трогай ручку, она воспитательная* [Цтл.: 26]. Для дошкольников прилагательное *воспитательный* в моменте пока еще — притяжательное, оно означает ‘принадлежащий (нашей) воспитательнице’. Другие значения в речевом онтогенезе Саши — дело близкого будущего.

Вот более обычные в детской речи, но окказиональные по отношению к узусу взрослых притяжательные прилагательных, с характерной вариантностью показателей притяжательности (для удобства восприятия примеры нумеруются): 1) *Это зайкин дом, а это волкин. Дом бабы-ягиный;* 2) *Воробья мама и воробий папа, а то воробьята;* 3) *А где воронины детки?;* 4) *Это людино блюдо?* [Цтл/Ел]; 5) *Фрэд — это людинное имя?* [Хр]; *Это грузовой лифт или людийский?* [Хр]; 6) *Морячий* (прилаг. *к моряк*): *морячьи ноги*; 7) *Это было королевство кисачее, там кошки жили;* 8) *клоунин* (к *клоун*); 9) *буратинин замок;* 10) *Мама, а у Кати штанишки*

мальчинные; 11) *крокодилины детки;* 12) *Одела она лебедевые перья и превратилась в лебедя*]; 13) *котов* ‘принадлежащий коту’; Галя рассказывает сказку: *Не за котово, не за волчово, не за медвежево дерево*; 14) *коровный дом: У нашей хозяйки был коровный дом*; 15) *Давай посмотрим утятный дом* [Цтл].

У детей, как известно, свои границы между одушевленным и неодушевленным миром. Поэтому в рассмотренном материале встречаются притяжательные прилагательные, мотивированные неодушевленными субстантивами. Примеры: 1) Лена указывает на отпиленные от кресла ножки: *Вот креслины ноги* [Цтл]; 2) *Приёмниковый* ‘относящийся к приемнику’: *Проигрыватели, конденсаторы — это всё приёмниковые игрушки* [Хр]; 3) *Теперь у нас фирма не открытковая, а рисоватная* [Цтл].

7. Почему в составе детских окказионализмов много возвратных глаголов? Возвратные глаголы составляют самый многочисленный разряд глаголов с модифицированными лексико-грамматическими значениями: их примерно в 3,6 раза больше, чем окказиональных невозвратных глаголов (переходных и непереходных). Отчасти это связано с тем, что возвратные окказионализмы образуются как от именных, так и от глагольных основ: *выждаться* ‘утомиться от ожидания’: *Я тебя ждала-ждала и вся выждалась* [Цтл]; *броситься* ‘упасть; оказаться упавшим или брошенным’; *мячиться* ‘играть в мяч, с мячом’; *намолочиться* ‘вдоволь насытиться молоком’; *наскучаться* ‘утомиться от скуки’; *насмешиться* ‘вдоволь насмеяться’; *настрашниться* ‘сделаться страшным’; *натоковаться* ‘наэлектризоваться током’; *ночеваться* ‘ночевать’; *сплохиться* ‘стать плохим’; *точиться* ‘точить когти’: *Кто там точился об диван?* [Цтл].

Вторая причина продуктивности возвратных глаголов состоит в востребованности лексико-грамматической семантики возвратности, которая ослабляет активность субъекта и тем нейтрализует оппозицию субъекта и объекта действия. Ср. диалоги (приведенные в двух словарях): — *Ты зачем фартук бросила? — Он сам бросился* [Цтл]; *Носок под диван бросился*; [мама, поднимая упавшую на пол булавку, сыну:] — *Где ты взял её? — Она сама бросилась вниз с полки* [Хр]. Здесь можно видеть намеренную детскую хитрость, однако ребенок может действительно не осознавать, кто или что совершил действие или по чьей воле оно происходит:

Компьютеры изобретутся в какого-нибудь робота; *Я повернусь к стенке и заснусь*; *А вот и цыпленок долбится!* [Хр]. Таким образом, востребованность возвратных глаголов отчасти объясняется тем, что в их семантике границы между субъектом и объектом действия размыты, всё происходит как бы само собой.

Общая семантическая лабильность залоговых значений, в том числе значительная нейтрализация значений переходности и непереходности (*пишет письмо* vs *хорошо пишет*), лица и безличности (*не пишет* vs *ему не пишется*), в детской речи сказывается в многочисленности залоговых преобразованиях глаголов — не только переходных в возвратные, но и трансформации возвратных в переходные, а также непереходных в переходные. Ср.: *Зачем его так издевать?*; *Зачем он меня расплакал?*; *Всё задание исхитрили*; *Вылези меня из стула* [Цтл/Ел]; *Мама, давай я тебя разулыбаю* [Цтл] *и др.* Однако в количественном плане эти два встречных процесса различаются почти в 10 раз: в составе рассмотренных 400 окказиональных глаголов отмечено 137 возвратных, между тем переходных и непереходных (трансформированных из возвратных) — 14. Что касается употребительности узуальных возвратных глаголов, то в частотном словаре [Ляш/Шар] список первых по частоте 400 глаголов содержит 86 возвратных глаголов, что в 1,6 раза меньше, чем количество возвратных глаголов в составе 400 окказиональных глаголов детской речи. Эти сопоставления говорят о том, что в детской речи возвратные глаголы присутствуют в существенно большей мере, чем в узуальной взрослой речи, и это связано с размытостью в их семантике субъектно-объектных отношений.

8. Окказиональные глаголы, укрепляют глагольный вид. Категория вида охватывает всю русскую глагольную лексику, однако в аспекте морфологии вид отнюдь не является высокорегулярной оппозицией. Относительная семантическая (но не формальная) регулярность оппозиции характерна для видовых пар, в которых глаголы различаются только видовыми значениями, как *делать* vs *сделать, брать* vs *взять*). За пределами недлинного списка видовых пар регулярность видовых противопоставлений нарушают сотни одновидовых глаголов с отчетливым значением вида, но непредсказуемым словообразовательным и лексическим, причем у глаголов как сов. в. (*закричать, промолчать, проболтаться*), так и несов. в. (*узнавать, отходить, расставаться*). В речи взрослых

неузуальные явления в морфологии вида относительно редки: это попытки «исправить» супплетивизм (отсюда **словил, *ложит, *поклади*), а также имперфективация двувидовых глаголов (**использовывать*). Иная картина в детской речи: дети постоянно создают окказиональные глаголы, которые дополняют глагол (имеющийся в языковом сознании ребенка) неологизмом, создающим видовую пару. По-видимому, ребенку важно (хотя и безотчетно) обозначить незаконченность, длительность или, напротив, законченность действия (о котором он говорит). Чаще всего ребенок не знает или не может вспомнить узуальный глагол противоположного вида. Поэтому он генерирует глагол неузуальный. Примеры несов. в.: *Я сперва боялся трамваев, а потом вык, вык и привык*; *Мама, а как топором разрубливать* [Цтл]; *Папа, не рази меня, я не хочу болеть* [Цтл/Ел]; сов. в. *Меня сегодня столько раз наобижали*; *Я такое дело наблюдил!*; *Ученик решал-решал задачу и срешал* [Цтл].

Окказиональные словоформы, коррелятивные по виду, часто строятся детьми по более продуктивным, более простым или семантически более эксплицитным моделям перфективации и имперфективации: *наискать* (сов. в. к *искать*): *Ты спрячься, а я тебя наискаю* [Цтл/Ел]; *влезывать* (‘то же, что *влезать*’), *всердиться* (то же, что ‘рассердиться’), *срублять* (несов. в. к *срубить*). Встречается и древнейшая манифестация видовых различий — мена тематических гласных: *наблюдить* (св. в. к *наблюдать*), *начистать* (несов. в. к *начистить*). В целом видовые значения в детской речи не смешиваются, однако их выражение часто оказывается окказиональным, с характерным предпочтением более регулярных моделей видообразования.

В рассмотренном материале (4 выборки по 100 словоформ) количество окказионализмов несов. в. (57) заметно больше (в 3,8 раза) числа окказионализмов сов. в. (15). Численный перевес форм несов. в. (немаркированный член оппозиции) в какой-то мере ожидаем. Однако перевес слишком сильный, особенно на фоне практически паритета лемм глаголов сов. и несов. в. в частотном словаре [Ляш/Шар]. Можно думать, что в детской речи глаголы несов. вида более востребованы, чем в речи взрослых: по-видимому, ребенок в большей мере чувствует постепенность, длительность или незавершенность многих действий и процессов. Однако в силе и прямо противоположная подспудная речевая

интенция ребенка: выразить краткость и законченность действия. Этому служат однократные глаголы (см. раздел 9).

9. Способ действия, который любят дети: выражается однократным глаголом и выполняется в один прием. Глаголы с суффиксами *-ну, -ану (крикнуть, пугнуть* и *пуганути*) образуют самую большую группу однократных окказиональных глаголов. В отличие от однократных глаголов других моделей (*бросить, вскочить*), глаголы с суффиксами *-ну, -ану* наиболее выразительно передают значение быстрого действия, т. е., по определению академической грамматики, «выполненного в один прием» [Шведова (ред.) 1970: 347].

В детской речи, всегда устной, спонтанной и относящейся преимущественно к ситуации «здесь и сейчас», однократные глаголы органичны и разнообразны. Их употребительность позволяет считать, что данный лексико-грамматический кластер слов в детской речи является более частотным, чем у взрослых, т. е. в корпусно-частотном словаре. Ср. ряд примеров (расположенных по алфавиту окказиональных глаголов): *Разок* ***баловнемся****, и спать!*; *А потом волшебник как* ***колданул*** *и вырос дремучий лес*; *Я его тоже* ***колотнул*** *разок*; *Сейчас* ***рисовну*** *разочек!*; *Я как* ***тащну*** *за машинку!* [Цтл/Ел]; *У меня горло как* ***больнуло****!*; *Мышка* ***хвостнула****, яичко упало и разбилось* [Хр]; *Кошка* ***испугнулась***; *Подожди, я еще разок* ***катнусь***; *Ты мне в тетрадь* ***кляксанула***; *Может быть, я* ***рисану****?*; *Он сразу же* ***лапнул*** *этот кусок*; *— Света, спать пора! / — Сейчас, только разок* ***читну****!* [Цтл].

В составе рассмотренных 400 окказиональных глаголов имеется 45 однократных глагола с суффиксами *-ну, -ану*. Между тем в [Ляш/Шар] в списке глаголов, ранжированных по убыванию частот, в составе первых 400 глаголов имеется всего 9 глаголов с суффиксом *-ну*: *возникнуть* (ранг 180), *улыбнуться*, *исчезнуть*, *достигнуть*, *погибнуть*, *вздохнуть*, *кивнуть*, *крикнуть*, *взглянуть* (350) и ни одного глагола с суффиксом *-ану*. Частотность остальных однократных глаголов в общем языке еще ниже, что говорит о невысокой востребованности данного кластера в целом.

10. Заключение. Функциональные различия в детской речи между субстантивными и глагольными окказионализмами. Окказиональные инновации в сфере существительных и в сфере глаголов связаны с разными векторами функционирования языка:

субстантивы развивают его парадигматику, глаголы организуют синтагматику. Окказиональные детские субстантивы направлены на детализацию и смысловое обогащение той эгоцентрической и отчасти мифологической картины мира, которая складывается и одновременно развивается в сознании ребенка. Центром мира ребенок ощущает самого себя, а рядом родители, и всё окружающее устроено так же: есть дети и взрослые (родители), мамы и папы. Детское сознание укрепляет эти разделения, восполняет недостающие или (чаще) неизвестные ребенку обозначения, достраивая «до пары» противопоставление по грамматическому роду, а в сознании ребенка — по полу: *коров* в качестве субстантива м. р. к *корова*; или по невзрослости: *коровёнок* и *лошадёнок*. В детской речи противопоставление одушевленных существительных по взрослости/невзрослости и роду (полу), усиленное сказками, настолько значимо (по сравнению с речью взрослых), что распространяется на обозначения растений и неодушевленных предметов: *У луковицы — луковятки; Давай ты будешь лампиха, а я твой лампёнок*. Детское сознание особенно внимательно к маленькому и мелкому, оно любит разглядывать, замечать подробности, осознавать отдельное и неповторимое, верить в значимость малого, единичного. Отсюда детские субстантивы с показателями сингулярности: *бровинка, сахаринка...* Таких окказионализмов немного, но больше, чем во взрослой узуальной речи.

Внимание детей к отдельному и конкретному, в союзе с говорящими животными сказок, всё еще удерживает в детской речи притяжательные прилагательные, в том числе окказиональные. В детской речи не только сохраняется, но и актуализируется значение «индивидуализирующей принадлежности» конкретного предмета тому конкретному существу, на которое указывает основа притяжательного прилагательного. В большинстве случаев это животные: *это зайкин дом, а это волкин.* Таким образом, в детской речи окказиональные имена (субстантивы и адъективы) направлены на детализацию и конкретизацию представлений ребенка о мире, до поры сохраняя в его сознании отдельные архаические мотивы.

Что касается глагольных окказионализмов, то они служат не развитию представлений о мире, но синтаксической организации речи, построению предложений. Большинство глагольных окказионализмов — это обозначения действий, мотивированные

названиями объектов, орудий и инструментов, а также субъектов (исполнителей действий). Когда одна девочка говорит: *Мама, не надо кошечку брыськать*, а другая говорит: *Посмотри, как я балериню*, а третья говорит: *Не ходи к Верке, она еще больше настрашнит*, то возникающие ad hoc глаголы не создают новых представлений в «картине мира», однако появляется возможность легко и просто сказать то, что хочется. Окказиональные глаголы превращают имена и наречия в названия действий, и в этом состоит их вклад в развитие речи, в синтагматику языка.

Внутриглагольное словообразование глубоко (грамматически) и тонко (лексически) дифференцирует парадигматические и синтагматические возможности глагола. Состав и количество глагольных окказионализмов позволяет говорить, во-первых, о некоторых категориальных отличиях детской речи от взрослой в связи с глаголом и, во-вторых, о некоторых тенденциях, общих для языка и речи детей и взрослых.

Самые заметные процессы связаны с диатезой (широко понимаемым залогом): возвратные глаголы окказионально преобразуются в невозвратные (*Зачем он меня расплакал?)*, а переходные и непереходные — в возвратные (*Я повернусь к стенке и заснусь; Цыпленок уже долбится*), при этом в детской речи возвратные глаголы создаются значительно чаще, чем невозвратные. Более того, количество возвратных глаголов в составе 400 детских глагольных окказионализмов в 1,6 раза превышает количество возвратных глаголов в списке 400 первых по частоте узуальных глаголов, что указывает на растущую востребованность возвратных глаголов. Возможно, это одно из проявлений более широкой тенденции к неопределенности в выражении субъектно-объектных и ряда других значений.

Ожидаемо много отмечено окказиональных однократных глаголов (*Разок баловнёмся, и спать!*). Что касается окказиональных видовых форм, то они свидетельствуют о подспудном стремлении ребенка использовать более регулярные модели или контекстно обусловленные варианты, а также о нелюбви к супплетивизму внутри видовой пары. Неожиданным в области глагольного вида стало то, что рассмотренном материале окказионализмов несовершенного вида отмечено почти в 4 раза больше, чем совершенного. Данное соотношение существенно отличается от почти равного

количества глаголов одного и второго вида в сопоставимых частотных диапазонах частотного словаря. Возможно, ребенок в большей мере (чем взрослый) чувствует постепенность, длительность или незавершенность многих действий и процессов. Но, с другой стороны, дети свободно и в большом количестве создают окказионализмы со значением однократности.

Широко известны слова И. А. Бодуэна де Куртенэ о том, что «ребенок заглядывает в будущее, предсказывая особенностями своей речи будущее состояние языка, и только впоследствии пятится, так сказать, назад, всё более и более приноравливаясь к нормальному языку окружающих» [Бодуэн де Куртенэ [1897] 1963: 349]. Однако не все детские окказионализмы предсказывают будущее языка: порой в детской речи временно, именно пока это речь детская, оживают непродуктивные и неперспективные, почти утраченные архаические смысловые различия: тогда оппозиция мужского и женского рода охватывает новые существительные, включая неодушевленные; невзрослое сильнее отличается от взрослого; чаще замечается отдельность малого, сингулярного, как и принадлежность конкретному и единичному.

Если в окказиональных именах оживает архаика, то окказиональные глаголы, по-видимому, в самом деле, предсказывают будущее: грамматическую неопределенность субъектно-объектных отношений, активизацию бессубъектных и безличных сказуемых.

Условные сокращения лексикографических источников

Обратный словарь — Обратный словарь русского языка / Науч. конс. А. А. Зализняк, Р. В. Бахтурина, Е. М. Сморгунова. М.: Сов. энциклопедия, 1974.

Засорина — *Засорина Л. Н.* (ред.). Частотный словарь русского языка. Около 40 тысяч слов. М.: Русский язык, 1977.

Ляш/Шар — *Ляшевская О. Н., Шаров С. А.* Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка. М.: Азбуковник, 2009.

Хр — Харченко В. К. Словарь современного детского языка: около 10 тыс. слов: свыше 15 тыс. высказываний. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Цтл — *Цейтлин С. Н.* (автор-составитель). Словарь детских словообразовательных инноваций. СПб.: Златоуст, 2006.

Цтл/Ел — *Цейтлин С. Н., Елисеева М. Б.* (сост.). Говорят дети: Словарь-справочник. СПб.: Нива, 1996.

Литература

Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка [1897] // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. С. 348–350.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Учпедгиз, 1947.

Мечковская Н. Б. В каких направлениях дети преобразуют грамматическую и лексическую семантику русского глагола? // Сб. научн. статей: Дискурс в эпоху “Больших данных”: Вариативность, креативность, эксперимент / Отв. ред. И. В. Зыкова. М.: Институт языкознания РАН, 2023. С. 80–92.

Шведова Н. Ю. (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.

Шведова Н. Ю. (ред.). Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980.

Е. А. Никишина
НИУ ВШЭ,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
helene_nikichina@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Т. Г. ВИНОКУР В КОНТЕКСТЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕСЫ Д. ДАНИЛОВА «СЕРЕЖА ОЧЕНЬ ТУПОЙ»)

В статье предпринята попытка совместить для анализа речевого поведения два подхода: 1) многофакторный подход, разработанный Т. Г. Винокур и соединяющий в себе принципы общей лингвистики, стилистики, социолингвистики, психолингвистики, теории коммуникации и лингвистической прагматики, и 2) концепцию, созданную представителями французской прагматической социологии Л. Болтански и Л. Тевено для описания поведения людей в конфликтных ситуациях. Подобный синтез подходов реализует идею Т. Г. Винокур о необходимости рассматривать речевое поведение в междисциплинарной перспективе. В качестве иллюстрации того, как можно применять такой интердисциплинарный подход, в статье предлагается анализ отрывка из пьесы Д. Данилова «Сережа очень тупой». Отрывок представляет собой полилог, участники которого применяют различные коммуникативные стратегии для достижения своих целей. На примере этого полилога мы проследим за тем, как формируется речевое поведение участников общения, и вместе с тем проанализируем такие его составляющие, как коммуникативная роль, социально-психологический тип и внутреннее состояние говорящего и слушающего, интенция, система аргументации, характер ситуации общения, иерархические отношения между участниками общения и др. Отдельно мы остановимся на том, как меняется речевое поведение в случае, когда стереотипная ситуация общения разворачивается нестандартным образом.

Ключевые слова: речевое поведение, коммуникативная ситуация, коммуникативная роль, социология обоснования справедливости, социология градов, социокультурная компетенция

Одним из центральных понятий научного творчества Татьяны Григорьевны Винокур является **речевое поведение**, которое она описывает как «использование языка людьми в предлагаемых обстоятельствах — разномасштабных и многосоставных» [Винокур 1993: 4]. В своей книге «Говорящий и слушающий», опубликованной в 1993 г., Татьяна Григорьевна говорит о том, что лингвистам совершенно необходимо привлекать для анализа речевого поведения опыт, накопленный другими гуманитарными науками, такими как социология и антропология. Об этом и пойдет речь в нашей статье: мы покажем сходство концепции Т. Г. Винокур для анализа речевого поведения, с положениями, использующимися в прагматической социологии. Мы имеем в виду «теорию градов» Л. Болтански и Л. Тевено, разработанную во Франции в начале 1990-х гг. и актуальную до настоящего времени. В ходе сопоставления этих двух подходов мы попытаемся продемонстрировать, каким образом об одних и тех же явлениях можно говорить на языке разных дисциплин — лингвистики и социологии, и тем самым поставим вопрос о том, насколько плодотворным может стать интердисциплинарный подход для исследования речевого поведения.

Обращение Т. Г. Винокур к междисциплинарному анализу речевого поведения — во многом новаторский шаг в отечественной лингвистике конца 80-х гг., так как, несмотря на то, что «большинство традиционных разделов науки о языке всегда несло на себе печать более или менее выраженного интердисциплинарного характера: история языка неотделима от истории народа, культуры речи — от культуры общества, фонетика — от физиологии речи и акустики и пр.» [Винокур 1993: 4], лингвисты всё же редко выходили за пределы своей дисциплины, и примеры по-настоящему интердисциплинарных исследований в это время были не столь многочисленными.

Т. Г. Винокур указывает на необходимость объединить усилия «внутренней» и «внешней» лингвистики (в терминах Ф. де Соссюра [Соссюр 2004]) для достижения комплексного, всеобъемлющего описания речевого поведения. При этом в отечественном языкознании предпочтение традиционно отдавалось «внутренней» лингвистике, то есть в первую очередь изучались отношения языковых единиц в системе языка, без обращения к экстралингвистическим

факторам. То же происходило и в зарубежной лингвистике: хотя в литературе можно найти упоминания о необходимости учета внешних факторов, обусловливающих особенности языкового функционирования [Хомский 1972], более популярным было изучение внутренних аспектов языковой системы, т. е. факторов собственно языковых. Сказанное объясняет столь интенсивное развитие в советском языкознании структурной лингвистики, оперирующей языковыми моделями и сосредоточенной на создании самодостаточной системы автоматического перевода (в этой связи следует упомянуть такие имена, как Вяч. Вс. Иванов, В. А. Успенский, И. А. Мельчук, Ю. Д. Апресян и др. [Бурас 2022]). Развитие идей структурализма, надолго ставшего мейнстримом отечественного языкознания, явилось причиной того, что исторически учету социальных и социально-психологических условий коммуникации при анализе языкового материала уделялось меньше внимания. В целом, «человеческий ракурс» (антропоцентричность) лингвистического анализа развился в отечественной лингвистике несколько позже, чем в западной (ср. труды по лингвистической прагматике П. Грайса и Дж. Лича в 1970-е гг.).

Данную лакуну заполняют исследования представителей Московской школы функциональной социолингвистики (МШФС) — М. В. Панова, Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской, Л. П. Крысина и др. [Земская, Крысин 1998], — посвященные русской разговорной речи, а также функционированию языка в различных коммуникативных ситуациях. Т. Г. Винокур, одна из авторов концепции МШФС, в своих трудах, ставших хрестоматийными, старается «компенсировать долги языкознания перед наукой о человеке» [Винокур 1993: 8] и указывает на то, что анализ использования языка человеком может быть реализован только с учетом «взаимной связанности» внутренних и внешних факторов, что только благодаря этой связанности «реализуется языковая жизнь общества как культурно-исторического единства, сформированного деятельностью человека» [Там же: 4].

По мнению Т. Г. Винокур, речевое поведение — настолько многофакторный феномен, что даже такие дисциплины, как прагматика, теория коммуникации и психолингвистика, ориентированные на человека, не способны в одиночку дать его исчерпывающую характеристику. Все эти дисциплины должны действовать сообща:

«ближайшие к языкознанию гуманитарные науки играют <...> не роль поставщика окказиональных данных, а роль равноправных партнеров, участвующих в поиске неязыковой мотивации языкового отбора» [Там же: 5]. Каждая из этих и других смежных дисциплин отвечает за свой набор факторов.

Так, прагматика, сосредоточившись на изучении закономерностей речевого общения, на интенциях и реакциях участников речевого акта, не уделяет достаточного внимания их социальным характеристикам. Однако же если исходить из идеи о том, что речевое общение — это социальное явление и главная его цель — это взаимодействие между членами общества, то при анализе речевого поведения необходимо учитывать влияние на конкретный речевой акт структуры общественной жизни, наличие общего социально-культурного опыта собеседников. Описанием этого аспекта речевого общения занимается социолингвистика, а также стилистика. Стилистика изучает возможности языка (на всех его уровнях), используемые участниками коммуникации в зависимости от характера их взаимодействия, с учетом темы, цели, формы и ситуации речи, то есть «стилистический узус» [Винокур 1972], наиболее чувствительную к внеязыковым факторам сторону употребления языка. Без опоры на стилистический узус данного языка данной эпохи цель речевого общения — «найти общий язык» (прийти к взаимопониманию) — не может быть достигнута. Следовательно, при анализе речевого поведения нужно учитывать как интенции говорящего, так и его социокультурный опыт.

Те и другие факторы находятся в неразрывной связи с различными параметрами ситуации общения (местом, временем, каналом, содержанием и др.), см. модели коммуникации [Якобсон 1975, Hymes 1972], а этим уже занимается теория коммуникации. При этом, по мнению Т. Г. Винокур, не нужно забывать, что, помимо внешних экстралингвистических факторов и внутреннего устройства языковой системы, на речевое поведение говорящего не в меньшей мере влияет его внутреннее психологическое состояние: «...поведение человека не целиком детерминировано социальными условиями его жизни. Существует еще внутреннее, духовное начало, побуждающее его совершить те или иные, в том числе и речевые, поступки» [Винокур 1993: 18]. Это переносит нас в область интересов психолингвистики. Таким образом, исследователя,

описывающего речевое поведение, наряду со всеми вышеперечисленными факторами, должен интересовать и процесс порождения речи — то, как мысль облекается в слово, как происходит выбор (осознанный или нет) вербальных и невербальных средств выражения в зависимости, например, от настроения говорящего. Выбор индивидуального стиля в типизированной ситуации общения, то есть творческий аспект речевого поведения, также находится в поле интересов психолингвистики.

Однако и этим не заканчивается список факторов, необходимых для всеобъемлющего анализа речевого поведения. В концепции Т. Г. Винокур очень важное место занимает интерактивный аспект речевого поведения: оно анализируется путем сопоставления интенции говорящего и реакции слушающего: разновидности речевого поведения «непосредственно формируются коммуникативными действиями говорящих и слушающих. Их содержательная основа есть выражение психологического стремления к социальному взаимодействию, определяющемуся интенцией говорящего и реакцией слушающего» [Там же: 83]. Такое взаимодействие Т. Г. Винокур называет «коммуникативным соавторством» участников общения и даже вводит термин «стиль слушания» для того, чтобы подчеркнуть важность интерактивной природы речевого поведения. В связи с этим отметим, что для нашего анализа, среди прочего, актуальным является коммуникативный и социальный статус собеседников, а это опять возвращает нас к проблемам теории коммуникации и социолингвистики. Интересно, что даже сугубо индивидуальная манера речевого поведения, по мнению Т. Г. Винокур, социально значима, потому что она определяется через восприятие слушающим.

Итак, мы видим, что изучение различных аспектов речевого поведения предполагает обращение к различным гуманитарным дисциплинам, таким образом, речевое поведение может быть описано только в междисциплинарном контексте.

Теперь ненадолго отвлечемся от лингвистики, чтобы посмотреть, как схожие проблемы разрешаются в смежной с лингвистикой науке — социологии. Обратимся для этого к популярной концепции, описывающей взаимодействие людей в повседневных ситуациях, разработанной Люком Болтански и Лораном Тевено [Boltanski, Thévenot 1991].

Их книга «Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов» ознаменовала «прагматический поворот» во французской социологии. Как и в лингвистике, в социологии этот поворот к субъекту наметился после господства структурализма, или, точнее, конструктивистского структурализма, представленного главным образом в работах Пьера Бурдье [Bourdieu 1980]. В рамках конструктивистского структурализма П. Бурдье определяющим фактором повседневных практик индивида считаются социальные структуры, то есть то, что находится «вне» индивида.

Концепция Л. Болтански и Л. Тевено отличается от структуралистского подхода тем, что в ней главное внимание уделяется не социальным структурам, а индивидам или, точнее, анализу их поведения в конкретных ситуациях споров и конфликтов. В основе этой теории лежит тезис о том, что участники в ходе взаимодействия в обществе постоянно вынуждены публично обосновывать справедливость своих притязаний, не прибегая к насилию, а выдвигая те или иные аргументы. По сути, значительная часть повседневных споров может быть описана как противостояние между разными моральными обоснованиями. При этом исходной точкой анализа считается идея о том, что основной целью взаимодействия между людьми является достижение согласия (ср. с концепцией Т. Г. Винокур, согласно которой цель речевого общения — взаимопонимание). Таким образом, разрешение повседневных споров достигается путем преодоления ценностных разногласий: «люди заняты активным производством моральных аргументов и в результате достигают либо компромисса по фундаментальным вопросам, либо ситуативных решений» [Юдин 2014]. Для анализа различных логик «оправдания справедливости» Л. Болтански и Л. Тевено строят теоретическую схему «градов» и «миров», которую в научной литературе так и принято называть — социологией градов или, иначе, социологией оправдания (или социологией обоснования справедливости)[1].

[1] Выбор столь оригинальной терминологии объясняется тем, что «авторы опасались оказаться в зависимости от существующего словаря социальных категорий, который помимо воли исследователей нередко навязывает им свою собственную логику». Разрабатывая систему понятий, соответствующую поставленным задачам, Л. Болтански и Л. Тевено «пошли не по пути “изобретения” новых слов, но по пути использования непривычных» [Копосов 2013: 12–13].

Грады — это модели социального устройства, организованные вокруг определенной логики **обоснования справедливости**. В каждом граде есть своя система ценностей (**порядок величия**), основанная на **высшем общем принципе**. Ценности, или **принципы величия**, — это те величины, к которым апеллируют люди, когда им нужно найти обоснование своей справедливости в ситуации спора. Чем большим величием обладает человек в системе того или иного града, тем более весомы аргументы, которые он использует для обоснования своей справедливости. Оправдание (обоснование справедливости) происходит в конкретных ситуациях, в которые могут быть вовлечены различные **существа** (общее обозначение для людей и вещей). Л. Болтански и Л. Тевено называют эти ситуации **мирами**. Миры, таким образом, являются конкретным воплощением градов, то есть совокупностью людей и вещей, упорядоченных с точки зрения принципов того или иного града. Авторы выделяют шесть градов, каждый из которых находит воплощение в своем собственном мире. Это мир вдохновения (*le monde de l'inspiration*), патриархальный мир (*le monde domestique*), мир репутации (*le monde de l'opinion*), гражданский мир (*le monde civique*), рыночный мир (*le monde marchand*) и научно-технический мир (*le monde industriel*).

В **мире вдохновения** высшим принципом является творчество, верность собственному вдохновению. Основными ценностями, обеспечивающими величие в данном мире, являются атрибуты вдохновения — озарение, творческий подъем, оригинальность, спонтанность.

В **патриархальном мире** система ценностей организована вокруг памяти, верности роду, соблюдения традиций и уважения иерархии, основанной на личной зависимости.

В **мире репутации** высшим принципом величия является мнение других людей, поэтому логика обоснования справедливости в этом мире оперирует понятиями славы и известности.

В **гражданском мире** первостепенным принципом является главенство коллектива; наивысшего положения величия здесь достигают не отдельные люди, а коллективные образования, сформированные в результате объединения людей. Ценность людей определяется в этом мире их принадлежностью к коллективам или их способностью выступать в качестве представителей коллектива.

В **рыночном мире** высший общий принцип представлен конкуренцией, которая проистекает из того, что люди хотят обладать одними и теми же предметами и благами. Соответственно, величие связано с обладанием предметами, которыми хотят обладать все или многие, а значит, имеющими высокую цену.

И наконец, в **научно-техническом мире** главенствующим принципом является эффективность, результативность и производительность, а величие заключается в способности эффективно применять средства для достижения своих целей, приносить пользу, отвечать потребностям, быть действенным и оперативным.

Эти миры не исключают друг друга: каждый человек не принадлежит только к одному миру, ежедневно он сталкивается с ситуациями из разных миров, поэтому он должен обладать необходимой компетенцией, чтобы распознавать эти миры и менять свою аргументативную логику в зависимости от обстоятельств. Этот тезис перекликается с идеей Т. Г. Винокур о том, что для достижения взаимопонимания в ходе речевого общения собеседники должны владеть «стилистическим узусом», сформированным в данном обществе (см. выше), также это близко к понятию коммуникативной компетенции в прагматике. Согласно теории Л. Болтански и Л. Тевено, успешная идентификация миров является необходимым этапом в достижении согласия (главной цели взаимодействия между людьми). Разногласия возникают, когда люди неправильно идентифицируют актуальные для той или иной ситуации миры, когда, например, в патриархальном мире люди пытаются апеллировать к величию научно-технического мира (ср. с ситуацией коммуникативной неудачи в прагматике) или когда они не приходят к согласию в определении высшего общего принципа внутри того или иного мира.

Таким образом, смена логик обоснования справедливости, присущих разным мирам, в зависимости от условий, диктуемых различными ситуациями взаимодействия, включает в себя смену коммуникативных ролей участников речевого общения в различных коммуникативных ситуациях (об этом тоже много пишет Т. Г. Винокур). Например, начальник предприятия обычно не ведет себя дома в кругу семьи (патриархальный мир) так же, как на работе со своими подчиненными (научно-технический мир) или в клубе по интересам, например, если он занимается живописью

(мир вдохновения). В каждом из трех случаев он выбирает модель поведения согласно системе ценностей, релевантной для данной ситуации.

Мы видим, что, если отвлечься от оригинальной терминологии, прагматическая социология Л. Болтански и Л. Тевено, во многом оперирует понятиями, сходными с теми, что приняты в лингвистике, вернее в лингвистике, в центре которой находятся говорящий и слушающий. Именно поэтому нам представляется обоснованным и вполне продуктивным соединение концепции Т. Г. Винокур с социологией обоснования для анализа речевого поведения, особенно когда речь идет о конфликтных ситуациях общения (спорах, дебатах и т. п.). Попробуем проанализировать фрагмент полилога из пьесы Д. Данилова «Сережа очень тупой», применяя эту междисциплинарную концептуальную схему. Фрагмент взят из начала пьесы, действующие лица полилога: «Сергей (С) — современный парень лет тридцати, отчасти хипстерского вида, программист; первый курьер (ПК) — обычный дядька лет сорока; второй курьер (ВК) — немолодой, основательный, советского вида товарищ за шестьдесят; третий курьер (ТК) — парень двадцати с небольшим лет». Три курьера приходят к Сергею домой, предварительно они сообщают ему по телефону, что хотят доставить посылку, и получают от него согласие на доставку, хотя никакой посылки Сергей не ждет. Далее начинает разворачиваться полилог, нарушающий привычный сценарий стереотипной ситуации «получение посылки от курьера».

«ПК: Здравствуйте, Сергей Николаевич!
С: Здравствуйте. Вы что, втроем?
ПК: Да, мы по трое работаем. Посылочку вам принесли.
С: Хорошо. Давайте.
ПК: Можно, мы пройдем?
С: Зачем? Давайте посылку, и где там расписаться надо.
ПК: Ну, мы можно зайдем?
ВК: Вы нас так и будете на лестнице держать?
С: Ну... заходите. Вообще, странно.
Сергей нерешительно отступает в сторону. Трое курьеров входят в квартиру, Третий курьер, войдя последним, запирает за собой дверь. Курьеры сразу идут в комнату и рядком садятся на диван. Некоторое время все молчат.

ВК (*оглядывая комнату*): Хорошо нынче молодежь живет. Квартиры отдельные. Мы-то в бараках ютились. В коммуналках. Своя квартира-то?

С: Своя. А... вы зачем? Вы почему спрашиваете? Я не понимаю. Дайте мне посылку и идите. Что вы сидите? Давайте, где там у вас посылка ваша? Что за посылка, кстати? Я никакой посылки не ждал.

ПК: Это мы не знаем. Нам не докладывают. Наше дело доставить. Фамилия, адрес, телефон. Больше ничего не знаем.

С: Ну давайте, давайте вашу посылку.

ПК: Не все сразу, Сергей Николаевич.

ВК: Всему, как говорится, свое время. Поспешишь — людей насмешишь, как говорится.

ТК: Мы, Сергей Николаевич... Мы отдадим...

Первый и Второй курьеры строго смотрят на Третьего курьера.

ТК: Да нет, я это... я...

ВК: Помолчи, молодежь.

С: Это как понимать? Что вы тут сидите? Что за ерунда?

ПК: Ну мы же говорим: посылку вам принесли.

С: Ну так давайте посылку! Что вы сидите-то? Втроем почему-то пришли. Курьеры всегда по одному ходят. Приносят, в дверях отдают, расписался — и всё. Нормальные курьеры так работают.

ВК: Ну так они халтурят потому что! Наплевательски относятся, формально! Лишь бы галочку поставить! А мы с душой работаем, Сергей Николаевич, дорогой вы мой человек! С душой надо работать, а не просто так — отдал и до свидания! Надо с человеком посидеть, поговорить, время провести. Выслушать. С душой надо к людям, с душой. А не как эти.

С: Нет, я ничего не понимаю! Что это, почему? Что вы хотите?

ПК: Сергей Николаевич, я же говорю, мы вам доставили посылку.

С: Вам что вообще нужно? Я не понимаю. Знаете... давайте, уходите. Пожалуйста. Давайте, встали и ушли.

Сергей неловко пытается взять Третьего курьера за рукав, тот неожиданно резко отмахивается и отталкивает Сергея.

ВК (*Сергею*): Ты бы, мил человек, руки-то не распускал!

ПК: Сергей Николаевич, ну зачем это.

С: Я... я...

ВК: Я — последняя буква алфавита! Так нас учили в наше время. А вы только о себе думаете. Я, я.

С: Я полицию вызову!

ВК: Вот придумали еще — полиция. Как за границей. Всегда милиция была, а тут полиция какая-то. Все им только новые порядки устанавливать.

ПК: Сергей Николаевич, конечно, звоните. Это ваше право.

Сергей судорожно бросается к столу, хватает телефон, набирает 102. <...> [Полиция отказывается приезжать, посчитав причину вызова несерьезной — прим. *Е. Н.*] *Сергей садится в кресло около компьютера и обреченно смотрит в пол.*

ВК: Что, сынку, помогли тебе твои менты?

С: Слушайте, что вам надо? Вы, может, квартиры так грабите? Ограбить меня хотите?

ПК: Сергей Николаевич, ну что за глупости.

Сергей порывистым движением выдвигает ящик стола, достает тонкую пачку пятитысячных купюр, тычет ей в лицо Первому курьеру.

С: Нате, возьмите! Все, что есть! Возьмите, только уйдите, пожалуйста! Возьмите, что хотите — телевизор, компьютер, все забирайте, только уйдите, пожалуйста!

ПК (*брезгливо отстраняя руку Сергея с деньгами*): Да уберите вы деньги ваши. Не нужно нам ничего.

ВК: Нас деньгами с телевизорами не купишь. Не на тех напал!

ПК: Сергей Николаевич, вы как-то странно реагируете. Я же вам сказал, когда звонил: мы у вас будем в течение часа. Еще специально переспросил — нормально, устраивает вас? Вы сказали — нормально. Ну вот, мы у вас должны пробыть в течение часа.

С: Да что за бред! Когда говорят «буду в течение часа», это значит придут в течение часа, ждать не больше часа. А не «будем у вас час сидеть». Фигня какая-то! Я вообще не понимаю...

ПК: Ну я не знаю, как там другие курьерские службы работают...

ВК: Да я ж говорю, халтурят они! Халтурят!

ПК: У нас правила четкие. Получив отправление для доставки, бригада курьеров должна связаться по телефону с получателем, предложить ему время пребывания, получить согласие, после чего прибыть к получателю и пробыть у него оговоренное время. По окончании пребывания вручить получателю отправление,

получатель должен расписаться. Такой у нас порядок. Мы вам обещали быть у вас в течение часа — значит, должны быть у вас в течение часа.

С: Ну давайте будем считать, что вы мне не обещали. Мне не нужно, чтобы вы были у меня в течение часа. Давайте будем считать, что я вас отпускаю раньше.

ВК: Ну как это вы нас отпускаете? Нет, так дело не пойдет.

ПК: У нас строгий контроль, все отслеживает служба безопасности. Если мы раньше уйдем — у нас неприятности будут.

С: Как? Как они вас отслеживают?

ВК: Это, мил человек, не нашего ума дела, как они там нас отслеживают. Наше дело маленькое.

С: И что, если вы раньше уйдете, вас уволят, что ли?

ПК: Если просто уволят — это еще ничего. Вообще-то у нас не увольняют.

С: А что тогда? Что у вас там? Расстреливают? Телесные наказания? Порют вас, что ли?

ПК: Зависит от тяжести проступка. Но вообще у нас не нарушают обычно.

ВК: У нас дисциплина — о-го-го!

С (*после долгой паузы*): Слушайте, может, вы меня убить хотите? Зарезать? Или что? Ну давайте, давайте! Давайте сразу тогда, не тяните, не надо мне тут комедию эту вашу ломать! (*Подскакивает к Третьему курьеру*) Есть у вас ножи, пистолеты? Давайте! Начинайте!

ТК (*встает и поднимает руки, как для обыска*): Да нет, что вы. Ничего нет. Можете проверить.

ПК: Сергей Николаевич, ну вы с ума-то не сходите. Ну зачем нам убивать-то вас?

ВК: Эх, пугливый нынче клиент пошел! Убивать мы его будем! Чего испугался-то, дурашка? Смотри, не обделайся!

С: Ну а тогда что это? Зачем? Зачем сидеть в течение часа?

ПК: Не обязательно в течение часа. Бывает, мы говорим клиенту: будем у вас в течение трех часов. Или в течение дня. Значит, сидим три часа или целый день. Если клиент соглашается.

С: А если не соглашается?

ПК: Если не соглашается, значит, сидим столько, сколько скажет клиент. Бывает, говорим: будем у вас в течение двух часов, а клиент говорит: нет, меня не устраивает, хочу в течение суток. Ну, тогда сидим в течение суток. Но обычно соглашаются.

С: Ну так а зачем сидеть-то? Зачем вы сидите?

ВК: Ну как же? Ну ведь надо же каждому человеку, чтобы с ним кто-нибудь посидел! Поговорил! А то живем, как эти... Как чужие! Без души!»

Этот фрагмент является прекрасным доказательством тезиса Т. Г. Винокур о том, что речевое поведение зависит от множества факторов и о том, что часто сложно или невозможно выделить определяющую его доминанту[2]. В одной и той же коммуникативной ситуации, участники с одинаковыми интенциями ведут себя по-разному. Так, казалось бы, у трех курьеров есть одна общая цель (интенция), которая, впрочем, читателю до конца так и не понятна: либо доставить посылку, либо вызвать смятение главного героя, либо ограбить его и т. п., между тем, каждый из курьеров реализует свое намерение по-своему, оперируя совершенно различными коммуникативными средствами. Далее мы покажем, что на выбор этих средств и стратегии их использования комплексно влияют возраст участников общения, накопленный ими социокультурный опыт, личное представление участников о разворачивающейся ситуации общения и о своем месте в ней.

Первый курьер воспринимает ситуацию как типичный эпизод его профессиональной деятельности, поэтому выбирает линию поведения, сделав ставку на эффективность, функциональность, действенность, то есть применяет аргументы, характерные для научно-технического мира (в терминах Л. Болтански и Л. Тевено). Его язык в целом соответствует официально-деловому стилю: на протяжении всего полилога он ведет себя формально, его речь местами напоминает должностную инструкцию (*У нас правила четкие. Получив отправление для доставки, бригада курьеров должна связаться по телефону с получателем...*). При этом он последовательно соблюдает профессиональную этику: вежливо обращается к клиенту на «Вы» (*Здравствуйте, Сергей Николаевич!*; *Сергей Николаевич, конечно, звоните. Это ваше право*), подробно объясняет

[2] Сама Т. Г. Винокур иллюстрирует эту мысль примерами, в которых говорящие при обсуждении одной и той же темы в разных коммуникативных ситуациях используют разные языковые средства, утверждая тем самым, что тема не может «в одностороннем порядке» определить речевое поведение [Винокур 1993: 76].

ему суть оказываемой услуги, охотно отвечает на любой вопрос клиента, даже если для этого требуется повторить уже сказанное раньше (*Сергей Николаевич, я же говорю, мы вам доставили посылку*). Что касается тематического содержания его реплик, он ни разу не выходит за пределы сугубо профессиональной сферы. В его речи имеет место даже профессиональная интимизация, выраженная использованием диминутива (*Посылочку вам принесли*). Профессиональные диминутивы Т. Г. Винокур рассматривает в свете оппозиции «свое/чужое» как типичный способ кодирования «своих» предметов, то есть предметов, относящихся к профессиональному миру говорящего [Винокур 1993: 103]. Совершенно очевидно, что первый курьер чувствует себя в научно-техническом мире совершенно свободно и уверенно и, несмотря на непонимание со стороны Сергея, не планирует менять свою коммуникативную стратегию, поскольку ощущает, что именно эта система обоснования справедливости является для него наиболее действенной в данной ситуации.

Второй клиент ведет себя совершенно по-другому — очевидно, это связано с тем, что он старше всех остальных участников общения и, соответственно, имеет больше всех опыта. Именно это свое качество он мыслит как главное преимущество в рассматриваемой ситуации. Таким образом, несмотря на то, что его формальный (профессиональный) статус и коммуникативное намерение такие же, как у первого курьера, он выбирает другую логику обоснования своей справедливости — логику патриархального мира. Отношения между людьми в патриархальном мире устроены подобно отношениям в семье: наибольшим авторитетом в иерархии величия обладают самые опытные носители традиций, то есть, как правило, самые старшие члены общества. Второй курьер с самого начала взаимодействия с Сергеем делает акцент на своем возрасте и опыте (*Хорошо нынче молодежь живет. Квартиры отдельные. Мы-то в бараках ютились. В коммуналках*). Этой репликой, явно носящей оттенок неодобрения, он сразу определяет конфигурацию коммуникативных статусов собеседников, где его статус оказывается выше остальных. Далее второй курьер произносит еще несколько реплик, отсылающих к принципу важности традиций и окончательно закрепляющих за ним роль главного блюстителя этих традиций (*Я — последняя буква алфавита! Так нас учили*

в наше время; *Вот придумали еще — полиция. Как за границей. Всегда милиция была, а тут полиция какая-то. Все им только новые порядки устанавливать*). Его речевое поведение на протяжении всего фрагмента подтверждает идею его превосходства: он общается так, словно считает, что «ему все можно», например, можно обойтись без лишних церемоний и вежливости. Так, второй курьер, обращаясь к Сергею, постоянно сбивается с вежливого профессионального «Вы» на бесцеремонное «ты» (*Ты бы, мил человек, руки-то не распускал!*; *Что, сынку, помогли тебе твои менты?*; *Нас деньгами с телевизорами не купишь. Не на тех напал!*). О профессиональной этике тут нет и речи, более того, курьер использует пренебрежительно окрашенные и нарушающие дистанцию обращения в адрес клиента (*сынку, дурашка, мил человек, дорогой мой человек*). Редукция вежливости свидетельствует о подчеркнуто фамильярной стратегии ведения диалога (*Что, сынку, помогли тебе твои менты?*), которая моментами превращается в вопиющую грубость (*Эх, пугливый нынче клиент пошел! Убивать мы его будем! Чего испугался-то, дурашка? Смотри, не обделайся!*). Создается впечатление, что второй курьер недооценивает коммуникативную дистанцию между собой и клиентом, и тем самым превращает ситуацию профессионального общения в ситуацию фамильярно-бытового взаимодействия, то есть подменяет систему ценностей научно-технического мира ценностями патриархального мира.

В отношении второго курьера невольно встает вопрос: абсолютно ли намеренно он реализует такую фамильярную манеру поведения или это свидетельство его коммуникативной и социокультурной некомпетентности? При первом понимании это, как уже говорилось выше, осознанно выбранное средство обоснования справедливости или, в терминах Т. Г. Винокур, осознанная речевая роль, соотносящаяся с определенным стилем речи, которую говорящий выбирает для наиболее эффективной реализации своего речевого намерения в зависимости от внеязыковых обстоятельств (например от того, хочет ли он проявить индивидуальность в стереотипной ситуации и тем самым привлечь внимание или перейти от официального к более эмоциональному неформальному межличностному общению). В этом случае второй курьер предстает перед читателем как искусный манипулятор и вместе с тем как

образцовый носитель языка с высокой коммуникативной компетенцией, умеющий для достижения своих целей имитировать фамильярность.

При втором понимании фамильярная манера речи — это проявление не переменной, а постоянной коммуникативной роли курьера, позволяющей отнести его к определенному социально-психологическому типу. Иными словами, возможно, дело в том, что он просто не умеет говорить по-другому, ему не хватает социокультурного опыта (образования, культуры), чтобы жонглировать коммуникативными ролями в зависимости от ситуации. Широкий диапазон речевых ролей — результат «многостороннего жизненного опыта, приобретаемого в результате овладения культурой», при этом, как известно, «наибольшее количество как постоянных, так и ситуативно-переменных речевых ролей свойственно интеллигенции» [Там же: 62]. Скорее всего жизненный опыт второго курьера достаточно велик в силу возраста, но к интеллигентскому кругу он не относится. Об этом свидетельствует постоянное употребление стереотипных высказываний (*Нам не докладывают; Я — последняя буква алфавита; Лишь бы галочку поставить!; Не на тех напал!; Не нашего ума дело; Наше дело маленькое* и др.), а также некоторые маркеры, характерные для речи носителей просторечия (многократное повторение оборота *как говорится — Всему, как говорится, свое время. Поспешишь — людей насмешишь, как говорится*; замена полнозначного слова указательным местоимением *эти — С душой надо к людям, с душой. А не как эти*; паузы хезитации для поиска подходящего слова: *А то живем, как эти... Как чужие! Без души!*).

Выводы о преднамеренности или непреднамеренности такого речевого поведения второго курьера каждый читатель пьесы сделает сам, важно только помнить при этом, что «говорящий <...> имеет множество осознанных и неосознанных мотивировок, которые влияют на речевое поведение» [Винокур 1993: 67].

Перейдем к третьему курьеру, самому младшему из трех. В анализируемом фрагменте он практически ничего не говорит. В ответ на первую попытку что-то сказать он получает строгий взгляд обоих коллег и отповедь от самого старшего второго курьера (*Помолчи, молодежь*). То есть он принимает систему ценностей патриархального мира, в соответствии с которой самый младший

имеет меньше прав на собственное слово, т. е. на «обоснование своей справедливости». Единственное, что делает третий курьер, это «*неожиданно резко отмахивается и отталкивает Сергея*», когда тот пытается взять его за рукав, чтобы выставить из квартиры. И тем не менее, нельзя сказать, что его присутствие в данном эпизоде бесполезно. Он, хотя и сохраняет молчание, является своего рода рупором того, что говорят другие два курьера. Его молчание и готовность сделать все, что ему скажут, свидетельствует о солидарности с коллегами, усиливает их аргументы и, тем самым, увеличивает давление, оказываемое на Сергея. Кроме того, участие в данной ситуации сразу трех курьеров, а не одного, позволяет выступать им как коллектив и тем самым апеллировать к ценностям гражданского мира (в терминах Л. Болтански и Л. Тевено). Отсылки к коллективу присутствуют в речи и первого, и второго курьеров (ПК: *Такой у нас порядок*; *У нас строгий контроль, все отслеживает служба безопасности*; *Вообще-то у нас не увольняют*; ВК: *У нас дисциплина — о-го-го!*). Напомним, что в гражданском мире, высшим принципом является главенство коллектива. Из этого следует, что у Сергея, выступающего в рассматриваемой ситуации в одиночку, при таком соотношении сил просто нет шансов «обосновать свою справедливость», ему остается лишь уступить перед коллективным хором курьеров.

Сергей не может выбрать единую нужную стратегию поведения, поскольку не понимает, что происходит в данной ситуации, в связи с этим его речевое поведение постоянно меняется. Стереотипная ситуация получения посылки от курьера начала развиваться не по стандартной схеме, и это привело Сергея в замешательство, он растерян и не знает, как реагировать на действия курьеров. Именно на этом и построен комический (или драматический?) эффект пьесы. Сначала Сергей ведет себя в соответствии со стереотипным представлением о том, как клиент должен общаться с курьерами: он разговаривает формально и «по делу», то есть действует в системе ценностей научно-технического мира сообразно первому курьеру (*Давайте посылку, и где там расписаться надо*). Но увидев, что это не дает ожидаемого эффекта — курьеры не отдают ему посылку, проходят в квартиру, садятся на диван и не спешат уходить — Сергей меняет стратегию поведения и апеллирует к системе ценностей патриархального мира. В этот

момент Сергей полагает, что в системе ценностей патриархального мира хозяин дома, коим он является, имеет более высокий статус (то есть обладает большим величием в терминах Л. Болтански и Л. Тевено), чем любые пришедшие в его дом посторонние люди, а значит, именно он может и должен устанавливать свои правила. Для этого он отказывается от условной вежливости и начинает разговаривать с курьерами в достаточно грубой и категоричной форме (*Вам что вообще нужно? Я не понимаю. Знаете... давайте, уходите. Пожалуйста. Давайте, встали и ушли*), он даже делает попытку выставить курьеров за дверь, прибегнув к физической силе (неловко пытается взять третьего курьера за рукав). Но курьеры не принимают авторитет Сергея, в их понимании наибольшим величием в патриархальном мире обладает все же не хозяин дома, а самый старший и в силу этого самый опытный участник ситуации, то есть, как уже было сказано раньше, второй курьер. Из-за разногласий в определении высшего общего принципа конфликтный фон общения только усугубляется, поэтому логика «обоснования справедливости», примененная Сергеем, опять не срабатывает. Тем не менее он не сдается и делает третью попытку — обращается к ценностям рыночного мира. Рыночный мир — это мир сделок, где величие определяется ценой. Сергей предлагает курьерам деньги, подумав, что основная цель их прихода не доставка посылки, а ограбление (*Нате, возьмите! Все, что есть! Возьмите, только уйдите, пожалуйста! Возьмите, что хотите — телевизор, компьютер, все забирайте, только уйдите, пожалуйста!*). И снова он неверно идентифицирует ситуацию общения и, значит, выбирает неуместную модель поведения, поскольку намерение курьеров, по всей видимости, все же не ограбление. Неудачей увенчивается даже попытка Сергея обратиться к логике гражданского мира: отстаивая свою правоту, он хочет заручиться поддержкой коллектива в лице полиции (в какой-то момент он безрезультатно звонит в полицию).

Речевое поведение Сергея в полной мере отражает его растерянность и неуверенность, для него характерны незаконченные фразы (*Я... я...*; *Я вообще не понимаю...*), резкая смена интенции (*Слушайте, что вам надо? Вы, может, квартиры так грабите? Ограбить меня хотите?*; *Слушайте, может, вы меня убить хотите? Зарезать? Или что? Ну давайте, давайте! <...> Начинайте!*),

паузы хезитации (*Ну... заходите. Вообще, странно*; *Знаете... давайте, уходите*).

Таким образом, Сергею приходится противостоять аргументам разного порядка, относящимся сразу к трем разным мирам — научно-техническому, патриархальному и гражданскому. В этой ситуации у Сергея практически нет шансов «обосновать свою справедливость», поскольку на него обрушивается «тяжелая артиллерия»: три курьера отстаивают свою правоту, при этом полилог построен в пьесе так, что аргументы первого курьера словно эхом усиливаются аргументами второго (ПК: *Ну, мы можно зайдем?* ВК: *Вы нас так и будете на лестнице держать?*; ПК: *Да уберите вы деньги ваши. Не нужно нам ничего.* ВК: *Нас деньгами с телевизорами не купишь. Не на тех напал!*) и приумножаются молчаливым присутствием третьего.

Но дело не только в этом, Сергей в своем поиске правильной логики поведения заведомо обречен на неудачу, поскольку в данной ситуации правильной логики просто не существует. Описываемая абсурдная ситуация лишена рационального зерна, поэтому взаимное согласие ее участников недостижимо. Сам автор пьесы, Дмитрий Данилов, на вопрос «О чем эта пьеса?» отвечает следующим образом: «...она о том, что в простую, размеренную жизнь самого обычного человека в любой момент может вторгнуться что-то иррациональное, необъяснимое, и с этим иррациональным придется иметь дело и как-то на него реагировать» (https://fomenki.ru/performance/seryozha/ — дата обращения 20.12.2024).

Несмотря на то, что пьеса по сути своей абсурдна, построена она вполне классическим образом: в ней есть разнохарактерные персонажи, обмен репликами и сюжетная линия. Кроме того, коммуникативная ситуация в рассматриваемом фрагменте построена на стереотипности речевых реакций участников общения, выраженных в использовании ими речевых формул. Именно поэтому полилог трех курьеров и Сергея прекрасно подходит для анализа речевого поведения его участников, а вместе с тем и таких его составляющих, как коммуникативная роль, социально-психологический тип и внутреннее состояние говорящего и слушающего, интенция, система аргументации, характер ситуации общения, наличие иерархических отношений между участниками общения и др. Проведенный нами анализ в очередной раз

подтверждает тезис Т. Г. Винокур о том, что речевое поведение — это гетерогенный феномен, который определяется не только и не столько «внутренними» системными фактами языка, сколько «внешними» социальными и психологическими условиями коммуникации. Кроме того, надеемся, что нам удалось показать, каким взаимообогащающим может быть синтез двух подходов: подхода Т. Г. Винокур, разработанного в рамках Московской школы функциональной социолингвистики и подхода Л. Болтански и Л. Тевено, созданного в рамках прагматической социологии. Соединение двух этих подходов может стать удобным междисциплинарным исследовательским инструментом для анализа речевого поведения в конфликтных ситуациях, таких как политические дебаты, споры в групповых чатах в мессенджерах, ветки полемических комментариев в форумах и т. п.

Литература

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. Пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2022.

Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. М., 1972.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.

Земская Е. А., Крысин Л. П. Московская школа функциональной социолингвистики: итоги и перспективы исследований. М., 1998.

Копосов Н. Е. Грамматика демократии: «социология градов» Люка Болтански и Лорана Тевено (предисловие) // Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 5–15.

Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики. Пер. с фр. А. М. Сухотина, под ред. и с примечаниями Р. И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Пер. с английского под ред. и с предисловием В. А. Звегинцева. М: Изд-во Московского университета, 1972.

Юдин Г. Б. Рецензия на книгу: Люк Болтански, Лоран Тевено. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2014. № 3. С. 126–129.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Якобсон Р. О. Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Boltanski L., Thévenot L. De la justification. Les économies de la grandeur. Paris, Ed. Gallimard, 1991.

Bourdieu P. Le sens pratique. Paris, Editions de Minuit, avec le concours de la Maison des Sciences de l'Homme, 1980.

Hymes D. Models of the interaction of language and social life // Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication / Ed. by J. Gumperz, D. Hymes. New York: Holt, Rhinehart & Winston, 1972. P. 35–71.

Источники

Данилов Д. Сережа очень тупой. Режим доступа: https://theatre-library.ru/files/d/danilov_dmitriy/danilov_dmitriy_13279.pdf (дата обращения 20.12.2024).

Н. А. Николина
Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва)
admin@riash.ru

З. Ю. Петрова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
zoyap@mail.ru

Н. А. Фатеева
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
nafata@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНО-МАРКИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СОСТАВЕ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЫ)[1]

В статье рассматриваются метафоры и сравнения современной русской прозы, в состав которых входят национально-маркированные лексические единицы, обозначающие реалии и понятия различных национальных культур. Материалом для исследования служат произведения Е. Водолазкина, А. Волоса, А. Иванова, А. Иличевского, А. Рубанова, О. Славниковой, Л. Элтанг, Г. Яхиной, Н. Абгарян и др., а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Выделены основные тематические группы, к которым относятся включаемые в текст культурно-специфичные единицы: природные реалии, национальные обряды и традиции, национальные инструменты и костюмы, блюда национальной кухни, деньги и др., а также имена фольклорных и мифологических персонажей, исторических деятелей. В статье представлен широкий диапазон национальных культур: славянской, татарской, вогульской,

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

армянской, японской, ирландской и кельтской и др. Отмечено, что компаративные тропы с национально-маркированными компонентами связаны со структурой повествования произведения. Рассматриваемые единицы в составе тропов отражают взаимодействие разных культур, расширяют арсенал образных средств современной русской прозы, выполняют функцию создания исторического и национального колорита, функцию образной характеристики, интертекстуальную и оценочную функции.

Ключевые слова: метафора, сравнение, национально-маркированная единица, современная русская проза

Работы Т. Г. Винокур посвящены стилистически значимым единицам на разных уровнях языка [Винокур 1980, 2010]. Эти работы отличаются глубиной проникновения в предмет, научной выверенностью, удивительным языковым чутьем и разнообразием тематики. К стилистически значимым единицам относится, в частности, национально-маркированная лексика, экспрессивность которой усиливается в художественной речи в составе метафор и сравнений.

В современной русской прозе широко распространены компаративные тропы (метафоры и сравнения), в состав которых входят национально-маркированные языковые единицы, обозначающие реалии различных национальных культур. Национальная специфика языковых единиц в художественной речи проявляется в трех основных аспектах. Это: 1) обозначения реалий, присущих культуре только одного народа; 2) использование в различных языках разных лексических единиц, обозначающих один и тот же денотат; 3) употребление прецедентных феноменов, специфичных для той или иной культуры. Образное употребление таких единиц нашло отражение в специальных лингвокультурологических словарях [Гудков 2020; Брилева, Вольская, Гудков и др. 2004].

Цель нашей работы — выявление и анализ компаративных тропов, отражающих особенности национальных культур, в современной русской прозе. Материалом для исследования служат произведения Е. Водолазкина, А. Волоса, А. Иванова, А. Иличевского, А. Рубанова, О. Славниковой, Л. Элтанг, Г. Яхиной, Н. Абгарян и др., а также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ — электронный ресурс].

Как отмечает Д. О. Добровольский, выделяются два подхода к изучению национально-культурной специфики языковых единиц: 1) сравнительный, «когда национально-культурная специфика некоторого явления данного языка определяется относительно некоторого другого языка» [Добровольский 1997: 40]; 2) интроспективный, когда национально-маркированные языковые средства выявляются вне сопоставления с другими языками. В нашей работе преимущественно используется первый подход.

Национально-маркированные единицы использовались в составе тропов в русской литературе и ранее, например, в прозе А. Бестужева-Марлинского: «Дружба их — безумящий или усыпительный *терьяк*», «Печаль, как *ханская жена*, умеет ходить по бархатным коврам и, как серна, прядать на утесы» (Мулла-Нур). Количество национально-маркированных единиц в русской прозе резко возрастает в XX в., особенно в произведениях представителей национальных литератур, писавших на русском языке. Национальные образы в советской прозе неоднократно исследовались, см., например [Мазанаев 2004, Свердлов 1999, Хайруллин 2016].

Анализ современных прозаических текстов показывает, что авторы часто обращаются в своих произведениях к культурам разных народов. Так, в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» используются многочисленные образы, восходящие к татарской национальной культуре, см. [Арзямова 2016]: «В небе кругляш луны, как *тэнке*». В романе А. Иванова «Сердце Пармы» встречаются контексты, в которых метафоры и сравнения включают образы вогульского мира (мира хантов и манси): «Тонкие и высокие ели с редкими сучьями и голыми вершинами торчали по склону густо, как копья *хонта*, воткнутые в погребальный курган его *хонтуя*». В романе Л. Элтанг «Каменные клены» представлено множество лексических единиц, обозначающих реалии валлийской культуры: «Финн Эвертон невзначай прижилась, как серебряная рука короля *Нуаду* к его плечу» [Полева, Величко 2020]. В романе А. Григорян «Осьминог» в тропах используется лексика, отражающая особенности японской культуры: «Сама-то Изуми называла нас *бобами адзуки*, говорила, что мы маленькие, как фасолинки, выпавшие из стручка, и такие же шумные, как фасоль, когда насыпаешь ее в миску».

Особенно часто в современной русской прозе используются образы сравнения тропов, связанные со славянской мифологией,

фольклором, национальным бытом, историей русского народа: «Будто *лягушка-царевна*, с первыми нотами он [Тадеуш] сбрасывал свою обветренность, мозолистость и восстанавливал родовое изящество (Е. Водолазкин. Брисбен), «Гора впереди словно в пляске мотала каменным *сарафаном*, колыхала складки» (А. Иванов. Золото бунта), «В полумраке светилось отверстие в потолке, на кошме лежала *скатерть-самобранка*, то бишь глиняное блюдо, и в нем аппетитно дымились сочные, жирные куски мяса» (В. Скрипкин. Тинга).

Включаемые в текст культурно-специфичные единицы относятся к разным тематическим группам. Они обозначают: реалии быта, природные реалии, национальные обряды и традиции, национальные инструменты и костюмы, блюда национальной кухни, деньги и др. Например, «Древнее пастбище на ощупь напоминает коротко стриженный *габбех*, подъеденный и вытоптанный тысячелетьем» (А. Иличевский. Перс) (габбех — разновидность ковра в иранской культуре), «Вот и стоит теперь вдоль Чусовой заброшенное каменное *прясло*, распахнутое навеки» (А. Иванов. Золото бунта), «— Какой же ты весь сладенький, Маратик. Так бы и съела тебя, мой *баурсачек*! — Катя стянула корпе, накрылась ею с головой и изобразила призрак. — Я — одеяло смерти, я съем тебя!» (Е. Манойло. Отец смотрит на запад) (баурсак — традиционное блюдо казахской кухни), «Недолго проплутав между крепкостенных домов, эти улицы разбегались в разные стороны. Одна стремительно спускалась к подножию холма, а остальные две карабкались вверх и опоясывали его нарядными шалями-поясами, которыми в старину поверх рубах-*архалуков* обвязывались мужчины» (Н. Абгарян. Симон) (архалук — кавказский кафтан), «Гвенивер пожала плечами и провела меня в комнату, где ее внук делал уроки, скрючившись перед маленьким дисплеем — лицо у мальчика было слишком белым, таким бывает свежий *сыр каэрфилли*, который сразу крошится в руках» (сыр каэрфилли — твердый, рассыпчатый белый сыр, родом из окрестностей города Кэрфилли, Уэльс) (Л. Элтанг. Каменные клены), «— Женщины бывают на удивление хитрыми! Я всегда считал свою глупой, как ступа для приготовления *моти*» (А. Григорян. Осьминог) (авторский комментарий: Имеется в виду усу — традиционная ступа для приготовления рисового теста моти).

Рассматриваемые единицы также могут быть связаны с персонификацией предмета и вводить образы исторического прошлого: «По бокам тахты примостила полнотелые <...> бархатные *мутаки*, этакие *назирь-везири* — надменные и неуступчивые, наследие долгого персидского владычества» (Н. Абгарян. Вина) (подушки).

Особенно часто в современной русской прозе в составе компаративных конструкций используются прецедентные имена — имена фольклорных и мифологических персонажей, исторических деятелей, имена богов: «Поют птицы, утро празднуют. *Хорс* выходит на голубую пажить, в его лучах распрямляется трава» (А. Рубанов. Финист — Ясный Сокол), «Он бы просто выхватил любимую из-за плетня и унес. Как *птица Симург*, как могучий джинн!» (А. Волос. Возвращение в Панджруд), «[Саша] пошла к дому, чуть сгорбившись, глядя в землю, мягко и осторожно ступая, будто старуха *каллах бера* с камнями в подоле» (Л. Элтанг. Каменные клены») (каллах бера — в ирландской мифологии — создательница гор), «Лицо его [Дамдина] было таким, будто прекрасная нагая *дакиня*, которой он, очарованный, протянул руки, повернулась к нему спиной», (Л. Юзефович. Поход на Бар-Хото), «[Кими] — Сволочь все-таки этот Камата. <...> — Представляете, позвонил мне сегодня ни свет ни заря и попросил забрать Му [кошку] из святилища! Бедная кошечка, мол, перепугалась из-за землетрясения <...> — Бедная кошечка металась по всему святилищу, как бешеный *тэнгу*, будто ей кто под хвостом натер васаби!» (тэнгу — буквально «небесная собака» — мифическое существо в японских мифах, преимущественно злого и буйного нрава) (А. Григорян. Осьминог).

В современной прозе встречаются также контексты, в которых троп не содержит непосредственно национально-маркированной единицы, однако отсылает к национальной картине мира, мифологии определенного народа. Например, в романе Л. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» описание дождя включает метафоры, отражающие монгольскую мифологию: «Прошел недолгий теплый дождь. *Небесный верблюд раскрыл пасть, слюна его протеклась на землю*». В романе Д. Бергера «Кофе с перцем» описание персонажа содержит сравнения, характерные для турецкой национальной картины мира: «...Старик в белой чалме, с бородой, похожей на *струю овечьего молока*, и с лицом, коричневым, как *сушеный*

инжир, только и говорил, что о драгоценнейших алмазах ислама — четырех опорах».

Часть национально-маркированных единиц давно активно используется в составе лексики русского языка и регулярно встречается в тропах современной прозы, например *коррида*, *сомбреро*, *гондола*, *спагетти*: «Он понимал: злые шуточки за спинами кончились — началась борьба... Не кафедра, а просто *коррида* какая-то!» (А. Житков. Кафедра), «Резко дверь распахивает, челюсть выпятит и смотрит исподлобья прямо в глаза! Как *бык на корриде*. Значит, точно — сейчас бить будет...» (Д. Корецкий. Менты не ангелы, но...), «Над лесом висела огромная, как *сомбреро*, луна» (И. Стогов. 1000000 евро, или Тысяча вторая ночь 2003 года), «Выждала, когда от главного входа отчалит галдящая *гондола* — узбекфильмовский "рафик", уносящий к бухгалтеру всю кодлу» (Д. Рубина. Камера наезжает), «Ай! — Тамарин каблук зацепился за искусственный газон и выдрал оттуда витую, как *спагетти*, синтетическую прядь» (О. Славникова. 2017).

Тропы с национально-маркированными лексическими единицами вводятся в текст художественного произведения разными способами. Во-первых, они могут быть представлены без всякого пояснения и комментария, что предполагает наличие у адресата знаний о той или иной реалии: «Стелются поземкой тучи мушек, птицы их заводняют, цедят, снимают, как скребком, близоруко склоняясь и припадая набок крутым, крупным, как *мачете*, клювом» (А. Иличевский. Штурм); «Рассыпать зерно из одного мешка по нескольким научились еще в девятнадцатом, как только подступила к Юлбашу тогда еще неведомая, но с каждым годом становившаяся все страшнее, как *албасты*, прожорливее, как *дэв*, ненасытнее, как *жалмавыз*, — продразверстка» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

Во-вторых, в текст может включаться перевод национально-маркированной единицы: «Нугзар преподает в школе физкультуру. Дети за глаза называют его *ардж* — медведь. Он действительно похож на медведя: большой, неповоротливый, косолапый» (Н. Абгарян. Дальше жить); «За дверью пока — тихо. Ну же, Зулейха, мокрая курица, поторопись. Мокрой курицей — *жебегян тавык* — ее впервые назвала Упириха» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

В-третьих, компаративный троп с национально-маркированной единицей может сопровождаться в тексте развернутым толкованием: «Не такой Шукир человек, чтобы доброе слово его успокоило: душа у него как *такыр*. Как сухая, голая бесплодная земля, изрезанная глубокими трещинами» (В. Медведев. Заххок).

В-четвертых, в тексте может использоваться комментарий, который оформляется различными способами. Например, в повести Л. Юзефовича «Поход на Бар-Хото» в подстрочном примечании к одному из контекстов указывается, что Джамсаран — монгольский бог войны, а затем в другом контексте, расположенном дистантно, эта единица употребляется как метафора: «Вместо того чтобы напирать на роковые последствия зверской казни пленных и объяснять Зундуй-гелуну ее вопиющую неразумность, он униженно воззвал к его милосердию. Глаза грозного *Джамсарана* уже увлажнились» (Л. Юзефович. Поход на Бар-Хото). Комментарий также может быть затекстовым и строиться как небольшой словарь, см., например, романы Л. Элтанг «Каменные клены» и А. Григорян «Осьминог».

Компаративные тропы, включающие национально-маркированные образы, выполняют в современных прозаических текстах ряд функций:

1. Функция создания исторического и национального колорита. Например, в романе А. Иванова «Сердце пармы» последовательно используются метафоры и сравнения, воссоздающие вогульскую культуру и верования. В другом его романе, «Золото бунта», описывающем события российской истории XVIII века, регулярно встречаются компаративные тропы, включающие единицы, отражающие русскую национальную картину мира.

2. Функция образной характеристики. Компаративные конструкции, в состав которых входят культурно-специфичные языковые единицы, характеризуют:

— внешность героев, их внутренние свойства, поведение, например: «Алый румянец облил щеки, глаза яркие, сверкают, как у *мавки*» (А. Рубанов. Финист — Ясный Сокол); «Никто в школе не умел смеяться, как Дора Кроссман — зажмурившись и широко разевая карминный рот, прямо как торжествующий царь *альвов*» (Л. Элтанг. Каменные клены);

— изображаемые реалии окружающего мира, природные явления: «Курода поднял голову: большой город уже уснул, и в тишине над ними раскинулось усыпанное звездами иссиня-лиловое небо, похожее на огромный *лепесток асагао* в тот момент, когда цветок только собирается увядать» (А. Григорян. Осьминог) (комментарий автора: (буквально “утренний лик”) — синяя ипомея <...> Цветы ипомеи, как и многих других вьюнков, раскрываются утром и закрываются на закате. Незадолго перед тем, как цветок увянет, его лепестки приобретают более темный оттенок; асагао в японской культуре служит символом мимолетности), «Пустыня, ты — *зевок Аллаха*. Ты была создана им в тот день, когда Всемогущий пресытился разнообразием мира форм» (Е. Чижов. Перевод с подстрочника).

3. Интертекстуальная функция. Например, в романе Л. Элтанг «Каменные клены» сравнение отсылает к трагедии Шекспира «Макбет»: «...ей показалось, что редкие черные стволы вязов принялись осторожно сдвигаться у нее за спиной. Они сходились тихо и неумолимо, будто *хитроумные шотландцы в бирнамском лесу*». Ряд компаративных тропов в этом же романе отсылает к ирландским сагам: «...и вся моя предстоящая жизнь — это сплошная равнина неудачи, как та, что встретилась бедняге *Кухулину*» (Л. Элтанг. Каменные клены).

4. Оценочная функция, например: «Аркадий Борисыч долго моет руки, трет щеточкой, подозрительно осматривает свои розовые ногти и с отвращением смотрит на себя в зеркало. «Стоит, розовый, сытый, тугой, яйцевидный <...> Тоже мне *Финист Ясный Сокол*!» (Т. Толстая. Поэт и муза); «Страшное — за дверью напротив. *Убырлы карчык* — Упыриха (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза).

Использование компаративных тропов, включающих национально-маркированные единицы, в современной русской прозе, как правило, мотивировано темой произведения, местом действия, характером повествователя или персонажей. Так, например, в романе А. Иванова «Сердце пармы» действие происходит в Средневековье и разворачивается в землях вогулов, что определяет частое употребление их лексики. «Поход на Бар-Хото» Л. Юзефовича строится как воспоминания русского офицера, служившего в Монголии в начале XX века. Поэтому в его записках широко используются тропы,

включающие монгольские лексические единицы, отражающие национальную картину мира. Повествование в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» организовано точкой зрения главной героини, что мотивирует использование тропов с татарскими лексическими компонентами в ее внутренней речи и в несобственно-авторском повествовании. В романе Л. Элтанг «Каменные клены» множество тропов, отсылающих к ирландским и кельтским мифам, наполняют дневники двух главных героев — Саши Сонли и Луэллина Элдербери. Оба эти персонажа проецируют эти мифологические образы на свою жизнь и окружающий мир, что подчеркивает их духовную близость и способствует их сближению.

Компаративные тропы, включающие национально-маркированные лексические единицы, связаны со структурой повествования произведения. Они чаще встречаются в речи повествователя, однако могут отражать внутреннюю речь персонажа (как мы уже видели в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза») и маркировать несобственно-авторское повествование, а также использоваться в прямой речи персонажа.

Итак, в современной русской прозе регулярно используются компаративные тропы, включающие национально-маркированные лексические единицы. В современных прозаических текстах встречаются образы разных культур, в частности татарской, японской, монгольской, армянской, ирландской. Рассматриваемые единицы в составе тропов отражают взаимодействие разных культур, расширяют арсенал образных средств современной русской прозы, выполняют функцию создания исторического и национального колорита, функцию образной характеристики, интертекстуальную и оценочную функции.

Литература

Арзямова О. В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 54–58.

Брилева И. С., Вольская Н. П., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Красных В. В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1. М.: Гнозис, 2004.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980.

Винокур Т. Г. Стилистика как она есть. М.: URSS, 2010.

Гудков Д. Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020.

Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–58.

Мазанаев Ш. А. Национальный мир через национальные образы в двуязычной прозе Ч. Айтматова // Вестник ДГУ. Гуманитарные науки. 2004. Вып. 6. С. 20–28.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html.

Полева Е. А., Величко О. П. Сказочный интертекст в романе Лены Элтанг «Каменные клены» // Вестник ТГПУ. 2020. № 3 (209). С. 53–62.

Свердлов М. Гурийский миф в творчестве Н. Думбадзе // Литература. 1999, № 38. URL: https://lit.1sept.ru/article.php?ID=199903802&ysclid=lue0j6zmyw419063937 (дата доступа: 30 марта 2024).

Хайруллин Р. З. Национальные образы мира в поэзии и прозе Мустая Карима // Преподаватель. XXI век. 2016. № 1. С. 431–440.

Б. Ю. Норман
Независимый исследователь
(Республика Беларусь, Минск)
boris.norman@gmail.com

РЕЧЕВОЙ АКТ МОЛЧАНИЯ КАК РЕГУЛЯТОР ОТНОШЕНИЙ В МАЛОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЕ

Наступившее молчание, или паузу в диалоге, правомерно трактовать как речевой акт — наряду с обычными словесными репликами. В таком своем качестве молчание выступает в комплексе с жестикуляцией, мимикой и так называемыми звуковыми жестами (покашливанием, вздохами, смехом и т. п.). Пауза на месте ответной реплики служит, с точки зрения семиотики, нулевым знаком, а с позиций теории литературы — «минус-приемом». Но молчание амбивалентно: оно может быть как непроизвольным, так и преднамеренным, т. е. представлять собой как симптом, так и сигнал. Если рассматривать молчание как речевой акт, то за ним должно стоять иллокутивное намерение (цель), а результатом его должен быть перлокутивный эффект. Данный тезис иллюстрируется в статье материалом русских драматургических текстов, от М. Булгакова до Л. Петрушевской. Для передачи паузы в пьесах используются многообразные авторские ремарки. Анализируется место молчания в цепочке речевых действий, с учетом идей трансакционного анализа. Показано, что пауза в диалоге не только помогает расстановке ролей в малой социальной группе, но также способствует перестройке этой структуры. Акт молчания может приводить к повышению статуса собеседника, понижению его или выравниванию коммуникативных позиций.

Ключевые слова: молчание, пауза, речевой акт, русская драматургия

Словесная материя речевого акта дополняется в устной речи многочисленными и многообразными невербальными знаками: мимикой, жестами, позой, «неканоничной», по выражению А. А. Реформатского, фонетикой (покашливанием, вздохами, кряхтением,

свистом и т. п.). В письменных текстах словесный ряд обогащается пунктуационными знаками, шрифтовым выделением, членением на абзацы и т. д. Объектом нашего внимания будут акты молчания в устной речи (паузы в диалоге), которые в письменных источниках (драматургических текстах) обозначаются словами *Молчание, Пауза, Х замолчал* или иными — перифрастическими — описаниями. Основу фактического корпуса составили произведения М. Булгакова, В. Розова, А. Арбузова, А. Вампилова, А. Володина, Л. Петрушевской и других авторов XX в.; привлекались также тексты киносценариев, послужившие основой для популярных фильмов. Конечно, драматургия — род литературы. И нельзя ожидать от текста пьесы, чтобы он отражал реальную устную речь (ср. о художественной прозе [Кожевникова 1970: 92–108 и др.]). Но если вспомнить знаменитый шекспировский афоризм «Весь мир — театр, а люди в нем — актеры», то можно его перефразировать и применительно к нашей теме: «Театр и есть мир», драматургия максимально точно отражает живую устную речь.

С точки зрения речевой деятельности, на фоне обычных словесных речевых актов, молчание — «нулевой знак». Понятие нулевого знака было введено применительно к грамматике Ш. Балли, но позже оказалось плодотворным и в более широком семиотическом плане [Якобсон 1985]. А в поэтике, в теории литературы данное понятие было трансформировано в «минус-прием», т. е. в значимое отсутствие в произведении каких-либо ожидаемых элементов [Лотман 1970: 120–127 и др.]. Соответственно, пауза на месте ответной реплики может рассматриваться и как нулевой знак, и, если мы имеем дело с художественным произведением, как минус-прием. Наконец, для психологии восприятия молчание соотносится (хотя и не совпадает) с таким явлением, как эффект обманутого ожидания.

Молчание как речевой акт — непростой для собеседника (и для исследователя) феномен: это не прямое выражение согласия, одобрения и прочих положительных оценок, но и не явное выражение дезапробации или возмущения... Иными словами, пауза в диалоге амбивалентна, она внутренне настолько разноречива, скрывает за собой столько тонких смысловых оттенков, что заслуживает самостоятельного анализа и классификации. Не случаен тот длинный ряд монографий и статей, которые опубликованы на данную тему

в последние десятилетия [Dąmbska 1971; Stejde 1983; Rokoszowa 1983; Zimmerman 1983; Saville-Troike 1985; Богданов 1986; Ulsamer 2002; Норман 2004; Stadler 2010; Крестинский 2011; Ephratt 2022; Крестинский 2022 и др.].

Во 2-й половине XX в. возникла и получила популярность среди лингвистов теория речевых актов, которая попыталась ввести факт коммуникации в общий ряд человеческих поступков. В работах Дж. Л. Остина, Дж. Р. Серля, Д. Вандервекена, П. Ф. Стросона, Дж. Лича и других исследователей уточнялся как перечень и объем типовых речевых актов, так и методологический аппарат теории. Разумеется, степень дробности выделявшихся типов речевых актов различалась от автора к автору, равно как варьировались и их названия. В результате распространения этой теории утвердилось понимание речевого действия как совокупности трех составляющих: локуции, иллокуции и перлокуции. Локуция — это само произнесение (или написание) фразы. Иллокуция — это то, что стоит за локуцией: содержание высказывания, включающее в себя намерение, или цель, говорящего. Наконец, перлокуция — это то, к чему высказывание привело: его результат или последствия [Остин 1986: 83–92].

Если попытаться применить этот терминологический аппарат к интересующему нас речевому акту молчания, то локуцией, как это ни парадоксально звучит, будет являться перерыв в общении: наступивший момент тишины. Иллокуция — это та интенция, или мотив, с которым собеседник не отвечает на исходную реплику говорящего. А в качестве перлокуции выступает реакция говорящего на паузу (в том числе его недоумение, обида, нетерпение, раздражение и т. д.) либо какие-то другие изменения, произошедшие в ситуации.

Однако важно подчеркнуть, что теория речевых актов ориентируется именно на деятельность говорящего и отражает типологию его поступков. Поведение адресата при этом, как правило, специально не рассматривается, оно покрывается общей идеей перлокутивной составляющей (результата или следствия паузы). По сути же молчание как речевой поступок должно укладываться в типологию актов слушающего (адресата), на сегодняшний день не вполне разработанную. Исследования в данном направлении ведутся и уже дают первые результаты. В частности, И. Н. Горелов, анализируя

роль паралингвистических компонентов в речевом общении, выделяет 6 типов модальных интенций, которые скрываются за авербальными знаками. Это: одобрение/неодобрение, согласие/несогласие, решительность/нерешительность, сочувствие/равнодушие, восторг/отчаяние, терпеливость/нетерпеливость [Горелов 2003: 135]. Т. Г. Винокур, предпочитающая термину «речевая деятельность» более нейтральный и расплывчатый термин «речевое поведение», описывает в своей монографии различные типы слушания, характеризующие личность адресата [Винокур 2007: 24–28, 89–90]. Существуют и предварительные попытки общей типологии иллокутивных намерений слушающего [Норман 2024: 45–54].

Лингвистическая трактовка паузы в диалоге оказывается связанной с общетеоретической проблемой разграничения знания языка, или владения языком (competence), и его употребления, или использования (performance). Молчание — несомненный факт речи, т. е. использования языка; говорить же о том, что оно входит в языковую компетенцию, — по меньшей мере рискованно. Сказанное заставляет нас с некоторой осторожностью или даже сомнением относиться к представленным в научной литературе попыткам систематизировать функции молчания в повседневном общении. А таких попыток — немалое количество, см. их обзоры: [Шабанова 2007; Власова, Щербак 2017; Путина 2019].

В самой подробной из представленных в литературе классификаций — С. В. Крестинского — выделяются 18 функций акта молчания, не считая этносоциокультурных. Это контактивная, дисконтактивная, экспрессивная, информативная, оценочная, рогативная (интеррогативная), когнитивная, хезитативная, экспективная, фоновая, аффективная, стратегическая, риторическая, синтаксическая, функция социальной позиции, ролемаркирующая, социальноролевая и ритуальная [Крестинский 2011: 35–36]; в других работах данного автора количество и перечень функций отличается от приведенных. Однако самая подробная классификация не значит самая удачная. Главное — можно ли считать, что во всех указанных ситуациях человек замолкает, чтобы что-то сообщить собеседнику? Такие акты молчания, как экспрессивный, оценочный, когнитивный, фоновый и прочие, суть прежде всего непроизвольные выражения определенных чувств и отношений — это симптомы, а не сигналы!

Учитывая важность и множественность невербальных действий, сопровождающих словесный речевой акт (и без того не всегда однозначный), согласимся: степень осознанности (целенаправленности) высказывания не всегда легко определить. Тем более это касается молчания, которое соединяет в себе признаки симптома и сигнала. Для художественного произведения это, несомненно, достоинство: адресат (читатель или зритель) может вложить в конкретный речевой акт любое из возможных содержаний, а иногда и одновременно несколько. Но это же означает, что участие в коммуникации третьего члена — того, кого М. М. Бахтин называл «нададресатом», т. е. читателя или зрителя художественного произведения [Бахтин 1979: 305], — способно семантизировать, наделить иллокутивной силой любой поступок персонажа. В том числе, с этой точки зрения, значим любой акт молчания — независимо от того, был ли он преднамеренным, с точки зрения говорящего (молчащего), или же непроизвольным.

Человек, общаясь с другим человеком, неизбежно занимает по отношению к нему определенную социальную позицию, т. е. примеряет на себя какую-то роль. В известной теории трансакционного анализа такие роли сводятся к трем основным позициям: Родителя (Р), Взрослого (В) и Дитяти, т. е. ребенка (Д). Названия эти, конечно, условные, но они отражают характер поведения (в том числе речевого) по отношению к партнеру. Родитель уверен в себе, но считает необходимым диктовать свое мнение окружающим, а также предъявлять к ним претензии. Взрослый объективно оценивает ситуацию, он спокоен и рассудителен. Дитя — зависимый член коллектива, «источник спонтанных побуждений и радости», но также опасений и капризов [Берн 1988: 16–25].

Покажем на примерах, как использование пауз в драматургических текстах оказывается связанным с выстраиванием отношений в микроколлективе. Акт молчания, направленный «сверху вниз», от Р к В или, тем более, к Д, скрывает за собой раздражение, обиду, агрессию, гнев.

> Ш е р в и н с к и й. Пять минут назад мне звонили из штаба главнокомандующего и сообщили, что командующий добровольческой армии при вашей светлости внезапно заболел и отбыл со всем штабом в германском поезде в Германию.
>
> *Пауза.*

Г е т м а н. Вы в здравом уме? У вас глаза больные... Вы соображаете, о чем вы доложили? Что такое произошло? Катастрофа, что ли? Они бежали? Что же вы молчите? Ну!..

Ш е р в и н с к и й. Так точно, ваша светлость, катастрофа... (М. Булгаков. Дни Турбиных).

Выдержав гневную паузу, гетман уже набрался слов, чтобы наброситься на своего адъютанта: он недоволен ситуацией на фронте.

Н е л я. Приютите меня. *(Тихо.)* Приютите.

К а й *(помолчав).* Ты что — чокнутая?

Н е л я. Не у кого мне жить — вот так, Леонидов. Я две ночи на вокзале провела (А. Арбузов. Жестокие игры).

Кай — хозяин положения, и просьбе неожиданной гостьи он не рад. Помолчав, он грубо ее одергивает — это иллюстрация на тему «язык — инструмент власти».

Акт молчания, отправленный «снизу вверх», от Д к В или к Р, выражает согласие, покорность, зависимость. Иллюстрация:

Ольга перенесла свой стул к двери в прихожую и села там, чтобы никому не мешать.

Но Елена Алексеевна и здесь углядела ее и сказала укоризненно: — Оля!

Ольга замотала головой, что ей, мол, очень хорошо, и не скучно, и все в порядке (А. Вампилов. Дочки-матери).

Ольга своим поступком (*перенесла стул*) уже продемонстрировала свою бесправность и забитость в данной ситуации. А после лаконичного укора хозяйки дома (*Оля!*) девушка еще подчеркнула свое положение молчаливым жестом.

Но акт молчания способен не только продемонстрировать распределение социальных ролей между говорящими, но и изменить эту расстановку. Речь идет о динамике отношений внутри социальной группы: общение (в том числе «немое») может их отрегулировать. В пьесах это важный и интересный момент: пауза заставляет героя изменить тональность общения и поменять свой коммуникативный статус (в направлении или «вверх», или «вниз»). Текстовые иллюстрации:

Т и х и й. Курите, пожалуйста. *(Предлагает папиросы.)*

Г о л у б к о в. Я не курю, благодарю вас. Умоляю вас, скажите, что с ней?

Т и х и й. Кто вас интересует?

Г о л у б к о в. Она... Серафима Владимировна, арестованная вместе со мной. Клянусь, что это просто нелепая история! У нее припадок был, она тяжело больна!

Т и х и й. Вы волнуетесь, успокойтесь. О ней я вам скажу несколько позже.

Молчание.

Ну, довольно разыгрывать из себя приват-доцента! Мне надоела эта комедия! Мерзавец! Перед кем сидишь? Встать смирно! Руки по швам! (М. Булгаков. Бег).

На сцене — период Гражданской войны. Потомственный интеллигент Голубков попадает в лапы контрразведки и хочет узнать о судьбе арестованной вместе с ним женщины. Начальник контрразведки Тихий сначала играет с Голубковым в кошки-мышки (демонстрируя равные отношения В — В), а затем, после паузы, как по щелчку, меняет свое поведение и обнажает оскал зверя. Он повышает до максимума свой статус и принижает Голубкова (отношение Р — Д).

А л е ш а (*неожиданно*). Козловский и Голодец — отличные люди.

З и м и н а. Они его враги, Алеша.

А л е ш а. А если бы они во всем ему поддакивали — были бы друзьями?

Молчание.

З и м и н а. Не зли меня, Алешенька. *(Что-то в ее тоне изменилось.)* Я не тот человек, которого имеет смысл злить (А. Арбузов. Счастливые дни несчастливого человека).

Между Алешей и его матерью (Зиминой) возникает спор. Каждый из них пытается навязать другому свою точку зрения: каждый выступает в роли Р, который поучает В. Затем, после паузы, мать идет на мировую (она изменила тон и обращается к сыну: *Лешенька*). Это выравнивает их позиции и дальше диалог ведется в рамках отношений В — В.

На руке Бузыкина заверещали часы.

— Всё? Твое время истекло?

— В жэк надо забежать, пристают, чтобы я им лекцию прочитал.

Алла промолчала.

Б у з ы к и н. Никуда я не пойду (А. Володин. Осенний марафон).

Бузыкин, вынужденный прервать любовное свидание, чувствует себя виноватым, он оправдывается, как Д перед В. Но ремарка *Алла промолчала* — это, несомненно, признак недоверия или, еще хуже, обиды. Бузыкин идет на попятный, меняет свое решение и далее разговор их продолжается в формате В — В.

Перераспределение статусных ролей в диалоге может проявляться в нарушении естественного чередования реплик собеседников: инициатива переходит от одного коммуниканта к другому, ср.: [Иссерс 2012: 214–219].

С е р г е й П е т р о в и ч. ...Сдадите дела Нефедову.

К о л я *(почти плача).* Товарищи... Да что же это такое?

С е р г е й П е т р о в и ч. Идите, Краснушкин. *(Начинает работать.)*

К о л я *(плетется к двери; остановился; яростно).* А не пойду!.. Никуда я от вас не пойду. Понятно?! И всё.

Молчание.

Больше этого не повторится!.. И всё!..

Молчание.

Что я, не понимаю? Маленький, что ли?.. Ну, не буду больше! И всё!.. Честное комсомольское... Ей-богу... А? (С. Алешин. Одна).

Начальник уличил Колю в предоставлении фиктивных данных о результатах испытаний и отстраняет его от работы. Но Коля глубоко раскаивается в своем проступке, и его возбужденные восклицания, перемежаемые паузами, заставят Сергея Петровича в конце концов изменить свое мнение. В социолингвистическом плане Коля выравнивает свою позицию: от статуса Д (ребенка) он переходит в статус В.

М а р у с я. ...Иди, Сереженька, прошу тебя, иди умойся, переоденься, а я тебе дам чаю. Прошу тебя. Потом поговорим.

Сережа уходит, сердито пожав плечами. Маруся подходит к куклам.

Нет, это мы еще не поссорились! Я поспорила с ним, и только. Я не могла больше молчать. Это уже рабство. Я устала... (Е. Шварц. Повесть о молодых супругах).

Маруся начинает разговор с ласковой просьбы, почти заискивания. Это позиция Д. Но после паузы, собравшись с духом, она меняет свой ролевой статус и рассуждает уже как взрослый (В). Впереди — решающие объяснения между супругами.

Жестовые спутники молчания или его субституты — такие, как смех, вздох или презрительный взгляд, — также способны повлиять на расстановку сил в диалоге, на повышение или понижение речевого статуса его участника. В следующем отрывке из юмористического рассказа взгляд, брошенный на собутыльников (они без особого желания направляются в филармонию), напоминает им, «кто есть кто»:

> Ну, пошли, он впереди, мы сзади с Юрой.
>
> Юра говорит:
>
> — Хочешь, Коль, мы тебе мороженого купим? На все двадцать семь копеек. Хочешь крем-брюле, а, Бетховен?
>
> А Коля на нас только поглядел, будто он, правда, Бетховен, а мы с Юрой два ведра мусорных... (М. Мишин. Под музыку Вивальди).

Т. В. Крылова, обстоятельно проанализировав «нефизиологические» функции таких явлений, как кашель и покашливание, обнаруживает у них особую этикетную роль: они могут становиться маркером «ориентации на высокий статус» [Крылова 2013: 128]. В небольшой пьесе Л. Зорина «Стресс» второстепенный персонаж по имени Евпатий Фадеевич Соусов регулярно покашливает; это позволяет ему не только сохранять свои позиции в коллективе, но и переводить разговор на иные темы:

> К а р а т ы г и н. ...Никто от вас не требует ни признаний, ни тем более имени любимой женщины...
>
> *Соусов кашляет.*
>
> Вы что-то хотите сказать?
>
> Е л е н а. Он не скажет.
>
> К а р а т ы г и н. Напрасно. Доверьтесь мне как отцу.
>
> С о у с о в. Таблицы по численности у Казимирова...
>
> И чуть позже, в той же пьесе:
>
> К а з и м и р о в. Елена Глебовна, ваш опыт бесед с начальством поберегите для личного пользования. Я в фаворитки не стремлюсь.
>
> *Соусов кашляет.*
>
> Е л е н а. Уж это... уж слишком, Павел Аркадьевич!

К а р а т ы г и н. Вы сейчас оскорбили не только товарища и не только моего сотрудника. Вы оскорбили женщину и мать.

К а з и м и р о в *(закусив удила)*. Пусть даже мать-одиночку.

Е л е н а. Наглец! *(Выбегает из кабинета.)*

Соусов кашляет.

К а р а т ы г и н. Евпатий Фадеевич, что за кашель? В нем слышен какой-то странный подтекст...

Молчание — «плохой» знак, потому что он слишком амбивалентный. Чтобы отличить в конкретной ситуации согласие от недоверия, одобрение от раздражения и т. д., нужно очень хорошо учитывать ситуативные обстоятельства, а также интонацию, мимику, кинесику партнера... Следует принимать во внимание и национально-культурные особенности, и личностные качества собеседника. По наблюдениям этнолингвистов, в русскоязычном и англоязычном американском диалоге молчание занимает разное место:

> «Русский ведет себя в разговоре в соответствии с поговоркой “Молчание — знак согласия”: если он никак не реагирует на высказывания своего собеседника, значит, он скорее всего с ним согласен. Американец же не умеет “слушать молча”: он регулярно поддакивает, словесно подбадривает своего собеседника, хотя затем, когда тот кончит говорить, может сказать что-то вроде: “Я с вами совершенно не согласен”» [Токарева 2001: 206].

Кроме национальной специфики, пауза в конкретной коммуникативной ситуации может быть обусловлена целым рядом факторов — культурных, психологических, чисто речевых... Женщины более «говорливы», чем мужчины, городские жители разговорчивее, чем сельские... Особый менталитет сельских жителей отражается и в следующей цитате из киносценария:

— ...На работу идешь?

— Иду.

Вышли на улицу. Из-за забора за ними наблюдала соседка. Потом вышла за ворота и долго смотрела им вслед.

...Так они и шли рядом, до самого колхозного двора. Их пропускали, им смотрели вслед, а они шли молча, чувствуя на себе взгляды, сутулясь под ними (В. Мережко. Вас ожидает гражданка Никанорова).

В фильме, снятом по этому сценарию (режиссер — Л. Марягин), молчаливая сцена прохода героев по деревне занимает ровно 60 секунд. Но для экранного времени минута — большой отрезок. Камера показывает заинтересованные лица сельчан, откладывающих свое занятие, чтобы воочию убедиться в развитии событий. Мимика и жесты делают свое дело, а слова тут не нужны. От отчуждения и враждебности окружающие переходят к любопытству и толерантности.

Если пауза недостаточно четко выражает интенцию говорящего, он может ее расшифровать комментарием — или за него это сделает автор пьесы. В дополнение к уже приводившимся примерам — еще одна иллюстрация.

Ю р а. ...Он все уже в жизни для тебя сделал, на ноги поставил. Две молодости тебе отдал. Теперь пусть для себя, для здоровья поживет. А мать, что же, она забудет, забудется.

Г а л я. Я ее после больницы к себе возьму, туда некуда.

Молчание.

Ю р а. Ты ей дочь (Л. Петрушевская. Лестничная клетка).

Молодые люди обсуждают поведение Галиного отца, оставившего жену, Галину мать. Галя собирается забрать мать после выписки из больницы к себе. Юра внутренне с этим соглашается, но для надежности мотивирует свое молчание: *Ты ей дочь*. Галя, конечно, знает, чья она дочь, но Юрина реплика означает: ‘это естественно, ты поступаешь правильно’. Иными словами, Юра, начинающий свою реакцию с поучения, постепенно становится в равную позицию: одобряет решение Гали.

Знаковый характер акта молчания предполагает, что на него должна последовать какая-то реакция, должен быть какой-то результат (перлокутивный эффект). Если такового не последовало, то это означает, что либо адресат не воспринял молчание как знак, либо сам не знает, как на него отреагировать. Отсутствие реакции может вызвать недоумение или обиду на промолчавшего человека.

Ч е з а р е. ...Счастья не найдешь нигде, если его нет в тебе самом. Я люблю смотреть на море — вот и всё, синьора.

Долгое молчание.

Почему вы ничего не говорите мне?

Л ю с и я *(растерянно улыбнулась).* Простите... Но я не знаю, что вам сказать.

Ч е з а р е. Вам полагалось сказать мне что-нибудь в утешение... (А. Арбузов. Ожидание).

Старый рыбак Чезаре (рассказавший перед тем Люсии историю своей жизни) хочет вызвать у собеседницы сочувствие. Он ставит себя в позицию взрослого (В) перед родителем (Р). А Люсия этого не понимает и вынуждена затем извиняться. Налицо небольшой коммуникативный сбой, который затем сглаживается, нейтрализуется (диалог возвращается к отношениям В — В).

Распределение социальных ролей в драматургическом тексте становится ясно читателю (а затем и зрителю спектакля) благодаря совокупности факторов: общей обстановке, внешнему виду персонажей, их поступкам, особенностям речи (в том числе интонации), мимике и жестикуляции и т. д. Многое из этого оговаривается в авторских ремарках, остальное реализуется при постановке пьесы на сцене. Каждый персонаж приобретает черты языковой личности, и немые реплики могут оказаться ее существенной чертой. Причем акты молчания не только помогают «нададресату» в оценке общей картины — расстановке сил в диалоге, но и могут участвовать в регулировке этих отношений.

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М.: Прогресс, 1988.

Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой знак и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы. Межвуз. сб. науч. тр. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1986. С. 12–18.

Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1990.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.

Власова А. А., Щербак Н. Ф. Лингвистика молчания: базовые функции и функциональный потенциал силенциального акта // Таврический научный обозреватель. № 4 (21). Часть 1. 2017. С. 74–80.

Горелов И. Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: ЛАБИРИНТ, 2003.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2012.

Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы). Praha: Universita Karlova, 1970.

Крестинский С. В. Молчание как средство коммуникации и его функции в языковом дискурсе // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия «Филология». 2011. Вып. 1. С. 34–37.

Крестинский С. В. Коммуникативно значимое молчание в структуре языкового общения. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2022.

Крылова Т. В. Невербальные проявления, связанные с ритуалами статуса и деликатности в наивном этикете // Ритуал в языке и коммуникации. Сборник статей / Ред. Л. Л. Федорова. М.: Знак, 2013. С. 119–134.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Норман Б. Ю. Молчание как способ коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Коллективная монография / отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 231–243.

Норман Б. Ю. Грамматика слушающего. М.: Флинта, 2024.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

Путина О. Н. Молчание: дефиниции и функции // Мир науки, культуры, образования. № 2 (75). 2019. С. 419–420.

Токарева И. И. Этнолингвистика и этнография общения. Минск: Минский гос. лингвист. ун-т, 2001.

Шабанова Я. В. Речевой акт ‘МОЛЧАНИЕ’ в структуре вербальной и невербальной коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда / ред. В. Б. Кашкин. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2007. С. 187–192.

Dąmbska I. O funkcjach semiotycznych milczenia // Studia Semiotyczne. II. Wrocław et al., 1971. S. 77–88.

Ephratt M. Silence as Language: Verbal Silence as a Means of Expression. Cambrige University Press, 2022.

Rokoszowa J. Język a milczenie // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, XL, Wrocław, 1983. S. 129–137.

Saville-Troike M. The place of silence in an integrated theory of communication // Perspectives of silence. Ed. by D. Tannen, M. Saville-Troike. Norwood, NJ: Ablex, 1985. P. 3–18.

Stadler W. Pragmatik des Schweigens. Schweigeakte, Schweigephasen und handlungsbegleitendes Schweigen im Russischen. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2010.

Stejde A. «Brechen Sie dies rätselhafte Schweigen» — über kulturbedingtes, kommunikatives und strategisches Schweigen // Sprache und Pragmatik. Lunder Symposium 1982 / Herausgegeben von I. Rosengren. Stockholm, 1983. S. 7–35.

Ulsamer F. Linguistik des Schweigens. Eine Kulturgeschichte des kommunikativen Schweigens. Frankfurt am Main et al., 2002.

Zimmerman K. Oberlegungen zu einer Theorie des Schweigens // Sprache und Pragmatik. Lunder Symposium 1982 / Herausgegeben von I. Rosengren. Stockholm, 1983. S. 37–45.

А. С. Павлова
Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
alina_pavlova@mail.ru

НЕОЛЕКСЕМА *КРИНЖ* И ЕЕ ДЕРИВАТЫ КАК НЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ СТЫДА, РАЗОЧАРОВАНИЯ И НЕЛОВКОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В статье рассматривается функционирование в современном русском языке словообразовательного гнезда неологических лексических единиц с вершиной *кринж* (включающего мотивирующую основу *кринж* и ее многочисленные дериваты: *кринжатина, кринжевать, кринжовый* и т. д.), связанных с экспликацией негативной реакции говорящего, который испытывает сложный спектр чувств (от стыда и неловкости до отторжения и ужаса) от наблюдаемого или происходящего с кем-либо или с ним самим, как правило, вызванных плохим качеством, абсурдностью или неуместностью чего-л. Проводится анализ таких лексем с точки зрения особенности их употребления, стилистической и частеречной принадлежности, словообразовательной и семантической структуры (при этом ввиду заимствованного характера неологизма уделяется внимание сравнению его семантики с лексическим значением соответствующих единиц в языке-доноре), характеризуются их парадигматические и синтагматические связи, устанавливается степень их ассимиляции на разных языковых уровнях. Делается предположение о значимой роли существительного *кринж* и дериватов от этой основы в современной интернет-коммуникации ввиду их емкости, разнообразия их семантической структуры, возможности их контекстуального использования при описании различных ситуаций и богатого экспрессивного потенциала. Помимо этого, статья дает представление о степени лексикографической репрезентации рассматриваемых лексем в неологических словарях и электронных базах данных и прогнозирует теоретическую вероятность закрепления таких единиц в литературном языке.

Ключевые слова: неологизм, интернет-коммуникация, молодежный сленг, коннотация, семантика стыда

Возможности, предоставляемые говорящему в рамках новейшего интернет-дискурса, внесли коррективы в традиционное поведение участников коммуникативного акта. Из пассивного реципиента читатель онлайн-публикации при желании превращается в продуцента собственного высказывания, тем самым продолжая (прямо — через комментарии, адресуемые автору, или опосредованно — в процессе коммуникации с другими комментаторами) диалогическое общение. Естественным желанием этого участника коммуникации становится потребность высказать свое мнение, а именно определенным образом оценить, интерпретировать опубликованный материал, что предполагает поиск способов выражения реакции на саму публикацию, а также (чаще) на содержащуюся в ней информацию о каком-либо действии, поступке, высказывании и т. п. ее автора или лица, упоминающегося в ней. Ввиду особого характера публикуемых материалов, объясняемого стремлением журналиста или редактора создать острый информационный повод, вызвать бурное обсуждение среди читателей, такого рода отклик нередко представляет собой или однозначно негативную реакцию, или реакцию, в которой совмещаются различные эмоции. Так, читатель может одновременно испытывать смешанные чувства (например, стыда, неловкости, отвращения, отторжения, ощущение нелепости/абсурдности происходящего, вызванных прочитанной им информацией, притом что постыдное действие совершил не сам говорящий) и иметь интенции (например, стремление пристыдить героя публикации за его действие или высказывание и т. п.), которые ему трудно емко и лаконично выразить с помощью традиционных, известных ему единиц русского лексикона, что закономерно приводит его к мысли разнообразить и расширить лексико-словообразовательный арсенал таких средств.

Современный русский язык предлагает говорящему разнообразные средства для создания такого типа оценочного высказывания. В частности, к новейшим ядерным лексическим способам экспликации семантики стыда (которая может быть совмещена с семантикой «стыжения», разочарования, дискомфорта, отвращения

и обобщенной негативной оценки) относятся заимствованная из английского языка неолексема **кринж** и ее многочисленные дериваты.

В языке-доноре фиксируются частеречные омонимы — глагол, существительное (словарная репрезентация семантической структуры которого, как правило, соответствует той, которая приводится в статье у глагола) и прилагательное cringe. По данным словаря Merriam-Webster, в структуру глагола-полисеманта cringe входят лексические значения ‘to recoil in distaste’ («отпрянуть, отшатнуться в ужасе (омерзении, отвращении); испытывать неприязнь или отвращение»; здесь и далее перевод наш — *А. П.*), ‘to shrink in fear or servility’ («сжаться, замереть от страха или чувства подобострастия»), ‘to behave in an excessively humble or servile way’(«вести себя чрезмерно смиренно или подобострастно, раболепствовать») и ‘to draw in or contract one's muscles involuntarily (as from cold or pain)’ («непроизвольно сжаться, съежиться (от холода, боли и т. п.)») [Merriam-Webster].

В других словарных источниках семантическая структура интересующего нас переносного значения может быть представлена несколько иначе, ср.: ‘2. to feel very embarrassed or awkward; react with discomfort’ («чувствовать сильное смущение или неловкость; реагировать на что-л. с чувством неудобства или неловкости») [Dictionary.com]; кроме того, здесь мы наблюдаем иной порядок репрезентации значений полисеманта — первым указано прямое значение ‘1. to shrink back, bend, or crouch, especially in fear, pain, or servility; cower’ («отпрянуть, склониться или припасть к земле, особенно от страха, боли или из подобострастия; сжаться, съежиться (от холода, страха)»), связанное с номинацией физической реакции (на холод, боль, дискомфорт, в знак смирения и т. п.), а вторым — переносное, что, на наш взгляд, является обоснованным, поскольку делает процесс и механизм переноса более наглядными. Сходным образом интерпретирует семантику глагола и словарь Cambridge Dictionary: в его электронной версии приведены два основных значения лексемы — ‘to suddenly move away from someone or something because you are frightened’ («внезапно отпрянуть от кого-, чего-л. в испуге») и ‘(informal) to feel very embarrassed, and often show this by a physical movement or expression’ («*разг.* испытать сильное смущение и (часто) проявить

это чувство с помощью физического движения или выражения лица») [Cambridge Dictionary].

В двух последних словарных репрезентациях мы видим, что по сравнению со статьей в Merriam-Webster некоторые семантические компоненты переносного лексического значения замещены другими (так, семы ‘ужас’ и ‘отвращение’ в этих толкованиях заменены на ‘неловкость’ и ‘смущение’) — в таком варианте дефиниции лексема обладает меньшей экспрессивностью и не имеет столь интенсивной негативной маркированности значения.

Прилагательное *cringe* в словарях сопровождается пометами *slang* или *informal* и представлено в значении ‘causing embarrassment or resulting in awkward discomfort’ («вызывающий чувство смущения или приводящий к неловкости, дискомфорту») [Dictionary.com], ‘so embarrassing, awkward, etc. as to cause one to cringe’ («настолько неловкий или неудобный, что заставляет кого-л. испытывать стыд или смущение») [Merriam-Webster].

Кроме того, словарь Cambridge Dictionary фиксирует употребление слова *cringe* в разговорной речи в функции эмоционального междометия (в качестве восклицания — ср. пример типичного контекста *Who wants fat-free chocolate cake? Cringe!* («Кому нужен обезжиренный шоколадный торт? (Ну и) кринж!») [Cambridge Dictionary]. Как мы убедимся в дальнейшем, в русском языке лексема *кринж* и ее производные (напр., *кринжатина*) часто употребляются в составе аналогичной синтаксической структуры и в синонимичном значении.

Английскими словарями также зарегистрированы два активно функционирующих в современном английском языке деривата от основы *cringe* — прилагательные *cringeworthy* (букв. достойный, заслуживающий кринжа) и *cringey*, имеющие значение, синонимичное адъективу *cringe*.

Таким образом, непосредственным источником заимствования в русский язык могли послужить как глагол и существительное *cringe* в переносном значении, так и одно из указанных прилагательных (что представляется вероятным ввиду их употребительности в сфере молодежного сленга или в разговорной речи).

Важно отметить механизм переноса, на котором основано неологическое значение английской лексемы, а также заимствованного в русский язык слова *кринж*, — от обозначения физического

ощущения или действия как проявления чувства (‘отпрянуть, отшатнуться; сжаться, замереть, съежиться’) к номинации эмоции, которая передается с помощью этого действия или ощущения (‘испытывать чувство стыда, отвращения/неловкости, дискомфорта в качестве реакции на что-л.’).

Мы полагаем, что глагол *cringe* в значениях ‘отпрянуть, отшатнуться в ужасе или отвращении; сжаться, съежиться от страха, неловкости, стыда и т. п.’ можно отнести к так называемым кинемам, в трактовке некоторых исследователей понимаемым как коммуникативно значимые движения, которые в рамках культурной традиции или культурного кода служат «для выражения информации различного рода, имеют фиксированную форму исполнения и закрепленное за этой формой значение, понятное представителям единой культурной общности, вследствие чего подобные стандартные кинемы могут использоваться всеми членами данного сообщества в качестве эффективного средства общения» [Хлыстова 2008: 258–259].

Так, к стандартным кинемам, которые являются знаковыми в любой ситуации общения, относятся, например, «кивнуть (to nod), поднять брови (to raise one’s brows), нахмуриться (to frown), улыбнуться (to smile), обнять (to embrace) и др.» [Там же: 257], а к контекстуальным, т. е. реализующим свою коммуникативную функцию только в определенной ситуации, — такие единицы, как «поднять руку (to raise one’s hand) (дотянуться до книги на полке (незнаковое движение) или привлечь чье-либо внимание (кинема)), снять шляпу (to take off one’s hat) (потому что жарко (незнаковое движение) или для соблюдения этикетной нормы (кинема)), наклониться (to bend towards) (взять предмет с земли (незнаковое движение) или выразить почтение (кинема))» [Там же].

Кинесические коммуникативные средства нередко выступают как внешнее проявление определенной эмоциональной реакции, в основе которой лежат рефлексы — «так называемые врожденные эмоции, неосознанно вызываемые механизмами безусловного рефлекторного реагирования» [Там же: 258]. К таким стандартным непроизвольным реакциям (которые, вероятно, можно считать универсальными или по крайней мере характерными для многих культурных и языковых сообществ), очевидно, относится и физическое действие/ощущение (отпрянуть; замереть) в ответ на что-либо, вызывающее чувство стыда или отвращения.

Носителю русского языка уже невозможно обнаружить эту внутреннюю форму у заимствованного неологизма *кринж* без обращения к его этимологии, однако сама тенденция к использованию кинем с целью выражения семантики негативной оценки играет определенную роль и в русском языке. Так, кинесической единицей можно считать неологизм *рукалицо*, являющийся семантической калькой английского заимствования *фейспалм* (от facepalm ‘жест, при котором человек закрывает лицо рукой, выражая таким образом чувство стыда или неловкости от происходящего; само это чувство; то, что его вызвало’) и наряду с ним имеющий синонимичное существительному *кринж* лексическое значение и схожую коммуникативную функцию в современном интернет-общении:

Но самое странное и даже, простите, инновационное решение создатели римейка приберегли на финал: минут за 20 до развязки ошеломленным зрителям предложили альтернативную, скажем так, более достоверную логику развития событий в жестоком мире московского бизнеса. Ее обязательно стоит посмотреть, хотя бы для того, чтобы разучить и отрепетировать знакомый всем интернет-пользователям жест «фейспалм» — глубоко вздыхая, прикрыть левой ладонью скривившееся в презрительной гримасе лицо (ИА InterMedia 17.03.2011)[1];

А если серьёзно, то это был шок, кошмар, фейспалм! (Ярославский спорт (yarsport.ru) 28.03.2011);

При этом он в семь раз меньше по объёму, в семь раз менее уныл, в семь раз менее опасен для мозга, сэкономит Вам массу времени, а ещё предохранит от неизбежных синяков на лице, вызванных злоупотреблением жестом «рукалицо» при чтении оригинала (ntvplus.tv 23.05.2022);

*Субтропические морозцы *рукалицо... где такое понятие видано?* (Погода и Климат (pogodaiklimat.ru) 10.10.2024).

Кроме того, следует отметить и формирование своеобразной кальки самого неологизма *кринж* — существительного *куко́ж* (образованного от глагола *скукожиться* в результате буквального перевода английского слова *cringe* и имеющего значение ‘*жарг.*

[1] Здесь и далее в цитатах сохранены орфография и синтаксис оригинала.

ирон. Чувство стыда за действия другого человека’ [Neolex.iling]), который, однако, не получил широкого распространения:

> *«Кукож» — русскоязычная калька (заимствование с дословным переводом) существительного cringe. То есть значение у слова точно такое же — позорится кто-то другой, а стыдно мне. Считается, что слово появилось в 2019 году, на волне активного осуждения англицизмов, проникших в подростковую речь. Но тогда неологизм не завирусился... Слово «кукож» называют «русским народным» или «скрепным» кринжем, но используют скорее в постироничном ключе — то есть не всерьез заменяя им слово «кринж», а делая это в шутку, тем самым подчеркивая еще большую абсурдность ситуации* (mel.fm 09.08.2023).

По данным онлайн-системы комплексного мониторинга СМИ и соцсетей «Интегрум» (https://integrum.ru), в русском языке употребление неологизма *кринж* впервые было зафиксировано в 2017 г. на специализированном сайте любителей компьютерных игр в значении ‘*жарг.* То, что вызывает чувство отвращения или стыда’ [Neolex.iling]: *Глупости и нелепые кринжи в диалогах сведены к минимуму, так что ассоциировать Инквизитора с самим собой не представляется чем-то трудным* (StopGame.Ru 17.12.2017). Отметим, что уже ранние контексты указывают на грамматическую ассимиляцию слова *кринж* в русском языке — оно приобретает все морфологические характеристики существительного: мужской род, склоняемость, форму мн.ч.

С 2018 г. по настоящее время (2024 г.) непрерывно растет частотность (так, за пятилетний период «Интегрум» регистрирует ежегодное увеличение количества словоупотреблений лексемы — от 1238 в 2020 г. до 6757 контекстов на конец 2024 г. с учетом «шума») и расширяется сфера употребления слова — оно используется всё более широким кругом говорящих и всё бóльшим количеством источников, постепенно преодолевая барьеры в виде специализированных сайтов и форумов (компьютерных, спортивных, любителей кино и др.) и проникая в СМИ и качественную прессу, оставаясь, однако, пока элементом разговорной речи, преимущественно молодежного жаргона, подтверждением чего могут служить факты публикации газетных или журнальных статей, авторы

которых пытаются сформулировать дефиницию слова с целью объяснения его значения читателю:

> *А знаете ли вы, что современная молодежь активно использует новояз для описания своих состояний. Например, слово «кринж» пришло из английского, где означает «съеживаться». С одной стороны, кринж может означать что-то плохое, несоответствие чего-либо внутреннему представлению об этом: «Эта музыка — полный кринж». С другой стороны, «кринж» может употребляться в значении «испытывать стыд/неловкость за кого-то». Здесь значение очень близко к таким чувствам, как неприязнь, антипатия, смущение, неловкость: «Я поймал кринж, когда она знакомила меня со своими родителями». Слово настолько «освоилось» в русском языке, что появляются однокоренные слова: кринжовый, кринжово, кринжовать* (Тюменские известия (t-i.ru) 22.02.2024).

Одновременно с этим осуществляются обязательные для успешной адаптации заимствования процессы его семантической трансформации. Так, помимо наименования объекта или лица, вызывающего чувство стыда, смущения, неловкости и т. п., лексема приобретает значение ‘*жарг.* Чувство отвращения или стыда’ [Neolex.iling]: *Кринж — стыд за чужие действия, ощущение неловкости и омерзения («словить кринж» — испытать стыд)* (Вечерняя Москва 21.08.2020); *Весь матч меня не покидало чувство кринжа* (Sports.ru 07.09.2020).

Следует отметить, что помимо выражения семантики стыда, разочарования и т. д. от чьего-либо действия, поведения или высказывания, в определенных контекстах слово *кринж* используется в функции предикатива или эмоционального междометия, сходной с той, которая зафиксирована у слова-донора в английском языке. В этом случае лексема приобретает значение, синонимичное семантике слов *позор, стыд, срам* и т. д. при их употреблении в составе структур *Ну и стыд/срам! Позор! Стыдно!* Слово *кринж* в таких контекстах в меньшей степени обозначает само эмоциональное состояние субъекта или причину такого состояния, а скорее эксплицирует семантику позора, понимаемого как «обозначение не чувства, а выражение объективированной негативной оценки» [Иоанесян 2016: 229], причем от такого класса употреблений возможен и переход к «стигматизации» [Там же]. Подобное использование слова

кринж и его дериватов (*кринжатина, кринжово*) очень характерно для интернет-коммуникации, например, при общении на форуме или в зоне комментариев к публикации, когда участники выражают свое (по их мнению, являющееся объективным) негативное отношение к лицу, поступку или высказыванию, иногда трансформирующееся в попытку оскорбить или даже заклеймить это лицо позором:

Ну и кринж... просто фестиваль кринжатуры! (vk.com 26.03.2020);

Человек просто сделал клип для детей а вы сразу же напали со словами кринж, фу и т. д. Окей если вам не нравится идите Бузову слушайте в чем проблема? (RUclip (ruclip.com) 05.09.2020).

Помимо однозначно негативной маркированности, в определенных контекстах слово *кринж* может наделяться шутливой, иронической и т. п. коннотацией и приобретать значение ‘нечто настолько абсурдное или нелепое, что начинает восприниматься как забавное, способно вызвать смех’ (при этом сохраняя семантику критической оценки): *Это что за кринж?) Смеялся с почти каждого предложения* (journal.tinkoff.ru (комментарии) 05.08.2024).

Таким образом, даже в пределах микроконтекста неологизм *кринж* может обладать сложной семантической структурой, объединяющей такие оттенки значения, как: ‘чувство стыда или неловкости’, ‘причина стыда’, ‘отвращение’, ‘разочарование’, ‘нелепость, абсурд’, ‘что-л. неуместное’, ‘что-л. забавное’ и т. д., в некоторых случаях приобретая полярную коннотацию, но в любых контекстах сохраняя свою яркую экспрессивность.

Показателем успешной лексико-семантической ассимиляции заимствования *кринж* является формирование синтагматических связей, включающих такую типичную сочетаемость, как:

а) именные словосочетания:

с синонимичным значением **дикий/дичайший, жирный, лютый, полный кринж**:

Я смотрю, переводчики через силу переводят её (мангу), ибо когда я читаю, я дикий кринж и фейспалмы ловлю (Шикимори (shikimori.org) 31.12.2020);

Не большой поклонник рэпа, не большой поклонник любительских переводов, да и в целом ожидал жирный кринж,

но оказалась лютая годнота (LibertyCity (libertycity.ru) 30.11.2019);

Не голова, а какой-то горшочек... всё варит и варит лютый кринж <об интервью Алины Загитовой> (Sports.ru (комментарии) 18.08.2024);

Кринж — это чувство, вызывающее «испанский стыд»; состояние неловкости. Произошло от английского слова cringe — стыд. Пример: «Ты видел новый видос Макса? Это полный кринж» (amur.kp.ru 18.06.2021).

Особенный интерес в рамках процесса культурной адаптации неологизма представляет сочетание заимствованной из английского языка лексемы *кринж* с исконно русским прилагательным *лютый*, имеющим значение ‘Чрезмерный, необычайный по силе, интенсивности, степени своего проявления’ [БТС] и сопровождаемым в толковом словаре пометой «народно-разговорное». Возможно, такое сочетание контрастирующих в стилистическом отношении и с точки зрения освоенности языком компонентов может способствовать так называемой культурной апроприации заимствования (термин Т. Б. Радбиля, подробнее см. [Радбиль 2019]), когда новый языковой элемент, ранее воспринимавшийся носителем языка как чужеродный, путем встраивания в языковую систему (в данном случае — в результате образования синтагматической связи с исконно русским элементом) начинает ощущаться как часть родного культурного кода. Кроме того, употребленное в современной онлайн-коммуникации (особенно в рамках молодежного жаргона) словосочетание с прилагательным *лютый* (см. также *лютая годнота* в примере выше) обладает отчетливой шутливой коннотацией;

кринж года (дня, месяца) ‘о чем-л. исключительно нелепом, абсурдном и т. п.; о чем-л. позорном’:

Сцена избиения бакалейщика — кринж года, несомненно (GameMAG (gamemag.ru) 02.12.2019);

Это тянет на «Кринж дня» (Kanobu.ru 31.12.2020);

б) разговорные и просторечные глагольные сочетания:

ловить, словить кринж (с кого-, чего-л.) ‘испытывать, испытать чувство стыда, смущения, неловкости (обычно от поведения, поступка, высказывания и т. п. другого человека)’:

Почему мы ловим кринж и стыдимся из-за других <загл.>... Разбираемся, в чем польза стыда и что делать, если вам надоело ловить кринж с других (cuprum.media 07.03.2023);

Кринж, кринжовый (кринжевый) — от английского cringe, передергиваться от отвращения. Например, когда я впервые увидела местных тараканов в Токио (а они у меня из кондиционера вылезли, сантиметров пять в длину, летают), я словила дичайший кринж (Ирина Яковлева) (news-free.ru 03.05.2018);

навалить кринжа ‘сделать или сказать что-л., что вызывает у наблюдателя/слушателя/читателя чувство неловкости, смех и т. д.’ (в приведенном ниже контексте слово *кринж* вновь приобретает шутливую или ироническую коннотацию): *А как я понял — Алина <Загитова> любит навалить кринжа, за что ей большое спасибо — кринж я люблю, если он правда не становится физической болью, но Алина пока справляется. Спасибо, Алина!* (Sports.ru (комментарии) 16.08.2024).

О высоком уровне ассимиляции заимствованного неологизма *кринж* свидетельствует его значительная словообразовательная продуктивность. Особенно активный рост производных от этой основы наблюдался в 2018–2019 гг. В настоящий момент словообразовательное гнездо с вершиной *кринж* включает в себя следующие дериваты:

1) существительные **кринжуха** (‘*разг.-сниж.* О чем-, ком-л., вызывающем чувство стыда, отвращения’ [Neolex.iling]) и **кринжатина** (значение можно трактовать как синонимичное значению слова *кринжуха*). Анализ контекста приведенных ниже цитат вновь позволяет нам сделать вывод об отсутствии не только у слова *кринж*, но и у производных от этой основы в значении ‘что-л. одновременно нелепое и забавное’ негативной маркированности (и, возможно, даже о наличии положительной коннотации в примерах употребления слова *кринжатина*):

Поток безграничный кринжухи и парад испанского стыда — практически запретное в наше время развлечение! (Disgusting Men (disgustingmen.com) 01.10.2019);

Кринжуха — человек, вызывающий чувство кринжа («испанский стыд»). (Ezhikezhik.ru 09.07.2021);

«Так, стоп! Чего ты несешь!? Студия Матч ТВ на ЧМ-2022 — это же чистый кринж»: скажет мне внимательный читатель и будет прав. Да, кринжатина, совершенно верно. Но это кринжатина, которая тронула сердце! (Sports.ru (блог) 17.01.2023);

Господи, такой кринжатины <о публикации в рубрике «Дневники трат»> давно не было! Спасибо ТЖ <Тинькофф Журнал> за такой понедельник!)) (journal.tinkoff.ru (комментарии) 05.08.2024).

Оба деривата образованы при помощи продуктивных в просторечии исконно русских суффиксов (мы полагаем, что возможен также альтернативный вариант деривации существительного *кринжатина* — путем контаминации *кринж* + бред*ятина* — ввиду того, что оно вбирает в себя значения обоих слов), что, как и в случае со словосочетанием *лютый кринж*, может свидетельствовать о начале процесса культурной апроприации заимствованного слова в сознании носителей языка;

2) глаголы **кринжевать** (с кого-, чего-л.; от кого-, чего-л.) и **кринжить**, имеющие синонимичное значение ‘*жарг.* Стыдиться чего-л.; чувствовать отвращение, возмущение и т. п. из-за чего-л. (сделанного другим человеком)’ [Neolex.iling]. Отметим, что данные дефиниции нуждаются в уточнении и дополнении (что вызвано тем, что неологическая база зафиксировала первое употребление слов, в то время как лексемы с течением времени претерпевают семантические трансформации, что зачастую требует от авторов словарных статей обновления толкований). Так, заключенный в скобки компонент толкования ‘сделанного другим человеком’ можно считать опциональным, на что указывают некоторые примеры употребления ниже, в которых *кринжевать* означает ‘испытывать стыд или неловкость за собственные действия, стыдиться своей внешности, каких-л. свойств личности и т. п.’, а также ‘находить что-л. забавным и/или нелепым; смеяться над кем-л.’ (последнее значение может приобретать в контексте и глагол *кринжить*):

Кринжевать — чувствовать отвращение либо вызывать его своими действиями. Когда Трамп заявил семилетней девочке, что в ее возрасте верить в Санту «маргинально»,

неловко стало не только американцам — кринжевали все (KtoNaNovenkogo (ktonanovenkogo.ru) 10.02.2019);

Самые несексуальные мужчины по мнению женщин. Из отзывов на платформе Яндекс.Дзен Anews составил список главных красавцев (в кавычках и без), с которых наши дамы неистово кринжуют (Supercoolpics.com 13.12.2019);

Плохих и хороших чувств не бывает. Все они для чего-то нужны. Однако есть приятные и неприятные ощущения. Например, стыд, из-за которого щеки горят и хочется провалиться сквозь землю. Гадко, но полезно, потому что учит вести себя согласно социальным нормам. Другое дело — стыд за других. Когда чудит другой, а некомфортно вам. В этот момент вы испытываете испанский стыд или кринжуете — выбор слова зависит только от возраста, потому что это синонимы (cuprum.media 07.03.2023);

У меня есть видео, но я кринжую от своего голоса и не смог его пересмотреть. (telegra.ph 16.06.2023);

Как уменьшить размер толстовки и перестать кринжить от того что она досталась от бывшего <название видео> (tiktok.com 08.08.2021);

Что-то меня начало уже конкретно кринжить со слова «опасный». «Опасный человек», «опасный мужчина». «От него так и веяло опасностью» ...Не кидайтесь тапками, это все легкий сарказм. Просто слово это видится мне столь часто, что вызывает только нервную улыбку. И тихий смешок (litnet.com/ru/blogs 15.02.2023);

3) прилагательные **кринжевый** и **кринжовый** ‘*жарг.* Вызывающий чувство стыда (за чьи-л. действия)’ [Neolex.iling], а также образованные от последнего наречие и предикатив **кринжово** ‘*жарг*. Стыдно (за кого-л.); отвратительно’ [Там же]:

Кринж, кринжовый (кринжевый) — от английского cringe, передергиваться от отвращения (news-free.ru 03.05.2018);

Кринжовое, но очень крутое интро, где чувак на площади говорит о том, кто такие ведьмаки (StopGame.Ru 22.01.2018);

Часто ли вас заставляет почувствовать себя кринжово и неприятно обычная сцена вне хоррор-фильма? (StopGame.Ru 22.01.2018);

Местами это выглядело забавно, местами — кринжово, и на меня, допустим, все действо произвело отталкивающее впечатление (да и другие болельщики смотрели с косой улыбкой) (Wath News (istoriya.online) 02.08.2018);

Скамер кринжово флудил, или Неологизмы наших дней <загл.> (Тюменские известия (t-i.ru) 22.02.2024);

Синоним кринжа — «испанский стыд», то есть когда вам неловко, «кринжово» за действия какого-то другого человека (МК в Твери (tver.mk.ru) 30.12.2020).

Ввиду относительно недавнего вхождения неологизма *кринж* в русский язык и связанной с этим сохраняющейся принадлежности словообразовательного гнезда с основой *кринж* к сфере молодежного жаргона (на фоне постепенного перехода части этой лексики в область разговорной речи подавляющего большинства носителей языка) рассмотренные нами в статье неологизмы пока не зафиксированы толковыми или иными нормативными словарями. Исключение составляет словарь [Голикова 2021], где представлены статьи *кринж, кринжеватый, кринжевать, кринжёвый, кринжёво* и *кринжить* (дефиниции всех перечисленных лексем содержат помету *жарг.*).

Лексикографическая репрезентация в Викисловаре включает словарные статьи, описывающие как само существительное *кринж*, для которого указаны два значения (‘*неол.*, *мол.* чувство стыда за чьи-либо действия’ и ‘*неол.*, *мол.* то, что вызывает это чувство’ [Викисловарь]), так и его производные *кринжевать, кринжово, кринжовость, кринжовый* и *кринжуха* (их толкования тоже сопровождаются пометой, указывающей на их неологический статус и принадлежность к молодежному жаргону).

Кроме того, работа, связанная с наблюдением за такими единицами и их лексикографическим описанием, непрерывно ведется сотрудниками группы Словарей новых слов отдела Лексикографии современного русского языка Института лингвистических исследований РАН: так, в информационно-поисковом лексикографическом ресурсе группы [Neolex.iling] и в выпусках «Новое в русской лексике. Словарные материалы» уже опубликованы или находятся на стадии рецензирования словарные статьи *кринж* (2017 г.), *кринжевать* (2019 г.), *кринжевый* и *кринжовый* (оба варианта 2018 г.),

кринжить (2019 г.), *кринжово* (2018 г.) и *кринжуха* (2019 г.), дефиниции из которых мы приводили выше, а в ближайшее время готовятся к публикации еще несколько статей.

В настоящий момент трудно дать однозначный прогноз функционирования заимствования *кринж* и его дериватов в русском языке, поскольку невозможно предвидеть, станут ли они в будущем частью общего лексикона или через некоторое время выйдут из употребления. Можно предположить, что маркерами их успешной адаптации на коммуникативно-дискурсивном уровне и закрепления в языке станут их регулярное использование в качественной прессе, выход за пределы сферы жаргонного употребления (т. е. утрата ими статуса единиц молодежного сленга) и, безусловно, полноценная лексикографическая фиксация как завершающая стадия процесса ассимиляции.

Литература

БТС — Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов (общ. ред.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gramota.ru.

Викисловарь — Русский Викисловарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki.

Голикова Т. А. Лингвокультурологический словарь заимствований современного русского языка 2000–2020 гг. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021.

Иоанесян Е. Р. Семантика стыда // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Периодический сборник научных трудов ИЯз РАН. Вып. 8. 2016. С. 196–251.

Радбиль Т. Б. Хайп как новейший русский культурный концепт: к проблеме лингвокультурологической интерпретации // Русское слово в многоязычном мире: мат-лы XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2019.

Хлыстова В. Г. Кинема как основная единица кинесики (на материале английского и русского языков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. № 10. С. 256–259.

Cambridge Dictionary — Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dictionary.cambridge.org.

Dictionary.com — Dictionary.com [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dictionary.com.

Merriam-Webster — Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.merriam-webster.com.

Neolex.iling — Информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://neolex.iling.spb.ru.

А. Р. Пестова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
pestova2012@gmail.com

ПАТЛАТЫЙ АСОЦИАЛ И *ЗАСКОРУЗЛЫЙ МОЗГОПРАВ*: О ЛАКУНАХ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ»

В статье описываются принципы составления дополнительного выпуска «Толкового словаря русской разговорной речи», работа над которым ведется в отделе современного русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН под руководством Л. П. Крысина. Рассматриваются типы лакун, которые должен покрыть дополнительный выпуск, критерии и источники, которыми руководствуются составители при отборе лексических единиц в словник. Лакуны условно делятся на два типа: 1) «новые слова» — новые лексические единицы, которые появились и активизировались в РР уже после издания словаря (*нейронка, зумиться, блогерка, асоциал, мозгоправ* и т. д.); 2) «старые слова» — лексические единицы, пропущенные по разного рода причинам технического характера (*заскорузлый, патлатый, засветло, огрузнеть* и т. д.). Слова из первой группы ставят перед авторами вопросы об их актуальности и шансах закрепиться в языке, а также об их стилистической окраске (разговорной, просторечной, сленговой, жаргонной и т. д.). Слова из второй группы, помимо проблемы актуальности, требуют решения вопроса о таком критерии разговорности, как широкая употребительность и известность лексической единицы. Кроме того, обсуждается принципиальная невозможность добиться исчерпанности словника «Толкового словаря русской разговорной речи».

Ключевые слова: лексикография, толковый словарь, разговорная речь, стилистическая помета, Национальный корпус русского языка

В 2022 г. вышел последний (пятый) выпуск «Толкового словаря русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина (далее — ТСРР), описывающий алфавитный отрезок У–Я. Работу над словарем,

начатую коллективом отдела современного русского языка в 2007 г., можно было бы считать завершенной. Однако после издания каждого выпуска ТСРР авторы обнаруживали лакуны — разговорные единицы, по тем или иным причинам не вошедшие в словарь. Следует отметить, что в предисловии к первому выпуску ТСРР оговаривается: «Мы предпочли термин *выпуск*, а не *том*, так как у авторов нет стопроцентной уверенности в исчерпывающей полноте словника, отражающего всю лексику русской разговорной речи от А до И (хотя к такой полноте мы стремились)» [ТСРР 2014: 29]. Составители словаря уже на начальном этапе работы осознавали неизбежность лакун, поэтому работа над дополнительным выпуском была в некотором смысле предопределена.

Об этой предопределенности писал еще Л. В. Щерба в своей фундаментальной работе «Опыт общей теории лексикографии», указывая на то, что идеальный тезаурус («сокровищница языка») возможен только для мертвых языков, тогда как попытки создать такой словарь на материале живого языка обречен на неудачу: «Само собой разумеется, что для богатого живого литературного языка принцип thesaurus'а практически не может быть проведен до конца: нельзя перепечатать в словаре всю библиотеку актуальных авторов (если говорить только о нормативном словаре). Нелепость такого предприятия становится сразу очевидной, если мы будем иметь в виду не только письменный, но и устный, хотя бы и не областной язык» [Щерба 2004: 287]. Если говорить о словаре живой разговорной речи, то это замечание Л. В. Щербы еще более актуально, поскольку разговорная речь (далее — РР) меняется гораздо быстрее, чем кодифицированный литературный язык.

С другой стороны, в свете цифровизации лексикографии и, в частности, разработки интегрального цифрового словарного ресурса, восполнение подобных пробелов становится неотъемлемой частью лексикографической работы. В качестве примеров можно привести такие проекты, как орфографический академический ресурс АКАДЕМОС и информационно-поисковый лексикографический ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» Института лингвистических исследований РАН, которые регулярно пополняются в режиме онлайн.

Лакуны в ТСРР можно условно разделить на два больших типа.

1. «Новые слова» — новые лексические единицы, которые появились и активизировались в РР после выхода соответствующего выпуска словаря в свет. Это новые слова и значения, как обусловленные определенными экстралингвистическими обстоятельствами, так и напрямую с ними не связанные. К первым относятся лексические единицы, появившиеся в связи с пандемией коронавируса (*дистанционка, масочник, намордник* ‘медицинская маска’ и т. п.), со специальной военной операцией (*эсвэошник*, *альтернативщик* ‘тот, кто проходит альтернативную военную службу’, *прилет* и т. п.), с бурным развитием информационных технологий (*апгрейдить, генерить, зумиться, нейронка* и т. п.), с возросшим интересом общества к вопросам психологического здоровья (*асоциал, биполярка* и т. п.) и к вопросам политкорректности (в частности, активизация феминитивов: *авторка, блогерка* и т. п.). Ко вторым (не связанным с экстралингвистическими обстоятельствами напрямую) относятся, например, новые сленговые слова (*айс, быдлан, досвидос, бомбический, душнила* и мн. др.).

2. «Старые слова» — разговорные слова и отдельные значения слов, которые не были описаны не из-за своей новизны, а по различным причинам технического характера, которые можно обобщенно назвать «человеческий фактор». К этому типу лакун относятся такие лексические единицы, как *варёный* ‘вялый, сонный, медлительный’, *жучка* ‘дворовая непородистая собака’, *зазря*, *огрузнеть, спозаранок* и мн. др.

Учитывая довольно внушительный объем таких пропусков, авторский коллектив словаря решил подготовить дополнительный выпуск. Был составлен словник, насчитывающий более 2500 лексических единиц.

Какими критериями руководствовались авторы ТСРР при добавлении той или иной единицы в словник дополнительного выпуска? К базовым критериям, описанным в «Проспекте» ТСРР и в Предисловии 1-го выпуска (см. [Проспект 2010: 11–12], [ТСРР 2014: 11], относятся:

1) наличие в толковых словарях при слове или каком-либо из его значений пометы *разг., сниж., прост., жарг., проф., неодобр., груб., фам.* и нек. др.;

2) употребление лексической единицы в бытовой сфере, в повседневной жизни, в условиях неформальных, дружеских отношений между людьми, исключающих какую-либо официальность;

3) широкая употребительность в устной речи носителей литературного языка и в языке СМИ.

Из перечисленных критериев вытекает одна из особенностей работы над словником ТСРР. Если авторы толкового словаря общелитературной лексики на этапе разработки словника должны в первую очередь решить вопрос об актуальности лексической единицы, то составители словаря РР сталкиваются, помимо этого, с необходимостью сразу определить ее стилистическую принадлежность. Для верификации стилистической окраски слова авторы используют такие критерии, как функциональный (употребление лексической единицы в пределах определенного функционального стиля), нормативный (соответствие нормам литературного языка), словообразовательный (использование специфических способов словообразования, характерных для разговорной речи, таких как усечение и универбация), морфологический (наличие экспрессивных морфем), апелляция к авторитету (опора на словари-предшественники) и обращение к языковой интуиции (самого лексикографа и образованных носителей языка).

Разумеется, каждый из перечисленных критериев в той или иной мере относителен и субъективен, что неоднократно отмечали и исследователи прошлых лет, и сами авторы ТСРР (см., напр., [Петрищева 1984], [Девкин 2004], [Емельянова 2013], [Шарыкина 2021]). Поэтому при отборе слов в словник ТСРР возникает немало дискуссионных случаев.

Возвращаясь к двум типам лакун в изданных выпусках ТСРР («новые» и «старые» разговорные слова), рассмотрим дискуссионные примеры в каждой из этих групп.

Оценивая слова – кандидаты на добавление в словарь из первой группы («новые» слова), составители ТСРР должны решить непростой вопрос о перспективах их закрепления в языке. Каковы шансы того или иного нового разговорного слова войти в словарный состав русского языка? При этом нужно учитывать, что авторы ТСРР практически лишены такого важного инструмента оценки, как Национальный корпус русского языка, поскольку в отношении современного узуса (и, следовательно, отражения новых слов) и в отношении спонтанной устной речи Корпус, к сожалению, пока недостаточно репрезентативен. Многие слова из первой группы либо совсем не представлены в НКРЯ, либо представлены

единичными примерами. Несколько спасает ситуацию новый подкорпус «Социальные сети», более полно отражающий новые сленговые и жаргонные единицы, однако и его материалов часто оказывается недостаточно.

Некоторые лексические единицы из первой группы зафиксированы в упомянутых выше словарных материалах ИЛИ РАН «Новое в русской лексике» (напр., *нейронка, душнила*), однако в большинстве случаев «новые» разговорные слова нигде не описаны: *асоциал, мозгоправ, абьюзить, спамить* и мн. др.

Что касается второй группы («старые слова»), то некоторые из этих лексических единиц в определенной степени «подрывают» один из критериев РР, а именно — критерий широкой употребительности в устной речи носителей литературного языка и в языке СМИ.

Обратимся, например, к прилагательному *заскорузлый*. В 1-м выпуске ТСРР оно отсутствует, поэтому при составлении дополнительного словника перед авторами встал вопрос, является ли это слово разговорным.

Авторитетные словари-предшественники не единодушны в определении стилистической окраски данного слова. Не углубляясь в вопрос о семантической структуре данного прилагательного (в которой словари выделяют от одного до трех значений), отметим, что его стилистическая характеристика имеет в академических словарях довольно широкий диапазон: от разговорной до книжной (см. Табл. 1). Таким образом, апелляция к авторитету в данном случае не помогает.

Табл. 1. Описание слова *заскорузлый* в толковых словарях русского языка

СУш	**БАС-1**	**МАС**	**СШ**	**БТС**	**БАС-3**
1. *Разг.* Загрубелый, шершавый. 2. *Книжн.* Чёрствый. 3. *Книжн.* Косный, отсталый.	Загрубелый, жёсткий. || Отсталый, закоснелый.	Затвердевший, загрубелый. || Закоснелый.	*Разг.* 1. Шершавый, загрубевший. 2. Отсталый, закоснелый.	1. Затвердевший; загрубелый. 2. Чёрствый. 3. Отсталый, закоснелый.	1. Ставший жёстким, затвердевший. 2. *Разг.* Грубый. 3. *Разг.* Отсталый.

Что касается обращения к НКРЯ, то и этот метод не позволяет нам определиться с ответом о стилистической окраске слова *заскорузлый*: в Корпусе можно найти как книжные контексты, так и нейтральные, и разговорные:

Книжн.:

Но милостивый самодержец никак не взыскал с ***заскорузлого*** *в своём упорстве архиерея и держал его под рукой в качестве символа непреложной необходимости подчинения церковных властей властям светским* (И. Карлов. Обретение смысла. 2015).

***Нейтр.*:**

Почему же все-таки произносить что-то элементарное, подлинно человеческое, идущее от сердца, гораздо сложнее, чем затертые, ***заскорузлые****, насквозь прогнившие какие-то банальности?* (В. Валеева. Скорая помощь. 2002).

Разг.:

Но посмотрим, что наш юный гений пихает в ***заскорузлые*** *мозги обкомычей в качестве позитива* (Ю. Нерсесов. Вентиль Ходорковского. 2003).

Проблема поиска примеров в НКРЯ в том, что, прежде чем искать контексты, лексикограф неизбежно обращается к своей языковой интуиции — и уже затем отбирает из множества иллюстративных примеров, представленных в корпусе, те, которые соответствуют его субъективным ощущениям о правильном употреблении. Искажение, к которому ведет такая исходная установка, в методологии называется «ошибкой техасского стрелка», который сначала стреляет, а потом уже рисует вокруг своего выстрела мишень [Bennett 2015].

Помимо корпусных данных и собственной интуиции, лексикограф может также обратиться к языковой интуиции образованных носителей языка. Здесь может быть эффективен метод опросов. Опросы, касающиеся разных аспектов словарного описания (семантического, орфоэпического, орфографического, стилистического), проводятся, в частности, в телеграм-канале «Помогите словарю». Данный вспомогательный метод исследования стилистической

окраски слова подробно анализируется в [Пестова 2024]. В настоящей статье мы покажем, как может помочь обращение к интуиции носителей языка при работе над словником ТСРР.

В опросах приняло участие ок. 300 человек в возрасте от 14 до 65 лет — как лингвистов, так и нелингвистов (преподавателей, экономистов, врачей, программистов, маркетологов и др.). Важно, что все респонденты, вне зависимости от образования и рода занятий, активно интересуются вопросами русского языка, кодифицированной нормы и стилистики.

На Рис. 1 представлены результаты опроса о слове *заскорузлый*.

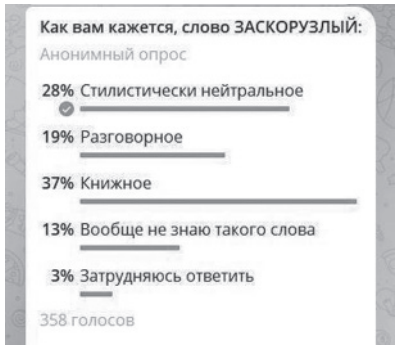

Рис. 1. Результаты опроса о стилистической окраске слова *заскорузлый* в телеграм-канале «Помогите словарю»

Итак, для большинства опрошенных (почти для 80 %) это слово явно не разговорное, а либо книжное (37 %), либо стилистически нейтральное (28 %), либо незнакомое (13 %).

Кроме опроса в телеграм-канале «Помогите словарю», был также проведен дополнительный эксперимент — среди учащихся 9-х классов московских школ. Было опрошено 84 человека в возрасте 14–15 лет. На вопрос «Известно ли вам слово *заскорузлый*?» положительно ответило всего 3 человека (4 %). Встает вопрос, насколько актуально это прилагательное для современной разговорной речи, если большинству представителей молодого поколения они незнакомы.

Для составителей ТСРР результаты этих опросов могут быть свидетельством того, что слово *заскорузлый* не следует включать в словник дополнительного выпуска.

Рассмотрим другой пример из группы «старых» разговорных слов — прилагательное *патлатый*. Здесь словари относительно единодушны: почти все считают это слово просторечным, и только БТС повышает его стилистический статус до разговорного (см. Табл. 2).

Табл. 2. Стилистические пометы при слове *патлатый* в толковых словарях русского языка

СУш	БАС-1	МАС	СШ	БТС	БАС-3
Прост.	*Прост.*	*Прост.*	Нет словарной статьи	*Разг.*	*Прост.*

Данные Корпуса снова не очень помогают нам с ответом на вопрос о стилистической окраске анализируемого слова. В НКРЯ можно найти примеры, подтверждающие как его разговорный характер, так и просторечный — всё зависит от нашей исходной позиции «техасского стрелка»:

Разг.:

Он вышел к метро... в толчею случайных, спешивших домой прохожих, местных забулдыг, ***патлатых*** *молодых людей с деревенскими простецкими лицами и девок с горевшими щеками* (В. Кормер. Наследство. 1987).

Прост.:

Там у всех пьянчуг не лица, а рожи, грязнозубые, ***патлатые****, немытые* (Известия, 06.02.2002).

Что касается опроса, то и его данные оказываются неоднозначными: как видно из Рис. 2, распределение между разговорным и просторечным примерно одинаковое (47 и 43 % соответственно).

Респондентам была предложена краткая инструкция, призванная помочь определиться с выбором варианта ответа:

«**Стилистически нейтральное слово** — это слово, которое можно употребить в любой ситуации: от непринуждённого общения с друзьями до официального текста.

Разговорное слово — слово, которое уместно в неофициальных ситуациях, в условиях неформального общения (например, с друзьями, родственниками). Разговорное слово

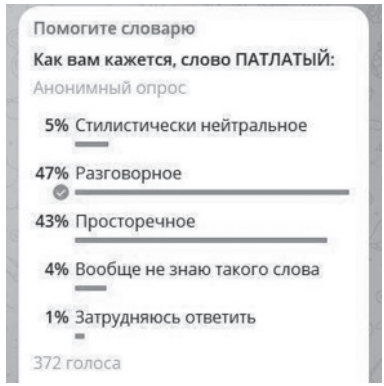

Рис. 2. Результаты опроса о стилистической окраске слова *патлатый* в телеграм-канале «Помогите словарю»

соответствует нормам литературного языка, но в официально-деловом тексте оно будет неуместным.

Просторечное слово по стилистической окраске ниже, чем разговорное. Оно часто имеет более яркую эмоциональную окраску (≈ более грубое). Иногда расценивается как нарушение языковой нормы».

Лаконичность и упрощение формулировок здесь неизбежны: едва ли имеет смысл посвящать участников опросов в детали многолетних лингвистических дискуссий. Мы предпочли ориентировать информантов в первую очередь на функциональный критерий, предложенный В. Д. Девкиным, который писал, что основной тест на разговорность сводится к проверке «на приемлемость в нейтрально-литературном образцовом тексте. Неуместность в нем проверяемого слова по причине сниженности достаточна, чтобы отказать ему в стопроцентной дистиллированной образцовости» [Девкин 2005: 110]. В инструкции также присутствует нормативный критерий: мы сочли необходимым подчеркнуть, что разговорное слово соответствует нормам литературного языка, а просторечное уже может расцениваться как их нарушение.

Однако необходимо признать, что опросы едва ли могут помочь составителю словаря в вопросах таких тонких стилистических разграничений, как различение разговорного и просторечного. Ответы респондентов могут быть полезными скорее в случаях,

когда необходима дифференциация стилистически нейтрального и стилистически сниженного. Решая вопросы, касающиеся более дробной шкалы стилистических различий, лексикограф должен обращаться к другим методам. Здесь нельзя не согласиться с утверждением Е. Ф. Петрищевой: «Если... квалификация признаков слов вызывает затруднения у специалистов — лексикологов и лексикографов, то трудно ожидать, что им в этом могут помочь неспециалисты. Напротив, к высказываниям современников следует обращаться только после того, как проанализировано свое собственное языковое сознание» [Петрищева 1984: 81].

Тем не менее на этапе составления словника этого опроса достаточно, чтобы признать, что слово *патлатый* в сознании носителей языка не является стилистически нейтральным и, следовательно, достойно включения в список дополнительного выпуска ТСРР.

Перейдем теперь к рассмотрению «новых» слов. Нужно ли добавлять в ТСРР слово *асоциал* ‘асоциальный человек’? В современных толковых словарях оно отсутствует. Примеров в НКРЯ очень мало: 1 пример в основном корпусе и 3 — в газетном[1]:

Глаз был простой — позволял различать свет-тьму и видеть картинку с силуэтами предметов. Такими оснащаются в стандартной комплектации дворники-кибермехи или рабомодифицированные ***асоциалы*** *из числа тех, которых когда-то просто сажали в лагеря и тюрьмы, а теперь используют во благо Родины с немалой для нее пользой* (М. Тихомиров. Национальная демография. 2014).

Поквартирный обход и проверка подучетного элемента — освободившихся из мест лишения свободы, ***асоциалов****, хулиганов, наркоманов — не дала результатов* (Комсомольская правда, 09.06.2013).

Может, визг ***асоциалов*** *в студии — прием, навязанный Андрею руководством?* (Комсомольская правда, 17.03.2013).

На улицу не выгонят, но поселить могут рядом с какими-нибудь ***асоциалами****, пьяницами...* (Комсомольская правда — Северная Европа, 05.01.2011).

[1] Поиск по НКРЯ осуществлялся в феврале 2024 г.

Примеры в других корпусах (в том числе в корпусе «Социальные сети») отсутствуют.

Что касается опроса носителей языка, то, как продемонстрировано на Рис. 3, больше половины респондентов (65 %) считает его стилистически сниженным.

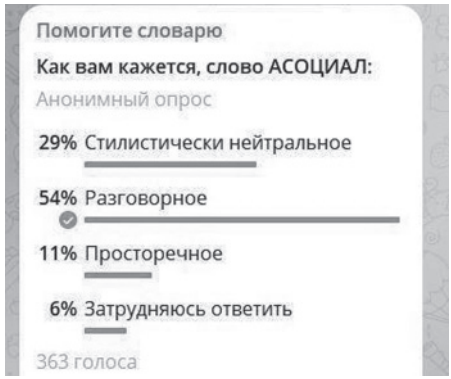

Рис. 3. Результаты опроса о стилистической окраске слова *асоциал* в телеграм-канале «Помогите словарю»

Вероятно, учитывая такие цифры, составителям ТСРР стоит включить это слово в словник дополнительного выпуска, а при разработке словарной статьи проанализировать его употребительность и актуальность.

Наконец, существительное *мозгоправ* ‘психолог, психотерапевт или психоаналитик’ представлено в НКРЯ также не очень широко: 15 примеров в основном корпусе и 8 — в газетном:

Стоит человеку начать заглядывать себе внутрь и наводить там порядок на регулярной основе, никакой ***мозгоправ*** *ему больше не нужен — исцеление наступит само собой* (Форум: Гигиена души. 2012).

В больнице Татьяна стала наблюдать, как работает ее друг, обладавший способностями внушения и гипноза, и поняла, что в профессии ***«мозгоправа»*** *нет ничего сложного* (М. Милованов. Рынок тщеславия. 2000).

По мнению авторов инициативы, присутствие в комиссии ***«мозгоправов»*** *необходимо для того, чтобы разглядеть в книгах приемы зомбирования читателей* (lenta.ru, 17.09.2016).

Теперь пытаюсь найти хорошего психолога. Может, это поможет? Хотя те люди, с которыми уже встречалась, наводят на мысль, что большинство ***«мозгоправов»*** *у нас — шарлатаны чистой воды* (Труд-7, 26.11.2008).

При этом в большинстве примеров это слово заключено в кавычки, что свидетельствует о его новизне, непривычности и, возможно, иронической окраске.

Как показывают данные нашего опроса, 96 % респондентов считают это слово стилистически сниженным (разговорным либо просторечным).

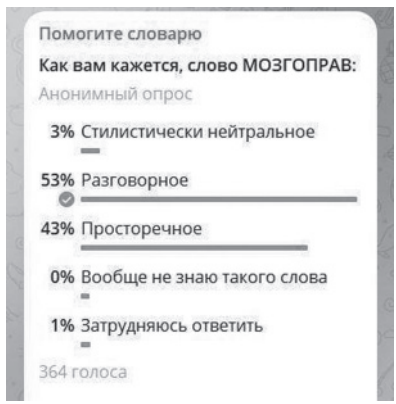

Рис. 4. Результаты опроса о стилистической окраске слова *мозгоправ* в телеграм-канале «Помогите словарю»

Переходя к выводам, отметим прежде всего, что лакуны из обеих названных нами групп («новые» и «старые») вызывают у составителей ТСРР трудности. «Новые» слова (напр., *асоциал, мозгоправ*) ставят перед ними такие непростые вопросы, как вопросы об их актуальности и шансах закрепиться в языке, а также об их стилистической окраске: разговорной, просторечной, сленговой, жаргонной и т. д. «Старые» слова (напр., *заскорузлый, патлатый*), помимо проблемы актуальности, заставляют лексикографов обратиться к критериям разговорности и, в частности, к критерию широкой употребительности: является ли то или иное слово по-прежнему разговорным, если оно уже не широкоупотребительно и не широко известно? Не повысился ли его стилистический статус?

Что касается общего вывода, то он касается невозможности достичь исчерпанности словника ТСРР. Это связано с непрерывностью процесса пополнения РР новыми лексическими единицами, с одной стороны, и утраты слов — с другой. Сколько ни биться над заполнением лакун, они будут всегда — так же, как всегда в разговорной речи будут появляться всё новые и новые лексические единицы, достойные словарного описания.

Литература

АТоС — Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л. П. Крысин. Т. 1–2. М.: ЯСК, 2016.

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. АН СССР, Институт русского языка. М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1965.

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка. Т. 1–27 / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб.: Наука, 2004–2021.

Девкин В. Д. Немецкая лексикография. М.: Высшая школа, 2005.

Емельянова О. Н. Стилистическая информация в толковом словаре (аналитический обзор проблематики). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984. Т. 1–4.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 16.02.2024).

Пестова А. Р. «Помогите словарю»: о перспективах и границах метода опросов // Распоповские чтения 2024: сборник научных статей / Отв. ред. С. А. Чуриков. Вып. 10. Воронеж: Издательство «НАУКА-ЮНИПРЕСС», 2024. С. 137–146.

Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984.

Проспект — Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / Под ред. Л. П. Крысина М: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2010.

СО — Ожегов С. И. *Словарь русского языка*; под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1989.

СУш — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Составители Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под редакцией Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

СШ — Шведова, Н. Ю., Куркина Л. В., Крысин Л. П. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (2007) / Отв. редактор Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л. П. Крысина. Вып. 1–5. М., 2014–2022.

Шарыкина О. А. О принципах отбора слов для «Толкового словаря русской разговорной речи» // Русская речь. 2021. № 5. С. 69–78.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 265–304.

Bennett B. Logically Fallacious: The Ultimate Collection of Over 300 Logical Fallacies. Ebookit.com Publ., 2015.

Александра Раскина
Независимый исследователь
(США, Новый Орлеан)
sasha.raskina@gmail.com

ПОНЯТИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» И «МИЛОСЕРДИЕ» В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается своеобразный лингвистический феномен: как на протяжении двух веков границы слов *закон*, *справедливость* и *милосердие* и их семантика и прагматика перетекают друг в друга. Прослеживаются изменения в содержании и в употреблении этих понятий в истории Российского государства, их связи с другими, близкими или противоположными по смыслу, понятиями и словами, исследуются контексты, обусловленные как собственно лингвистическими причинами, так и внешними, внеязыковыми обстоятельствами.

Ключевые слова: милосердие, справедливость, закон, гуманизм, сострадание

В русской литературе XVIII в. справедливость и милосердие были атрибутами монарха. В духе классицизма главным полагалась справедливость: долг монарха; милосердие же рассматривалось как пусть нужное, но всего лишь дополнение к справедливости, свидетельство превосходных душевных качеств правителя. Ломоносов писал («Ода на день рождения Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, 1746 года»):

Ты суд и милость сопрягаешь,
Повинных с кротостью казнишь,
Без гневу злобных исправляешь,
Ты осужденных кровь щадишь.

То есть казнить нужно; но с кротостью. В дальнейшем течении XVIII в., с распространением идей французских энциклопедистов, на первое место выходит Закон, которому равно должны подчиняться все люди — и подданные, и монарх; и справедливый закон

увязывается со свободой (см. оду Радищева «Вольность»). Пушкин вступил в проблематику в том же русле (в его оде 1818 г. того же названия):

Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

Но с течением времени классицистическая и просветительская закваска выветрилась; в процессе поэтической эволюции от Справедливости (Закона) Пушкин решительно повернулся к Милосердию: изображаемый им государь

...с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.
(«Пир Петра Первого», 1835 г.)

Милосердие и справедливость противопоставляются в конце «Капитанской дочки»:

— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

Сальериевский поиск справедливости:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет — и выше...,

где *правда* означает «справедливость», приводит к убийству, не совместимому с милосердием («Моцарт и Сальери»). Милосердие все меньше относится к монарху, а все больше — к частным лицам. Герой стихотворения «Андрей Шенье» (1825 г.) говорит:

Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.

(То есть во время якобинского террора милосердие было наказуемо.) Но хотя николаевская Россия не может быть приравнена к робеспьеровской Франции, строчка «О брате сожалеть не смеет ныне брат», конечно же, является аллюзией к декабристам.

Та большая роль, которую у раннего Пушкина играла пара «Справедливость (Закон) — политическая свобода народов», у позднего Пушкина передается паре «Милосердие — Индивидуальная свобода личности»:

Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.
(«Из Пиндемонти», 1836 г.)

Заметим, что предвосхищение идеи ценности индивидуальной, отдельной от общества, свободы личности содержится в стихотворении Ломоносова «Кузнечик» (1761 г.):

Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

Интересно, что «Из Пиндемонти» и «Кузнечик» написаны одним и тем же размером: шестистопным ямбом с парной рифмовкой.

Великая русская литература XIX в. следовала, в общем, пути, намеченному Пушкиным, отдавая предпочтение милосердию перед справедливостью. Герцен в «Былом и думах» говорит, что

справедливости мы ждем от околоточного надзирателя, а от друга ждем понимания (что связано с милосердием: как известно, «понять значит простить»). Справедливость и милосердие входят в проблематику романов Толстого и Достоевского — и они на стороне милосердия в отношениях между людьми. Эпиграф «Анны Карениной»: *Мне отмщение, и аз воздам* указывает, что право справедливости, мщения за нарушение Закона (в соответствии с чем действует Каренин) или осуждения Анны должно быть делом не людей, не света, а Господа; а люди должны руководствоваться в своих отношениях милосердием.

В «Преступлении и наказании» Достоевский сталкивает идею Справедливости с Милосердием, разрешая конфликт в пользу христианского милосердия. Сравните разговор, звучащий в унисон «идее» Раскольникова, между эпизодическими персонажами о том, что убить старуху-процентщицу Алену Ивановну было бы справедливо:

— Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

— Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

Но в то же время в русской литературе XIX в. с 60-х гг. развивалось и противоположное направление — «демократическое», «разночинское», возглавляемое Чернышевским. Оно отвергало «милосердие» и ставило во главу угла «разумный эгоизм», являющийся трансформацией идеи Справедливости, понимаемой в революционном духе. Чернышевского (см. его письма к Ольге Сократовне) «не пугают ни грязь, ни кровь, ни мужики с дубьем и топорами» — в отличие от Пушкина, писавшего в «Капитанской дочке»: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!». Недаром топор стал символом русской революционной мысли (см. книгу Джеймса Биллингтона «Икона и топор» [Биллингтон 2001]).

После революции 1917 г., Гражданской войны с насилием, кровью, грязью и революционного террора новой большевистской власти ситуация с милосердием радикально меняется. Милосердие изгоняется, преследуется. Вспомним пушкинское:

В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.

Те, кто пережил террор сталинских лет или холодную ленивую жестокость послеоттепельного периода, воспринимают эти строчки как точное описание этих лет: милосердие наказуемо.

Само слово *милосердие* изгоняется из языка: оно имело подозрительно церковный дух, а церковь преследовалась. В словаре это слово дается, но из употребления выходит. В фильме С. Говорухина «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.) есть такой эпизод: главный персонаж этого фильма и главный борец с послевоенной преступностью Глеб Жеглов (Владимир Высоцкий) беседует со стариком Бомзе (Зиновий Гердт). Старик говорит о том, что бороться с преступностью и наказывать преступников, конечно, необходимо, но в каких-то случаях нужно проявлять и милосердие.

— Милосердие — поповское слово! — резко обрывает старика Жеглов.

Были раньше в России сёстры милосердия, но милосердия больше нет — нет и словосочетания *сестра милосердия*. Вместо него появляется *медицинская сестра*, которая по закону новояза (Orwell's Newspeak) очень быстро становится *медсестрой*, и никто уже не вспоминает, что когда-то эти сёстры должны были быть милосердны. Так что налицо двоякая связь между словом и тем, что оно обозначает: нет милосердия, нет и слова, но верно и обратное: нет слова, нет и милосердия.

Но свято место пусто не бывает. Есть еще в языке слова *добро*, *сострадание*, *гуманизм* и другие — они того же семантического поля, что и *милосердие*, и они пытаются занять его место. Но "thought police" — на страже. Народу объясняют, как надо понимать и употреблять эти слова. Просто «добро» — это, оказывается, «мягкотелость». В ход идет лозунг *Добро должно быть с кулаками!* Гуманизм принимается не любой. Очень опасная и вредная вещь, оказывается, «абстрактный» гуманизм: гуманизм должен быть «социалистический» или «воинствующий». Школьники должны изучать «Разгром» Фадеева и писать сочинения на тему «Гуманизм Левинсона».

Гражданская война, Дальний Восток; Левинсон — командир партизанского отряда, и его «гуманизм» состоит в том, чтобы дать раненому бойцу яд, так как отряд не может тащить раненого с собой. Дать ему яд должен партизан Мечик. Но он не может: рука

не поднимается. Мечик десятки лет проклинался литературными критиками, школьными учителями и вузовскими профессорами. Его имя стало нарицательным: в частности, главного героя «Конармии» Бабеля Кирилла Лютова (а заодно и самого Бабеля!) называли Мечиком... Мечик — предатель, Мечик — гнилой интеллигент.

Ко всем «подозрительным по милосердию» словам «привязывали» прилагательные: гуманизм *абстрактный* (со знаком минус) или *социалистический* (со знаком плюс), интеллигенция — *гнилая*, в отличие от новой, советской. Благотворительность — только *частная*, со знаком минус: «хорошей» благотворительности не бывает. В словаре Ожегова издания 1975 г. дается такое определение: «Благотворительность. В буржуазном обществе: оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости» [СО]. То есть имеется в виду, что благотворительность бывает только в капиталистическом обществе.

Интересно, что прилагательные, соответствующие существительным из семантического поля «милосердия», продолжали существовать в языке без всяких ярлыков. Например, *гуманный* и *добрый* — без потери положительной коннотации. Прилагательное *милосердный* и наречие *милосердно* ушли из языка вместе с *милосердием*, но прилагательное *немилосердный* осталось. И имело тесную семантическую связь с *милосердием*: например, наличие в языке словосочетания *немилосердный поступок* — не очень идиоматичное словосочетание. А как вам — *немилосердное решение суда*? — как бы подразумевается, что бывают и милосердные его решения. Заметим, что уже наречие *немилосердно* воспринималось только в контекстах *солнце жгло немилосердно*, *немилосердно лупил дождь*, и никакие нравственные категории с ними не ассоциировались.

Почему же на «вредные» прилагательные не удалось навесить ярлыки?

Моя гипотеза: дело в том, что в качестве атрибутов к прилагательным должны были бы выступать наречия; а они в роли определений к прилагательным более редки, чем в роли атрибутов для глаголов, и поэтому в качестве постоянных ярлыков для прилагательных не выступают.

Вопрос о судьбе слова *милосердие* затрагивается в рассказе Руфи Зерновой «Суды» в сборнике «Длинные тени» [Зернова 1995]. Руфь Зернова до отъезда в Израиль в 1976 г. была известной

ленинградской писательницей. Ее автобиографический рассказ «Суды» (1987 г.) переносит нас в 1949 г., когда Руфь Александровну Зевину (тогда еще не писательницу Руфь Зернову) и ее мужа И. З. Сермана, уже тогда известного литературоведа-русиста, судили в самый разгар сталинской антисемитской кампании за «распространение антисоветских клеветнических измышлений» по известной статье 58-10.

Я привожу здесь полностью то, что пишет Р. Зернова по поводу последнего слова своего мужа на суде. Это очень длинная цитата, но она необыкновенно ярко иллюстрирует многие положения моей статьи.

> «Он сказал так:
>
> — К себе я прошу снисхождения, а к моей жене — милосердия.
>
> Слово “милосердие” я услышала в первый раз в жизни. Нет, конечно же я его знала. Из книжек, вприглядку. И в детстве оно особенно мне нравилось самыми звуками своими, и милым для слуха чередованием л-р не в последнюю очередь. И няня часто вздыхала: Боже милосердный! И — правда — я еще помню женщин в белых, затейливо устроенных косынках с красным крестиком над лбом, и няня говорила: вот сестра милосердная, а мама потом поправляла: сестра милосердия — но тут я переставала понимать... Всё это были производные. Но слово “милосердие” как существительное в звучащем словесном мире не существовало: его даже не разоблачали, не оплевывали, не компрометировали, не высмеивали, не низводили — его не было. Оно существовало только как беззвучный иероглиф.
>
> Несколько месяцев назад — только несколько месяцев назад! — Даниил Гранин произнес это слово на всю страну — в письменном, в напечатанном виде. И все теперь, от Чопа до военного городка на Курилах, произносят его, и повторяют, может быть, только мысленно повторяют, но всё же... И еще через несколько месяцев поверхность этого слова загрубеет от бесчисленных повторений, а потом задеревенеет, зароговеет и перестанет быть живой и перестанет задевать заживо, как случилось с другими, отрытыми в 56-м году словами: доброта, сострадание... Только сердцевина останется живой для того, кто до нее догрызется.

Чудесное слово, — и откуда только его корни взялись в русском языке? Латинские (каритас, клеменция) — даже издали непохожи, и первое давно уже означает щедрость, второе ближе, ближе к милости, к помилованию — но не корнями. Может, греки?

Как бы ни было, но вслух, вживе, я так с тех пор его и не слышала. И до тех пор тоже. И было оно не только иероглифом, оно стало, наверное, чем-то вроде “табу”, или, может, еще запретнее, святее...».

У И. З. Сермана, конечно же, вся литература XIX в. и весь Пушкин были в кончиках пальцев. И у меня нет сомнения, что, когда он готовился к своему последнему слову, он вспоминал разговор Маши Мироновой с Екатериной Второй, в котором Маша просит не справедливости, а милосердия. И конечно же, просьба Сермана звучит совершенным анахронизмом на этом суде 1949 г. И не только из-за того, что слово *милосердие* выпало из обращения, но и потому, что уже лет 15–20 было понятно, что судимому по политической статье нет смысла просить о чем-либо суд: исход дела предрешен, и никакой логикой, никакими доказательствами изменить ничего нельзя.

Эта ситуация, в общем-то, сохранилась и после смерти Сталина, да и до самой перестройки. Очень точно отражают эту ситуацию слова из песни Юлия Кима «Диссидентский вальс»:

А может быть, надобно просто
Просить уважаемый суд
Дать меньше по сто девяностой,
Чем всем им, конечно, дадут...

Статья 190 — это статья Уголовного кодекса, предусматривающая уголовную ответственность за систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй.

Но ведь судили не только политических. И для «неполитических» надежда на снисхождение суда всегда оставалась. На протяжении многих лет язык искал, как бы видоизменить формулу «просить не о справедливости, а о милосердии» в ситуации, когда слова *милосердие* нет. И вот тут происходит неожиданная подмена.

В обиход входят выражения типа: «Да, по закону так, но давайте судить по справедливости». То есть вместо слова «справедливость» теперь употребляется слово *закон*, а вместо слова *милосердие* — слово *справедливость*.

Итак, мы видим, как на протяжении двух веков границы слов *закон*, *справедливость* и *милосердие* и их семантика и прагматика перетекают друг в друга. Это необычайно интересный лингвистический феномен.

Что касается института суда, то и в советское время в языке еще живет надежда, что суд может быть законным и даже — кто знает? — справедливым. Но интересная судьба в этом смысле у слов *гуманность* и *гуманный*. Русский советский узус 1960–70-х годов показывает, что гуманности от советского суда общество уже не ждет. Более того: назвать советский суд гуманным — это замечательная, очень смешная шутка для большинства населения.

Иллюстрацией может служить советский фильм 1968 года «Кавказская пленница». В ней фигурируют эдакие советские “three stooges” (с кличками Бывалый, Балбес и Трус). В конце фильма они (вполне заслуженно) попадают на скамью подсудимых. В зал входит судья, и Трус (который еще и подхалим) вскакивает и вопит: «Да здравствует наш суд, самый гуманный суд в мире!». Реплика эта неизменно вызывает громовой хохот в кинозале.

Дело в том, что к этому времени ни у так называемого «простого советского человека», ни у интеллигенции, ни у циничных партийных работников, которые говорили одно, но думали-то совсем другое, — никаких иллюзий по поводу гуманности советского суда не оставалось. Все всё прекрасно понимали. Поэтому и упоминаний о гуманности советского суда стыдливо старались избегать.

В 1968 г., когда всех так рассмешила фраза о нашем самом гуманном суде, у многих в памяти еще был суд над Бродским (1964 г.), обстоятельства которого получили широкую известность благодаря записи Фриды Вигдоровой. Неправосудность этого процесса била в глаза каждой строчкой этой записи. Американский ученый С. Кучеров в своей книге The Organs of Soviet Administration of Justice: Their History and Operation [Kucherov 1970] посвящает множество страниц доказательству того, как

неправосуден был этот суд в системе самого советского правосудия. Однако заступавшиеся за Бродского деятели литературы и искусства готовы были игнорировать это и предлагали взять Бродского на поруки, лишь бы его вернули из ссылки.

Такова российская культурная традиция: просить у властей не справедливости, а милосердия.

Даниил Гранин в своей статье «О милосердии» [Гранин 1987], которую упоминает Р. Зернова, сетует, что исчезло из русского языка слово *милосердие*, а вместе с ним исчезло и само милосердие, и призывает соотечественников развивать в себе «способность откликаться на чужую боль». С его легкой руки этим словом запестрели страницы печати, и послышалось оно и по радио, и с экранов телевизоров. Появилось множество газет, в названия которых входило это слово, типа «Возрождение милосердия». А стало ли больше самого милосердия в жизни?

Если нет слова *милосердие*, то нет и самого милосердия. Но недостаточно просто вернуть слово, чтобы вернулось то, что оно призвано обозначать.

В заключение я хочу от всей души поблагодарить Леонида Петровича Крысина, который привлек меня к участию в этом сборнике, дал мне множество ценных советов и напомнил мне об эпизоде из фильма «Место встречи изменить нельзя», который так хорошо иллюстрирует основную мысль этой статьи.

Литература

Биллингтон Дж. Икона и топор. М., 2001.

Гранин Д. О милосердии // Литературная газета, 18.03.1987.

Зернова Р. Длинные тени. Иерусалим, 1995. С. 93–94.

СО — *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1975.

Kucherov S. The Organs of Soviet Administration of Justice: Their History and Operation. By Samuel Kucherov. Leiden: E. J. Brill, 1970.

Р. И. Розина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
rarozina@yandex.ru

СУДЬБА СЛОВ ЛАГЕРНОГО ЖАРГОНА ИЗ ПОВЕСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»

В статье поставлена задача проследить закономерности семантического и стилистического развития лексики тюремно-лагерного жаргона на материале слов, использованных А. И. Солженицыным в его повести «Один день Ивана Денисовича». Первая часть статьи продолжает тему, начатую Т. Г. Винокур, выступившей на защиту Солженицына после выхода его повести в 1961 году. Автор анализирует список жаргонных слов, встречающихся в повести (всего 38), и показывает, что многие из них употреблялись в печатных текстах и до Солженицына, однако отличительная особенность повести, вызвавшая, по всей видимости, возмущение читателей, заключается в бóльшем, чем у авторов предшествующих «Одному дню Ивана Денисовича» произведений, посвященных тюремно-лагерной тематике, количестве этих слов в тексте и их высокой частотности. Во второй части статьи рассматриваются факторы и закономерности изменения значения и коннотаций жаргонных слов. Автор доказывает, что слова, обозначающие специфические лагерные реалии (*зэк, зэчка*, *кондей* ‘карцер’, *вертухай* ‘надзиратель’ и др.) продолжают употребляться в произведениях, посвященных той же тематике, оставаясь неизменными. Слова, обозначающие реалии, аналоги которым есть за пределами лагеря, начинают употребляться вне лагерной тематики и приобретают новые, более широкие значения (*шмон* ‘обыск вообще’, *пайка* ‘любой из равных кусков хлеба, на которые делится буханка’). Следующий этап развития жаргонной лексики рассматривается на примере слова *параша*. Это слово начинает использоваться в речи представителей самых различных социальных групп, теряет свои тюремно-лагерные коннотации и приобретает новое, оценочное значение, тем самым выходя за рамки жаргона и приближаясь к общему сленгу.

Ключевые слова: тюремно-лагерный жаргон, сленг, лексическое значение, оценка, А. И. Солженицын, Т. Г. Винокур, «Один день Ивана Денисовича», социолингвистика, лексическая семантика

Когда в 1961 г. в журнале «Новый мир» была опубликована повесть А. И. Солженицына, на редакцию обрушился град писем [Козлов 2011; Огрызко 2018]. «В большинстве своем, читатели приветствовали появление повести (422 из 532 писем), но многие отзывались о ней в основном отрицательно (100 писем, или 18,8 % от общего их числа). Небольшое число откликов (10) были нейтральны, или недостаточно четко заявляли авторскую позицию» (Козлов 2011: 179]. При этом не только в отрицательных, но даже в положительных отзывах читателей о повести содержалась критика языка, которым она была написана. У читателей, особенно у пожилых, среди которых были и люди, прошедшие сталинские лагеря, использование автором жаргонных слов и оборотов вызывало протест [Там же: 180–181].

На защиту Солженицына выступила Татьяна Григорьевна Винокур. В своей статье [Винокур 1965] она писала, что основной фон повести составляет лексика русского литературного языка, а жаргонных слов в тексте повести немного — всего около 40, и что было бы странно, если бы Солженицын называл лагерные реалии словами литературного языка — например, вместо слова *параша* писал бы *туалетная бочка,* или подыскивал бы для жаргонных слов литературные синонимы — например, слово *шмон* заменял бы словом *обыск*.

Вот список слов, использованных А. И. Солженицыным в повести «Один день Ивана Денисовича»: *баланда, бур, вертухай, горбить, деревянный бушлат, гарантийка, доходяга, залупаться, зэк, ишачить, кондей, косануть, косить (закосить), кум, начкар, обогревалка, отпятить, падло, пайка, параша, парашный, понт, попка, придурок, сидка, стукач, стучать, толкануть, урка, ЧТЗ, шакал, шакалить, шалман, шестерка, шестерить, шмон, шмонять* — всего 38.

Все эти слова издавна существовали в устной речи, и, если кому-то их значения были незнакомы, их легко можно было установить из контекста.

К сказанному нужно добавить, что в целом ряде случаев Солженицын не был первым, перенесшим слова из устной речи заключенных на страницы печатного произведения.

Задолго до Солженицына в печати появилось слово *баланда* ‘тюремная похлёбка’, ср.:

> *Много лет довелось мне прожить в мире отверженных, и прожить не в качестве постороннего наблюдателя, а непосредственно участвуя во всех мелочах их жизни, лежа рядом на тех же нарах, питаясь той же омерзительной* ***баландой****, работая ту же работу, деля отчасти и умственные и нравственные интересы* (П. Ф. Якубович. В мире отверженных. Том 1 // «Русское богатство», 1896).

Жаргонное слово *пайка*, отличающееся от литературного *паёк* родом и ударением, в 1903 г. появилось в книге Подъячева «Мытарства»:

> *Нас нигде не кормили. — Так вы давно бы сказали! — воскликнул он. — Чудак вы... У меня хлеб есть... Хотите? Целая* ***пайка****... Я в карты ее выиграл... Вот! — Он достал из-под изголовья большой квадратный кусок черного хлеба и подал мне. — Нате вам и кружку, — добавил он, доставая ее оттуда же* (С. П. Подъячев. Мытарства).

А о фраземе *деревянный бушлат* ‘гроб’, критикуя английского переводчика «Одного дня Ивана Денисовича», заменившего все жаргонные слова их литературными эквивалентами, К. И. Чуковский писал:

> *Особенно мне жаль «****деревянного бушлата****». В народе с незапамятных времен так называется гроб. «Деревянная шуба», «деревянный тулуп» — обычная метафора в речи крестьян. Казалось бы, трудно ли перевести:*
>
> *«Не подпишешь —* ***бушлат деревянный****».*
>
> *Но переводчик и здесь оказался верен своей установке: долой образную народную речь! — и заменил ее пресной банальщиной: «Если бы он не подписал (признания в своей мнимой вине), его расстреляли бы»* [Чуковский 2001].

До Солженицына эту фразему использовал в повести «Трамонтана» (1959 год издания) П. Сажин:

*— А от моря, — говорит, — никуда не денешься... Нет. Это уже навсегда, такой закон жизни!.. Служить, — говорит, — нам морю до «**деревянного бушлата**». Каждый, — говорит, — настоящий моряк к морю якорь-цепью намертво пристёбан.*

Еще одно жаргонное слово *попка* ‘часовой’ впервые появилось в печати с объяснением его происхождения в 1935 г. в книге В. Чернавина «Записки вредителя»:

*Он [часовой] должен следить за гуляющими и всеми выходящими во двор окнами камер, которые были больше чем наполовину закрыты подвешенными снаружи железными ящиками. В царское время этих ящиков не было, в камерах было гораздо светлее, и заключенные могли видеть двор. Теперь заглянуть в окно можно, только взобравшись на стол; в таком случае часовой должен стрелять. Гуляющих, если они нарушают порядок, он предупреждает свистком, почему и получил имя «**попка**».*

В том же году это слово было использовано в книге И. Л. Солоневича «Россия в концлагере»:

*Снова очередь у какого-то огромного сарая, изнутри освещенного электричеством. У дверей — «**попка**» с винтовкой. Мы отбиваемся от толпы, подходим к **попке**, и я говорю авторитетным тоном: — Товарищ — вот этих двух пропустите... И сам ухожу. **Попка** пропускает Юру и Бориса* (И. Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)).

До выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича» в печатном тексте появилось и слово *доходяга*, — правда, не о человеке, а о лошади:

*Степанов спутал одного из резвых наших коней, оставив другого, менее бойкого, если только этот термин подходит к нашим тощим неповоротливым конягам-**доходягам**, не спутанным* (Б. И. Вронский. Дневник (1948)).

Слово *шакалить* ‘искать еду’ или ‘выпрашивать’ на лагерном жаргоне использовалось в значении ‘искать’ задолго до повести Солженицына:

> *В болоте* ***шакалили, шакалили*** *разыскивали какие-то три камышицы, под которыми находилось гнездо, но ничего не нашли. Оттуда направились на колонию береговых ласточек, находившуюся неподалеку. Там рылся какой-то пацан. Мы его прогнали, и сами начали* ***шакалить*** *в норах. Балдын в одной норке нашел 1 яйцо и отдал его Коське* (Н. Н. Козаков. Дневник (1948)).

Некоторые слова, вызвавшие возмущение читателей «Одного дня», могли бы появиться в печати до выхода повести, если бы содержащие их рукописи были бы опубликованы раньше. Так, слово *доходяга* по отношению к близкому к смерти лагернику использовал Анатолий Жигулин в рукописи, создававшейся в период с 1954 г., но изданной только в 1998-м:

> ***Доходяги*** *возле кухни просят добавки. Повар говорит: — Прокурор добавит!.. Проваливайте!* (А. Жигулин. Обломки «Черных камней» (1954–1972) // «Дружба народов», 1998).

В романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» встречаются такие слова, как *ишачить*, *доходяга*, *падло* и фразема *травить баланду* ‘вести пустые разговоры’, но как известно, в конце 1960 г. роман был признан антисоветским, рукопись романа и все машинописные экземпляры были изъяты, и единственный чудом уцелевший экземпляр был издан только в 1988 г.

Не так уж много слов тюремно-лагерного жаргона Солженицын использовал в печатном тексте первым. В числе этих слов аббревиатура *БУР* ‘барак усиленного режима’:

> *Они по утрам-то не любят в карцер брать: человеко-выход теряется. День пусть спину погнет, а вечером его в* ***БУР****. Тут же и* ***БУР*** *по левую руку от линейки: каменный, в два крыла. Второе крыло этой осенью достроили — в одном помещаться не стали. На восемнадцать камер тюрьма, да одиночки из камер нагорожены.*

*Сами клали **БУР**, знает 104-я: стены там каменные, пол цементный, окошка нет никакого, печку топят — только чтоб лед со стенки стаял и на полу лужей стоял. Спать — на досках голых, если зубы не растрясешь, хлеба в день — триста грамм, а баланда — только на третий, шестой и девятый дни. Десять суток! Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, — это значит на всю жизнь здоровья лишиться.*

кондей ‘карцер’:

*С выводом на работу — это еще полкарцера, и горячее дадут, и задумываться некогда. Полный карцер — это когда без вывода. — По подъему не встал? Пошли в комендатуру, — пояснил Татарин лениво, потому что и ему, и Шухову, и всем было понятно, за что **кондей**.*

Еще одно слово, введенное в печатный текст Солженицыным, — *вертухай*:

*На бумаге в лагере меньше пишут, а больше — на фанере. Оно как-то тверже, вернее — на доске. На ней и **вертухаи** и нарядчики счет головам ведут. А назавтра соскоблил — и снова пиши. Экономия.*

По-видимому, возмущение читателей было связано не столько с появлением в печатном тексте слов лагерного жаргона и даже не с количеством этих слов, а с их высокой концентрацией в тексте: отдельные слова употреблялись по много раз. Например, слово *БУР* в «Одном дне Ивана Денисовича» встречается 8 раз, слово *пайка* — 24, *зэк* — 79.

Возникает вопрос, что произошло с «вытащенными» Солженицыным на страницы печатного текста словами впоследствии: вышли ли они за пределы его повести, — если да, то ограничилось ли их использование тюремно-лагерной тематикой, или же подобно заключенным — их носителям, попав на волю, за стены лагеря, они изменялись, приспосабливаясь к новой жизни.

Без сомнения, важная роль Солженицына заключалась в том, что он проложил дорогу использованию слов тюремно-лагерного жаргона в печатных текстах: после публикации «Одного дня

Ивана Денисовича» они начинают употребляться гораздо свободнее и появляются в автобиографических произведениях Е. М. Мелетинского, Т. Окуневской, В. Шаламова и в художественной прозе С. Довлатова, А. Иванова, А. Азольского, А. Моторова и других авторов, а кроме того, на страницах газет. Но судьба этих слов складывается по-разному.

Удалось обнаружить три стадии изменений, которые прошли эти слова:

1. Выход за пределы повести Солженицына в другие тексты, посвященные лагерной тематике

Слова, обозначающие реалии, которые не встречаются нигде, кроме лагеря (*БУР*, *вертухай, зэчка, кум, начкар* ‘начальник караула’, *попка*), сохраняют свои значения и используются только в текстах, ограничивающихся лагерной тематикой, ср.:

— Знаешь, что такое Азалемма? — развеселился Кузин. — Самый большой лагерный поселок в Эстонии. ИТК, пересылка, ***БУР****... Ну, давай! Он поднял стакан. — За тебя! За твоего сына!* (С. Довлатов. Компромисс (1981–1984));

— Я не позволю нарушать режим вверенного мне исправительно-трудового учреждения! — выкрикивает майор. Вой и плач в толпе усиливаются. Женщины подступают к самому крыльцу. ***Зэчек*** *окружает конвой с автоматами и собаками. Звучит команда* ***начкара****: — На колени!* (А. Купер. Истопник // «Дальний Восток», 2019).

2. Расширение сферы употребления и генерализация значений слов тюремно-лагерного жаргона

Слова, обозначающие реалии или действия, не так жестко привязанные к лагерю, то есть такие, у которых есть аналоги «на воле», начинают расширять круг своих денотатов, причем их значения становятся более широкими. Яркий пример такого изменения значения — слово *шмон*. Татьяна Григорьевна Винокур писала в своей статье [Винокур 1965], что было бы нелепо, если бы вместо слова *шмон* Солженицын использовал слово *обыск*, потому что лагерный *шмон* отличается от обыска:

«Между “шмоном” и «обыском» — пропасть неизмеримо большая, чем обычное стилистическое различие. Шмон — это не

просто обыск, малоприятная, но имеющая всё же какие-то логические основания процедура. Шмон — это узаконенное издевательство, мучительное и нравственно, и физически:

> “Поздней осенью, уж земля стуженая, им все кричали:
> — Снять ботинки, мехзавод! Взять ботинки в руки!
> Так босиком и шмоняли. А и теперь, мороз, не мороз, ткнут по выбору:
> — А ну-ка, сними правый валенок! А ты — левый сними! Снимет валенок зэк и должен, на одной ноге пока прыгая, тот валенок опрокинуть и портянкой потрясти...”».

Тем не менее, через некоторое время после выхода повести Солженицына происходит обратное: вместо слова *обыск* в контекстах, не имеющих отношения к лагерю, начинает использоваться слово *шмон*:

> *Тур был тяжелым, постоянные перелеты из города в город. В каждом американском аэропорту меня и всю мою команду как иностранцев подвергали многочисленным проверкам. Мне показалось, что американцы до сих пор потрясены терактами, но ведут себя довольно наивно. Везде в аэропортах протянуты трогательные ленточки, под которые пролезали все, кто угодно (включая нас, уставших от постоянных «**шмонов**»)* (А. Романова. А. Буйнов. Наши бомжи круче бомжей Сан-Франциско // «Вечерняя Москва», 10.01.2002).

Причина замены — бóльшая экспрессивность слова *шмон*: оно выражает отсутствующую в нейтральном слове *обыск* отрицательную оценку говорящим происходящего и презрение к нему:

> Аникеева: *Я ей не верю! Придётся всё-таки её обыскать//*
> Профессор Смирновский: *Лидия Владимировна/ вы что/ в своём уме?*
> Малаева: *Ничего/ Павел Константиныч/ успокойтесь/ пускай тут устраивают этот... **шмон!***
> Сидорин: *Какой кошмар!*
> Аникеева: *Как?*
> Малаева: ***Шмон!*** (К/ф «Гараж», 1979).

Еще одна причина использования в повседневной жизни слов тюремно-лагерного жаргона вместо официально принятых терминов — выражение оппозиции к власти:

> *Мы употребляли слова «**шмон**», «**шухер**», «**хипеш**» с подчеркнутым отстранением, в шутку, чтобы играть с многоцветной палитрой оттенков, чтобы забавляться языковыми регистрами, несвойственными официальной культуре. Так мы противопоставляли свой идиолект языку газеты «Правда»* (Е. Костюкович, Е. Калашникова. Музыкальное чувство памяти // «Русский репортер», 2013).

Менее яркий, но показательный пример — слово *гарантийка*. На лагерном жаргоне *гарантийка* — гарантированный минимум питания, одежды и т. п., которые получал заключенный.

> *— Не-ет, братцы... здесь поспокойнéй, пожалуй, — прошепелявил он. — Тут съём — закон. Выполнил, не выполнил — катись в зону. И **гарантийка** тут на сто грамм выше* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Через несколько лет после выхода повести слово *гарантийка* употребляется в более широком значении — минимальная гарантированная зарплата и минимальный гарантированный набор продуктов:

> *— И опять же, — Васька добавил, — вот нам за сегодняшний день одна **гарантийка** идет: рыбы стране ж не даем, бичуем, а позавчера еще — давали. Что же мы, позавчера и стоили больше?* (Г. Владимов. Три минуты молчания (1969)).
>
> *Мухи растворялись в солнечном свету и появлялись вновь. — Обед через час к нам дойдет, — сказал Миша. — Надо лук почистить. Весь ларек кончился, теперь до Илюшиной передачи будем на **гарантийке** сидеть. Только лук и остался* (О. Радзинский. На шашлыки (1985)).

Размыванию жаргонного характера этого слова способствует то, что наряду с ним в повседневной речи существуют два омонима:

гарантийка ‘гарантийное письмо’ и *гарантийка* ‘гарантийная мастерская’:

*В результате долгого общения при внесении аванса и чтения с подписанием бумаг у покупателя, помимо гарантийного обязательства, должна остаться на руках бумага, в которой отражен ФАКТ ПЕРЕДАЧИ ДЕНЕГ. Подобные выверты с «**гарантийками**» делаются фирмами, надо признать, не от хорошей жизни* (https://re77.ru/poleznoe/istorii-iz-praktiki/119-pishite-pisma-garantijnye);

*А знакомство вышло неожиданным: у золотистого редакционного «Матиза» как раз перед Новым годом кончился ближний свет фар — пришлось заехать на «**гарантийку**»* («За рулем», 15.02.2004).

Слово *пайка* на лагерном жаргоне — кусок хлеба определенного веса:

*Сегодня Шухов сэкономил: в барак не зашедши, **пайки** не получил и теперь ел без хлеба. Хлеб — его потом отдельно нажать можно, еще сытей.*

Точно этот вес указал Ю. Домбровский: *Лагерь как лагерь <...> Рабочая **пайка** — семьсот грамм, инвалидная — пятьсот, штрафная — триста* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)).

Но в романе Ф. Абрамова «Две зимы и три лета» (1968) слово *пайка* употребляется уже не в «лагерном» значении: *пайка* — это уже просто один из равных кусков хлеба, на которые отец режет половину буханки детям:

*Легко, с истинным наслаждением развалил он буханку пополам — век бы только и делал это, — затем одну из половин разрезал на четыре равные **пайки**. Танюшке — **пайка**, Петьке — **пайка**, Гришке — **пайка**. Федьке...*

Дальше в книге идет речь о другой *пайке* весом в 600 грамм, которая обещана колхозникам за авральную работу на лесосплаве:

— Грамм пятьсот на нос подкинь. Нет, шестьсот, — поправился Подрезов.

— С хлебом не выйдет, Евдоким Поликарпович...

— Я, по-моему, ясно сказал. Шестьсот грамм на человека. — Подрезов встал. — Растяпа! Тебя люди выручают, а ты еще торгуешься... <...>

Людей ждать не пришлось. ***Пайка*** *хлеба подняла на ноги всю деревню. Даже учителя прибежали. Даже Петр Житов на своем скрипучем протезе прихромал. И Анфиса подумала: «Ах, если бы такая приманка была и на севе». Но, конечно, она понимала: не в одной* ***пайке*** *дело.*

3. Появление новых значений

По данным Национального корпуса русского языка слово *параша* впервые употребляется в значении ‘емкость для испражнений, стоящая в тюремной камере’, в 1871 г.:

В особенности нестерпима казарменная духота и сильно зловоние, когда арестанты, в ненастную погоду, приходят все мокрые. Ночью, когда ставят ***парашу****, т. е. ночную кадку, казарменная атмосфера перестает иметь себе подобие. По словам очевидца: «Смрад от этой* ***параши*** *нестерпимый!»* (С. В. Максимов. Сибирь и каторга (1871)).

В XX в. у слова *параша* появляется новое значение ‘слух’, которое впервые получает письменную фиксацию в воспоминаниях Н. И. Гаген-Торн:

*Следующим летом вдруг стали приводить лагерь к благолепию: отскребли и вымыли бараки, вышпарили клопов; в амбулатории, полустационаре и больнице повесили марлевые занавески. В КВЧ сделали новый занавес для сцены из старых одеял, раскрашенных художницами. Бригаду садоводов заставили усиленно сажать и поливать цветы. По лагерю поползли «****параши****» — вместо зеков здесь поселят военные части...* (Н. И. Гаген-Торн. Memoria (1936–1979)).

Можно только строить догадки о том, каким образом возникло это значение. В каждой камере был заключенный — обычно из числа самых презираемых, возможно «опущенный», который утром выносил и выливал парашу. Именно в этот момент заключенные из разных камер могли встретиться и обменяться какой-либо информацией, после чего она распространялась по тюрьме.

С середины XX в., когда в тюрьмы по политическим обвинениям постоянно попадают диссиденты — интеллигентные люди, носители русского литературного языка, слово *параша* в значении ‘слух’ используется всё чаще и чаще, а его первое, основное значение, уходит на задний план. В двух значениях (‘ёмкость для испражнений’ и ‘слух’), связывая их друг с другом, это слово использует Варлам Шаламов, писатель и поэт:

И еще — Федоров еще никуда не отправлен, он здесь, еще вчера рядом с тобой, еще вчера он нацарапал эту кровоточащую свежей кровью надпись. Может быть, он пришлет и записку. А может быть, стоит попытаться передать записку и ему. Значит, судят и судят, все ***параши****, все слухи вонючи так же, как тюремная «****параша****»* (В. Шаламов. Моя жизнь — несколько моих жизней (1964))

В значении ‘слух’ часто употребляет в своих письмах из тюрьмы это слово Юлий Даниэль — писатель, поэт, переводчик:

*У нас здесь полно всяких «****параш****». Они обычно зацветают весной и созревают к августу. Как правило, они тоже оптимистические. Но и мрачных предсказаний хватает <...> Спокойной ночи. В последнее время расцвели — не по сезону — «****параши****». Что ж, тем лучше. Мне «****параши****» нравятся, независимо от их правдоподобия: легче фантазировать на заданную тему. Сейчас погасят свет, и я буду мечтать, пока не засну. <...> Я слушаю «****параши****» с удовольствием — с профессиональным: очень интересно, как рождаются легенды с грифом «абсолютно достоверно»* (Ю. Даниэль. Письма из заключения (1966–1970)).

В своих мемуарах о заключении после выхода из окружения во время Великой Отечественной войны литературовед Е. М. Мелетинский использует слово *параша* 6 раз, причем в 4 из них в значении ‘слух’:

Я сидел там, ошарашенный, в ожидании конвоира. Кроме этой красотки, мне в Бутырке приходилось видеть еще только одну женщину — библиотекаршу, которая принимала заказы на книги и разносила их. Про эту девушку в военной форме ходил упорный слух, что она дочь Фани Каплан, якобы

*прощенной в последний момент Лениным. Это одна из популярных тюремных «**параш**», наряду со слухами о том, что Ягода готовил восстание лагерей или что Ежов до сих пор жив и где-то работает* (Е. М. Мелетинский. Моя тюрьма (1971–1975)).

На следующем этапе своего существования слово *параша* в значении ‘слух’ начинает употребляться вне тюремного контекста, приобретая более широкое значение: это уже не тюремный слух, а любой. Пример — дневники жены скульптора Вадима Сидура, Юлии Нельской-Сидур:

*...будто бы разослан по издательствам список нехороших художников, где Дима уже первый. Всё это негласно. Может быть, это и **параша**, придуманная Медведевым. <...> Французы пустили мелкую **парашу** по радио, что будто бы господин Брежнев собирается выкинуть кого-то из Политбюро, потому что якобы коллегиальное руководство никого больше не устраивает* (Ю. Л. Нельская-Сидур. Дневники 1968–1973).

В таком же значении ‘слух вообще’ слово *параша* использует героиня романа В. Аксёнова:

*— Знаешь... — Тут Анис убежала в ванную, вернулась оттуда с полотенцем между ног и продолжила фразу: — Знаешь, я, конечно, не верила, но про перебежчиков в Москве всегда распускают такую **парашу**, ну и пошли все болтать, что ты погиб за рулем* (В. Аксёнов. Новый сладостный стиль (1997)).

И наконец, у слова *параша* появляется новое, чисто оценочное значение ‘что-либо очень плохого качества’:

*И лук недотушен. А колбаса, в сущности, откровенная **параша*** (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Сентиментальная прогулка (1997));

*Это, наверное, комбинат художественного творчества, где всякой **параши** было наделано на полвека вперед, а теперь она тут спокойненько загнивает* (В. Курицын. Вучетич (1998));

*Разве лозунг: «Америка — **параша**, победа будет наша!», не общий для «лимоновцев» и «наших»?* (РИА Новости, 15.05.2007).

Вначале *параша* выражает негативную оценку физического объекта, но затем оценка начинает высказываться по отношению к объектам другой природы — к произведениям искусства: к текстам и к фильмам:

> *Так вот что он имел в виду в своем замечательном «Эдичке», пафосно величая себя поэтом — 416 страниц форменной* ***параши****, хотя бы с литературной точки зрения* («Хулиган», 15.07.2004); *Давайте книжки иностранных авторов запретим/ будем читать российскую* ***парашу****/ фантастику//* (Разговор двух студенток о кино, 2019); *Кое-кто спросит: почему даже получив голливудский бюджет, наши кинематографисты снимают убогую* ***парашу****?* (Живой журнал, 2013).

Именно в оценочных значениях слово *параша* широко употребляется в блогах, что еще больше способствует его распространению в повседневной жизни и потере им тюремно-лагерных коннотаций. Употребление жаргонного слова носителями языка разного возраста, представителями самых разных социальных групп делает возможным его переход из жаргона в общий сленг. Если эти слова не становятся общим сленгом, то во всяком случае, они очень близки к тому, чтобы им стать:

> *Алкоголь* ***параша****. Смысла в потреблении пойла не вижу* (2010); *А мне просто говорили, что если я показывать не хочу, то я никакая не художница, и вообще рисунки мои* ***параша*** (2022).

Итак, слова лагерного жаргона, использованные А. И. Солженицыным в повести «Один день Ивана Денисовича», после ее выхода в свет прошли в своем развитии три стадии:

1) выход за пределы одного текста — использование в других произведениях, посвященных тюремно-лагерной тематике;
2) расширение сферы употребления — использование в текстах, не связанных с тюремно-лагерной тематикой, и, как следствие, появление нового, более широкого денотативного значения;
3) потеря тюремно-лагерных коннотаций и появление нового оценочного значения, близкого к сленговому.

Результаты исследования судьбы слов тюремно-лагерного жаргона из текста одного автора, представленные в этой статье, открывают перспективу исследования общих закономерностей развития жаргонной лексики.

Литература

Винокур Т. Г. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы культуры речи. Вып. 6. М., 1965. С. 16–32 (http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=200802305 Дата обращения 25.10.2024).

Козлов Д. Отзывы советских читателей на повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»: свидетельства из архива «Нового мира» (часть I) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 178–200.

Огрызко В. В. Что таят архивы о Солженицыне. Где искать неизвестные документы // Литературная Россия, 13.04.2018.

Чуковский К. И. Высокое искусство // К. Чуковский. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 3. М., ТЕРРА–Книжный клуб, 2001.

М. В. Сандакова
ННГУ им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)
sandamarina@yandex.ru

СИНКРЕТИЗМ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

В статье рассматривается семантический синкретизм имен существительных в текстах русской художественной прозы авторов XX–XXI вв. (В. Аксенова, Е. Водолазкина, Ф. Искандера, В. Маканина, Б. Окуджавы, З. Прилепина, А. Рубанова, М. Симоньян, М. Степновой и др.).

Описаны примеры сочетания в одном словоупотреблении значений разных типов: 1) прямое значение + метонимия; 2) метонимия + метонимия; 3) метонимия + метафора; 4) метафора + метафора; 5) прямое значение + метафора. Особое внимание уделяется синкретизму исходного и метонимического значений. Показано, что возможность их одновременной реализации задается однотипными контекстными условиями: глагольный предикат обычно соотносится с прямым значением; атрибут, в зависимости от семантики, может коррелировать как с исходным, так и с вторичным значением. Выявлены регулярные модели метонимического переноса существительных отдельных тематических групп, для которых показательно совмещение значений: ‘место’ — ‘люди, которые находятся в этом месте’; ‘одежда (деталь одежды)’ — ‘человек, который носит эту одежду’ и др.

Семантический синкретизм многозначного слова в художественном тексте создает эффект смысловой многоплановости и выразительности.

Ключевые слова: семантический синкретизм, имя существительное, прямое значение, метонимия, метафора

Под семантическим синкретизмом многозначного слова обычно понимается выражение им более чем одного значения в одном речевом употреблении.

Данное явление в научной литературе называют по-разному: *диффузность значений многозначного слова* [Шмелев 2006]; *синкретичное выражение разных значений многозначного слова* [Апресян 1995]; *некаламбурное совмещение значений* (и его типы: *«склеивание», «сплав», «мерцание» («осцилляция»)* и др.) [Зализняк 2006]; *«содержательная» синкретсемия* [Пименова 2011]; *синкретизм* и *неоднозначность* [Алексанова 2015], *синкретизм значений* [Ерёмин, Петрова 2018]; *полифония слова* [Мухортов 2014] и др.

В работах о языке художественной литературы употребляются такие терминологические обозначения, как *семантическая многоплановость слова* [Новиков 2001], *семантическая осложненность слова* [Поцепня 1997], *эффект наложения смыслов в многозначном слове* [Иванова-Лукьянова 2003], *совмещение значений* [Петрова 2016] и др.

В ряде исследований различается каламбурное и некаламбурное совмещение значений [Апресян 1995: 176–187; Зализняк 2006: 27–35]. В других работах авторы высказывают мысль, что «...скорее можно говорить об определенной градации поэтических контекстов в плане каламбурного / некаламбурного совмещения значений, чем о четком их разграничении в этом отношении» [Петрова 2016: 608].

Синкретизм значений представляет собой явление, естественное для семантики многозначного слова и его функционирования в разных типах речи. Между значениями полисеманта, которые дискретно подаются в словаре, не всегда возможно провести четкие границы в контексте. Как было показано Д. Н. Шмелевым, «принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику» [Шмелев 2006: 95].

Изучение феномена семантического синкретизма поставило перед учеными такие проблемы, как, с одной стороны, лексикографическое представление полисеманта, с другой — квалификация значения слова в контексте, см. [Апресян 1995: 176–187].

Художественный текст — особая сфера употребления слова. По утверждению Г. О. Винокура, «можно говорить о поэтическом языке как об известной обособленной области языкового употребления, характеризующейся возможным присутствием в ней таких

форм, слов, оборотов речи, которые в других областях употребления не встречаются» [Винокур 2009: 51]. Присущая художественному тексту образность и эстетическая направленность расширяют возможности словоупотребления, увеличивает семантический потенциал слова. В. В. Виноградов писал: «Его [слова] смысловая структура расширяется и обогащается теми художественно-изобразительными “приращениями” смысла, которые развиваются в системе целого эстетического объекта» [Виноградов 1981: 114].

Л. А. Новиков подчеркивал, что одним и ярких проявлений поэтической функции языка является «семантическая многоплановость слова, “игра” его прямых и образно-переносных значений как признак подвижности его семантики, потенциальной готовности к новым неожиданным осмыслениям...» [Новиков 2001: 500].

Смысловая усложненность и «приращения» смысла, «колеблющиеся» значения и семантические сдвиги, присущие слову в художественном тексте, находят одно из своих воплощений в явлении семантического синкретизма, интерпретация которого представляет интерес для исследования.

Объектом описания в этой статье является семантический синкретизм имен существительных в текстах русской художественной прозы XX–XXI вв.

Совмещение метонимии с другими значениями

При метонимическом переносе связь между исходным и вторичным значением, как правило, вполне очевидна и имеет регулярную основу. Значения четко отделимы одно от другого, и в то же время в совокупности рисуют целостный образ предмета или ситуации.

Синкретизм исходного и метонимического значений обусловлен тем, что лежащее в основе метонимии «смещении фокуса внимания» [Падучева 2004: 160] происходит непосредственно в тексте, имеет динамический характер. Внимание последовательно переключается с одного объекта (элемента, участника ситуации) на другой, колеблясь между ними.

Сравним два примера:

Стаканы *пенились и шипели беспрестанно* (А. С. Пушкин. Выстрел) (пример взят из работы [Падучева 2004]).

Я три ***тарелки*** *съел* (И. А. Крылов. Демьянова уха).

В первом контексте наблюдается синкретизм исходного и метонимического значений: в описываемой ситуации в фокус внимания попадают и емкости, и наполняющий их напиток. В контекст можно ввести определение, актуализирующее связь с прямым значением, к примеру: *Хрустальные стаканы пенились...*

Во втором контексте существительное выражает метонимическое значение ‘содержимое тарелки’ (уха) без совмещения с исходным. Подстановке определения здесь препятствует семантика предиката, ср.: **Я три фарфоровых тарелки съел.*

Рассмотрим совмещение прямого и метонимического значения на материале текстов современной художественной прозы. В этом плане показательны отдельные метонимические модели.

В модели переноса ‘содержащее’ → ‘содержимое’ можно выделить тематическую группу имен с локативной семантикой, совмещающих значения ‘место’ и ‘люди, которые находятся в этом месте’. Это слова *город, село, деревня, дом, зал, двор и др.* В контекстах с синкретизмом атрибут (выраженный прилагательным или причастием), в зависимости от семантики, маркирует либо прямое, либо метонимическое значение.

Приведем примеры.

*Свечину доводилось слышать его то там, то здесь в **добротных** и **щедрых** московских **домах**...* (Б. Окуджава. Свидание с Бонапартом). Определение *добротные* относится к жилищам, *щедрые* — к их хозяевам.

*Отец был не прочь, чтобы камуфляж произвел впечатление на наш родной, на наш **маленький**, но **самолюбивый городишко*** (В. Маканин. Асан). Определение *маленький* характеризует населенный пункт, *самолюбивый* — его население.

Прилагательные в предикатной позиции также могут распределяться по обоим значениям: *Мы уже разговаривали с ним запросто; он цепко, скорым взглядом оглядывал **зал**, который был далеко **не полон**, **полупуст**, **рассеян**, и моего собеседника едва ли кто признавал в лицо* (З. Прилепин. Герой рок-н-ролла).

Глагольный предикат, образующий единое синтагматическое целое с локативом, по смыслу обычно относится к прямому значению:

*Ровно в пять часов я запер дверь нашего отдела, **сел в потный**, **битком набитый автобус** и поехал на пляж.*

(Ф. Искандер. Созвездие Козлотура). Здесь сочетаются смыслы: *сел в битком набитый автобус* (о транспортном средстве) и *потный автобус* (о пассажирах).

Ср. аналогичное: *Три неподвижных минуты Мотог и Рузанка* ***стояли посреди ошеломленного ресторана****, глядя друг другу в глаза, как летчики, идущие на таран* (М. Симоньян. Вакцинация); ***Крикливые низкие дворики лепились*** *к булыжникам трамвайных путей от рынка почти до самого городского вокзала* (М. Симоньян. Крысы).

Таковы же контекстные условия употребления собственных имён:

Но как ***хотелось в Тифлис****! В* ***душный****,* ***крикливый****,* ***празднолюбивый****,* ***томный****,* ***не изменяющий*** *себе,* ***пристраивающийся*** *как-то* ***к*** *новым* ***лозунгам****, но* ***насмешливый****, но* ***вспыльчивый****, легко* ***возбудимый*** *и* ***отходчивый****, как Степан...* (Б. Окуджава. Упраздненный театр).

Реализация метонимической модели ‘место’ → ‘люди, которые находятся в этом месте’ в художественном тексте возможна и для тех существительных, которые обычно не употребительны в значении лица. Например, *стол, полка*:

Впрочем, иногда Линдт все-таки оставался у них ночевать — и тогда все было почти по-прежнему, веселые вечера ***за веселым столом****...* (М. Степнова. Женщины Лазаря); *Все-таки он продолжал* ***верховодить за опечаленным столом****, стараясь хотя бы оставшихся напоить допьяна* (В. Аксенов. Московская сага); *Старик стоял, морща лоб и что-то припоминая, а затем* ***пошел*** *вдоль вагона,* ***мимо храпящих полок****, мимо спящих, сидя и полулежа, людей, до тамбура, где на узлах тоже лежали какие-то люди* (Ф. Горенштейн. Дом с башенкой). Атрибут (*за опечаленным столом, за веселым столом, храпящих полок*) способствует контекстуальному проявлению метонимического значения ‘люди’, потенциально возможного, благодаря регулярности модели.

Совмещение значений наблюдается и у имен, образующих метонимический перенос по другим моделям. Например:

...А Лиза устала наконец до полной немоты и ***всю черную сырую колыхающуюся дорогу*** *до имения...* ***проспала****, по-детски привалившись головой к плечу брата* (М. Степнова. Сад). Распределение значений между компонентами высказывания таково же: атрибуты *черная, сырая* описывают *дорогу* в значении «1. Полоса земли, служащая для езды и ходьбы» [БТС: 277], а сочетание предиката и обстоятельства *проспала всю дорогу* коррелируют с значением «3. Передвижение; путешествие, поездка» [БТС: 277].

Теперь он приступал к своему ***обильному*** *и* ***оживленному ужину*** (В. Аксенов. Кесарево свечение). Определение *обильный* относится к предметному значению имени, *оживленный* — к процессуальному.

Итак, для названных моделей регулярной субстантивной метонимии синкретизм прямого и метонимического значений может проявляться в однотипных контекстных условиях, задаваемых связями имени с семантикой сказуемого и определения.

В плане совмещения значений интересна еще одна модель субстантивной метонимии: ‘одежда (деталь одежды)’ → ‘человек, который носит эту одежду’.

Использование названий одежды, обуви, головного убора, какой-либо детали костюма для обозначения лиц в художественных текстах служит тропом [Москвин 2006: 169], позволяющим дать краткую, точную и в то же время живописную характеристику человека или группы людей, составить о них представление в социальном, профессиональном, возрастном, гендерном и др. отношении.

Часто к такой метонимии авторы прибегают при описании множества людей или нескольких групп лиц, поэтому обычны формы множественного числа существительных:

Сидят в гостиной ***шали*** *и* ***сюртуки****, вздыхают, чаёк попивают с апельсинчиком* (И. Шмелев. Лето Господне); *Что всё это значит? Кто они, эти большущие* ***пальтищи*** *и* ***велюровые шляпы****? <...> Словно в ответ на эти мысли, вестибюль стал заполняться чинами МВД и МГБ. Она поняла, что* ***погоны*** *и* ***кокарды*** *заодно со* ***шляпами*** *и* ***поднятыми воротниками*** (В. Аксенов. Москва Ква-Ква).

В тексте возможно последовательное переключение с одного значения на другое. Такой прием характерен для описания отдельного человека: при введении в повествование нового персонажа автор обращает внимание на бросающийся в глаза элемент его одежды, название которого сначала употребляется в прямом, а затем в метонимическом значении:

Зато есть какой-то... распорядитель с воспаленными глазами. И ***с красной повязкой*** *на руке. <...> Красную Повязку только это и волнует. Скорее!.. Вон с путей!.. Через бомблённый вокзал на площадь, тоже слегка бомблённую... Вот там пришли БТРы — это для вас, пацаны! <...> На пустой платформе застыл* ***Красная Повязка****. Он в некотором ступоре... <...> Сзади к* ***Красной Повязке*** *вновь подходит старик чеченец... Оба молчат* (В. Маканин. Асан).

Иногда в контексте можно усмотреть и синкретичное, одновременное выражение значений ‘одежда (деталь одежды)’ и ‘человек, который в нее одет’:

Увешанный ***черными пальто*** *и* ***солдатскими шинелями*** *трамвай тронулся и проехал на десяток ярдов вперед* (В. Аксенов. Московская сага). Трамвай с прицепившимися к нему людьми воспринимается взглядом как будто увешанный одеждой.

...За стеклом кабинета хозяина появляются двое незнакомцев, мужчин в костюмах и галстуках; один пузатый, пожилой, второй — моложе и суетливее. Пахан рядом с ними. Все трое — в белых касках. За стеклом видно, как Пахан жестикулирует, вскидывая подбородок, и показывает пальцами то туда, то сюда, а ***белые каски*** *вяло кивают. Даже с расстояния в пятнадцать метров мне заметно, что им не очень интересно, они слушают хозяина по обязанности* (А. Рубанов. Человек из красного дерева). Герой издали видит кивание белых касок — незнакомых людей, пришедших на фабрику.

Встречаются также случаи синкретизма двух метонимических значений. Например:

«Все же проще было бы, устрой он скандал с ***битьем посуды****». Только* ***посуды****. Эва никому не простила бы даже намек на* ***рукоприкладство*** (А. Виноградов. Кофе на троих).

Здесь происходит последовательное раскрытие двух значений существительного *битьё*: ‘действие по глаголу бить’ в значении «6. // Разбивать, раскалывать, уничтожая или приводя в негодность что-л. бьющееся» и ‘действие по глаголу бить’ в значении «2. Наносить удары, побои, избивать» [МАС, т. I: 91]. Каждое из них имеет свои контекстные связи: *битьё посуды* и *битьё — рукоприкладство*.

Совмещение метафоры с другими значениями

Метафорическое значение в художественном тексте может выступать совместно с прямым, что составляет своеобразное сочетание.

Метафоризация обычно представляет собой перенос в иную денотативную сферу, связанную со сферой прямой номинации ассоциативно. «Метафора возникает тогда, когда между сопоставляемыми объектами имеется больше различного, чем общего» [Арутюнова 1999: 367]. Поэтому прямое и метафорическое значения, как правило, не обнаруживают диффузности (в этом они подобны значениям слов-омонимов), см. [Шмелев 2006: 64–102]. Их словарные толкования поддаются четкому разграничению, в художественном тексте «естественного» совмещения образной метафоры с прямым значением также не происходит.

Синкретизм исходного и метафорического значений обычно является реализацией авторской установки на их столкновение, каламбурную игру. Приведем примеры:

> *Созерцательное отношение к морю не позволило последнему* [Соловьеву] *овладеть ни одной из морских профессий. Он боялся, что слишком близкие отношения с морем могут привести к разочарованию и заставят его разлюбить стихию. Стоя по грудь в воде, молодой исследователь испытывал* ***сомнения*** *(ввиду его* ***неустойчивого положения*** *их можно было бы также назвать* ***колебаниями****) относительно того, не в слишком ли интимных отношениях пребывает он с предметом своей любви* (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов).

Автор сталкивает два значения существительного *колебание*, создавая каламбур. Прямое значение: ‘отвлеченное действие по

значению глагола *колебаться*’ как «1. Мерно двигаться, раскачиваться взад и вперед, из стороны в сторону или сверху вниз» [МАС. Т. II: 71]. Метафорическое значение: «3. Нерешительность, сомнение» [МАС. Т. II: 71].

Аналогичная картина — при употреблении слова *карканье* с обыгрыванием двух значений: «1. Крик вороны, ворона и некоторых других птиц, похожий на звуки «кар-кар» и «2. *Перен. Прост.* Зловещее, мрачное предсказание» [МАС. Т. II: 34]:

> *Однажды рано утром я проснулся от громкого* ***карканья ворон***. ***Карканье****, даже тихое, имеет оттенок* ***скандальности****. Уже это, видимо, дар такой, особенность породы: есть у меня знакомая (****не ворона****) — что бы она ни говорила, создается стойкое впечатление* ***скандала*** (Е. Водолазкин. Ждановская набережная между литературой и жизнью).

Слово может выражать одновременно метафорическое и метонимическое значение:

> *Мещанин... подкатывался к* ***мужичку*** *с сидором, который тут выглядел* ***чужаком среди городской публики****.*
>
> *— Ну, а ты,* ***лапоть****, тут за что?*
>
> ***Мужик****, соблюдая* ***платон-каратаевские*** *традиции, добродушно смотрел на него* (В. Аксенов. Московская сага).

Номинация *лапоть* имеет метафорическое значение «О невежественном, отсталом человеке» [ТСРР. Вып. 2: 179]. Кроме того, контекстные маркеры, указывающие на принадлежность персонажа к крестьянству (*мужичок, платон-каратаевские традиции*), актуализируют метонимическое значение, образующееся по модели ‘крестьянская обувь’ → ‘крестьянин’.

> *На бедной Тане отсутствовал тот многослойный* ***глянец состоятельности****, что превращает человека в* ***собственное изображение*** *и максимально приближает его повседневный облик к* ***фотографиям в*** *липких* ***журнальчиках****, еженедельно* ***питающих публику светскими сплетнями*** (О. Славникова. 2017). В данном контексте сочетаются частотные в языке начала XXI века значения слова *глянец*: метафорическое — *глянец*

как блеск, эффектность, красота (*глянец состоятельности*) и метонимическое (*глянцевая бумага — глянцевые страницы — глянцевые журналы — глянец*).

Сочетание двух метафорических значений создает игру двух образов. Приведем примеры:

«Хоромы» на Остоженке заметно окрыляли и более романтичных претендентов на руку и сердце Зои. Перемены, происходившие в сдержанных и галантных мужчинах, перемены — неоправданно скорый шаг от сильных симпатий к порывистости и пылкости — смущали ее. В какой-то момент почувствовала, что до комплекса один шаг — слишком часто стала думать и жаловаться подругам, что стала вроде как приложением к дорогим и престижным метрам, пусть и не страхолюдина, наоборот, однако ***обременение****. Тем более что претенденты на руку и сердце все как один были моложе Зои, пусть и не драматично, соседи не перешептывались* (А. Виноградов. Кофе на троих). Слово *обременение* выражает здесь, во-первых, общеупотребительное метафорическое (возникшее на базе метонимии *действие → результат*) значение, унаследованное от переносного значения глагола *обременять* / *обременять* «2. Доставить много хлопот, неудобств, затруднений; отяготить, затруднить» [МАС. Т. II: 563–564]. Во-вторых, оно употреблено как метафора юридического термина: под *обременением* понимается ограничение прав собственника, который может жить в квартире, но не имеет права ее продать, подарить и др. (https://j.etagi.com/ps/obremenenie-na-kvartiru-chto-eto/).

Ворошилов был местный, нашенский. В свое время он считался небольшим столичным ***светилом****, несильно, но полезно* ***согревающим*** *издалека свою малую родину* (А. Рубанов. Человек из красного дерева). *Светило* выражает метафорическое значение: «2. Человек, прославившийся в какой-либо сфере деятельности; знаменитость» [БТС: 1158], поскольку в романе речь идет об ученом — историке и искусствоведе. К этому значению добавляется более широкое контекстуальное, не фиксируемое словарем, хотя очевидное метафорическое значение ‘человек, подобный светилу (солнцу)’, поддерживаемое метафорическим употреблением причастия *согревающим*.

Итак, в текстах современной художественной прозы можно наблюдать явление семантического синкретизма значений разных типов, что дает материал для дальнейших исследований.

Литература

Алексанова С. А. Синкретизм, контаминация, многозначность (etc.): о терминах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 950). Ч. II. С. 13–15.

Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. I–XV.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.

Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981.

Винокур Г. О. О языке художественной литературы. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

Ерёмин А. Н., Петрова О. О. Субстантивная метонимия в современном русском языке (теоретические основания и модели реализации): учеб.-метод. пособие. М.: ФЛИНТА, 2018.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.

Иванова-Лукьянова Г. Н. Многозначное слово в художественном тексте // Поэтика. Стихосложение. Лингвистика. К 50-летию научной деятельности И. И. Ковтуновой: Сб. статей / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; ред.: Е. В. Красильникова, А. Г. Грек. М.: «Азбуковник», 2003. С. 113–122.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2006.

Мухортов Д. С. Значение слова в тисках речи. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Новиков Л. А. Избранные труды. Том I. Проблемы языкового значения. М.: Изд-во РУДН, 2001.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Петрова З. Ю. К вопросу о совмещении значений слова в поэтическом тексте // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2016. № 7. С. 607–622.

Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

Поцепня Д. М. Образ мира в слове писателя. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / Под ред. Л. П. Крысина. Вып. 1–5. М.: Издательский Дом ЯСК, 2014–2022.

Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: КомКнига, 2006.

О. И. Северская
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oseverskaya@yandex.ru

РЕЧЕВОЙ «ЖЕСТ» КАК ИНСТРУМЕНТ «ПОИСКА ОБЩЕГО ЯЗЫКА»

В статье обсуждается впервые выделенный выдающимся лингвистом Т. Г. Винокур коммуникативно-стилистический тип речевого поведения «поиск общего языка». Автор рассматривает художественную актуализацию как особую дискурсивную стратегию, направленную на формирование базы для «переговоров» автора и читателя и использующую выразительные средства языка для создания эффекта остранения, «необычности», разрушающую автоматизм восприятия текста и создающую особый фокус эмпатии. Особое внимание уделяется речевым «жестам» как маркерам «экстренного введения» в референтную и коммуникативную ситуацию. Рассматриваются различные средства актуализации, такие как звукосмысловые жесты, играющие особую роль в выделении целостных объектов поэтического возможного мира и формировании текстовых импликатур, прямые указания на референт, фрейминг, активирующий общие для автора и читателя фоновые знания о мире и общеязыковую компетенцию, и актуализаторы коммуникативной рамки текста. Автор приводит примеры использования этих маркеров в поэтических текстах конца XX в. и обсуждает их роль в формировании сенсорно воспринимаемых иконических образов и направлений семантического вывода в пространстве текста, приходя к заключению об особой значимости «поиска общего языка» для поэтической коммуникации нашего времени.

Ключевые слова: речевое поведение, «поиск общего языка», поэтическая коммуникация, актуализация, речевые «жесты»

«Конечно, общаться можно и без слов: можно движением, взглядом, жестом очень много сказать. И все-таки общение и речь неотделимы друг от друга в нашем сознании», — с этой цитаты из знакового радиоинтервью Т. Г. Винокур [Винокур 2002] можно начать разговор и о речевых «жестах», и о точке зрения как фокусе

эмпатии, и об авторе этих слов, совершив движение из настоящего в прошлое.

Татьяна Григорьевна начала работать в Институте русского языка АН СССР в 1960 г., когда я только родилась. А в конце 1980-х мне посчастливилось стать ее коллегой, и я никогда не забуду наших встреч в коридоре, меж двух отделов — моим, в то время отделом стилистики и языка художественной литературы, и современного русского языка, где работала Т. Г. Винокур.

Мы обменивались и взглядами, и приветственными жестами, и улыбкой. И, конечно, говорили. До сих пор внутренний взгляд возвращает мне Татьяну Григорьевну — всегда в костюмчике (в стиле строгой деловой женственности), на каблучках, улыбающуюся, остроумную... Иногда грустновато ироничную — как в одной из последних наших встреч, когда она посетовала, что папины ученики как-то отодвинули ее от его научного наследства... Л. П. Крысин в предисловии к одному из изданий книги Т. Г. Винокур «Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения» справедливо назвал ее «мастером диалога». И это правда: кто бы ни был собеседником, Татьяна Григорьевна — для нас, младших, из сонма небожителей — вкладывала в разговор сердце и сказывалась в нем своей прекрасной душой.

Помню и страшный день, когда ее на переходе к нашему Институту сбила машина. Для всех коллег это была огромная личная потеря.

Эта статья — своего рода диалог с Т. Г. Винокур, впервые заговорившей о «коммуникативно-стилистическом варианте РП (речевого поведения — О. С.) “поиск общего языка”» [Винокур 1993: 60]: «Найти общий язык — значит преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего, в соответствии с ожиданиями последнего» [Там же: 60–61]. В художественном, и особенно поэтическом, тексте инструментом актуализации становятся так называемые речевые «жесты», указывающие на объект, которому и посвящено высказывание, и позволяющие его «увидеть воочию». Думается, Татьяна Григорьевна, профессионально владевшая не только словом, но и музыкой, согласилась бы с тем, что главная роль в ряду «жестов» принадлежит звукам, рождающим смысл.

Речевой «жест» в прагмасемантике — это «самостоятельная непредикативная нечленимая речевая единица, выполняющая сигнальную функцию» [Фатхутдинова 2016: 60]. Такие единицы играют роль экспрессивного логического ударения и используются, по словам Т. М. Николаевой, назвавшей такие акценты «выделением экстренного введения в ситуацию», когда «необходима быстрая реакция адресата и необычная форма высказывания должна привлечь его внимание» [Николаева 1980: 201]. Пучок акцентируемых смыслов при этом образует независимый, минимально связанный с текстом контекст, а репрезентирующие его слова и выражения представляют собой «сокращенное до минимума ситуативное описание», «целое, глобальное, но экстраординарное сообщение» [Николаева 1982: 74].

Художественную актуализацию, под которой понимается «использование выразительных и изобразительных средств языка таким образом, что они воспринимаются как необычные, выступают в функции остранения, деавтоматизируют восприятие читателя» [Акелькина], сегодня многие называют особой дискурсивной стратегией, направленной на создание базы для «переговоров» автора и читателя — как коллективного, так и индивидуального [Карасик 2009, Палеха 2010, Понятина 2013, Северская 2020, Rembowska-Płuciennik 2012, Siltanen 2016]. Это и есть «поиски общего языка» (по Т. Г. Винокур), началом которых всегда становится «экстренное введение» читателя в коммуникативную ситуацию. Маркерами актуализации становятся текстовые фрагменты, воспроизводящие сенсорно воспринимаемые действия, предметы и признаки в их непосредственной наблюдаемости [Золотова 1996: 285]. К таким маркерам можно отнести все *средства звукового выделения* (звукосмысловые жесты — паронимическую аттракцию, ассонанс и консонанс), *актуализаторы референта / референтной ситуации* (прямую номинацию реалии, фрейминг) и *коммуникативной рамки* текста как высказывания (прагматические переменные). Все они способствуют формированию импликатур (выводов, которые делаются на основании текста, контекста, фоновых знаний), манифестируя переход от *ощущения* поэтической реальности к ее *осмыслению.*

Звукосмысловой жест, основанный на паронимической аттракции, не только создает сенсорно воспринимаемый звуковой иконический образ, выделяя некий целостный объект поэтической реальности или ситуацию в целом: *Я увидел: идёт за тобой*

*неотвязно размахом баталия, **в обороне бароны**, **и боров** на них **с бороной**, и другие детали...* (А. Парщиков. «Я жил на поле Потавской битвы»), — но и задает направление семантического вывода: *остео**хондр**оз сел на плечи, и **хандр**а бьет в нос как горчица...* (Т. Щербина. «Мода») — «***хондр***а ***хандр***ит», — в этом случае в выделенном положении дел актуализируется сплав боли физической и душевной.

При этом звукосмысловой жест, как правило, соотносится и с общим знанием о мире: *платоновской плоти плато* (В. Аристов. «Дом Платона») — это и воплощенный в звуке целостный фрагмент поэтической картины мира, и актуализация представлений о Платоне, платонизме, плотском и платоническом.

Или же «экстренное введение в ситуацию» с помощью паронимической аттракции активизирует «языковую память», например, в случае «формульной» связи паронимов *дом — дым* [Северская 2023]: *Умирает ли **дом**, если после него остаются / только **дым** да объём, / только запах бессмертный жилья?* (И. Жданов. «Дом»); *Крепко пахло молотым кофе, маринадом и табачным **дымом**. <...> Нет, нет... Сию минуту, подумал я, сейчас же, на вокзал, билет, а оттуда **домой**, зубную щетку в сумку и прочь отсюда, прочь! <...> Глядя на воду, он замечает очертания **домов**, предлагает перейти на «ту сторону»* (А. Драгомощенко. «Расположение в домах и деревьях»). Аттракция может быть и имплицитной, если один из аттрактантов появляется в «маске» соотносимого по смыслу слова: *Улитка или шелкопряд, / по чёрной прихоти простуды, / я возвращался в детский сад / и видел смерть свою оттуда. // В сомнамбулической броне / наверняка к ядру земному / с повинной полз к родному **дому**, / а **дом курился** на спине* (А. Парщиков. «Улитка или шелкопряд») — здесь на *дым* над *домом* указывает значение глагола *куриться* ‘выделять *дымок, дымку*, легкий туман, испарение, пар’ [Бабенко (ред.) 2007]. Можно привести и другие примеры паронимической «формульности» с общеязыковыми ситуациями — *белизна* и *боль/болезнь*: *Свет. Румяное на **белом**. / Фартук, выпачканный мелом. / Есть **больная** правота / в утешенье неумелом: / есть всему своя граница. / Не граница, а черта* (М. Айзенберг. «Свет. Румяное на белом...»). Ср. с общеязыковым ***побелеть** от **боли***; *Первый **снег**, как в замедленной съемке ... / Двор сиял, как промытое фото / Веренице халуп и **больниц**, / Сообщилось серьезное что-то — / **Белый** верх,*

так сказать, черный низ (С. Гандлевский. «Первый снег, как в замедленной съемке...»), ср. с устойчивой ассоциацией *белого* цвета с *больничной белизной; женщина* и *нежность*, *нужность* — эта «формула» создает подтекст для унижения женщины, которое несет ей «абрис старости» (В. Кривулин. «Катулл»), благодаря чему семантизируется эксплицитная аттракция: в старости *женщина* уже *не нежна* и *не нужна*, в этом и проявляется ее *унижение*.

В каждом из рассмотренных примеров, когда мы обращаемся к исходной референтной ситуации и выделяем ее составляющие, паронимическая аттракция позволяет создать уникальное наименование для одного и того же «нестандартного» объекта с помощью нескольких формально связанных слов стандартного языка [Северская 2022: 91 и сл.; Lukashanec 2018: 185]. Это дает автору и читателю возможность построить множество суждений о связанных состояниях языкового и поэтического мира на основе возникающих ассоциаций.

Звукосмысловые жесты базируются не только на паронимической аттракции, как в приведенных выше примерах (и ассонансах и консонансах [Евенко, Гливенкова, Мордвинова 2019]) но и на синестезии, обеспечивающей «визуализацию» и обертонное восприятие звука: *в шарах стеклянных* ***музыка*** *летела, пускал* ***тромбон цветные пузыри*** (И. Жданов. «Мастер») — поэт заставляет нас «услышать» музыку и звон стекла, «ощутить» ее прозрачную воздушность, «увидеть» ее краски. В процессе интерпретации при этом воссоздается то, что К. Фергюсон [Ferguson 2014: 3] называет «звуковым пейзажем» (визуализацией звукового материала) и «картинкой» (последовательно выстроенной серией визуальных образов).

Еще один пример речевого жеста — **прямое указание на референт**: ***Кенарь*** *— мешочек пунктиров <...> пирамидальные* ***трели*** *о киль заостряет, граня, и держит по вертикали* ***на клюве*** (А. Парщиков. «Птичка»); *Море, что зажато в клювах птиц, —* ***дождь.*** */ Небо, помещенное в звезду, —* ***ночь****. / Дерева невыполнимый жест —* ***вихрь*** (И. Жданов. «Море, что зажато в клювах птиц...»). Автор как бы подсказывает читателю: «Все, что (будет) сказано, относится к принадлежащему поэтическому миру объекту X» и тем самым актуализирует протоконцепт и признаки, совместимые с объектным классом X.

Фрейминг, прямое указание на конситуацию поэтического высказывания, апеллирует к фоновым знаниям читателя и актуа-

лизирует стереотипные представления о типичной ситуации, существенные для интерпретации: ***Это праздник****. Розы в ванной. Шумно, дымно, негде сесть* (С. Гандлевский. «Это праздник...»); *Мы знаем* ***приближение грозы*** (С. Гандлевский. «Мы знаем приближение грозы...»); *Мы* ***жарим двух быков на вертеле*** (А. Парщиков. «На ферме. Калифорния»). Начиная со знакомой читателю по личному опыту ситуации, поэт облегчает ему «собирание» и актуализацию соотносимых с этой ситуацией семантических признаков, тем самым делая возможным постижение сути и логики образа: ***Роняем монеты, когда тащим деньги из кармана****, <...>* ***оправданий*** *больше, / чем* ***мелочи****, которой устлали путь отступления* (А. Драгомощенко. «Роняем монеты...»); ***Отдалённый города гул*** */ Ты заслышал зимним утром / Глаза закрыв / Ты вспомнил:* ***в метро-переходе играли*** *так же гусли-самогуды /* ***Ты пробегал с*** *привычной* ***сумкою через плечо*** */ и ощутил под пальцами / всю городскую музыку, трепет и людские разговоры / ты был его источник, слабый родник этого гула / ты чувствовал, как мир играл, переходя в простой предмет* (В. Аристов. «Предметная музыка»).

Иногда маркеры стереотипной ситуации (слоты фрейма) даются «вразброску»: *в* ***солнце луковицу*** *растопи — в лед втеши центробежным* ***ножом*** */* ***луч****:* ***глаз****ной ледокол потопи* ***слез****овитой волной*... (Е. Даенин. «Мистерия брашна») — фреймы, соотносимые с протоконцептами «слепящее солнце» и «чистка лука», задают программу адекватной интерпретации этого герметичного, не самого легкого для понимания текста.

Наконец, актуализации способствует **непосредственное введение читателя в коммуникативный контекст высказывания**, показателем которого служат реализованные в тексте прагматические переменные «я», «ты», «здесь» и «сейчас». Смену дейктических знаков некоторые исследователи [Rembowska-Płuciennik 2012: 126] называют установлением перспективы повествования. Читатель как бы становится «свидетелем» некоего речевого акта, происходящего «здесь» и «сейчас» или «там» и «тогда», при актуализации прагматических переменных: *«Я» / «Здесь» / «Сейчас» // «Ты» / «Там» / «Тогда» // вероятный процесс / извлеченья себя / из языка / извлекаемого из себя...* (А. Драгомощенко. «Я, здесь, сейчас...»), — и/или при перформативном употреблении глаголов говорения и восприятия: ***Ты говоришь***: *язык не имеет ни цели, ни центра*. / ***Вслушиваюсь***, *пытаясь понять твой язык* (С. Соловьев. «Ты говоришь...»).

Зачастую «я» и «ты» совпадают в обобщенно-личных формах: *все это было в книгах, / и* ***ты*** *сквозь сон* ***читаешь*** *по бумажке* (Т. Щербина. «Баллада с посылкой»); *Пока* ***мы гнались за смыслом****, Мысль опередила* ***нас*** (В. Аристов. «Трамвай в Гренобле»). Так поэт может буквально заставить читателя «увидеть» то же самое, воссоздать и интерпретировать образ: ***Нам кажется****: в воде он вырыт, как траншея. <...>* ***А руку окунешь*** *— в подводных переулках /* ***с тобой заговорят, гадая по руке*** (А. Парщиков. «Сом»).

Разновидностями актуализаторов такого рода можно считать и средства диалогизации [Северская 2020: 427–429]. Это императивы: ***Читай****: а счастье было так возможно, / так* ***что*** *же, боже мой,* ***произошло?*** (Т. Щербина. «Тридцать секстин»); ***Пойдемте****. Я как раз туда* (Л. Рубинштейн. «Появление героя»), — а также вопросы, адресованные читателю и апеллирующие либо к стереотипному опыту: ***Где она, молодость*** *чистая* ***наша****?* (Д. Пригов. «Взаимоотношения с высоким»), — либо к общему фонду знаний, в том числе языковых: ***Ты помнишь наш язык?*** *Ступай, сжимая флаг!* (А. Парщиков. «Мемуарный реквием») — в последнем примере явно обыгрывается фразеологизм *флаг (тебе) в руки!*

Вопросы указывают на смысловые звенья, существенные для интерпретации текста, при этом автор, как бы не зная ответа, «ищет» его на глазах у читателя: *кто помнит: «Форос», по-гречески — «дань»*? (В. Аристов. «Воскресная ярмарка в Форосе»), — подбирает точные слова, уточняет образы, определяя для объекта «место в предметном ряду»: *крылышком пыли и жгутиком между сосисок, /* ***чем бы еще?*** (А. Парщиков. «Из города»). А иногда автор как бы подсказывает читателю, что стоит поддержать диалог: ***Вопрос****, когда сменю пластинку, /* ***пора задать****...* (Т. Щербина. «Вопрос, когда...»).

Как можно было заметить, актуализация манифестирует особое речевое поведение автора, а именно его эксплицитную или имплицитную самопрезентацию в «поиске общего языка».

О. С. Иссерс, развивая взгляды Т. Г. Винокур в рамках дискурсивной поэтики, говорит об особой коммуникативно-семантической категории «свой круг» [Иссерс 2008: 45]: это круг «говорящих на одном языке», «говорящих и понимающих одно и то же» благодаря определенным ассоциативным связям, которые автор

доверяет читателю установить самостоятельно, следуя «подсказкам», оставленным в тексте. Речевые «жесты», определяя фокус эмпатии, благодаря активизации общих фоновых знаний и социокультурых и языковых компетенций позволяют автору формировать общий с читателем язык. Автор приглашает читателя в мир текста, вовлекая его в совместное творчество, дает читателю «ключи» к текстовым глубинным образам и структурам, позволяя ему взглянуть на мир с воображаемой точки зрения или глазами другого человека, помогая распознать разные состояния поэтического мира и изменения исходной ситуации — текстовые события.

Забота о «своем круге» и «общем языке» в целом характерна для поэтической коммуникации XX в. Но с его конца, с приближением к рубежу с XXI в., поэты, о чем свидетельствуют приведенные в статье иллюстрации, обнаруживают крайнюю заинтересованность в эффективности своего диалога с читателем. Какая у них цель? Как сказала однажды Т. Г. Винокур [Винокур 2002]: «Очень простая: это *общение, сам процесс общения*. Желание вступить в контакт или поддержать сложившиеся отношения, тут много вариантов. <...> А попутно здесь видится еще одна цель, еще одна задача: *высказаться*».

Литература

Акелькина Е. А. Актуализация художественная [Электронный ресурс]. URL: https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/064/ (дата обращения: 14.11.2024).

Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских глаголов: свыше 10 000 глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. 573 с.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Винокур Т. Г. Десять заповедей культуры речевого поведения. Из цикла бесед о русском языке на «Радио России» [Электронный ресурс]. URL: https://rus.1sept.ru/articlef.php?ID=200203102 (дата обращения: 14.11.2024).

Евенко Е. В., Гливенкова О. А., Мордвинова Т. В. Когнитивные особенности успешного понимания текста // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6. С. 587–589.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: URSS-ЛКИ, 2008. 288 с.

Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 408 с.

Николаева Т. М. «Событие» как категория текста и его грамматические признаки. // Структура текста. М.: Наука, 1980. С. 198–210.

Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982. 105 с.

Палеха Е. С. Поэтический текст в рамках коммуникативного подхода (на примере стратегии самопрезентации в поэтическом дискурсе Н. Гумилева) // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Т. 152, кн. 6. С. 241–251.

Понятина Т. П. Коммуникативная стратегия сближения с адресатом художественного текста // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 1 (2). С. 235–237.

Северская О. И. «Побудь со мной. Поговори со мной»: стратегии взаимодействия с читателем в современной поэзии // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 419–436.

Северская О. И. Денотативный и сигнификативный компоненты паронимической аттракции // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 89–98.

Северская О. И. Думы о доме и дыме: семантика «формульной» паронимии // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. № 2. С. 83–90.

Фатхутдинова В. Г. Морфология русского языка: за пределами знаменательных частей речи. Учебно-методическое пособие для студентов-филологов. Казань: Отечество, 2016. 80 с.

Ferguson K. La mise en scène de poèmes: mieux faire comprendre la poésie par l'art dramatique // Faire la difference. De la recherche à la pratique. 2014. No 52. URL: http://www.edu.gov.on.ca/fre/literacynumeracy/inspire/research/WW_PerformPoetry.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

Rembowska-Płuciennik M. Poetyka intersubiektywności. Kognitywistyczna teoria narracji a proza XX wieku. Toruń: Wyd. Naukowe Uniwersytetu Mikolaja Kopiernika, 2012. 393 p.

Siltanen E. Experimentalism as Reciprocal Communication in Contemporary American Poetry (John Ashbery, Lyn Hejinian, Ron Silliman). Amsterdam-Philadelphia: J. Benjamins Publ. Company, 2016. 210 p.

О. В. Соколова
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
olga.sokolova@iling-ran.ru

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

В статье исследуются особенности функционирования глаголов говорения в поэтическом дискурсе на материале авторского корпуса текстов современной поэзии. Для выявления специфики употребления речевых актов в поэтическом дискурсе привлекаются данные НКРЯ (устный подкорпус). Приводится поэтапный метод корпусного анализа прагматических явлений, включающий составление и аннотирование корпуса, подсчеты частотности и выводы о специфике употребления прагматических маркеров, в частности, иллокутивных глаголов говорения. Квантитативно-квалификативный анализ поэтического корпуса позволил сделать выводы о повышении роли прагматического измерения и установке на прагматический эксперимент в современной поэзии. Наиболее частотно в поэтическом корпусе употребляются глаголы говорения, или “verba dicendi”, что отражает сложную структуру поэтической коммуникации, ориентированной одновременно на внешний диалог с адресатом (интеракция) и на внутренний разговор с самим собой (автокоммуникация). Среди функций глаголов говорения в поэтическом дискурсе выделяются автокоммуникативная, метаязыковая, иллокутивного самоубийства, молчания и др.

Ключевые слова: речевые акты, глаголы говорения (verba dicendi), поэтический дискурс, разговорная речь

Данное исследование является частью проекта по изучению прагматического измерения современной поэзии, вступающей в активное взаимодействие с обыденной речью в эпоху новых медиа (проект РНФ «Поэтический язык и обыденная речь в эпоху новых

медиа: корпусно-дискурсивный анализ»)[1]. Выбор поэтического дискурса (далее — ПД) в качестве основного материала основан, во-первых, на ориентации поэзии на языковой, а в данном случае — прагматический, эксперимент, а во-вторых, на актуализации метаязыковой функции в современной поэзии. Эти черты поэтического дискурса позволяют выявить более широкий спектр функций прагматических маркеров в поэзии по отношению к их употреблению в обыденном языке и разговорной речи.

Роль прагматики в современной поэзии актуализируется в связи с необходимостью формирования новых стратегий субъективации и адресации в условиях цифровых технологий и трансформации традиционной модели коммуникации (по Р. О. Якобсону) и поэтической автокоммуникации (по Ю. М. Лотману). Хотя существуют отдельные исследования в области поэтической прагматики [Ковтунова 1986; Радбиль 2012; Золян 2013; Северская 2018; Sell 1991; Person, Wooffitt, Rae 2021 и др.], до сих пор не было проведено обобщающего анализа этого измерения поэтического дискурса.

Как отмечала Т. Г. Винокур, правомерность и перспективность обращения к художественной литературе при изучении речевого поведения связана с тем, что метаязыковые фрагменты художественного текста «укрупняют причинно-следственные связи внеязыковых составляющих с вербальным отбором»; «способность поэтического языка иметь установку на выражение, обладать внутренней формой <...> обеспечивает отобранность и неслучайность означающего, коль скоро оно служит конечным средством выражения художественной мысли о речи людей» [Винокур 1993: 32–33].

В рамках проекта по исследованию поэтической прагматики был разработан план исследования, который включал следующие этапы: 1) составление корпуса поэтических текстов (далее — ПК); 2) формирование списка прагматических маркеров (далее — ПМ) и 3) прагматическое аннотирование корпуса: проведение разметки ПМ.

[1] Отдельные положения статьи были опубликованы в [Соколова, Фещенко 2024; Соколова 2024].

На первом этапе был составлен ПК, включающий три подкорпуса на русском, английском и итальянском языках. Общий объем корпуса составил около 3 млн. слов, по 1 млн. слов в подкорпусах русскоязычной поэзии, англоязычной поэзии и италоязычной поэзии. В ПК вошли тексты с конца 1960-х по 2020-е годы, опубликованные на бумажных носителях и на онлайн-платформах (в пабликах, соцсетях или личных блогах), а также экспериментальные авторские онлайн-проекты.

Выбор в качестве нижней границы отсчета 1960-х годов связан с тем, что на волне «перформативного поворота», распространившегося в 1960-е годы под влиянием философии обыденного языка Л. Витгенштейна и теории речевых актов Дж. Остина, в литературе формируется установка на перформативность (в виде перформанса, активного вовлечения адресата в художественный акт и пр.). Поэтические практики 1970-х и далее также оказались направлены на перформативное воздействие на адресата, реализуемое по-разному в зависимости о того или иного направления.

Для исследования специфики функционирования прагматических маркеров в поэтическом дискурсе на фоне их конвенционального употребления в ходе работы мы обращались к соответствующим корпусам (и подкорпусам) разговорной речи и текстов из сети интернет: НКРЯ (Национальный корпус русского языка, устный подкорпус, https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggKMAE%3D, около 13 млн. слов); GloWbE (Global Web-based English, https://www.english-corpora.org/glowbe/, около 1,9 млрд. слов); KIParla (L'italiano parlato e chi parla italiano, https://kiparla.it/il-corpus/, около 1 млн. слов).

На втором этапе был составлен список прагматических маркеров. При этом первоочередное внимание было уделено показателям, релевантным для анализа языковых явлений на трех языках, учитывая различие их строя (аналитические и синтетические), в виду чего были отобраны следующие единицы: дейктики, дискурсивные маркеры, показатели модальности, выраженные глаголами или модальными предикативами и пр.

Поскольку далее в статье мы будем подробно анализировать речевые акты, отметим, что хотя сам Дж. Остин отрицал возможность выявления иллокуции в «поэтическом употреблении языка»,

в котором нарушаются нормальные условия референции, приводя в пример цитату из Дж. Донна «Пойди и поймай падающую звезду» [Остин 1986: 90], в дальнейшем исследователи стали изучать литературу, опираясь на методы теории речевых актов [Derrida 1988; Sell 1991; Hillis Miller 2001].

Приведем в качестве примера часть списка ПМ, относящихся к группе иллокутивных глаголов. Всем маркерам приписаны соответствующие индексы, адаптированные для работы с корпусом и его лингвистического аннотирования: **11 — Речевые акты: 111 — репрезентативы** (ассертивы, констативы: *говорить, сказать, утверждать, заявлять, уверять, предсказывать, сообщать, рассказывать, докладывать, извещать, осведомлять, информировать, признавать, допускать, напоминать, свидетельствовать, подтверждать, удостоверять, доказывать, признаваться, предполагать, догадываться, констатировать, выдвигать гипотезу, клясться, настаивать; speak, say, state, explain, assert, claim, describe, tell, insist, suggest, conclude, report; parlare, dire, affermare, spiegare, asserire, affermare, descrivere, raccontare, insistere, suggerire, concludere, riferire*); **112 — директивы** (побуждение: *просить, предписывать, требовать, приказывать, предлагать, ходатайствовать, побуждать, подстрекать, склонять, соблазнять, умолять, советовать, рекомендовать; order, command, dare, defy, challenge, require, direct, instruct, request, urge, authorize, appeal, warn; chiedere, prescrivere, esigere, ordinare, offrire, incoraggiare, indurre, incitare, persuadere, sedurre, supplicare, pregare, consigliare, raccomandare*) и др.

На третьем этапе было проведено прагматическое аннотирование корпуса и выделены соответствующие ПМ с помощью автоматической и ручной обработки ПК в программе AntConc. Поскольку целью проекта было не только составление корпуса и подсчет данных, но и анализ прагматики современной поэзии, для решения этой задачи был разработан гибридный квантитативно-квалификативный метод, включающий подсчет количества употреблений ПМ в ПК, отбор релевантных для дальнейшего анализа единиц, составление «портрета» каждой единицы и сопоставление между собой полученных данных по употреблению ПМ в ПК и в разговорной речи.

В результате были подсчитаны данные по количеству употреблений ПМ на английском, итальянском и русском языках. Приведем выборочные данные по употреблению иллокутивных глаголов в русскоязычном ПК: *говорить* — 296, *сказать* — 94, *рассказать* — 26, *просить* — 32, *обещать* — 6, *завещать* — 0.

Исследователи относят к иллокутивным глаголам наряду с «эксплицитными» (или «явными», «чистыми») перформативами, выраженными в форме глагола изъявительного наклонения настоящего времени активного залога (например, *Я объявляю вас мужем и женой*) [Остин 1986: 117–118], также «косвенные» (или «имплицитные», «скрытые») перформативы, которые выражают дополнительные значения помимо того, что они непосредственно означают (например, *Не могли бы вы передать мне соль* или *Курить запрещено*) [Сёрль 1986: 196]. Однако при аннотировании корпуса мы учитывали в качестве иллокутивных глаголов только те формы, которые соответствуют 1-му лицу единственного и множественного числа настоящего времени, исключая формы 2-го, 3-го лица, а также непредикативные формы.

Далее из общего списка всех ПМ в корпусе были выделены 150 единиц (по 50 — в каждом языке), которые представлялись наиболее релевантными для дальнейшего качественного анализа в силу таких критериев, как высокая частота и специфичность (под которой понимается аномальность, учитывая лингвокреативную установку ПД) употребления. В результате были отобраны все глаголы говорения, а также единицы из не слишком распространенных групп, которые характеризуются высокой прагматической нагрузкой в современной поэзии, направленной на внешнего адресата, — типа интерактивных дискурсивных маркеров.

На следующем этапе был проведен качественный анализ отобранных единиц, включающий составление «портрета» каждой единицы, который представлял собой файл, включающий все контексты с ее вхождениями в ПК. Более детально мы рассмотрим прагматическую специфику такой группы иллокутивных глаголов, как глаголы говорения, или “verba dicendi”. Если в существующих работах эти глаголы рассматривались преимущественно в разговорной речи [Михедова 1971; Hauf 2021 и др.], то в настоящем

исследовании мы обратимся к выявлению прагматической специфики глаголов говорения в поэтическом дискурсе в сопоставлении с обыденным языком, с точки зрения участия этих глаголов в формировании речевых актов, выражения целеустановки говорящего и иллокутивной силы (или функции) высказывания.

Отметим, что хотя не все исследователи относят глаголы типа *говорить, кричать, шептать* к иллокутивным глаголам [см., например, Гловинская 1993], большинство исследователей, начиная с самого Дж. Остина, который выделяет *tell* как экспозитив и неоднократно упоминает *say* в разных контекстах, а также другие исследователи [Lyons 1978: 739–745; Lehrer 1988; Падучева 2010 и др.] включают их в группу иллокутивных глаголов. Согласно классификации Дж. Сёрля, глаголы говорения могут быть отнесены к группе репрезентативов, иллокутивная цель которых состоит в том, чтобы зафиксировать определенное положении дел. Более того, по мнению Сёрля: «Совершение утверждения — в той же степени осуществление иллокутивного акта, как и совершение обещания, заключения пари, предостережения и т. п. Любое высказывание состоит в осуществлении одного или нескольких иллокутивных актов» [Сёрль 1986: 180].

Опираясь на утверждение Е. В. Падучевой, мы исходим из понимания специфичности функционирования глаголов говорения, которые относятся к речевым актам, но характеризуются особым значением: «Компонент ‘Я говорю, что’ с обычным значением глагола *говорить* возникает в контексте речевого акта в любом высказывании, и поэтому в произносимом предложении с обязательностью опускается. Следовательно, если компонент ‘Я говорю, что’ сохраняется в предложении, то это потому, что *говорить* имеет не обычное, а какое-то более богатое значение» [Падучева 1985: 138].

Таким образом, специфичность таких глаголов как особого вида иллокутивных глаголов обусловлена, с одной стороны, избыточностью их употребления в контексте, а с другой — расширением их функционирования по сравнению с остальными перформативными глаголами. Эта идея полностью подтверждается данными ПК, что выражается в частотности и создании дополнительных функций при употреблении этих глаголов в поэзии. Частотность

их употребления в поэзии связана с тем, что эти глаголы ориентированы на внешний диалог с адресатом (интеракция) и на внутренний разговор с самим собой (автокоммуникация).

Рассмотрим функции, в которых используются глаголы говорения в современной русскоязычной поэзии. Помимо базовых иллокутивных функций, которые были выделены в классификации Дж. Сёрля и включают репрезентатив в прямой функции выражения определенной пропозиции, репрезентатив в других функциях (вопроса, директива) и др. [Сёрль 1986], особое значение имеет выделение дополнительных функций, характерных для поэтической речи.

1) Автокоммуникативная функция ориентирована на адресата, в роли которого выступает адресант: *что же? — **себе говорю** / место ль не тронуто бывшего взгляда* (Г. Айги); ***Я говорю себе**: пройдет, / пройдет зима, давленье войдет в норму, и я усну, и / солнце будет теплым* (Х. Закиров), — или выражается в формальном отсутствии адресата, к которому должно быть обращено высказывание: *не пиши стихов, **говорю**, не пиши стихов / не пиши прогуливаясь по бульвару* (Д. Давыдов). Поскольку в поэтическом тексте, для которого характерна автокоммуникация, любой перформатив направлен в том числе и на самого отправителя, фраза ***говорю**, не пиши стихов* может пониматься и как иллокутивное самоубийство[2].

2) Метаязыковая функция может реализовываться, когда глагол в придаточном предложении обозначает не независимое действие, а указывает на иллокутивный глагол, что характерно и для обыденного языка. Однако в ПД часто используется нестандартное выражение метаязыковой функции, например, с помощью акцентирования самого акта говорения. Такое семантическое приращение происходит в текстах Е. Мнацакановой, когда глаголы *говорю* (*rede*) и *пою* не просто указывают на процесс или

---

[2] Согласно З. Вендлеру, существует группа глаголов говорения, которые содержат семантический компонент, разрушающий иллокутивную цель (т. н. «подрывной фактор»), такие как *лгать, голословно заявлять, ругать, льстить* и др., употребление которых в 1-м лице ед. числа настоящего времени не приведет к достижению иллокутивной цели (нельзя обмануть, сказав *я лгу*) [Вендлер 1985: 240–241].

ритмичность произнесения речи, но акцентируют значимость самого акта говорения, наполняемого коммуникативным значением, и задают перформативность слова как жеста. Например, в контексте *ich rede* из третьей части книги «Das Buch Sabeth», которая имеет название, одноименное с иконой Богородицы «Утоли моя печали»:

Mutter, heute und Werke Und Alles,
was ich
rede, Maria, zu
tue, o Deiner Dir
lasse alles, Ehre zu
Geschehe und
und aus Liebe aus und aus
[Мнацаканова 2018: 195].

На выражение метаязыковой функции также указывают повторы глагола *говорю*: *— и* ***говорю*** *ума я* ***говорю*** */ не приложить какая же причина / а разве чистое во мне не может произвольно / тоскою веять* ***говорю*** *— // <...> мне можно* ***говорю*** *мне думаньем / моим тяжелая луна сырая / учит* (Г. Айги), — или тавтологичные сочетания, типа *говорю слова*, в которых каждое слово наделяется новым значением: *и склонившись к тебе* ***говорю*** */* ***слова*** *от которых глаза в темноте начинают влажно блестеть* (Г. Айги).

Сближение глаголов в иллокутивной и в дискурсивной функции (в форме дискурсивных маркеров) связано с характерной для ПД метаязыковой рефлексией как синхронических, так и диахронических языковых процессов, в частности, грамматикализации и прагматикализации. Такая метаязыковая рефлексия основана на стремлении поэзии к «воскрешению» внутренней формы (термин В. Б. Шкловского): *— какое дело но:* ***скажу*** */ да: в месяц маков* ***говорю*** *и роз / чтоб —* ***так сказать*** *— смягчить* (Г. Айги).

3) Сдвиг между перформативным употреблением (когда глагол отсылает к коммуникативной ситуации изнутри) и т. н. **ремарочным** (когда глагол вводит прямую речь) выражается в поэзии через отсутствие синтаксических и пунктуационных знаков, создавая эффект балансирования на границе коммуникативной

ситуации (внутри и вне), а также маркируя установку на «драматургичность» поэтического текста:

я говорю *о*
о твои жерла
я опою эту свою жажду
я воскурю жертвенное без жертвы
как это уже было однажды (Е. Костылева).

В данном примере повтор перформативной глагольной формы осуществляется по принципу параллелизма (*говорю, опою*), что обозначает выведение единицы в фокус поэтического высказывания. Употребление глагола *я говорю* в форме «эксплицитного» перформатива сопровождается нарушением согласования, что приводит не столько к повышению семантической неопределенности высказывания и усложнению семантики полнозначных слов (черта, характерная для поэтического языка в целом), сколько к повышению функциональной нагрузки прагматических единиц.

В данном примере усложнение графики и эллипсис именной группы позволяет расширить сферу функционирования единицы *о,* которая может выступать в роли предлога[3], частицы и междометия. Эллипсис субстантивной формы после *о*, с одной стороны, выводит эту единицу в сильную позицию конца строки, а с другой, не позволяет однозначно интерпретировать ее как предлог (*я говорю о*), актуализируя другие потенциальные функции *о* как частицы и междометия, которые невозможно однозначно верифицировать в силу отсутствия пунктуации (восклицательного знака, кавычек, точки). Это, в свою очередь, позволяет интерпретировать *я говорю* с точки зрения теории речевых актов, как контекст, который реализуется не в нарративном, а в диалоговом режиме.

Вместо пунктуационных знаков индексом навигации в тексте становится графика, которая позволяет прочесть строку как по

---

[3] Подобного рода явления были исследованы преимущественно на материале предлогов, когда «сокращение элементов синтаксической структуры приводит к расширению и усложнению семантики слов, маркирующих позицию, остающуюся незамещённой» [Николина 2009: 140], но до сих не были подробно рассмотрены на прагматическом измерении языка.

горизонтали, так и по вертикали (*я говорю о твои жерла*). Однако и такое прочтение не приводит к снятию смысловой неопределенности: формально повторяясь, *о* может функционировать и как частица, и как междометие, и как предлог с эллипсисом существительного, что подчеркивает сфокусированность поэтического эксперимента на множественности векторов, которые могут быть потенциально развиты конструкцией с перформативным глаголом и прагматической единицей *о*.

Намеренное нарушение согласования приводит к нарушению логико-семантических связей и активизации неоднозначного функционирования глагола: как части перформативного высказывания (например, *я говорю <сделать / сажать> отрядами цветы*) или как элемента ремарочного высказывания:

я вам говорю, говорю, барабаню, слышу, «цветут»
и есть одно и то же. я ***говорю отрядами цветы****,*
растущие из пропустившей кожи (Н. Скандиака).

Данный сдвиг также приводит к акцентированию актуального режима выражения поэтического высказывания, когда дополнительные ПМ, например, дейктики, могут быть интерпретированы и как фрагменты прямой речи, и как дейктические указания на Origo говорящего: *(а здесь: / я говорю: а здесь: / сеченья: видно: / тайна: / золотого: // и здесь мне даже не шептать)* (Г. Айги).

4) Аномальные сочетания с глаголом *говорю* (*я мёртво говорю*) или *забываю* <как говорить> (*забываю слова*) семантически схожи с **иллокутивным самоубийством**, поскольку само их употребление приводит к коммуникативному дефолту в условиях конвенциональной речевой ситуации. Однако в поэтической речи такие сочетания указывают на переход между внешним диалогом и внутренней речью, обозначают тонкую границу между говорением и молчанием: *в крови “кастет” я вплавил / и теперь /* ***я мёртво говорю*** */ и режет — вплавиться — очередное слово / отечественным стать* (Г. Айги). Часто в роли единиц, косвенно маркирующих иллокутивное самоубийство, выступают глаголы с семантикой забывания, которые контекстуально сближаются с актами говорения: *голова / ягуаровым резким движеньем, / и, повернувшись,* ***забываю слова*** (Г. Айги).

5) Отдельную группу неконвенциональных иллокутивных актов, не выделяемых в рамках традиционных классификаций, составляет **акт молчания (и тишины)**[4], особенно характерный для творчества Г. Айги и Е. Мнацакановой[5]. Способом выражения молчания становятся преимущественно косвенные речевые акты в номинативной и непредикативной форме: *и одно остается: овраги; **молчание**; вижу; овраги* (Г. Айги); *что больше говорим — кружа вокруг **молчаньем*** (Г. Айги); ***молчаливое** "здравствуй" гвоздя* (Г. Айги), — или употребляется в нестандартном сочетании: ***помолчи нас** и помилуй / нам помилуй нас **молчи нас** и помилуй нам <...> / светлая моряна **помолчи нас**! / святая моряна помилуй нас!* (Е. Мнацаканова). В этом примере глагол *помолчи* выражает аномальное управление, поскольку является непереходным и не имеет прямого объекта. Молчание становится перформативным жестом иного говорения, на до- или сверхвербальном уровне и получает новые значения через паронимическое сближение со словами, обозначающими не обычное говорение, а скорее звучание многочисленных голосов (*молвь* — ср. с цитатой «Людская молвь и конский топ» из А. С. Пушкина): *веянье: помни: **в молчании — молвь*** (Г. Айги).

На заключительном этапе корпусно-дискурсивного анализа количественные показатели по 150 прагматическим единицам из ПК были сопоставлены с данными разговорных национальных корпусов (НКРЯ, GloWbE и KIParla) через расчет корреляции употребления единиц на 1 млн. слов, что позволило сопоставить данные по частотности употребления ПМ в поэтическом языке и в разговорной речи. Приведем выборку данных из русскоязычного ПК и НКРЯ (устный подкорпус) из расчета на 1 млн. слов:

---

[4] Примеры креативной семантической валентности глагола *молчать* в современной поэзии подробно анализирует Л. В. Зубова, отмечая, что «поэты явно не мирятся с тем, что глагол *молчать* лишен объекта», и это подтверждается многочисленными примерами употребления этого глагола как переходного [Зубова 2021: 576].

[5] Об особой роли молчания в поэзии, неотъемлемого и имеющего определяющее значение для поэтического высказывания, неоднократно высказывался сам Айги: «И вот, парадокс... — в поэзии, наряду с говорением, существует и молчание, но даже оно создается только Словом: молчащая Поэзия — говорящая некоторым иным способом...» [Айги 2001: 158].

Таблица. Частотность употребления ПМ в ПК и национальных корпусах

ПМ (РУС)	ПК	НКРЯ
говорить	296	227
сказать	94	110
рассказать	26	42
просить	32	80
обещать	6	11
завещать	0	0,6

Из таблицы видно, что глаголы говорения употребляются в ПК гораздо чаще, чем другие иллокутивные глаголы. Более того, их частотность близка (*сказать*) к данным НКРЯ, а для некоторых единиц (*говорить*) даже выше, чем в разговорной речи.

В целом, изменение коммуникативных условий высказывания (влияние «перформативного поворота» и появление новых медиаинтерфейсов) часто выступает триггером для языкового эксперимента в современной поэзии, в силу чего можно говорить об активизации прагматического эксперимента в ПД. Учитывая интенсивность практик коммуникации, в поэзии выявляется эксперимент в области реализации коммуникативных стратегий, выражаемый разными ПМ, включая иллокутивные глаголы, дейктики и дискурсивные маркеры.

Обращаясь подробнее к особенностям функционирования иллокутивных глаголов говорения в ПК, можно сделать вывод о том, что на общем фоне невысокой частотности их употребления особенно часто используются глаголы говорения (*говорить, сказать, say, tell, dire, parlare и др.*), что связано с неявно выраженной в них иллокутивной функцией. Выступая в роли перформативного контейнера, они могут выражать разные иллокутивные цели в контексте высказывания, включая стандартную функцию репрезентатива (наиболее характерную для обыденного языка) и расширяя спектр функций до автокоммуникативной, метатекстовой, иллокутивного самоубийства, молчания и др. Частотность употребления verba dicendi в поэзии связана с тем, что эти глаголы ориентированы одновременно на внешний диалог с адресатом (интеракция) и на внутренний разговор с самим собой (автокоммуникация).

Литература

Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 238–250.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект (ред. Е. А. Земская). М., Наука, 1993. С. 158–218.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: URSS, 2014.

Зубова Л. В. Грамматические вольности современной поэзии, 1950–2020. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 656 с.

Ковтунова И. И. Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 3–13.

Михедова Л. Г. Тематический ряд verba dicendi в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971. 12 с.

Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: Гнозис, 2009. 336 с.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986. С. 22–130.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Языки русской культуры, 1985. 296 с.

Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2012. 319 с.

Северская О. И. «Субъект» современной поэзии как прагматическая переменная // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии — теория и практика / под ред. Х. Шталь и Е. Евграшкиной. Berlin: Peter Lang, 2018. С. 185–194.

Сёрль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170–194.

Соколова О. В. И голоса умолкшего — прошу — примите место: акты речи и молчания в поэзии Г. Айги // Новое литературное обозрение. 2024. № 189. С. 89–94.

Соколова О. В., Фещенко В. В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Том 28, № 3, С. 706–733.

Derrida J. Limited Inc. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1988. 160 p.

Hauf C. A. X. Verbs of Speaking and the Linguistic Expression of Communication in the History of English. Berlin: Peter Lang Verlag. 2021. 324 p.

Hillis Miller J. Speech Acts in Literature. Stanford: Stanford University Press, 2001. 256 p.

Lehrer A. Checklist for verbs of speaking // Acta Linguistica Hungarica, Vol. 38 (l–4). P. 143–161.

Lyons J. Semantics. Vol. 2. Cambridge University Press, 1978.

Person R. F., Wooffitt R., & Rae J. P. (Eds.) Bridging the Gap Between Conversation Analysis and Poetics. Studies in Talk-In-Interaction and Literature Twenty-Five Years after Jefferson. New York and London: Routledge, 2022. 252 p.

Sell R. D. (ed.) Literary Pragmatics. London; N.Y.: Routledge Revivals, 1991. 292 p.

Л. Л. Федорова
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)
lfvoux@yandex.ru

ДАВНЫМ-ДАВНО ЧЕРНЫМ-ЧЕРНО: О ВОЗМОЖНОСТЯХ МОДЕЛИ ЭКСПРЕССИВНОЙ ИНТЕНСИФИКАЦИИ

Задача статьи — рассмотреть модель сложных слов русского языка, представленную наречиями *давным-давно*, *черным-черно*, определить степень ее продуктивности и распространенности в языке, оценить нормативность/допустимость отдельных единиц. Эта модель характеризуется в словообразовательном отношении как модель композитов, в морфологическом плане — как модель редупликации, обладающая не вполне прозрачной внутренней формой, в семантическом отношении — значением экспрессивной интенсификации признака, а в стилистическом аспекте — как эмоционально-оценочная форма, восходящая к народно-поэтической речи. Таким образом, в теоретическом плане работа относится к типологии словосложения, к проблематике редупликации и парных слов, к семантике интенсификации, к стилистическим средствам выражения эмоциональной оценки. В этом отношении она связана с областью интересов Т. Г. Винокур, особенно в области стилистики и истории языка.

Материалом исследования послужили русские сложные слова данной модели в словарях и текстах НКРЯ, а также результаты опроса студентов, которые позволили оценить тенденции в использовании окказионализмов данной модели.

Ключевые слова: типология словосложения, русские сложносоставные слова, редупликация наречий, интенсификация оценки, народно-поэтическая стилистика

Проблемным вопросом исследования модели «давным-давно» является ее пограничное положение между лексикой и фразеологией, позволяющее относить ее к сложным словам и в то же время допускающее близость к категории парных слов. Это положение

обусловлено трудностью разграничения сложных слов и парных слов, с одной стороны, и словообразовательным явлением редупликации и синтаксическим повтором, с другой.

По определению О. Ю. Крючковой, «Редупликация — это способ слово- или формообразования, состоящий в удвоении корня или его элементов (звуков, слогов), аффиксов или целых слов, переходящих на положение морфем. Редупликация может быть полной, неполной, дивергентной, осложненной, синонимической. В случаях применения редупликации всегда возникает асимметрия плана выражения и плана содержания: одной единице плана содержания соответствуют две единицы плана выражения» [Крючкова 2000].

Традиционные модели редупликации для русского языка — это формы удвоения прилагательных, причастий, наречий; они отличаются от синтаксического повтора интонационно и графически: *Небо синее-синее!* (полная редупликация, ср. *Синее, синее небо*), *чёрный-пречёрный дом* (дивергентная осложненная: *чёрный-**пре**чёрный* < *чёрный*), *черным-черно* (дивергентная: *черн**ым**-черно* < *черно*).

Дефисное написание может служить как приметой сложносоставных слов, так и оформлением синтаксических конструкций с однословным приложением, между которыми не всегда легко провести границу (ср. *школа-интернат*, *горе-помощник*, *Иван-царевич*).

Общим значением для моделей редупликации является интенсификация признака, они используются в экспрессивной разговорной речи для выражения субъективной оценки, особенно в детской речи или речи, обращенной к детям.

В поле сложносоставных слов модели редупликации могут рассматриваться и как частный случай парных слов, биномов, среди которых более часты существительные, но есть и примеры наречий: *кошки-мышки*, *гуси-лебеди*, *шуры-муры*, *печки-лавочки*, *страсти-мордасти*, *молодо-зелено*, *подобру-поздорову*, хотя явным их различием выступает объединение однокоренных или разнокоренных компонентов.

В. Плунгян склонен трактовать статус таких образований единообразно: «Как единые словоформы следует, по всей видимости,

трактовать <...> такие раздельнооформленные комплексы в русском языке, как *штучки-дрючки, шуры-муры, фигли-мигли* или *темным-темно, пьяным-пьяно* (равно как и многие другие случаи словесной редупликации в языках мира)» [Плунгян 2000: 25].

Парные слова, как и редупликации, характерны для разговорной речи, детской речи, они часто экспрессивно заряжены, используют рифму (*стежки-дорожки*, *охи-вздохи*, *ябеда-корябеда*), могут окказионально создаваться в речи (особенно пары с семантически пустым компонентом: *кудри-мудри*, *шашлык-машлык*, *«компутер-мапутер»*).

Для парных слов характерно стремление к ритмически устойчивым образованиям, что обычно проявляется в выборе либо аналогичной по слоговой структуре пары (*ложки-плошки*, *банки-склянки*) либо более короткого слова для первого компонента (ср. *гуси-лебеди, букашки-таракашки*). В парах с редупликацией преобладают двусложные слова, однако встречаются и трехсложные: *зеленым-зелено.*

Парные слова изучаются в отечественной и зарубежной литературе, см. например [Wälchli 2003; Минлос 2004; Шибасова 2006; Федорова 2013; Толстая 2023].

Словарные и корпусные данные

В современном языке используется ограниченный ряд сложных слов исследуемой модели. В толковых словарях отмечены лишь некоторые единицы: в БТС *полным-полно*, *давным-давно*, *белым-бело*, в словаре Шведовой с пометой «разговорное» еще *темным-темно*, *светлым-светло*, *черным-черно*, *красным-красно*, в орфографических словарях еще *теплым-тепло*, *пьяным-пьяно*, *раным-рано.*

Однако в текстах НКРЯ представлены наряду с этими и другие примеры: *малым-мало*, *синим-сине.*

> *Тебе говорить надо будет* ***малым-мало****, вопрос задать, зубы поскалить вежливо и радостно и на его вопрос ответить* [С. Шаргунов. Чародей (2008)];
>
> «*мне* ***малым-мало*** *спалось...*» (фольклорный песенный текст);

*Отмолотились в тот день рано, потому что заходил дождь. Небо — **синим-сине**, и уже дергал ветер. Мы, ребятишки, рады были дождю, рады были отдохнуть, а дядя Ермолай, бригадир, недовольно поглядывал на тучу и не спешил* [В. Шукшин. Дядя Ермолай (1970–1974)];

*Все **пьяным-пьяно**, все гудит, поет, ругается...* [Вл. А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)].

В основном корпусе НКРЯ можно заметить огромные различия встречаемости у слов данной модели:

давным-давно — 3 149 примеров,
полным-полно — 273 примера (*полным-полна* — 41),
белым-бело — 45 примеров,
черным-черно — 33 примера (*черным-черна* — 4),
темным-темно — 16,
красным-красно — 4,
пьяным-пьяно — 4.

Это сравнение показывает, что у каждого такого слова индивидуальная «биография»: самые частотные прочно вошли в литературный язык, снизив экспрессивный заряд, более редкие сохраняют больше экспрессии. При этом частотнее, чем краткие прилагательные, по-видимому, наречные (и предикативные) варианты.

Морфологические особенности модели

Необычной представляется морфемная структура композита, основанная на дивергентной редупликации. «Изменение финалий компонентов наречных удвоений чаще всего связано с заменой наречного суффикса *-о* элементом *-ым*: *белым-бело*, *давным-давно*, *полным-полно*, *пьяным-пьяно*, *поздным-поздно*, *раным-рано*, *светлым-светло*, *темным-темно*, *черным-черно*» [Крючкова 2004].

Какова природа элемента *-ым*? Можно предположить Тв. п. ед. ч., как в экспрессивных конструкциях полноты признака: *дурак дураком.* Но для кратких форм прилагательного в древнерусском языке должна быть форма *давьнъмь* с ударением на первом слоге [Иванов 1990: 364–367], для полных *давнымь* [Винокур 1968: 84–85]. Возможно, ритмическая аналогия с *давно* требует переноса ударения, и получается *давнЫм-*...

Исходное прилагательное здесь, видимо, *давный*, а не *давний*; в СвРЯ XVIII и СДРЯ засвидетельствованы оба: *давьнии* и *давьныи*, причем последнее со значениями ‘давний, живший давно’ и ‘древний’ [Цит. по Аникин 2018: 309].

Фонетические особенности модели

В модели редупликации устойчивость ритмической структуры поддерживается ударениями: обычны двусложные формы с параллельными ударениями, обычно на последнем слоге, и определенным интонационным рисунком (восходяще-нисходящим), передающим экспрессивность. При этом в первой форме (неосновное) ударение смещено на последний слог, что делает в ряде случаев форму необычной (*давнЫм-, чернЫм-, светлЫм-*), но основное ударение во втором компоненте при этом соответствует норме (*-давно́, -черно́, -светло́*).

Противоречив пример *раным-рано*: Большой орфографический словарь под ред. Бархударова [Бархударов 2007: 830] дает нормативную форму с ударениями на первых слогах: *ра́ным-ра́но*. При обсуждении и опросе оказалось, что в современном употреблении используется и вариант с ударениями на вторых слогах обоих компонентов, влияет аналогия. Возможно, словарные рекомендации основывались на том, что для *рано* ненормально ударение на втором слоге, так что оба компонента получали бы нестандартное ударение. Но при присоединении диминутивного суффикса *раным-раненько, раным-ранёхонько, раным-ранёшенько* — ударение нормально переходит на второй слог, так что сохраняется устойчивая ритмическая структура.

Диминутивные варианты в словарях и текстах

Слова с диминутивными суффиксами присутствуют в словаре Даля, в СРНГ, что показывает народно-разговорные истоки данной модели. Возможно разное аффиксальное оформление: *скорым-скоро*, *скорым-наскоро*, *скорым-скорехонько* [СРНГ-38 2004: 108]. Присоединение диминутивного суффикса позволяет образовать и такие слова, для которых нет бессуффиксальной параллели. Среди них и наречия, и прилагательные, краткие и полные.

Так, в выпусках 50–52 СРНГ находим примеры прилагательных и наречий (в том числе и со ссылкой на Словарь Даля):

Хилёшенький, ая, ое. **Хилым-хилёшенек**. Очень слабый, немощный. *Старичок стал хилы́м-хилёшенек*. Даль [СРНГ-50 2017: 124].

Хитрёхонький, ая, ое. **Хитрым-хитрёхонек**. Очень хитрый. Даль [Там же: 143].

Холоднехонько и **холоднёхонько**, нареч. Фольк. Ласк. 1. **Холодным холоднехонько**. Очень холодно (о погоде). *Как на первой-то сторонушке Холодным-то холоднехонько. На второй-то на сторонушке Голодным-то голоднехонько*. Костром. Костром., Виноградов, 1901–1905 [СРНГ-51 2019: 183].

Холоднешенько, нареч. Фольк. Ласк. **Холодным холоднешенько**. Очень холодно (о погоде). *На все четыре сторонушки Поглядим мы да подумаем: Как во первой во сторонушке — Холодным-то холоднешенько* (свадебн. песня). Костром. Костром., Виноградов, 1901–1905 [Там же: 184].

Хорошим-хорошёхонько, нареч. Необычайно, очень хорошо. *Деньки-то у нас стоят хороши, хорошим-хорошехонько!* Даль [Там же: 311].

Худешенький, ая, ое и **худёшенький**, ая, ое. Изношенный, дырявый, рваный (об одежде, обуви и т. п.). <...> Худешенький. Фольк. *Идет кузнец из кузницы.. На нем шубенка худешенька, коротешенька* (песня). Байкал., Станиловский, 1912 <...> **Худы́м-худёшенький**. Усилительно. *Платье на ней худым-худёшенько*. Даль [СРНГ-52 2021: 148].

2. **Худо́й**, **а́я, о́е**. 1. Лишенный (или не имеющий) положительных качеств, свойств; плохой, скверный. <...> [Там же: 174.]

30. Ветхий, поломанный от старости, рассохшийся разрушившийся <...> || Изношенный, дырявый, рваный (об одежде, обуви и т. п.). <...> <> **Худы́м-худёшенький**. Усилительно. Даль. <> **Худы́м-худо́й**. Усилительно. *На старинушке шубёночка Всё худым-то- худа* (песня). Оренб. казач., 1904 [Там же: 193–195].

Обращают на себя внимание способы подачи подобных примеров в словаре. Встречаются отдельные статьи на составное наречие,

как, например, статьи **Скорым-скоро, Скорым-наскоро, Скорым-скорехонько, Хорошим-хорошéхонько**. Часто примеры даются под ромбиком к прилагательному или наречию с уменьшительным суффиксом, как в статьях **Хилёшенький, Хитрёшенький, Худешенький, Холоднехонько**, т. е. по второму компоненту. Иногда примеры даются под ромбиком в статье к исходному прилагательному — первому компоненту, как в статье **Худой**, где даны два варианта: с суффиксом и без. Иногда — в двух статьях: к первому и второму компонентам. Так, в статье **Смелый** составное наречие дано под ромбиком, но с исходной формой первого полного прилагательного и с формой на *-ым* в цитате:

> **Смелый <...> Сме́лый-смелешенько**. Очень смело. *Смелым-смелешенько на коня садится*. Даль. *Говорят ему смелым да все смелешенько, Не боятся-то Грозного-то царя все белого.* Беломор., Марков [Там же: 352].

И параллельно в статье **Смелёшенько** — под ромбиком **Смелым-смелешенько** с тем же примером Даля.

Обычно все же примеры находятся под ромбиком, но даются без дефиса, если в цитате компоненты расположены дистантно или разделены частицей *-то*. Так в статье **Скучнёшенько**:

> **Скучним скучнешенько**. *На чужой жила сторонушке, Мне работушки не по силушке* ***Скучним*** *было* ***скучнешенько*** *На чужой дальней сторонушке*. Луж. Петерб., 1850. [СРНГ-38 2004: 202].

Аналогично и в примерах *холодным-холоднехонько*/*-холоднешенько*.

Синтаксические особенности модели

Дистантное расположение компонентов подсказывает возможности переосмысления синтаксической структуры. Так, в цитате «Скучним было скучнешенько...» можно предположить исходную синтаксическую структуру с глаголом *было*, где выстраивается параллельные связи (*было каким?* и *было как?*). Тогда дефисная модель может осмысливаться как результат компрессии глагольной конструкции.

Примеры показывают относительную легкость и свободу народной речи в образовании диминутивных форм по сравнению с конструкциями без диминутивных суффиксов; эта легкость проявляется и в использовании трехсложных первых компонентов (*холодным-*, *голодным-*, *хорошим-*), и в возможности вставки частицы *-то* и более длинных фрагментов, разрывающих конструкцию композита. Все эти особенности могут объясняться подчиненностью структурной организации размеренному ритму народно-поэтической речи: во многих примерах приводятся песенные цитаты.

Аналогичные наблюдения приводятся в исследовании С. М. Толстой «Составные номинации в языке олонецких причитаний» на материале собранных Е. В. Барсовым «Причитаний Северного края» — свадебных, рекрутских, похоронных, изданных 150 лет назад. Автор рассматривает разные категории составных номинаций, биномов, в их числе и модели редупликации. Даются примеры данной модели редупликации наречий и близкой модели с полными прилагательными: *далеким-далекохонько*, *далеким-далекошенько*, *обидным-обиднешенько*, *пустым-пустёшенько*, *тошным-тошнёшенько* (но есть и *оттошна-тошнёшенко*), *единым-единёшенький*, *томным-томнёшенкий*, *трудным-труднёшенький.* Как главную особенность составных номинаций в фольклорных текстах С. М. Толстая отмечает их «диффузность», синтаксическую свободу и проницаемость [Толстая 2023: 112]: они могут соответствовать сложным словам или же распадаться на составные части. Можно обнаружить примеры контекстов, которые демонстрируют дистантное расположение частей:

Все пустым будет у нас да ведь пустёшенько;
Ой, тошным да мне тошнёшенько;
Обидным буде, победным, обиднешенько.

Но есть и примеры на контактное расположение:

Провожаю тебя, горюшица, во солдаты новобраныи, далеким-далекохонько.

Тем самым принцип целостности сложного слова может нарушаться, однако и в разложенной конструкции сохраняется тесная

связь между компонентами. И здесь мы тоже можем восстановить синтаксическую структуру целого с творительным падежом при глагольной связке, к которой привязаны оба компонента.

Семантико-стилистические особенности модели

Можно сравнить составные прилагательные на *-ым* с примерами с краткой номинативной формой первого компонента: *рад-радёшенек, один-одинёшенек, весел-веселёшенек, пьян-пьянёхонек, жив-живёхонек, мал-малёхонек, цел-целёхонек* и др. Обе конструкции отличаются усиленной ласкательной или уничижительной экспрессией, однако первые сохраняют следы синтаксической организации, уже воспринимаемой как грамматическая идиома.

Как показывают примеры, в народной речи, в диалектах и песенных фольклорных текстах, диминутивная модель более частотна, чем обычная, она достаточно свободно образуется и оказывается продуктивной, допуская и дистантное расположение компонентов. Из примеров также видно, что ритмическая структура фразы определяет возможности использования и трехсложных наречий с ударным вторым или третьим слогом. Второй член бинома повторяет место ударения. Таким образом создается особая напевная организация стиха.

Если в моделях с бессуффиксальным вторым компонентом редупликация создает усилительное значение оценочного признака, то конструкции с диминутивными суффиксами подразумевают осложненную экспрессивную оценку: не только усиленную редупликацией, но и смягченную ласкательностью. Это прослеживается в пометах: «усилительно», «ласкательно», которые нередко сопровождают словарные слова. Но и без пометы «ласкательно» использование диминутивных форм добавляет особую экспрессию, усиливая оценку в том ключе, который задан лексическим значением (*тошным-тошнёхонько*, *худым-худешенько*). Это может быть и уничижительность, и особая сочувственная, ласково-уничижительная интонация (*хилым-хилёшенек*, *пьяным-пьянёхонький/-нек, -нька*), особенно при диминутивном согласовании с другими формами во фразе (*Как во первой во сторонушке — Холодным-то холоднешенько*).

Экспериментальная оценка продуктивности

В современном языке, если судить по нормативным словарям и текстам корпуса, модель «давным-давно» имеет весьма ограниченный характер, ее единицы полностью лексикализованы. Однако показалось интересным оценить продуктивность модели по возможности построения окказиональных слов.

По двум фонетическим требованиям (для типичных примеров — двусложности и ударения на последний слог) можно построить не так много слов. Например, возможны оказываются **серым-серо*, **слабым-слабо*, **смешным-смешно*, **чудным-чудно*, **стальным-стально*. Однако интенсивность признака связывается только с качественными прилагательными, так что последний пример не годится, а признак «серого цвета» трудно представить интенсивным; другие кажутся приемлемыми окказионализмами, и здесь вступают в игру возможности контекста и аналогии.

Мы попытались построить составные номинации данной модели, не засвидетельствованные в толковых словарях (*алым-ало, смешным-смешно*), и предложить их среди других примеров подобной модели в соответствующих контекстах для оценки студентам — по степени нормативности/допустимости и возможности таких образований.

Эксперимент проходил в две серии. Первая — весной 2023 г. (33 участника), вторая — зимой 2024 г. (64 участника). Во второй серии был заменен оказавшийся неудачным контекст для *светлым-светло*: в первой серии во фразе использовано прилагательное: *После ночного шторма настало ясное утро — море светлым-светло и видно далеко*, во второй серии — предикативное наречие: *Как вышли из леса, стало светлым-светло.* Во второй серии были также добавлены два примера с диминутивными формами *раным-ранехонько/раным-ранешенько* и *поздным-позднехонько.*

Тест содержал 12 примеров, которые надо было оценить по 3-балльной шкале в отношении нормативности: «нормально так сказать — 2, можно так сказать, но не очень хорошо — 1, невозможно так сказать — 0».

1. За окном ночь, черным-черно.
2. Мы с тобой давным-давно не виделись.

3. Ты только посмотри: земляники там — с реки даже видно, красным-красно.

4. В доме затопили печку, сейчас теплым-тепло, приезжай!

5. Как вышли из леса, стало светлым-светло.

6. На нашей лужайке поднялись травы, зеленым-зелено.

7. Небо — синим-сине, и уже дергал ветер.

8. Поговорить удалось малым-мало, только и успели обняться да приветы передать.

9. Вокруг нас алым-ало — огромное маковое поле.

10. Димка весь вечер анекдоты рассказывал, в лицах, смешным-смешно, все хохотали.

11. Вставала она раным-ранехонько, еще до света. / раным-ранешенько

12. Воротился поздным-позднехонько, все уже спали.

Студентам также предлагалось привести другие возможные примеры конструкции Х-ым-Х-о».

Результат оценки по двум сериям эксперимента (% нормативности вычислялся к max 97 x 2 = 194) позволил упорядочить конструкции по степени нормативности:

1. черным-черно 93%
2. давным-давно 89%
3. светлым-светло 70% (по 2-й серии)
4. теплым-тепло 48%
5. красным-красно 47%
6. раным-ранехонько/раным-ранешенько 43% (по 2-й серии)
7. зеленым-зелено 43%
8. поздным-позднехонько 35% (по 2-й серии)
9. малым-мало 28%
10. алым-ало 26%
11. смешным-смешно 20%
12. синим-сине 10%

Полученные результаты позволяют сделать следующие комментарии.

Ни один из примеров не был оценен как абсолютно неприемлемый. Все конструкции можно разделить на три группы: к нормативным отнести набравшие оценки выше 66%, к допустимым

65–33%, к малоприемлемым — ниже 33%. Тогда нормативными можно признать *черным-черно*, *давным-давно*, *светлым-светло*. Все они действительно отмечены в толковых словарях.

К допустимым относятся *теплым-тепло*, *красным-красно*, *раным-ранехонько/раным-ранешенько*, *зеленым-зелено* и *поздным-позднёхонько*, несмотря на громоздкость диминутивных конструкций и необычность ударений. Положительную роль здесь играет контекст и семантическая аналогия с другими примерами.

В группу малоприемлемых попали *малым-мало*, *алым-ало*, *смешным-смешно*, *синим-сине*. Хотя для *алым-ало* ожидаемой кажется фонетическая аналогия с *малым-мало*, *белым-бело* и семантическая аналогия с рядом наречий цвета, здесь действует другое ограничение, сформулированное В. Г. Кульпиной: модели интенсификации возможны лишь для основных цветообозначений [Кульпина 2019: 130].

Для фонетически удачного *смешным-смешно* нет семантической аналогии, хотя все же его показатель оказался выше, чем для фонетически неудачного *синим-сине* (использованного в тексте Шукшина). Возможно, в последнем случае неудачной была и форма краткого прилагательного, а не предикативного наречия. (Поскольку студенты оценивали фразы, а не единичные слова, оценка может считаться до некоторой степени условной, но основную тенденцию она передает.)

Студентами также были добавлены другие примеры: кроме очевидных *белым-бело, темным-темно, полным-полно*, были предложены *раным-рано*, *тошным-тошно*, *тошным-тошнехонько*, *грязным-грязно.*

Итоговые замечания

Таким образом, можно считать, что ритмические и семантические ограничения действуют для данной модели, делая ее достаточно редкой в современном употреблении, где закрепились лишь отдельные формы. Но возможно построение в речи окказиональных форм, которые оцениваются как допустимые. Эта модель стремится сохранить устойчивую ритмическую структуру, которую удобно использовать как клише. По своей морфемной структуре она уже превратилась в идиому, в которой не осознается ее

исходная синтаксическая структура; элемент *-ым* может квалифицироваться как суффикс.

Окказиональные образования предполагают определенные возможности расширения употребления. Использование этой модели можно расценивать как экспрессивно-стилистическое средство эмоционально окрашенной речи, заимствованное из народно-поэтического стиля речи. По наблюдению Т. Г. Винокур, «для разговорной речи намеренное использование фактов книжной речи есть одно из средств эмоционального и экспрессивного насыщения высказывания. А специфика «намеренности» оборота в условиях речи, по природе своей непреднамеренной, состоит в том, что роль этих экспрессивных средств как правило играют такие особенности, которые можно квалифицировать как штампы чужеродных стилей» [Винокур 1968: 25]. Здесь проводится наблюдение над вкраплениями книжного стиля в разговорную речь; однако можно провести аналогию и с вкраплениями элементов фольклорного стиля речи для усиления экспрессии.

Литература

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 12. М., 2018.

Большой орфографический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова, И. Ф. Протченко и Л. И. Скворцова. 3-е изд. М., 2007. 1152 с.

БТС — Большой толковый словарь современного русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, авторская редакция 2014 г. на сайте Gramota.ru.

Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 3–100.

Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.

Крючкова О. Ю. Редупликация в аспекте языковой типологии // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 68–84.

Крючкова О. Ю. Вопросы лингвистической трактовки лексической редупликации в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 63–85.

Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология. От истории к современности цветовых концептосфер. М., 2019.

Минлос Ф. Р. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т славяноведения РАН. М., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www ruscorpora.ru, дата обращения: 01.06.2022.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 38 (2004), 50 (2017), 51 (2019), 52 (2021).

Шведова Н. Ю. (ред.) Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

Шибасова Н. Л. Типология парных слов: На материале некоторых финно-угорских языков: дис. ... канд. филол. наук / МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2006.

Федорова Л. Л. Гуси-лебеди, сороки-вороны, цветы и птицы: заметки о парных словах // Лингвистический беспредел — 2: Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой / Под общей ред. чл.-корр. РАН, проф. А. Е. Кибрика. М.: Издательство Московского Университета, 2013. С. 318–333.

Толстая С. М. Составные слова в языке олонецких причитаний // Она же. Синтаксические основы славянского словосложения. М., 2023.

Wälchli, B. Co-compounds and Natural Coordination. Stockholm, 2003.

И. А. Шаронов
Российский государственный гуманитарный университет,
ГосИРЯ им. А. С. Пушкина
(Россия, Москва)
Igor_sharonov@mail.ru

ЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЖАНРА «БЛАГОДАРНОСТЬ»[1]

В статье утверждается неоднородность языкового воплощения понятия фатики, включающая а) средства установления и поддержания контакта, б) фонетические, грамматические и жестово-мимические средства выражения вежливости и 3) неинформативные диалоги бытовых жанров, служащие для поддержания социальной гармонии. На материале наиболее формально определяемой области фатики — речевого этикета рассматривается группа формул речевого жанра «благодарность», включающая компоненты типового микродиалога благодарности: «благодеяние», речевой акт благодарности и ответная на благодарность реплика. Внимание концентрируется на описании прагматических нюансов, влияющих на использование вариантов этикетной формулы *Спасибо* с разного рода распространителями: *Ой, спасибо; Ну/ Вот спасибо, Да спасибо, Спасибо на добром слове, И на том спасибо, Спасибо за все*, а также этикетных реакций на благодарности*: Пожалуйста, Не за что, Не стоит (благодарности), Пустяки, Ерунда, Чепуха, Обращайтесь, Пожалуйста, Всегда пожалуйста, Вам спасибо, На здоровье*. Делается утверждение о необходимости детального описания прагматического своеобразия этикетных формул, что будет способствовать их более углубленному пониманию в иностранной аудитории, адекватному использованию этикетных и коммуникативных формул в речи.

Ключевые слова: фатика, речевые акты, речевые жанры, речевой этикет, формулы речевого этикета

---

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, https://rscf.ru/project/23-18-00238/

В интригующей и новаторской работе Т. Г. Винокур «Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего» [Винокур 2010] ставится задача разведения информативного и фатического содержания в речевом поведении в целом и в бытовых речевых жанрах в частности[2]. Поскольку любой речевой жанр, по мысли автора, содержит оба компонента, различие между информативной и фатической речью заключается в доминанте одной или другой составляющей. К средствам выражения фатической функции высказывания автор относит, с одной стороны, формально определяемые компоненты высказывания: средства вступления в контакт, его поддержки и проверки и формулы речевого этикета, — а с другой стороны, бытовые и стилизованные под бытовые речевые жанры в целом.

Представляется, что предлагаемое решение — компромисс между двумя подходами к определению понятия фатики, предложенными Б. Малиновским [Malinowski 1923] и Р. Якобсоном [Якобсон 1975]. Если для антрополога Б. Малиновского фатика — это неинформативный разговор, направленный на поддержание межличностных отношений между коммуникантами, то для лингвиста Р. Якобсона фатическая функция привязана к языковым единицам конативной функции, обеспечивающей вступление в коммуникацию и ее поддержание. К таковым относятся «единицы контакта», надстраивающиеся над любым информативным диалогом. Данные единицы можно представить относительно закрытым списком, примером чему являются группы формул речевого этикета.

Теории речевого этикета обычно не различают две его совмещенные функции — 1) поддержание коммуникации и 2) поддержание вежливой тональности общения, рассматриваемой через учет сохранения лица собеседника и его социальной роли в диалоге.

Вторая функция — поддержание вежливой тональности общения — осуществляется не только формулами, но также грамматическими конструкциями. Проявления вежливой тональности часто скалярны и вариативны. Например, различаются по вежливости

[2] Об истории становления и о современном понимании понятия «фатика», о фатических жанрах см. [Дементьев 2010].

варианты конструкций при выражении вопроса: *Куда она ушла* и *Далеко она ушла?; Когда она вернется?* и *Скоро вернется?; Сколько заработал* и *Много заработал?* Варианты конструкций при выражении просьбы: *Сходи в магазин!, Сходишь в магазин?, Ты не сходишь в магазин?, Сходил бы ты в магазин.* Различия в вежливой тональности передаются интонацией, жестово-мимическим сопровождением, выбором лексических единиц в зависимости от типа коммуникативной ситуации. Н. И. Формановская, известный специалист в области речевого этикета, много писала о важности имеющего грамматическое оформление противопоставления ТЫ/ВЫ и нарушении вежливости при его неучете в коммуникации, см. [Формановская 2005]. Другими словами, описание формальными методами оценки вежливой тональности конкретного диалога затруднительно ввиду богатства и конкуренции разноуровневых средств — как вербальных, так и невербальных.

Первая функция — поддержание коммуникации — реализуется, как уже было сказано, при помощи ограниченного списка фиксированных форм, которые можно определить как этикетные и коммуникативные формулы, автономные и самостоятельные обороты речи, используемые участниками в процессе всего общения для его успешного поддержания. Такие обороты — законный объект лексикографического описания в прагматически ориентированном словаре.

Представляется, что для углубления представлений о фатической функции имеет смысл при рассмотрении «единиц контакта», «грамматики вежливости» и диалогов фатических речевых жанров проводить разграничительные линии и использовать разные подходы и методы в процессе анализа и описания каждой из перечисленных областей фатики. Прагматическое описание этикетных и коммуникативных формул представляется первоначальным этапом описания фатики в трактовке, предложенной Т. Г. Винокур.

В статье мы затронем проблемы описания только этикетных формул. Правила поддержания коммуникации закреплены в речевом этикете, см. работы В. Г. Костомарова, В. Е. Гольдина, И. А. Стернина, А. Г. Балакая, Н. И. Формановской и др. [Костомаров 1967, Гольдин 1978, Стернин 1996, Балакай 2002, Формановская 2005]. Этикетные формулы описываются в виде списков единиц, собранных по интенциональному принципу: выражение

приветствия, прощания, извинения, благодарности и т. д. В работах указывается на обязательность этикетных реакций на инициативную речь собеседника. Отсутствие реакции на приветствие, прощание, похвалу, комплимент или осуждение — само по себе является этикетным действием, оцениваемым негативно и нарушающим коммуникацию.

О языковом выражении благодарности существует ряд публикаций, см. [Михальчук 2005, 2016; Ваджибов 2015, Акимова 2012]. М. Я. Гловинская пишет о выражении благодарности как о норме, проявление которой воспринимается автоматически, а непроявление приводит к нарушению гармоничного проведения контакта, затрагивая фатический компонент вежливости. «Отсутствие конвенционального акта освежает его прямое, не конвенциональное значение, и оказавшему услугу становится неприятно, что его услуга не оценена, как бы низко он сам ее ни ценил» [Гловинская 1993: 209].

Речевой акт (далее РА) благодарности — центральный, но не единственный компонент речевого жанра (далее РЖ) благодарности, рассматриваемого как микродиалог двух собеседников, первый из которых совершил благодеяние для автора РА. РЖ благодарности состоит минимально из трех речевых (может быть, частично неречевых) действий собеседников и включает их жестово-мимическое сопровождение.

Первый компонент РЖ — это РА или неречевое действие, благоприятное для автора РА благодарности.

Второй компонент — РА благодарности.

Третий компонент — речевая (и/или жестово-мимическая реакция) на РА благодарности.

Приведем примеры неречевых благодеяний и ответов на них.

Неречевое благодеяние:

Он протянул мне через порог наволочку от подушки, раздувшуюся до невероятных размеров. — Спасибо, — сказал я (А. Геласимов. Ты можешь).

Неречевая благодарность:

По приглашению патриарха отправилась в монастырь. Подарила кое-что монашкам. Монашки низко кланялись в пояс (В. Токарева. Можно и нельзя).

Наиболее интересна для нас речевая реализация жанра благодарности, включающая три реплики: РА акт благодеяния, РА благодарности и ответ на РА благодарности.

1. РА акт благодеяния содержит либо информацию о совершенном действии в пользу собеседника, либо является самостоятельным речевым благодеянием: поздравлением, разрешением что-л. сделать, любезным предложение помощи, приглашением и т. п.[3]. Приведем примеры РА, инициирующих благодарность говорящего:

*А у меня дочь родилась. Дашка. — **Поздравляю** — **Спасибо*** (А. Геласимов. Ты можешь).

*— Старик, дашь еще донные удочки на одну ночь? <...> — **Да бери**, — пожал Колюня плечами, стараясь никак не выказать своей радости и не вспугнуть Артура. — **Спасибо*** (А. Варламов. Купавна).

*— Окрошкой вас накормлю. С квасом. **Похлебайте холодненького**. — **Спасибо*** (Б. Екимов. Пиночет).

2. РА благодарности.

Формул благодарности в русском языке немного. Их списки можно обнаружить в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая, пособии «Русский речевой этикет» А. А. Акишиной и Н. И. Формановской, учебном пособии Т. Г. Михальчук [Михальчук 2016]. Наиболее часто используются две формулы: *Спасибо* и *Благодарю*. Менее распространены *Я вам так/очень признателен/благодарен*, заимствования *Мерси, Сенкс* и некоторые другие.

***Я вам так признателен**, **так признателен**... вы меня очень выручили. Вы просто меня спасли* (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амирана Амилахвари)).

*Трюмо расскажет вам о бунинских архивах. — **Мерси**, — сказал Красноперов, — вы очень любезны. — Надеюсь, вам здесь понравится* (С. Довлатов. Иная жизнь).

---

[3] Например, подробный список благодеяний и благодарностей в эпистолярном стиле дается в работе [Акимова 2012].

Формулам прямой благодарности сопутствуют и иногда заменяют их сообщения о взятии на себя готовности отблагодарить за благодеяние в будущем: *Я у вас в долгу, Я ваш должник, Век не забуду*:

*Вы все поняли? — **Спасибо**, Боб, от всей души! **Я ваш должник**. — Тогда давайте закругляться* (А. Салуцкий. Немой набат).

*— Вот что, Гатлинг, — неожиданно выступил Симпкинс, — вы спасли мне жизнь, и **я у вас в долгу**. Я берусь за это дело* (А. Р. Беляев. Остров погибших кораблей).

*Сами не знаете, как вы мне помогли. **Век не забуду**. Если что для вас сделать — со всей радостью* (И. Грекова. Перелом).

Немногочисленность этикетных формул благодарности компенсируется разнообразием вариантов двух основных формул, которые для полноценного описания РЖ благодарности необходимо исчислить и описать.

Спасибо имеет целый ряд распространителей: *Спасибо большое/ огромное/ сердечное; Тебе/вам спасибо; Спасибо на добром слове; И на том спасибо; Спасибо за всё*, — а также молодежные словообразовательные варианты: *Спасибочки, Спасибки. Спасибо* может иметь при себе междометия и модальные частицы: *Ой, спасибо; Ну спасибо, Вот спасибо, Да спасибо*[4].

Благодарю может распространяться наречиями: *Искренно, сердечно, от всего сердца вас благодарю; Не знаю, как вас (от) благодарить;* — с распространителями используется причастие благодарен: *так/ очень/ премного/ сердечно/ искренне/ чувствительно/ чрезвычайно/ бесконечно вам благодарен*.

Этикетные формулы реактивного типа входят в функциональный класс коммуникативов — кратких стереотипных ответных реплик, речевых актов, иллокутивно связанных с типом РА инициирующего высказывания [Шаронов 2015]. Опора на тематическую

[4] Использование *спасибо* как компонента фразеосхемы *Спасибо за X*, где *X* заполняется номинацией или описанием благодеяния (*за подарок, за то, что помог* и т. п.) выводит единицу из области этикетных формул и в статье не рассматривается.

составляющую инициативной реплики позволяет коммуникативу передавать субъективное отношение, оценку говорящего. В РА коммуникатива благодарности одновременно с речеактной семантикой проявляются также другие прагматические компоненты, характеризующие тип благодеяния, неожиданность/ ожидаемость и его степень.

Рассмотрим в качестве примера некоторые варианты этикетной формулы *Спасибо*: *Ой/ Ах, спасибо; Ну/ Вот спасибо*; *Да спасибо; Спасибо на добром слове; Спасибо за все.*

1) **Ой/ Ах, спасибо** — чаще передает неожиданность благодеяния для говорящего.

Анискин: Я был в райцентре, тебе за твою отличную работу на базе замшевый костюм оставили. Вот тут накладная, выкупай и носи. Евдокия: Ой, спасибо, Анискин (К/ф «Анискин и Фантомас», 1974).

Садитесь, подвезу. — Ах, спасибо! Так устала! (В. Вересаев. В тупике).

2) **Ну/Вот спасибо** чаще указывает на превосходящую ожидание степень благодеяния.

*Прощаясь возле штабного дома, Щусь долго тряс руку Скорика, растроганно бормотал: — **Ну, спасибо**, Лева! **Вот спасибо**! Вот ребята-то... Вот обрадуются* (В. Астафьев. Прокляты и убиты).

Данную формулу благодарности часто усиливают синтаксически изолированные формы глагола *ценю* и *удружил/а/и*. Формула *ценю* предполагает формальный характер диалога, более высокий статус автора благодарности:

*— Он лежал на чердаке, — вдруг воровато сказал Ланэ. — Только я и знал, где. Мне мадам Мезонье сказала. — Ага, опять кивнул головой Гарднер. — **Ну**, **спасибо**, спасибо! **Ценю.** Идите отдыхайте* (Ю. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом).

Только никому эту придумку не отдавай! — Я тебе отдам, — быстро сказал Петенька, глядя на него с суеверным чувством. — Со всеми авторскими правами... Глызин подумал. —

*Нет! — решительно сказал он. — **Спасибо**, **ценю**, но у меня хватит порядочности не воспользоваться твоей щедростью* (Л. Саксон. Принц Уэльский).

Формула *удружил/а/и* принадлежит неформальному стилю, близким и равноправным по статусу собеседникам.

*— Ай да подарок! Ну, **удружил**, Иваныч, **спасибо**!* (А. Мацанов. Мастер и подмастерье).

*— Да-а, хорошенькая штука. **Удружил**, брат, **спасибо**! — Капитан чуть приподнялся со своего стула, чтобы еще раз пожать руку дарителя* (В. Михальский. Весна в Карфагене).

*И отцу легко стало: свежая голова совсем. Сказал молодцам: — **Вот, спасибо**, ребята, **удружили*** (И. Шмелев. Лето Господне).

Как часто бывает с единицами высокой степени того или иного признака, свойства, они могут поддаваться иронизации, переворачиванию оценки на противоположную. *Ну спасибо* вместе с формой *Удружил/а/и*, так и каждая по отдельности могут использоваться либо для осуждения, либо для насмешки над ожидающим благодарности собеседником, иногда сопровождаясь экзальтированным жестово-мимическим сопровождением. Приведем примеры иронического использования формул благодарности.

Осуждение:

*После Женьки двинешься по конкурентам, а потом проверишь связи Айдарова. — **Ну, спасибо**! **Ну, удружил**, свет мой ясный, сокол сизокрылый! — Сунков подпрыгнул от возмущения. — Я, значит, буду хвосты подчищать, дутые версии опровергать, а ты себе оставил вкусненькое, перспективненькое...* (М. Баконина. Девять граммов пластита);

*— Кончится тем, что тебя придушит кто-нибудь особо безутешный. Принесет тебя в жертву, как язычник. — **Ну, спасибо**, предсказал! — засмеялась Тамара, задевая Крылова, будто бортом лодки, мощным и гладким бедром* (О. Славникова. 2017);

— И ты их оставил? — вскричал генерал, отшвыривая руку, только что пожимаемую крепко и порывисто. — Два танка

оставил! ***Ну****, майор,* ***удружил! Низко тебе кланяюсь****... Свою руку он вдруг ощутил чем-то запачканной, какой-то маслянистой дрянью, и брезгливо ею потряс* (Г. Владимов. Генерал и его армия).

Насмешка над ожидающим благодарности.

— Вообще, вы должны быть мне хоть немного благодарны. Я все-таки мог заблокировать ваш вызов другу вашей жены, чтобы ваш эмоциональный настрой оставался таким же более или менее положительным, чтобы вы ничего не знали. Но я этого не сделал. — ***Ну, спасибо****, — Игорь* ***сделал жест рукой, изображая низкий поклон*** (А. Сальников. Отдел);

— Да уж... — треснувшим голосом говорил Дудырев. — ***Удружил****, студент... — Воспитываем вас, воспитываем... — ворчал Щурков. — Рационализатор, понимаешь... — Я не нарочно... Я для пользы хотел...* (Студенческий меридиан, 1984, № 9).

3) **Да спасибо** используется для выражения мягкого успокоительного намека на отсутствие необходимости в благодеянии, заботы со стороны собеседника. Часто такой коммуникатив предшествует отказу говорящего в принятии приглашения, сообщению о неинформативности совета:

[Дядя Митя (муж)] *Садитесь.* <...> [Анна Степановна (жен)] ***Да спасибо****, время нет. Говорят, незваный гость хуже татарина* (Л. Петрушевская. Уроки музыки);

Но надо ехать быстрее, т. к. их мне кажется тоже очень быстро разберут... А вообще уже продано где-то 27000 билетов (от чувака одного слышал) casper, 2005.11.11 22: 09. ***Да спасибо****, я тоже это недавно узнал... надеюсь успею)))) vanish* [Футбол-2, форум, 2005].

4) **Спасибо на добром слове** часто используется как ответ на комплименты или слова поддержки.

— Лицо у вас чистое и хорошее. Борькина бабушка засмеялась: — ***Вот спасибо на добром слове*** (Г. Галахова. Легкий кораблик — капустный листок);

— Не горюйте, сказала я, — не мучьте себя. Жив ваш Тимоша, дождётся вас, не век же вам лежать на вытяжении! Весна придёт, вынесете его на солнышко... — Ой, спасибо вам, ***спасибо на добром слове****, — пуще заплакала она* (И. Грекова. Перелом).

5) И **на том спасибо** используется в ситуациях неполного по сравнению с ожиданиями благодеяния со стороны собеседника: частичного разрешения, согласия или выполнения обещания.

— Котомку хоть можно оставить? — Оставь. — ***И на том спасибо****!* (Е. Куликов. Дорога домой);

Я не спешу делать выводы по поводу грузовиков и замечу сразу: факт, что именно этим видом транспорта пользуется гореловская читальня, не является для нас доказательством их вины... Марченко буркнул: — ***И на том спасибо****...* (М. Елизаров. Библиотекарь).

6) **Спасибо за всё** чаще используется при прощании или расставании на долгий срок.

— Я уезжаю в Среднюю Азию, мы будем там искать нефть. ***Спасибо за все****, Лилиан* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора);

Прощай, голубчик. ***Спасибо за все****. Ежели нужно, возьми у меня денег на дорогу* (А. Чехов. Вишневый сад).

Анализ вариантов формулы *Спасибо* с междометиями и модальными частицами способствует, с одной стороны, расширению списка этикетных формул благодарности, а с другой стороны, ставит вопрос о необходимости углубленного описания прагматических характеристик единиц интенциональных групп этикетных формул.

3. Ответ на РА благодарности — автоматизированный, дискурсивно ожидаемый этикетный акт с целым рядом формул, обладающих разным потенциалом воздействия на собеседника (см. об этом, в частности, в [Влавацкая 2016]). В список коммуникативов ответа на благодарность входят единицы, по-разному характеризующие само благодеяние, его объект или статус «благодетеля». Список формул включает*: Пожалуйста, Не за что, Не стоит*

(благодарности), Пустяки, Ерунда, Чепуха, Обращайтесь, Всегда пожалуйста, Вам спасибо, На здоровье и ряд других, менее часто встречающихся единиц.

В задачу говорящего, не желающего нарушать равновесие социальных ролей, входит указание на незначительность благодеяния: *не за что, не стоит благодарности, пустяки, ерунда, чепуха*.

Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли... — Вот спасибо-то тебе, ангел ты наш, ***вот спасибо-то****. —* ***Да не за что****...* (В. Шукшин. Материнское сердце).

Официант даже растерялся... — ***Очень благодарен, очень благодарен****... —* ***Ерунда****, — сказал Егор* (В. Шукшин. Калина красная).

При более формальном ответе, демонстрирующем некоторую дистанцию между собеседниками, используется **Пожалуйста**.

Обращайтесь имплицитно указывает на формальный характер речевого жанра благодарности и на официальный статус автора благодеяния. Эта формула приглашения может сопровождать ту или иную формулу ответа на благодарность, а в современной устной речи иногда заменяет ее.

— Спасибо вам, — серьезно сказал Крюков, обращаясь непонятно к кому. — Спасибо. — ***Не за что****, — заметил Вова и потрогал костяшки пальцев на правой руке. — Если что,* ***обращайтесь****. Всегда рады помочь....* (А. Белозеров. Чайка).

(Это) Вам спасибо — ответ благодарностью на благодарность при успешном и благоприятном для обоих участников взаимодействии. «Вам» выделяется экспрессивным ударением.

Для меня это такое чудо и грандиозное событие в моей жизни, что слова «понравилось — не понравилось» здесь просто несколько мелки. Спасибо, Антон. <...> — ***Вам спасибо****!* (А. Метельков, Г. Лукомников. Явно я в Новосибирске);

Спасибо за участие: -). <...>. — ***Вам спасибо****, интересная тема: -)* (Наши дети: Подростки, 2004);

Идите же... — Спасибо. Будьте здоровы. — Не за что. ***Это вам спасибо*** (И. Грекова. На испытаниях).

На здоровье!

В западноязычной культуре укоренилось неверное использование коммуникатива *На здоровье!* в качестве русского заздравного тоста (возможно, под влиянием западнославянского тоста *На здраве!*), который иностранцы путают с коммуникативом *Ваше здоровье!*

Среди гостей я заметил Алекса, <...> мне припомнилась его способность находить в любой американской Тмутаракани очаровательные рестораны и пабы <...> Мы пожали друг другу руки и чокнулись. — Салют. — ***На здоровье*** (Б. Левин. Инородное тело).

В русском языке распространены вежливые формульные ответы на благодарность за подарок или за угощение:

Носите на здоровье говорят в ответ на благодарность за подаренную одежду;
Пользуйтесь на здоровье — за подаренную технику;
Кушайте / Пейте на здоровье! — за принятое угощение.

Коммуникатив *На здоровье!* является редукцией последней из перечисленных формул. Опущение первого компонента *Кушайте/ Пейте* привело к определенной трансформации в употреблении. Коммуникатив используют в ответ на благодарность уже после трапезы, когда сытому говорить «Кушайте» бессмысленно.

Когда чашка и вазочка опустели, он благодушно откинулся на спинку стула и сказал: — Большое спасибо. — ***На здоровье****, — ответила я* (Мартовский кот // «Истории из жизни», 2004).

Популярность коммуникатива *На здоровье!* привела к смещению его употребления в сферу неформальной игровой коммуникации, к использованию в качестве намеренно ненормативного ответа на любую благодарность. При помощи *На здоровье!* говорящий может пытаться снизить пафос ситуации, поставить под сомнение уместность благодарности в целом и т. п. Ср.:

— Ей напишут, — пообещал генерал <...> — Я сам напишу. Нефедов от этого еще сильнее смутился и ответил, кашля-

*нув: — Спасибо... — **На здоровье**, — генерал поднял стопку. — И чего это мы с тобой раскаркались? Верней — я. Ничего не должно случиться* (Г. Владимов. Генерал и его армия).

При помощи коммуникатива также можно иронически ответить собеседнику, выражающему легкую обиду или осуждение через мнимую благодарность. *На здоровье!* в таких контекстах служит в качестве неприятия упрека:

*Я им сразу сказала: «В этой голове студиться нечему. И без того сквозняк». — Спасибо на добром слове. — **На здоровье**. Вертолет еще из-за этой сволочи гоняли!* (С. Данилюк. Бизнес-класс);

*Вам уже за сорок. Талантливые мужики к этому времени успевают все сделать и помереть с сознанием состоявшейся жизни. — Спасибо, — засмеялся Коршунов, — на добром слове. — **На здоровье*** (Г. Щербакова. Подробности мелких чувств).

Еще один устоявшийся в узусе контекст употребления, также изначально шутливый, но уже с сильно стершейся внутренней формой, хотя и сохраняющий экспрессивный и часто негативный запал, — это выражение полного безразличия, непротиводействия в ответ на чьи-то экспансивные намерения или действия.

*Объединенное «Единство», например, пошло по другому пути. — **На здоровье**. КПСС тоже ходила по разным путям* (С. Бабаева. Г. Явлинский: «В двух часах лета все существует в практическом виде» // Известия. 16.12.2001).

*Но его дом требует ремонта, и поэтому мы с Василием Парамоновичем и Петенькой поживем пока у нас, если ты не возражаешь. — **На здоровье!** — сказал резче, чем собирался, а потом жалел* (Б. Васильев. Дом, который построил Дед).

С недавнего времени нейтральное *На здоровье!* стало встречаться в ответ на благодарность за оказанную медицинскую помощь. Что это — прагматическая ошибка людей, нечувствительных к языку, или очередной этап расширения употребления коммуникатива у нового поколения?

Выводы

Фатическая функция со стороны ее формальных выразителей неоднородна, «трехслойна». Представляется, что для полноценного ее описания следует рассматривать единицы каждого уровня отдельно. Самый формально однозначный уровень фатики — уровень этикетных и коммуникативных формул, распределенный по интенциональному принципу в синонимические группы. В задачу описания таких единиц входит также выявление индивидуальных прагматических свойств каждой единицы, которые формируются в результате ее регулярного использования в коммуникации. Можно ставить вопрос о прагматической узуализиции этикетных формул. Учет прагматического своеобразия этикетных формул будет способствовать их более углубленному пониманию и более продуктивному обучению этим единицам в иностранной аудитории, адекватному использованию этикетных и коммуникативных формул в речи.

Литература

Акимова Т. П. Содержание и оформление высказывании, реализующих коммуникативное намерение благодарности, в русском эпистолярном тексте XIX–XX веков // Речь. Речевая деятельность. Текст: материалы Всероссийской межвузовской научной конференции, посвященной памяти профессора Г. Г. Инфантовой / отв. ред. И. В. Голубева, Н. А. Сенина. Таганрог, 2012. С. 7–13.

Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принцип его лексикографического описания. Новокузнецк (НГПИ), 2002. 228 с.

Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.

Винокур Т. Г. Информативная и фатическая речь как обнаружение разных коммуникативных намерений говорящего и слушающего // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 2–29.

Влавацкая М. В. Комбинаторика единиц речевого этикета в контексте ситуации «ответ на благодарность» в русском языке // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 9–22.

Гольдин В. Е. Этикет и речь. Саратов. Изд-во Сарат. ун-та, 1978. 120 с.

Костомаров В. Г. Русский речевой этикет // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 56–62.

Михальчук Т. Г. Русский речевой этикет: практикум: учеб. пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2016. 319 с.

Михальчук Т. Г. Речевой этикет в русской художественной литературе. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005. 132 с.

Михальчук Т. Г., Ваджибов М. Д. Этикетная ситуация «благодарность» в русской художественной литературе и в полилингвальных условиях разговорной речи // Наука. Мысль. 2015. № 11. С. 77–82.

Стернин И. А. Русский речевой этикет. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1996. 73 с.

Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М.: ИКАР, 2005. 159 с.

Шаронов И. А. Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / Под общ. ред. В. И. Заботкиной. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 141–184.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика, в кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

B. Malinowski. The Problem of Meaning in Primitive Languages. London: Kegan Paul, Trench and Trubner. 1923, pp. 296–336.

О. А. Шарыкина
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
oka_2311@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОПИСАНИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ В «АКАДЕМИЧЕСКОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА»

Настоящая статья посвящена особенностям описания устаревшей лексики, представленной в «Академическом толковом словаре русского языка» (АТоС), работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. Указываются причины присутствия подобных слов в различных толковых словарях. Прежде всего это соблюдение принципа системности: пассивная лексика наряду с активной образует единую языковую систему. Отмечается, что устаревшая лексика в первых трех томах словаря представлена более чем 600 лексическими единицами. Они маркируются в словаре следующими стилистическими пометами: «ист.» для историзмов — слов, обозначающих ушедшие реалии, «устар.» — для архаизмов, устаревших слов или значений, вытесненных в языке синонимичными единицами, и «устаревающее» — для слов или значений, которые постепенно выходят из активного употребления. Поскольку «Академический толковый словарь русского языка» базируется на материале 2-го издания «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (1981–1984), затрагивается проблема изменения стилистического статуса устаревших слов за прошедшее время. Во многих случаях эти изменения обусловлены тем, что исчезли те реалии, которые они обозначали, или слово стало менее употребительным в современном литературном языке. Приводятся примеры устаревших слов, которые были добавлены в словник АТоСа и которые по разным причинам отсутствовали в словаре А. П. Евгеньевой.

Ключевые слова: толковый словарь, устаревшая лексика, историзмы, стилистические пометы

Вопрос о необходимости включения в толковые словари устаревшей лексики имеет давнюю историю и актуален не только для российской, но и для зарубежной лексикографии (см. об этом, например, в [Касарес 1958: 276]). Действительно, несмотря на существование большого количества словарей, посвященных архаизмам и историзмам (приведем некоторые из них: «Школьный словарь устаревших слов русского языка» [Рогожникова, Карская 1996], «Словарь редких и забытых слов» [Сомов 1996], «Словарь устаревших слов» [Ткаченко, Андреева, Баско 1997], «Словарь архаизмов» [Смирнов, Глобачев 2001], «Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка» [Фёдоров 2012]), такая лексика традиционно представлена в обычных современных толковых словарях наряду с общеупотребительной. Среди причин этого можно выделить две основные: 1) соблюдение принципа системности, на который обращал внимание еще Л. В. Щерба: пассивная лексика наряду с активной образует единую языковую систему; мы можем понимать определенные слова, встречая их, например, в художественной литературе, но не употреблять в речи [Щерба 1940: 89–117]; 2) словари, посвященные исключительно устаревшей лексике, зачастую неизвестны обычным пользователям, которые в большинстве случаев предпочитают обращаться к авторитетным однотомным толковым словарям или словарям среднего объема.

Устаревшая лексика представлена и в «Академическом толковом словаре русского языка» [Крысин (ред.) 2016]. Первые два тома словаря были изданы в 2016 г., третий том в настоящее время подготовлен к печати [Цумарев, Шестакова (ред.) (в печати)]. АТоС создается на базе 2-го издания «Словаря русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (Малый академический словарь; МАС) [Евгеньева 1981–1984], вышедшего в свет в начале 1980-х гг., и призван прежде всего отразить те изменения, которые произошли в лексике русского языка за прошедшие десятилетия. В процессе работы над АТоСом авторский коллектив столкнулся с целым рядом задач, связанных не только с обновлением иллюстративных примеров и добавлением новых слов и значений, которых не было в МАСе, но и с изменением стилистического статуса некоторых слов, отмеченных в словаре А. П. Евгеньевой в том числе и как устаревшие. О некоторых из них будет рассказано в данной статье.

Прежде всего стоит отметить, что устаревшая лексика довольно широко представлена в первых трёх томах АТоСа и составляет свыше 600 слов и фразеологических сочетаний. Для их маркирования используются следующие стилистические пометы: «ист.» (историзм) применяется по отношению к словам, которые обозначают ушедшие реалии (например, *будёновка, денщик, дилижанс*); «устар.» (устаревшее слово или значение) — применяется по отношению к словам, имеющим в настоящее время другие наименования (например, *авиатор* ‘тот, кто занимается полетами, авиацией; летчик’, *денной* ‘то же, что дневной’, *вкупе* ‘вместе’, *заарендовать* ‘взять в аренду’), и помета «устаревающее», введенная в третьем томе словаря и приписывающаяся словам или их значениям, которые ещё не вышли из активного употребления, но встречаются в современной речи всё реже (например, *загодя* ‘заранее, заблаговременно’ получило в 3 томе помету «прост. устаревающее»). Сравнивая первые две пометы с аналогичными в МАСе, можно отметить, что помета «ист.» в словаре под ред. А. П. Евгеньевой расшифровывалась не как «историзм», а как «история», т. е. то, что относится к исторической науке (реалии дореволюционной России, Античности, Средневековья и т. п.). Такие слова, как правило, маркировались в АТоСе как историзмы. К ним отнесены также названия старинных монет (ср. *алтын, гинея, дублон, ливр*), мер веса и длины (ср. *берковец*, *доля*, *десятина, аршин*), исторической одежды (ср. *армяк*, *епанча, жупан*), оружия (ср. *алебарда, аркебуза, доломан*), посуды (ср. *ендова*), названия старинных профессий, титулов и т. п. (ср. *дворянин, ассесор, душеприказчик*), советизмы — слова, обозначающие реалии советского времени (ср. *горком, гороно, всевобуч*) и т. д. Стоит также отметить, что историзмы в АТоСе часто сопровождаются историческими ремарками, открывающими толкование слова, ср.:

АРАКЧЕ́ЕВЩИНА. 1. *Ист*. В начале XIX в. в России: режим неограниченного полицейского деспотизма, произвола военщины.

ВОЖА́ТЫЙ. 2. *Ист*. В советское время: руководитель пионерского отряда или дружины в школе, детском доме, летнем лагере.

ГЕТЕ́РА. 1. *Ист*. В Древней Греции: образованная незамужняя женщина, ведущая свободный, независимый образ жизни.

МА́ЛЬЧИК. 2. *Ист.* В России до 1917 года: слуга-подросток в частном доме или в каком-л. заведении.

Некоторые слова, отмеченные в МАСе как устаревшие или описанные как актуальные, изменили свой стилистический статус. В частности, перешли в историзмы, поскольку за прошедшие десятилетия реалии, которые они обозначали, исчезли, например:

в МАСе имели помету «устар.» — в АТоСе получили помету «ист.»	в МАСе не имели пометы — в АТоСе получили помету «ист.»
• *альмавива* ‘широкий мужской плащ особого покроя’ • *амазонка* (во 2 знач.) ‘женское длинное платье особого покроя для верховой езды’ • *бареж* ‘легкая полупрозрачная ткань’ • *девичья* ‘комната для дворовых девушек в помещичьих, барских домах’ • *домохозяин* (в 1 знач.) ‘глава крестьянского дома, хозяйства’	• *арифмограф* ‘счетная машина для механического выполнения арифметических действий с автоматической записью производимых вычислений’ • *гектограф* ‘упрощенный печатный прибор для размножения машинописного или рукописного текста или иллюстраций’ • *граммофон* ‘музыкальный аппарат с рупором, воспроизводящий звуки, записанные на особые пластинки’ • *диафильм* ‘последовательность диапозитивов на пленке’

Среди слов и фразеологических выражений, которые не были отмечены как устаревшие в МАСе и которые получили помету «устар.» в АТоСе, можно указать следующие: *демонстрировать* (в 1 знач. ‘принять (принимать) участие в демонстрации (в 1 знач.)’), *день за день* (‘однообразно, без каких-л. изменений, событий’), *авиатор* (‘тот, кто занимается полетами, авиацией; летчик’), *агитмассовый* (‘относящийся к агитационной, общественно-политической работе среди широких масс’), *от аза до ижицы*

(‘с начала до конца’), *азартничать* (‘проявлять азарт’; в МАСе имело помету «разг.», в АТоСе получило пометы «разг., устар.»), *питаться акридами* (‘скудно питаться, голодать’; в МАСе без пометы, в АТоСе «книжн., устар.»), *акт* (в 4 знач. ‘торжественное собрание в учебных заведениях или научных учреждениях’), *анафема* (во 2 знач. ‘употребляется как бранное слово’; в МАСе «прост.», в АТоСе «прост., устар.»), *анекдот* (во 2 знач. ‘происшествие, событие необычного характера’; в МАСе «разг.», в АТоСе «разг., устар.»), *анемический* (‘то же, что анемичный’), *аноним* (во 2 знач. ‘сочинение, письмо без обозначения имени автора’), *антипатический* (‘то же, что антипатичный’), *вино* (во 2 знач. ‘водка’; в МАСе «разг.», в АТоСе «прост., устар.»), *винокур* (‘тот, кто занимается винокурением’), *заарендовать* (‘взять в аренду’), *золотопромышленник* (‘владелец золотых приисков)’ и др. Обращает на себя внимание слово *вития* (‘оратор, мастер красноречия, устного или письменного’), которое в МАСе имело помету «трад.-поэт.», в АТоСе получило пометы «книжн., устар. и ирон.», ср.:

ВИТИ́Я, -и, род. мн. в и т и й, *м.*, *одуш. Книжн. устар.* и *ирон*. Оратор, мастер красноречия, устного или письменного. *Древние витии*. □ О *чем шумите вы, народные витии?* А. Пушкин. Клеветникам России. И *устремлялися все взоры на него, И силой слова своего Вития властвовал*. Е. Баратынский. Рифма. *Или заняты, или прячутся от нас местные витии, наобещавшие с три короба*. В. Астафьев. Затеси.

Соответственно изменились пометы и у глагола *витийствовать* (‘ораторствовать, говорить красноречиво’): в МАСе были «книжн., устар.», в АТоСе — «книжн., устар. и ирон.»), ср.:

ВИТИ́ЙСТВОВАТЬ, -с т в у ю, -с т в у е ш ь; *несов. Книжн. устар*. и *ирон*. Ораторствовать, говорить красноречиво. *Ну что ж? витийствуйте, ищите прав природы, Волнуйте, мудрецы, безумную толпу.* А. Пушкин. Недвижный страж дремал на царственном пороге. *И думал я: витийствовать не надо. Мы не пророки, даже не предтечи*. О. Мандельштам. Лютеранин. *В курилке витийствовали вчерашние солдаты, поступившие в университет, или те, кто продолжал учение, прерванное лихой годиной*. Ю. Давыдов. Синие тюльпаны.

Отдельно стоит отметить случаи, когда помета «устар.» присваивалась не слову или какому-либо его значению, а определенной форме этого слова. Например, в статье ВИТРАЖ такую помету получила форма родительного падежа с ударением на второй слог, ср.:

ВИТРА́Ж, -р а ж а́ и (*устар.*) -р а́ ж а, *м.*

А в статье АКУШЕР в качестве устаревшей отмечен вариант АКУШЁР (в МАСе являющийся единственным вариантом произношения этого слова), ср.:

АКУШЕ́Р и *устар.* **АКУШЁР**, *-а, м., одуш.*

Все указанные изменения опирались прежде всего на современные примеры употребления слов в Национальном корпусе русского языка и на данные новейших толковых словарей, в частности «Большого академического словаря русского языка» [Горбачевич, Герд (ред.) 2004] и «Большого толкового словаря русского языка» под ред. С. А. Кузнецова [Кузнецов (ред.) 2008].

Отмечены также случаи, когда слово, данное в МАСе с пометой «устар.», активизировалось в современной речи и утратило данную помету в АТоСе, например, союз *ибо*, ср.:

МАС: **И́БО**, *союз. Устар.* и *книжн.* Употребляется в придаточном причинном предложении, соответствует по значению союзам: *потому что*, *так как*. *Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится.* Лермонтов, Княжна Мери. *Инженер сказал, что сейчас никто не работает на антраците, ибо попытки, имевшие место на разных заводах, были неудачны.* М. Павлов, Воспоминания металлурга.

АТоС: **И́БО**, *союз. Книжн.* Употребляется в придаточном предложении причины, соответствует по значению союзам: потому что, так как. *Известно*, *что*, *переезжая быстрые речки*, *не должно смотреть на воду*, *ибо тотчас голова закружится*. М. Лермонтов. Княжна Мери. *Нехорошо это — спорить, ибо в споре сшибаются, как два безмозглых барана, самомнение и упрямство, и что бы ни победило — всё плохо*. М. Семенова. Знамение пути. *Работники тайной полиции во всех странах*

неплохие психологи, ибо имеют дело с глубинами человеческой натуры, не всегда привлекательными. А. Слаповский. Большая книга перемен.

Основанием для принятия такого решения послужило несколько причин: активное функционирование данного слова в современных текстах, а также исследования, касающиеся смены стилистического статуса *ибо*, в частности, статья Н. И. Киреева «Хорошо забытые старые слова в современной речи: случай *ибо* и *дабы*» [Киреев 2024: 146–169]. Немаловажную роль сыграл также опрос, проведенный А. Р. Пестовой в своем телеграм-канале «Помогите словарю» (t.me/pomogite_slovarju). В нем приняло участие около 400 человек в возрасте от 14 до 65 лет. Примерно половина из них — лингвисты, остальные информанты — представители иных профессий, но важно отметить, что эти люди активно интересуются русским языком, в частности вопросами нормы и стилистики. 52% опрошенных указали, что считают *ибо* устаревшим словом. Однако в комментариях многие указывали, что в разных контекстах ощущают это слово по-разному, преимущественно как книжное слово, которое трудно представить в непринужденной разговорной речи. 26% считают *ибо* книжным словом. В результате обсуждения данной статьи коллективом авторов АТоСа слову *ибо* была присвоена помета «книжн.».

Стоит также отметить, что некоторые устаревшие слова и значения, представленные в МАСе, по разным причинам не вошли в АТоС. В первую очередь это коснулось редких устаревших слов, которые практически не встречаются даже в литературе XIX в. (ср. *душегрея* — более редкий вариант по сравнению с *душегрейкой*), и культурно значимых слов, более уместных в энциклопедических изданиях. В то же время в АТоС — с пометой «ист.» — были включены слова, отсутствующие в МАСе. В частности, это лексика, которая в советское время по идеологическим и иным причинам не была представлена в словарях, например: *высокоблагородие* (‘в дореволюционной России: титулование, присвоенное офицерам и чиновникам от восьмого до шестого класса (включительно) по Табели о рангах’), *высокопревосходительство* (‘в дореволюционной России: титулование, присвоенное офицерам и чиновникам первого и второго класса по Табели

о рангах’), *Добровольческая армия* (‘часть Белой армии на юге России в 1917–1920 гг. во время Гражданской войны’), *духовенство* (‘на Руси и в дореволюционной России: священнослужители и церковнослужители как духовное сословие’), *гофмейстер* (‘в средневековой Германии, а также в дореволюционной России с XVIII в.: один из старших придворных чинов, ведавший придворным церемониалом’); *чёрный ворон* (‘в годы сталинских репрессий: закрытый автомобиль для перевозки арестованных’) и др. В АТоС также была добавлен отсутствующий в МАСе фразеологизм *Дорога жизни*, ср.:

> **Дорога жизни** (*ист.*) — во время Великой Отечественной войны единственная транспортная магистраль через Ладожское озеро, связывавшая блокадный Ленинград со страной. *Витю я помню с Казани, куда он после ранения выбрался из Ленинграда по Дороге жизни.* С. Капица. Мои воспоминания.

Ещё одно слово, которое хотелось бы упомянуть, — это *дискета* (‘гибкий магнитный диск, являющийся носителем небольшого объема информации в электронном виде, заключенный в пластиковый корпус квадратной формы’). Оно вошло в АТос с пометами «инф. ист.» и отсутствующая в МАСе, поскольку дискеты в России появились только в конце 1980-х гг. и практически перестали существовать к моменту написания АТоСа.

Таким образом, работа над «Академическим толковым словарем русского языка», с одной стороны, вскрыла необходимость добавления в словник некоторых устаревших слов и фразеологических выражений, которые по разным причинам отсутствовали в МАСе, а с другой — показала, как изменилась эта лексика в стилистическом плане за последние десятилетия.

Литература

Горбачевич К. С., Герд А. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 1–. СПб.: Наука, 2004–.

Евгеньева А. П. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1–4.

Касарес Х. Введение в современную лексикографию. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

Киреев Н. И. «Хорошо забытые старые слова в современной речи: случай *ибо* и *дабы*» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2024. № 3 (41). С. 146–169.

Крысин Л. П. (отв. ред.). Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А — Вилять; Т. 2: Вина — Гяур. М.: Издательский дом ЯСК, 2016.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб., Норинт, 2008.

Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Школьный словарь устаревших слов русского языка: По произведениям рус. писателей XVIII–XX вв. М.: Просвещение, 1996.

Смирнов И., Глобачев М. Словарь архаизмов / Сост. И. Смирнов, М. Глобачев. М.: ТЕРРА, 2001.

Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996.

Ткаченко Н. Г., Андреева И. В., Баско Н. В. Словарь устаревших слов. М.: Рольф, 1997.

Фёдоров А. И. Толковый словарь устаревших слов и фразеологических оборотов русского литературного языка. М.: Восток-Запад, 2012.

Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л. (ред.) Академический толковый словарь русского языка. Том 3. Отв. ред. А. Э. Цумарев, Л. Л. Шестакова. [в печати].

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // ИАН ОЛЯ. 1940. № 3. С. 89–117.

А. Д. Шмелев
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
shmelev.alexei@gmail.com

ЯЗЫКОВОЕ МАСТЕРСТВО СОЛЖЕНИЦЫНА В «РАКОВОМ КОРПУСЕ» И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

В статье рассматриваются языковые особенности повести «Раковый корпус» и трудности, возникающие при переводе соответствующих фрагментов текста. Обсуждаются конкурирующие переводческие решения при передаче таких фрагментов и потери, возникающие при выборе того или иного решения. В частности, упоминается противопоставление контекстно-смысловой стратегии и стратегии конкорданса. Рассмотрена роль несобственно-прямой речи как показателя точки зрения персонажей и переходы от точки зрения одного персонажа к точке зрения другого; обсуждаются маркеры такого перехода. Совсем кратко упоминается художественная нагрузка пунктуации (в частности, скобки как маркер сдвига «точки зрения» в рамках несобственно-прямой речи). Кратко рассмотрены паремии (пословицы, поговорки, прибаутки), часто рифмованные, в речи персонажей, в частности Чалого, и стратегии переводчиков при передаче паремий. Внимание также уделяется языковым выражениям, соотнесенным со «сквозными мотивами» повести, в том числе лексическим единицам, описывающим эмоциональное состояние персонажей (*тоска*, *тревога*), и роли этих единиц в композиции произведения. Высказано предположение, что в переводе бывает трудно вызвать у иностранного читателя те ассоциации, которые естественным образом возникают или могут возникать у русского читателя.

Ключевые слова: художественный текст, несобственно-прямая речь, перевод, контекстно-смысловая стратегия, стратегия конкорданса

Как известно, Татьяна Григорьевна Винокур — пионер исследований языка Солженицына. Многие ее наблюдения над языком «Одного дня Ивана Денисовича», вошедшие в статью, опублико-

ванную в 1965, сохраняют свою значимость и в настоящее время. В частности, можно упомянуть описание роли несобственно-прямой речи, а также способов создания речевой маски Ивана Денисовича (индивидуальные особенности речи героя, более широкие приметы его родного тегменёвского говора, речевой колорит среды, окружающей его в заключении, включающий индивидуализацию речи других персонажей, показанных через восприятие Ивана Денисовича). Особое внимание Т. Г. Винокур уделила лексическим пластам «Одного дня...».

В начале 1990-х годов в журнале «Вопросы литературы» был опубликован расширенный вариант статьи [Винокур 1965], в который вошли фрагменты, невозможные для публикации в условиях советской цензуры, личные воспоминания Татьяны Григорьевны и ее наблюдения над языком некоторых других рассказов Солженицына (см. [Винокур 1991]). Но там же она писала о первых «больших» произведениях Солженицына, которые она прочла: «...(чуть меньше — в “Раковом корпусе”, чуть больше — “В круге первом”) <...> вдруг возникало, как-то немотивированно и непредвиденно, нечто чуждое; какая-то потеря стиля, беспроигрышного языкового вкуса; какая-то огорчительная смесь убивающей наповал коварной солженицынской точности с бледными пассажами в духе добротного соцреализма». И продолжала: «И все же вдруг наконец (“на неделю!”, “строжайше!”, “вернуть не позже, чем во вторник утром!”, “уходя запирать в бельевом шкафу!”) мне приносят “ГУЛАГ”, а потом “Август 14-го”. Я даже не могу передать, что́ это было за чувство: радости, почти счастья, конечно; и, пожалуй, еще облегчения (именно облегчения). Потому что мы не ошиблись: настоящая русская классическая литература жива и в ней есть все, чему и полагается быть: прежде всего — ПРАВДА» [Винокур 1991: 13].

Здесь закономерно возникает вопрос, касающийся восприятия Татьяной Григорьевной языка и поэтики «Ракового корпуса» и романа «В круге первом»: что именно было воспринято ей как «огорчительная смесь убивающей наповал коварной солженицынской точности с бледными пассажами в духе добротного соцреализма»? В отношении «В круге первом» можно предположить, что поскольку Татьяна Григорьевна тогда читала облегченную и «искаженную» в расчете на советскую публикацию

версию романа (87 глав), то она почувствовала, что это не совсем подлинный текст. Однако проверка этого предположения потребовала бы тщательного сопоставления языковых особенностей обеих версий романа: облегченной и полной (96 глав). Это работа не сегодняшняя.

А вот относительно «Ракового корпуса» представляется, что лингвистический анализ может выявить языковую неоднородность повести и поможет проникнуть в особенности ее поэтики.

Здесь сразу надо отметить черту, сближающую «Раковый корпус» с ранними рассказами Солженицына. Это отмеченное в статьях [Винокур 1965; 1991] использование несобственно-прямой речи, маркирующее точку зрения персонажа (о роли несобственно-прямой речи в «Одном дне Ивана Денисовича» см. также [Шмелев 2013]). Как известно, несобственно-прямой речью называется «отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятия или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причем передача текста повествователя не маркируется ни графическими знаками (или их эквивалентами), ни вводящими словами (или их эквивалентами)» [Шмид 2003: 225]. Однако в ранних рассказах Солженицына обычно есть протагонист, с точки зрения которого ведется повествование, и именно его несобственно-прямая речь, временами чередующаяся с авторской речью и с прямой речью персонажей, и выступает в качестве средства, маркирующего его точку зрения. В «Одном дне Ивана Денисовича» на протяжении всего рассказа повествование ведется в основном с точки зрения Ивана Денисовича, и этому соответствует несобственно-прямая речь в рассказе. В «Случае на станции Кочетовка» в роли такого протагониста выступает лейтенант Зотов. Авторская речь в рассказах — это яркая образная речь носителя литературного языка с целым рядом узнаваемых индивидуальных характеристик. Что же касается до речи персонажей, то в ней часто господствует разговорно-просторечная стихия, но в разном обличье. В «Матрёнином дворе» можно видеть «безупречную по точности и правдоподобию, но в то же время поразительную по силе художественной типизации и редкую по красоте — именно по настоящей народной красоте — речь Матрёны». А в рассказах «Случай на станции Кочетовка» и «Для пользы дела» мы обнаруживаем в прямой речи многих персонажей пронизывающую их

«разговорную характерность — речь советскую, тоже: или более или менее просторечную; или более или менее литературную (то есть нормативно-правильную), но все равно квази-народную, в которой погублена вот эта самая истинная красота цельной натуры, чистой души, никак не связанной с институциями нового социального быта» [Винокур 1991: 6].

На этом фоне обращает на себя внимание сложное языковое строение «Ракового корпуса». В нем повествование в форме несобственно-прямой речи попеременно ведется с точки зрения Русанова и Костоглотова (а в отдельных эпизодах — с точки зрения Донцовой, Веры Гангарт, Дёмы), и, поскольку несобственно-прямая речь не маркируется ни графическими знаками, ни вводящими словами, переход от одной точки зрения к другой не всегда бросается в глаза. Не случайно А. М. Борщаговский во время обсуждения первой части «Ракового корпуса» на расширенном заседании бюро творческого объединения прозы московской писательской организации СП РСФСР сказал: «Не знаю, удастся ли всем, каждому критику этой книги, разгадать, когда говорится об этой палате, когда она видится глазами Русанова, а когда об этом говорит Костоглотов» [Сборник: 246]. Лишь отдельные знаки позволяют без всяких затруднений с точностью определить, с чьей несобственно-прямой речью мы имеем дело. Так, Русанов, думая о Костоглотове, регулярно мысленно именует его *Оглоед*[1], тогда как в остальных случаях он именуется *Костоглотов* или *Олег*. Поэтому, когда в двух соседних абзацах в первом используется именование *Оглоед*, а во втором — *Костоглотов*, это ясное свидетельство перехода от точки зрения Русанова к точке зрения другого персонажа (скорее всего — самого Костоглотова). Однако в большинстве случаев непосредственных, легко опознаваемых формальных сигналов принадлежности несобственно-прямой речи тому или иному персонажу в тексте нет[2].

---

[1] В словаре Даля слово *оглоед* толкуется как «нахал, наглец, живущий на чужой счет».

[2] Когда несобственно-прямая речь у Солженицына (в частности, в «Раковом корпусе») выступает в качестве комментария к чьей-либо прямой речи, она часто заключается в скобки [Шмелев 2006: 523–526]. Однако указания на то, чью именно точку зрения она выражает, и в этом случае нет.

В «Раковом корпусе» в значительной мере (особенно в первой части) повествование ведется с точки зрения Русанова. Но Русанов мыслит советскими штампами, и поэтому его несобственно-прямая речь изобилует отрывками, которые могли бы быть охарактеризованы как «пассажи в духе добротного соцреализма». Иногда эти отрывки поданы в сатирически-гротескной форме. Так, после абзаца, в котором в форме несобственно-прямой речи передаются мысли Русанова о Вадиме Зацырко (*Он почти не знал Вадима. Хотя тот и был членом партии, но еще слишком молодым. И не руководящим работником, а узким специалистом. Что у него могло быть натолкано в голове — это было невозможно представить. Но один раз он очень обнадежил Павла Николаевича: говорили в палате о сосланных нациях, и Вадим, подняв голову от своей геологии, посмотрел на Русанова, пожал плечами и тихо сказал ему одному: «Значит, что-то было. У нас даром не сошлют»*), следует комментарий, продолжающий эти мысли: *Вот в этой правильной фразе Вадим проявил себя как умный и непоколебимый человек*. Однако в других случаях гротеск не так заметен, и отсюда вполне может возникать ощущение «добротного соцреализма».

Возвращаясь к именованиям *Оглоед* и *Костоглотов*, можно заметить, что они составляют некоторую проблему для перевода на другие языки, в которых не очевидна внутренняя форма фамилии *Костоглотов*. Когда Русанов первый раз слышит фамилию *Костоглотов* применительно к персонажу, которого он мысленно прозвал *Оглоед*, его мысли передаются так: *Ну надо же! — как Павел Николаевич верно схватил! Костоглод — Оглоед — точно!* В английском переводе Николаса Бетелла и Дэвида Бурга прозвище *Оглоед* передается как *Bone-chewer*, а несобственно-прямая речь Русанова переведена так: *Well, well, well! Pavel Nikolayevich had hit the nail on the head! The nickname was perfect!* Поскольку связь прозвища *Bone-chewer* и фамилии *Костоглотов* не может быть очевидна для англоязычного читателя, к этой фразе сделано примечание: «*Kostoglot* in Russian means “bone-swallower.”» Сходная, хотя и не тождественная стратегия избрана в переводе на французский язык (переводчики — группа славистов: А. и М. Окутюрье, Л. и Ж. Нива и Ж.-П. Семон). Прозвище *Оглоед* передано как *Grandegueule* (буквально ‘большая пасть’; слово иногда используется

по отношению к крикунам и горлопанам), а несобственно-прямая речь Русанова переведена так: *Ça alors! On peut dire que Paul Nikolaïevitch avait vu juste et que le vrai nom de cet homme concordait avec le surnom qu'il lui avait donné*. Здесь опять-таки оказалось необходимым примечание переводчиков: «*Kostoglotov* le mot suggère en russe l'idée d'avaler un os».

Можно сравнить также переводческие решения при передаче произношения персонажа. В главе 26 Лев Леонидович рассказывает о «товарищеском» суде над хирургом и о своем выступлении на нем. Он сказал на суде: «Мы, хирурги, каждый вторник и каждую пятницу идем на риск, на минное поле идем! И наша работа вся основана на доверии, мать должна доверять нам ребенка, а не выступать свидетелем в суде!» Рассказывая об этом, он говорит: «И это ещё — русский хирург! А если бы был немец или, вот скажем, жьжьид, — протянул он мягко и долго «ж», выставляя губы, — так повесить, чего ждать?.. Аплодировали мне! Но как же можно молчать? Если уж петлю затягивают — так надо рвать, чего ждать?!» В английском переводе это передано почти буквально, использован сленговый аналог слова *жид* (*Yid*), хотя англоязычному читателю может быть не вполне понятно, что имеется в виду под «мягким» *у* (поскольку *у* и так обозначает палатальный звук): "And this surgeon was Russian! If he'd been a German, or, let's say, a Y-yid" — his lips protruded as he drew out the soft "y" and at length — "they'd all be crying 'Hang him! Why wait?' They clapped after I'd finished, but how could I have kept silent? If they're putting a noose round your neck, you have to tear it off, there's no point in waiting". Кроме того, мы можем заметить, что повторенная фраза «чего ждать?» переведена по-разному. Во французском переводе повторенная фраза передана одинаково в обоих случаях (*et plus vite que ça!*); при этом для передачи слова *жьжьид* использовано нейтральное слово *juif*, записанное как *jjuif*.

Иногда мы можем наблюдать полностью различные стратегии перевода. В главе 3 (*Пчёлка*) Костоглотов называет медсестру Зою *пчёлка с чёлкой*. Во французском переводе это передано буквально — *ma petite abeiile à frange* (а глава, соответственно, называется *La petite abeiile*), но при этом теряется незамысловатая рифма. Английские переводчики предпочли сохранить рифму, но для этого им пришлось заменить пчелку на медвежонка:

название третьей главы в английском переводе Бетелла и Бурга — *Teddy bear*, а Костоглотов называет Зою *Teddy bear with the golden hair*.

Отдельного упоминания заслуживают проблемы перевода паремий (пословиц, поговорок, прибауток и т. д.). Я не буду здесь подробно рассматривать все паремии, используемые в «Раковом корпусе», и их соответствия в рассматриваемых переводных текстах, поскольку это уже сделано в статье [Шмелев 2020]. Коснусь одной из многочисленных прибауток в речи Максима Чалого. Заигрывая с санитаркой Нэлей, Чалый говорит: «Живот на живот — всё заживёт». В своем переводе Бетелл и Бург использовали в качестве эквивалента переделку известной английской поговорки *An apple a day keeps the doctor away*, а именно: *A woman a day keeps the doctor away*. Здесь мы видим целый ряд отличий от смысла оригинальной русской фразы: в переводе речь идет только о здоровье мужчины, а в качестве условия предлагается некоторое строгое расписание. Зато французские переводчики нашли (или придумали?) практически точный эквивалент русской прибаутки: *Panse à panse, tout se panse*.

В некоторых случаях потери при переводе неизбежны. В одном из эпизодов мальчик Дёма говорит Вадиму Зацырко, что готов отказаться от операции, и поясняет, на что он в этом случае рассчитывает: *Да на авось. А может само пройдет!* И более рационально настроенный Вадим возражает ему пословицей: *Нет, Дёма, на авось мостов не строят*, — и продолжает: *От авося только авоська осталась. Рассчитывать на такую удачу в рамках разумного нельзя*.

Понятно, что нет возможности сохранить игру слов *авось — авоська* в переводах. Задача переводчика — представить общий смысл реплики Вадима. В английском переводе Бетелла и Бурга она представлена так: *No, Dyomka, bridges aren't built on perhapses. Perhaps doesn't lead anywhere, only to more perhapses. You can't bank on that sort of luck, it's unreasonable*. Переводчики избрали словарный эквивалент для слова *авось*, а именно — *perhaps*. Общий смысл реплики передан верно, но ее языковое оформление может вызвать недоумение: ведь высказывание гипотез (в том числе со словом *perhaps* 'возможно') не противоречит рациональному подходу.

Во французском переводе реплика Дёмы передана так: *Au petit bonheur. Mais peut-être que ça pourra arranger tout seul*, а реплика Вадима: *Non, Diomka. Le hasard n'a jamais construit les ponts. Le hasard ne mêne â rien. Compter sur une chance comme celle-lâ n'est pas du domaine du raisonnable*. Смысл диалога тоже передан здесь совершенно верно, но утрачено то, что Вадим привел пословицу, содержащую слово, употребленное Дёмой, и афористично обыграл его.

Отдельную проблему для перевода составляют языковые выражения, соотнесенные со сквозными мотивами произведения (их можно назвать «ключевыми словами»). Очень часто для таких выражений в языке перевода нет однозначного соответствия. В таких случаях переводчик может следовать одной из двух стратегий: контекстно-смысловой стратегии и стратегии конкорданса. В случае выбора контекстно-смысловой стратегии в каждом отдельном случае используется переводной эквивалент, максимально подходящий по смыслу именно в данном контексте. Для разных контекстов выбор переводного эквивалента может быть разным, и тогда в переводном тексте теряется ощущение сквозного мотива. В случае выбора стратегии конкорданса переводчик переводит каждое из вхождений исходного языкового выражения единообразно, но в этом случае возникают существенные смысловые сдвиги по сравнению с оригинальным текстом.

Кратко коснемся трех «сквозных мотивов» «Ракового корпуса»: мотиву *тоски*, мотиву *тревоги* и мотиву *счастья*.

В «Раковом корпусе» *тоске* с самого начала попадания в больницу поддается Русанов (часто это чувство усиливается из-за мрачных слов Ефрема Поддуева и из-за общего недовольства Русанова больничной обстановкой), поэтому чаще всего слово *тоска* встречается в начальных главах и далее — до главы 23 «Зачем жить плохо?». (После этого слово *тоска* или его производные *тоскливый*, *тоскливо* появляются изредка и уже не в связи с Русановым.) В главе 23 в палате появляется Максим Чалый, и он почти сразу после своего появления в палате провозглашает: «Кто меньше толкует — тот меньше тоскует», — в переводе Бетелла и Бурга *Less talk, less pain*, во французском переводе *Moins on raisonne et moins on a d'idées noires*. Когда Чалый в какой-то момент предлагает Русанову выпить водки (запрещенной к употреблению в больнице),

то тоска улетучивается (удается ее *с души сплеснуть*): *Истинно по-русски пренебрег Павел Николаевич и недавними страхами, и запретами, и зароками, и только хотелось ему тоску с души сплеснуть да чувствовать теплоту*. После этого Русанов фигурирует еще в целом ряде эпизодов, но мотив *тоски* в связи с ним не возникает ни разу, пока наконец он не выписывается из больницы в главе под названием «Счастливый конец», не понимая, что опухоль скоро снова даст о себе знать.

В своем переводе Бетелл и Бург не стремятся следовать стратегии конкорданса, а избирают контекстно-смысловую стратегию, каждый раз выбирая то соответствие слову *тоска*, которое им кажется более всего подходящим по смыслу. В результате менее заметным становится изменение настроения Русанова и роль, которую в этом изменении сыграл Чалый. Точно так же и во французском переводе мы видим разнообразие переводных соответствий слова *тоска*, и поэтому здесь тоже почти исчезает ощущение накапливающейся тоски и ее внезапного исчезновения под воздействием прибауток Чалого и припасенной им водки.

Другой мотив, чрезвычайно важный для «Ракового корпуса», — это мотив *тревоги*. Не случайно слово *тревога* использовано в названиях двух соседних глав: главы 4 «Тревоги больных» и главы 5 «Тревоги врачей». И в переводе Бетелла и Бурга, и во французском переводе для слова *тревога* последовательно используется контекстно-смысловая стратегия, и общее ощущение тревожности несколько теряется.

При выборе стратегии конкорданса возникает другая опасность. Так, для «Ракового корпуса» чрезвычайно важна тема *счастья*. В главе 10 «Дети» девушка Ася, которая, еще не зная, что ей отрежут грудь, убеждает мальчика Дёму отказаться от ампутации ноги, бездумно повторяет мысль «жизнь дана для счастья», восходящую к очерку Владимира Короленко «Парадокс»[3]. Она говорит: *Лучше умереть, чем без ноги жить, что ты? Какая жизнь у калеки, что ты! Жизнь дана для счастья!* В следующей главе

[3] Хотя афоризм «Человек создан для счастья, как птица для полета» постоянно цитировался в советской школе, мало кто помнил, что он восходит к очерку Короленко и что произносит его человек, лишенный рук от рождения (почему очерк и называется «Парадокс»).

«Рак берёзы» эту мысль иронически воспроизводит Костоглотов: *«...Жизнь дана для счастья!» Что за глубина! Но это может и без нас сказать любое животное — курица, кошка, собака*. А в главе 31 «Идолы рынка» Шулубин причисляет счастье к «идолам рынка»: *Счастье — это мираж! — из последних сил настаивал Шулубин*.

Бетелл и Бург уверенно переводят слово *счастье* при помощи слова *happiness*, а *счастливый* — при помощи слова *happy*, и, по-видимому, это не потому, что они сознательно выбирают стратегию конкорданса, а потому, что *happiness* — стандартное соответствие слову *счастье*. При этом смысл несколько сдвигается (поскольку *happiness* не вполне эквивалентно *счастью*[4]). Во французском переводе сдвиг менее заметен, поскольку *bonheur* и *heureux* чуть ближе по смыслу и коннотациям русским *счастье* и *счастливый*; но и в этом случае ассоциации с «афоризмом» Короленко теряются для читателя переводного текста.

По-видимому, самым трудным для переводчика оказывается передача всего богатства ассоциаций, которые возникают или могут возникать у русского читателя. Далеко не все переклички с советскими идеологемами очевидны для иностранного читателя. И не так просто передать ощущение «добротного соцреализма» в тех случаях, когда возникновение такого ощущения могло входить в замысел автора.

Литература

Винокур Т. Г. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы культуры речи. М., 1965. С. 16–32.

Винокур Т. Г. С новым годом, шестьдесят вторым // Вопросы литературы. № 11/12, 1991. С. 48–69.

Сборник — Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А. И. Солженицыне. 1962–1974 / сост. В. Глоцер, Е. Чуковская; вступ. ст. Л. Чуковской; худож. оформл. С. Стулова. М.: Русский путь, 1998. 496 с.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

[4] См. об этом, например, [Шмелев 2002: 178–180].

Шмелев А. Д. Скобки у Солженицына // Язык и мы. Мы и язык. Сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2006. С. 516–529.

Шмелев А. Д. Языковые сдвиги в «Одном дне Ивана Денисовича» // Международная научная конференция «Ивану Денисовичу» — полвека»: К 50-летию публикации рассказа Александра Солженицына. Москва, 15–16 ноября 2012 г. М.: Викмо-М, 2013. С. 122–135.

Шмелев А. Д. Языковое мастерство Солженицына как вызов переводчику // Александр Солженицын: взгляд из XXI века / сост. Л. И. Сараскина. М.: Русский путь, 2019. С. 576–596.

Шмелев А. Д. Паремии, используемые в прозе Солженицына, и проблемы их перевода // Шаги/Steps. 2020. Т. 6. № 3. С. 152–169.

Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

Т. В. Шмелева
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого
(Россия, Великий Новгород)
szmiel@mail.ru

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВНИМАНИЯ

В статье рассматривается понятие *речевое поведение*, к которому привлекла лингвистическое внимание Т. Г. Винокур в книге, опубликованной более 30 лет назад. Дается анализ этого понятия в ее концепции, рассматривается более конкретное понятие — рефлективное речевое поведение, противопоставленное автоматическому. Показано, как оно проявляется в высказывании в виде метапоказателей — разъясняющих и извинительных помет автора в форме вводных конструкций типа *честно говоря, если можно так сказать, как говорится, не преувеличу, если скажу* и т. п.; а также частиц типа *едва ли не, буквально* и автономных высказываний метаязыкового содержания. Утверждается со ссылками на таких авторов, как В. Г. Костомаров, И. Т. Вепрева, что рефлективное речевое поведение оказалось востребованным в момент социокультурных изменений в обществе, стимулировавших и языковую рефлексию, а позднее в рамках интернет-коммуникации, где оно существенно расширило возможности как попутного проявления в высказывании, так и автономного проявления в целом ряде жанров, в том числе пародийных стихотворных текстов. Показаны перспективы использования понятия *речевое поведение* в рамках речеведения, как общего, так и конкретного, в частности, медийного.

Ключевые слова: русский язык, речь, речевое поведение, говорящий, рефлективное речевое поведение

Отдавая дань памяти большого лингвиста, хочется написать о том, что в его творчестве оказалось не просто решенным, но открывшим новые перспективы в понимании языка и привлекающим внимание исследователей языка и сейчас. Из того, что вышло из-под пера Татьяны Григорьевны Винокур, кажется наиболее

перспективным понятие *речевое поведение*, которому посвящен ряд ее работ и книга, опубликованная уже после ее смерти [Винокур 1993]. Конечно, такая оценка связана с тем, что этот феномен интересен и мне, но это, как кажется, не помешает изложить некоторые соображения о его значимости в контексте современной лингвистики.

Изданная больше 30 лет назад, названная книга Т. Г. Винокур переиздавалась, по крайней мере, четырежды — в 2005, 2007, 2009 и 2017 гг., что само по себе говорит об интересе к ней и ее основному предмету. Однако оценить ее по-настоящему можно в контексте русистики конца прошлого века, когда преобладал подход к языку, который позволю себе назвать инвентаризационным: он состоял в том, чтобы выявить, систематизировать, описать языковые единицы, при этом главным источником материала в таких исследованиях были тексты писателей, реже — журналистов.

Правда, с 1970-х уже изучали разговорную речь, позднее — языковую личность, заговорили об антропоцентризме как новой тенденции языкознания, заявила о себе заграничная прагматика. Даже с учетом этого книга, на обложке которой появился термин *речевое поведение*, производила сильное впечатление.

Сегодня кажется симптоматичным, что термин *речевое поведение* находим у Григория Осиповича Винокура, отца Татьяны Григорьевны. В предисловии к первому изданию книги «Культура языка», под которым стоит дата 4 августа 1924 года (кстати, тогда Т. Г. не было и месяца), разъясняя подход к культуре языка, реализованный в этой работе и отличающийся от «охранительной традиции» — «учительски-морализующей», Г. О. Винокур обращает внимание на «вопросы социального **речевого, так сказать, “поведения”**» [Винокур 2006: 9]. Нельзя не заметить, что термин *поведение* взят в кавычки и сопровождается вводной конструкцией *так сказать*, что говорит о необычности такого словоупотребления, языковой вольности автора. А предисловие к книге [Винокур 1993] начинается с термина *речевое поведения* без кавычек и вводных конструкций, хотя утверждается, что оно «еще не подвергалось анализу с точки зрения социокоммуникативной стилистики», что определяет методологические координаты рассмотрения этого феномена [Там же: 3]. Получается, в результате нам предъявлен список типов вариантов речевого поведения, как обозначено в подзаголовке

книги. В число этих вариантов, которые иначе именуются речью и даже коммуникацией, по представлениям Т. Г. Винокур, входят стилистические, коммуникативные и социально-психологические варианты, описанные в разных главах ее книги.

Перспективность понятия *речевое поведение*, однако, видится в том, что возможности его использования не ограничиваются тем, что убедительно показано автором книги. На это хотелось бы обратить внимание в настоящей работе.

В типологии речевого поведения, или исчислении его вариантов, если пользоваться терминологией Т. Г. Винокур, важно обратить внимание на противопоставление **автоматического** и **рефлективного** речевого поведения. При этом стоит отметить, что последний тип состоит в том, что автор не только рефлектирует над своей речью, но и включает в свои высказывания эксплицитные показатели этой рефлексии. Много лет назад мне показалось важным систематизировать такие показатели — *честно говоря, извините за выражение, пожалуй, едва ли не, буквально* и т. п., — и оказалось, что за ними стоят правила речевого поведения, которые интуитивно известны говорящим по-русски, а показатели служат сигналом того, что автор отдает себе отчет в существовании правила, но в силу каких-то обстоятельств не может его выполнить, что считает извинительным [Шмелева: 1983].

Приведу пример, более современный, чем рассматриваемые в данной статье. В интервью «Мы можем создать не 3D, а 10D-картинку Толстого», опубликованном Кс. Киселевой на «Грамоте.ру» 09.09.2024, Фекла Толстая так отвечает на вопрос о том, не изменилось ли ее отношение ко Льву Николаевичу в ходе оцифровки его текстов: *Признаюсь, мне очень Льва Николаевича жалко, потому что у него был исключительно высокий уровень, **как сейчас бы психологи сказали**, тревожности. Катастрофической тревоги не только за себя, а за человечество вообще, за душу человеческую, за весь мир, за устройство этого мира, за христианство. Толстого невероятно «колбасило», **по-молодежному говоря**; ему было очень тяжело.*

Два выделенных показателя — ***как сейчас бы психологи сказали*** *и* ***по-молодежному говоря*** — интервьюируемая вводит в свое высказывание, чтобы оправдать использование современного научного термина и сленгового слова в нарушение правила согласования

номинаций с предметом речи, когда говорят о человеке, который жил больше 100 лет назад. При этом надо помнить о другом правиле, входящем в противоречие со сформулированным выше: обозначения должны быть органичны для автора и адресата. Балансируя между этими двумя правилами, Ф. Толстая не только делает выбор в пользу своего собеседника и будущего читателя, но и вводит метапоказатели, объясняющие выбор. Тут важны и кавычки — знак того, что предикат не из лексикона интервьюируемой (впрочем, кто их поставил, не знаем).

Как видно из этого примера, рефлективное речевое поведение отличается от иных его вариантов, в частности, описанных в книге Т. Г. Винокур, тем, что оно проявляется явно, с помощью эксплицитных показателей. В названной книге используется метод, который можно было бы назвать *прагматической реконструкцией*: он, имея дело с результатом выбора языковой единицы, предполагает восстановление условий общения — от психологических до системно-языковых [Винокур 1993: 33–37]. Изучение эксплицитных метапоказателей кажется более простым, однако это иллюзия: метапоказатели иногда понимаются буквально, как в случаях *не преувеличу, если скажу; не хочется быть категоричным, но не могу не отметить, не хочу никого обидеть, но придется сказать*...; однако чаще их речевой смысл необходимо выявить и сформулировать, как для показателей *так сказать* и *как говорится,* которые формально близки — местоимение и глагол речи, а «обслуживают» правила противоположного характера: первый появляется в высказывании как извинительный показатель авторской языковой вольности, когда автор использует не по правилам или вообще придумывает слово; а второй — как извинение за штамп, избитое выражение для данной ситуации, так сказать, «речевой невольности» [Шмелева 1987].

В самом деле, нельзя же думать, что метапоказатель *честно говоря* служит для декларации честного общения, тем самым предыдущие эпизоды представляя как нечестные; он указывает на то, что правило честности оказывается для говорящего сильнее, чем, скажем, правило ненанесения коммуникативного ущерба собеседнику, что хорошо видно из примера из Национального корпуса русского языка: в дискуссии о книге один из участников замечает: ***Честно говоря****, мне безразлично, кто стал прототипами персонажей.*

Важно, что мы имеем на выходе качественную литературу (Форум: Похороните меня за плинтусом, 2009–2011). Метапоказатель с упоминанием честности маркирует нежелание обидеть других участников, обсуждающих прототипы, ведь проявить безразличие к тому, что волнует собеседника, — это нанести ему обиду, а ссылка на правило честности извиняет такое речевое поведение.

Надо сказать, что примеров для того, чтобы увидеть почти полтора десятка правил речевого поведения, учитываемых говорящими и пишущими по-русски, оказалось достаточно. Часть из этих правил сформулирована как прескрипции (Будь искренен и правдив), часть — как запреты (Не будь излишне откровенен; Не преувеличивай; Избегай штампов) [Шмелева 1983]. При этом показано, что некоторые правила противоречат друг другу, так, правило «Будь искренен и правдив» может войти в противоречие с правилом «Не сообщай неприятного для собеседника», но ссылка на первое правило извиняет невыполнение второго, как показано на примере с метапоказателем *честно говоря*. Интересно отметить, что часть этих правил перекликается с заповедями культуры речи Т. Г. Винокур, которые звучали в ее научно-популярных передачах на радио и были опубликованы в газете «Русский язык» [Винокур 2002]. Отличие же состоит в том, что при каждом правиле «Кодекса речевого поведения» сообщается о возможности его нарушения и о служебных словах, которые в таком случае включаются в высказывание в качестве извинительных помет.

Но в дальнейшем стало понятно, что рефлективное речевое поведение занимает всё большее место в современной коммуникации. Со всей очевидностью это было продемонстрировано в монографии [Костомаров 1994], где представлена масса высказываний, содержащих рефлексию по поводу исчезающих советских речевых формул и появляющихся новых — постсоветских или иноязычных, воспринимаемых как «буржуйские», например, обсуждение обращений без отчества или этикетных слов *товарищи* и *господа* [Там же: 8–13]. Как убедительно показано в монографии [Вепрева 2005], рефлективное речевое поведение становится распространенным в постсоветское время, и для обозначения части высказывания, в которых оно эксплицитно проявляется, вводится термин **рефлексив** (ср. приведенные выше *честно говоря, так сказать, как говорится* и под.).

В интернет-эпоху востребованность такого речевого поведения возрастает, что позволило говорить об особой линии в интернет-коммуникации — метакоммуникации, которая может быть как «встроенной» в собственно коммуникацию, так и автономизироваться в условиях, например, общения в соцсетях [Шмелева 2021].

Свобода сетевого общения позволяет метакоммуникации проявляться не только в виде автономных метавысказываний, но и в ряде специфических жанров: дискуссий вокруг какой-либо проблемы речи или языка, списков ненормативных — в плане орфоэпии или орфографии — слов, призванных обратить на них внимание тех людей, которые не владеют нормой; пародийных поэтических текстов.

Так, в 2019–2020 гг. дискутировались такие сюжеты, как ударение в термине *ковид*, соответствие современному языковому вкусу слов *вкуснота, вкуснятина, вкуснотища* и сокращенное название магазина «Перекресток» — *Перек*; диминутив, иноязычие в русском языке (вечная тема).

Примером автономного высказывания на последнюю из названных тем может послужить такое: *До сих пор не вижу различия между кардиганом, свитшотом, бомбером, толстовкой, пуловером, джемпером и худи. Это же все кофта, ребята!* (ВКонтакте, апрель 2020) [Шмелева 2021: 54]. Или вот суждения о различиях слов *кофта* и *кофточка*: *Черная кофточка, она совсем не кофта. Она для меня подпадает под Гоголевское “Лапки и глазки*”; *Когда в конце 50-х в ленинградских магазинах стали, что называется, выбрасывать этот предмет женской одежды, он немедленно получил название — кофточки <...> Кофта — это что-то домашней вязки, а если из магазина, то какая-нибудь вигоневая гадость производства фабрики “Красное знамя”*; *Кофточки носят девочки всех возрастов, а кофты тетеньки и тетки* [Черняк 2021: 77].

Соединяет черты списка ненормативных слов и модного поэтического жанра «пирожок» текст:

По калидору с тубареткой
рассвирепевший Розенталь бежал,
а от него скакала
рояль
(Фейсбук, февраль 2020) [Шмелева 2021: 54].

Итак, рефлективное речевое поведение занимает все более существенное место в современных речевых практиках, чему, в частности, способствует свобода сетевого общения, позволяющая дискутировать и по поводу проблем речи и языка. Если в концепции Т. Г. Винокур проблема речевого поведения мыслилась в рамках «социокоммуникативной стилистики», то рефлективное речевое поведение, о котором здесь идет речь, понимается как одна из проблем речеведения, о повороте к которому заговорили в 90-е, да так и не довели эти разговоры до конца. Между тем идея речеведения наряду с языковедением в рамках лингвистики и сейчас кажется важной и полезной в осмыслении нашей науки и ее развития [Шмелева 1999]. При этом существенно отметить, что наряду с общим речеведением необходимо разрабатывать речеведение сферных лингвистик — политической, юридической, медийной [Шмелева 2012]. Ведь речь в каждой из названных сфер выстраивается в соответствии с ее природой, а значит, и речевое поведение специфично. Кстати, все примеры экспликации рефлективного поведения в социальных сетях, приведенные выше и опубликованные в лингвистическом исследовании социальных сетей, осмысляются в рамках медиалингвистики.

Обсуждаемые здесь факты и лингвистические соображения, как кажется, убеждают в том, какие фундаментальные перспективы открываются перед понятием *речевое поведение*, которое появилось на обложке книги Т. Г. Винокур больше тридцати лет назад. Составляя естественную часть речевой практики и речевого сознания, речевое поведение, будучи объектом лингвистического внимания, остается перспективным понятием, обещающим нам новые знания о нашей речи в ее многообразных проявлениях.

Литература

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 *с.*

Винокур Г. О. Культура языка / Предисл. Л. П. Крысина. Изд. 3-е, доп. М.: КомКнига, 2006. 352 с. (Лингвистическое наследие XX века).

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 248 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru.

Черняк В. Д. Культурноречевая рефлексия в сетевом пространстве // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2-х тт. Т. 1. Монография: под науч. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово, 2021. С. 72–84.

Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. № 1. С. 72–77.

Шмелева Т. В. «Так сказать» и «как говорится» // Служебные слова: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск, 1987. С. 125–132.

Шмелева Т. В. Так что же такое речь // Речеведение: научно-метод. тетради. № 1. Великий Новгород, 1999. С. 5–15.

Шмелева Т. В. Медиалингвистика как медийное речеведение // Медиатекст как полиинтенциональная система: сб. статей /отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 56–61.

Шмелева Т. В. Метакоммуникация в социальных сетях // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ. В 2-х тт. Т. 1. Монография: под науч. ред. Н. Д. Голева, отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово, 2021. С. 52–61.

С. Янурик
Будапештский университет им. Лоранда Этвеша
(Венгрия, Будапешт)
janurik@yahoo.com

ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НОВЫХ ГЛАГОЛОВ-АНГЛИЦИЗМОВ В РУССКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКЕ

В современной русской лексикографии новым глаголам с иноязычной основой уделяется небольшое внимание. Это связано с тем, что в русском литературном языке английские заимствования, пополняющие класс глаголов, немногочисленны. В то же время в разговорной речи, в профессиональном жаргоне и молодежном сленге количество заимствованных глаголов значительно больше. В статье рассматриваются новые глаголы-англицизмы, появившиеся в русской компьютерной лексике в конце XX — начале XXI вв. В центре нашего внимания стоят проблемы морфологической адаптации глагольных неологизмов и лексикографического представления их грамматических особенностей. Особое внимание уделяется вопросам определения вида новых иноязычных глаголов и описания некоторых сложных аспектов их спряжения в разных лексикографических изданиях (в словарях иностранных слов, в неографических справочниках, в словарях жаргона и сленга, а также в толковых словарях русского языка). В ходе анализа заимствования английского происхождения делятся на три группы на основе их словообразовательной структуры: 1) глаголы с суффиксом *-и-* (*апгрейдить*, *бутить*, *принтить*, *чатиться*); 2) видовые пары с суффиксами *-а-* и *-ну-* (*кликать — кликнуть*; *хакать — хакнуть*; *кракать — кракнуть*); 3. глаголы с суффиксом *-ирова-* (*инсталлировать*, *сканировать*).

Ключевые слова: английские заимствования в русском языке, глаголы-англицизмы, неологизмы, морфологическая адаптация, лексикографическое представление

В русском языке последних лет в оформлении иноязычных глагольных основ используются не только суффиксы литературного языка *-ирова-* и *-изирова-*, но и другие словообразовательные

единицы (прежде всего *-и-*, а также *-а-* и *-ну-*). Глаголы-англицизмы в русской компьютерной лексике можно разделить на три основные группы в зависимости от того, при помощи какого суффикса они создаются. В настоящей статье предлагается обзор и анализ лексикографического представления морфологических особенностей этих заимствований. Обсуждаются проблемы определения вида и двувидовость при словарной фиксации глаголов с иноязычной основой, а также вопросы о подаче формы первого лица единственного числа в особой группе глаголов с суффиксом *-и-*, иноязычный корень которых оканчивается на *-д-* или *-т-*.

1. Наиболее многочисленную группу составляют новые глаголы-англицизмы, образованные с суффиксом *-и-*.

1.1. На рубеже XX–XXI вв. неологизм *апгрейдить* [от англ. *to upgrade*] ‘осуществлять модернизацию компьютера путем замены или добавления отдельных устройств’ в русских словарях сленга и жаргона был зафиксирован в качестве глагола совершенного вида [Никитина 1998: 14; БРЖ 2000: 37]. Однако в большинстве лексикографических изданий, вышедших с начала XXI в., он стал получать помету «СВ и НСВ», т. е. описываться как двувидовой глагол [СТС 2001: 22; Ваулина 2003: 34; Скляревская 2006: 80; РНН 2007: 70; Крысин 2009: 35]. В специальном словаре по лексике информатики его возвратная форма *апгрейдиться* также является двувидовой [Ваулина 2003: 34]. При этом в «Кратком словаре интернет-языка», изданном примерно на десятилетие позже, в роли видовой пары перфектива *проапгрейдить* он уже определяется как глагол несовершенного вида [Хайдарова 2012: 42–43].

На основе контекстов, представленных в газетном корпусе НКРЯ, можно наблюдать использование неологизма *апгрейдить* как в качестве глагола НСВ, так и СВ: «процессор, дисплей, дополнительная батарея и различные сенсоры, которые можно будет заменять и *апгрейдить* в зависимости от задач» [Комсомольская правда, 29.10.2013]; «возможность *апгрейдить* машины и получать доступ к десяткам новых железных монстров» [РБК Дейли, 12.07.2013]; «мысль *апгрейдить* и осовременить Карлсона вылилась в редкое по своей непристойности зрелище» [Известия, 15.03.2012].

Первый случай употребления этого заимствования в НКРЯ датирован 1999 г., то есть приблизительно одновременно с его первой словарной фиксацией: «модернизовать такую машину

(то есть “*апгрейдить*”) практически невозможно» [Аргументы и факты, 15.09.1999].

Иноязычный неологизм в первые годы своего существования в русском языке мог использоваться в обоих видах, даже в одном и том же контексте: «А это значит, что пора заняться модернизацией своего компьютера <...> — пора его *апгрейдить*. Привычка постоянно *апгрейдить* свою систему пагубно сказывается на кошельке» [Труд-7, 26.03.2001].

Однако употребление приставочного перфектива *проапгрейдить* в последнее время становится все более частотным как в первоначальном компьютерном, так и переносном детерминологизированном значении англицизма (‘обновить, улучшить’): «Это баг. Его можно *проапгрейдить*, но мы экономим» [Виктор Пелевин: S.N.U.F.F, 2011]; «среди кандидатов на франшизу компания станет рассматривать только опытных ритейлеров, <...> которые будут готовы “*проапгрейдить*” магазины до премиального уровня» [РБК Дейли, 14.09.2012]; «Да, я каждый раз ищу методы того, как *проапгрейдить* то, что я делаю» [lenta.ru, 22.10.2019].

Интересно, что в НКРЯ изучаемый перфектив в форме прошедшего времени обнаруживается в газетной статье, опубликованной намного раньше: «*Проапгрейдили* бортовой компьютер — вставили крутую видеокарту» [Комсомольская правда, 09.01.2004].

В газетном корпусе НКРЯ отмечается три примера употребления англицизма в качестве возвратного глагола, ср. например: «Как минимум нужно *апгрейдиться* до NAD 614 — очень хорошего магнитофона за свою цену» [lenta.ru, 18.08.2015].

Любопытно отметить, что на начальном этапе своего освоения в русском языке рассматриваемый иноязычный неологизм встречался также в переносном значении, нехарактерном для компьютерной лексики: «Миллионного пассажира “*апгрейдили*”, предоставив право лететь вместо экономического салона в бизнес-классе» [Известия, 21.12.2001]. При этом в «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной другой вариант глагола, созданный при помощи суффикса *-ирова-*, зафиксирован в аналогичном смысле: *апгрейдировать* ‘перевести пассажира из экономического класса в бизнес-класс’ [БРЖ 2000: 37]. Однако в настоящее время данное значение нам, скорее всего, представляется окказиональным.

При изучении морфологических особенностей заимствования *апгрейдить* следует отметить, что употребление глагола в форме первого лица единственного числа вызывает определенные сложности (подобно русским глаголам с основой на *-д-*, ср. *победить*, *убедить*, *чадить*, *чудить* и др. [РГ-1980: 660]). В современной русской лексикографии наблюдается три различных способа решения данной проблемы:

1) наличие сведений о рассматриваемой спрягаемой форме: *апгрейжу*, *апгрейдишь* [РНН 2007: 70];

2) отсутствие такой информации: *апгрейдишь*, *апгрейдит* [Скляревская 2006: 80];

3) специальная оговорка составителя словаря: «*1 л. нет*» [СТС 2001: 22].

В некоторых текстах в интернет-форумах на самом деле можно найти форму *проапгрейжу*: «На следующей неделе наконец-то, наверно, *проапгрейжу* компьютер» [https://radev.diary.ru/p4015230.htm, 25.02.2005]. В то же время в неформальном общении встречается и вариант *проапгрейдю*: «По началу обрадовался, вот *проапгрейдю* свой ноут, но не тут-то было» [https://forum-ru.msi.com/index.php?topic=87870.0, 31.10.2014].

1.2. При первой словарной фиксации неологизм *бу́тить* [от англ. *to boot*] ‘загрузить операционную систему компьютера’ получил помету «СВ» [Никитина 1998: 49], однако впоследствии во всех других лексикографических изданиях он однозначно рассматривается как глагол несовершенного вида [БРЖ 2000: 83; Елистратов 2000: 51; Грачев 2006: 87], как и его возвратная форма, используемая только в третьем лице: *бутиться* ‘загружаться (об операционной системе компьютера)’ [Елистратов 2000: 51; Грачев 2006: 87].

Отнесение глагола *бутить*(*ся*) к несовершенному виду подтверждается и тем, что все его приставочные производные без исключения входят в разряд перфективов. В качестве видовой пары этого глагола чаще всего употребляется дериват *забутить* [БРЖ 2000: 190], но в данной функции может выступать и вариант *бутнуть*, образованный путем замены суффикса [Грачев 2006: 87]. По всей вероятности, выбор приставки *за-* обусловлен, с одной стороны, сходной морфологической структурой соответствующего русского слова (*загрузить*), а с другой

стороны, — наличием аналогичной видовой пары, существовавшей уже в заимствующем языке: *бутить — забутить* ‘производить бутовую кладку, заполнять бутом (яму, канаву и т. п.)’ [БТС 1998: 105]. При этом следует отметить, что в последнем случае перед нами не полные омонимы, а скорее омографы, поскольку в отличие от русского глагола, в котором ударение находится в конце слова, в компьютерном термине английского происхождения оно падает на первый слог, т. е. на основу. Несмотря на такое акцентологическое различие, по данным упомянутых выше словарей сленга и жаргона, спрягаемые формы иноязычного неологизма полностью повторяют парадигму прежнего русского глагола: *бучу*, *бутишь*, *бутит* [БРЖ 2000: 83; Елистратов 2000: 51], хотя в одном из лексикографических изданий автором приводится другой вариант для формы первого лица единственного числа: *бутю*, *бутишь*, *бутит* [Грачев 2006: 87].

По аналогии с русским эквивалентом *перегрузиться* соответствующие перфективы от англицизма создаются при помощи приставки *пере-*: ср. *перебутиться*, *перебутоваться* [БРЖ 2000: 427]. Наряду с последним дериватом в словарях отмечается и невозвратный переходный глагол *перебутовать* [Грачев 2006: 390]. В данном значении может выступать также вариант *ребутнуться*, который является адаптированной формой английского глагола *to reboot* (подобно синонимичной видовой паре *ребутить — ребутнуть*) [Грачев 2006: 459].

1.3. В соответствии с предыдущим заимствованием неологизм *принтить* [от англ. *to print*] ‘печатать, делать распечатку на принтере’ укрепился в русском языке в качестве глагола несовершенного вида [Никитина 1998: 355; БРЖ 2000: 476; Елистратов 2000: 370], и даже его спрягаемые формы напоминают парадигму одноструктурного слова *бутить* (*принчу*, *принтишь*, *принтит*), хотя эта грамматическая информация однозначно отмечена только в последнем из трех словарей. Любопытно проследить, что в первых двух изданиях в словарной статье *принтить* нет никаких сведений о форме первого лица единственного числа этого глагола, приводится лишь форма третьего лица (*принтит*), в то время как при описании морфологических свойств его наиболее частотной видовой пары *отпринтить* эти данные представлены в каждом из упомянутых выше лексикографических изданий: *отпринчу*,

отпринтишь, *отпринтит* [Никитина 1998: 299; БРЖ 2000: 408; Елистратов 2000: 308].

От этого англицизма образованы также приставочные дериваты совершенного вида *запринтить* [БРЖ 2000: 209; Елистратов 2000: 160] и *напринтить* [Елистратов 2000: 271]. Интересно отметить, что составителями словарей все три приставочных варианта данного глагола обычно воспринимаются как синонимичные и, соответственно, сопровождаются одинаковыми толкованиями: ‘отпечатать, напечатать, сделать распечатку на принтере’.

Кроме этого, в словарях жаргона и сленга отмечаются еще имперфектная форма *принтовать* [БРЖ 2000: 476] и перфектив *принтануть* [БРЖ 2000: 476; Грачев 2006: 438], которые, в свою очередь, свидетельствуют о том, что в процессе освоения новых заимствованных глаголов в русском языке наряду с наиболее продуктивным суффиксом *-и-* важную роль играют и другие словообразовательные форманты (*-ова-*, *-ну-*, *-ану-* и т. д.).

1.4. Первые случаи лексикографической фиксации неологизма *чатиться* [от англ. *to chat*] ‘общаться, вести беседу в чате’ в словарях общего жаргона и молодежного сленга датируются рубежом XX–XXI вв. По данным «Большого словаря русского жаргона», наиболее ранний пример его употребления в речи относится ко второй половине 1990-х гг. (в соответствии с широким распространением интернета в России) [БРЖ 2000: 665]: «Любители *чатиться* забавляются как могут: влюбляются, “женятся”, “разводятся”» [Комсомольская правда, 14.02.1997].

В силу своего значения англицизм в основном является глаголом несовершенного вида, хотя зафиксирован и в форме перфектива: *початиться* [Грачев 2006: 429; Хайдарова 2012: 278]. Можно предположить, что возникновению видовой пары иноязычного глагола способствовала морфологическая структура синонимичного слова *пообщаться* в языке-реципиенте. Также вероятно, что именно под влиянием русского эквивалента *общаться* неологизм *чатиться* стал употребляться в русском языке в виде возвратного глагола (другим мотивирующим словом могло быть семантически близкое *переписываться*). На начальном этапе освоения заимствования в одном издании в отдельной словарной статье приводится редкий вариант *чатить* [БРЖ 2000: 665], который

остался без постфикса *-ся*, возможно, по аналогии с соответствующими глаголами *разговаривать* или *беседовать*.

В отличие от вопроса определения видовой принадлежности англицизма, описание формы первого лица единственного числа этого глагола по-прежнему остается спорным. Лексикографические издания, фиксирующие иноязычный неологизм, можно разделить на три группы в зависимости от того, как они обозначают рассматриваемую нами форму:

1) нет никаких сведений о ней: *чатится* [Ваулина 2003: 439; Скляревская 2006: 1065];

2) с чередованием согласных: *чачусь*, *чатится* [БРЖ 2000: 665; Никитина 2003: 611];

3) с сохранением конечного согласного основы: *чатюсь*, *чатишься* [НСЗ-90/3: 1277; Елистратов 2000: 530; Грачев 2006: 613; Никитина 2013: 374].

Особый интерес представляет изменение взгляда автора в работах Т. Г. Никитиной: в новом тематическом издании своего словаря молодежного сленга она пересматривала свое мнение десятилетней давности по этому вопросу (*чачусь*) и приняла другое решение, выбрав вариант без фонетического переоформления иноязычной основы (*чатюсь*).

Актуальность данной проблемы можно наглядно проиллюстрировать следующей цитатой из блога: — Я *чатюсь* с мамой. А как правильно: *чатюсь* или... *чачусь*? — Ахаха, легче *переписываюсь*. — Аха, *сижу в чате*, одним словом [http://www.hudeem-vmeste.ru/blog/anastasia31/28146].

В итоге стоит отметить, что в интернет-поисковиках наблюдается более частотное использование варианта *чатюсь*, которому в последнее время значительно уступает выходящая из употребления форма *чачусь*.

2. Другую группу глаголов-англицизмов составляют видовые пары, образованные при помощи суффиксов *-а-* и *-ну-*. С точки зрения морфологической адаптации эти заимствования обнаруживают много сходств.

2.1. В лексикографической фиксации пары *кликать — кликнуть* [от англ. *to click*] ‘нажать клавишу компьютерной мыши’ наблюдается определенная непоследовательность: в «Словаре новейших иностранных слов» конца XX — начала XXI вв. представлена

только форма несовершенного вида [Шагалова 2009: 307], а в словари молодежного сленга, впервые регистрирующие этот англицизм, включен лишь глагол СВ [Никитина 1998: 187; Никитина 2003: 227]. Однако в большинстве лексикографических изданий приводятся оба члена данной видовой пары.

По данным неографического справочника-десятилетника, наиболее ранний случай употребления заимствования относится к середине 1990-х гг. [НСЗ-90/2: 40]: «Дважды *кликните* на “Экран”» [Известия-Экспертиза, 04.12.1996].

Впоследствии новый глагол из компьютерного жаргона достаточно быстро перешел в общеупотребительную лексику и успел войти не только в словари жаргона и сленга [БРЖ 2000: 261; Грачев 2006: 250–251], а также в специальное издание по лексике информатики [Ваулина 2003: 219], но и в толковые словари русского языка, что совсем не характерно для иноязычных неологизмов, появившихся в заимствующем языке недавно [СТС 2001: 272; Скляревская 2006: 459–460; ТСРР 2: 63]. О широком распространении англицизма *кликать — кликнуть* в русской речи свидетельствует также его отсутствие в новом издании вышеупомянутого словаря молодежного сленга [Никитина 2013].

Интересно проследить изменения глагольного управления, происходившие со времени возникновения англицизма в русском языке. Сначала этот глагол мог управлять винительным падежом без предлога или с предлогом «в» и даже предложным падежом с предлогом «на» [НСЗ-90/2: 40]: «Стоит только дважды “*кликнуть*” мышью иконку графика» [Компьютерра, 1997/3]; «Самый простой способ — это “*кликать*” наугад **в** линки и **в** баннерную рекламу» [Итоги, 1999/34]; «Нужно *кликнуть* **на** названии раздела, чтобы мгновенно получить соответствующий текст» [Компьютерра, 1997/2].

В настоящее время чаще встречаются варианты управления *по чему* или *на что*: «*Кликать* **по** таким ссылкам ни в коем случае нельзя» [Российская газета, 24.02.2011]; «Кто этот человек, насколько он заинтересован в продукте и готов ли *кликнуть* **на** баннер прямо сейчас» [Коммерсантъ, 26.11.2014].

2.2. Видовая пара *хакать — хакнуть* [от англ. *to hack*] ‘взломать (базу данных, компьютерную программу)’ впервые отмечается в «Большом словаре русского жаргона» [БРЖ 2000: 639, 640].

В дальнейшем в лексикографических изданиях обычно приводится только форма совершенного вида *хакнуть* [Ваулина 2003: 435; Грачев 2006: 594–595; РНН 2007: 624; РОС 2012: 802], хотя в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» представлены оба глагола [Скляревская 2006: 1046]. В «Словаре молодежного сленга» Т. Г. Никитиной, опубликованном в начале XXI в., фигурирует лишь вариант *хакать*, но при этом в отдельной словарной статье рассматривается образованное от глагола СВ страдательное причастие прошедшего времени *хакнутый* [Никитина 2003: 588]. В новое издание словаря, однако, вошли уже оба члена видовой пары [Никитина 2013: 202].

Несмотря на то, что англицизм появился в русском языке в середине последнего десятилетия XX в., он не получил словарной фиксации в неографическом справочнике за 1990-е гг., но его все-таки можно обнаружить в иллюстративных материалах при описании заимствования *юзать* [от англ. *to use*] ‘использовать’ [НСЗ-90/3: 1342]: «Мы программку не *хакаем*, мы ее, родимую, *юзаем*» [Свободный курс, Барнаул, 18.07.1996].

2.3. Близкая по значению пара глаголов *кракать — кракнуть* [от англ. *to crack*] стала регистрироваться русскими словарями также в двухтысячном году [Елистратов 2000: 212]. В дальнейшем в лексикографических изданиях отмечена лишь форма совершенного вида, но в отличающихся от первоначального графических вариантах: *крэкнуть* [БРЖ 2000: 297; Никитина 2013: 202], *крякнуть* [Грачев 2006: 276]. В одном из источников можно увидеть только страдательное причастие прошедшего времени *кракнутый* [Ваулина 2003: 237]. Формальная вариативность, характеризующая начальный этап освоения заимствований в русском языке, отражается и в «Кратком словаре интернет-языка»: *крякать — крякнуть*, *крекать — крекнуть*, *крэкать — крэкнуть* [Хайдарова 2012: 129]. Последние две формы соответствуют способу передачи произношения лексемы в языке-источнике (по правилам транскрипции), а пара *кракать — кракнуть* передает написание слова в английском языке (по транслитерации), подобно графическим вариантам *сэндвич* и *сандвич*. Возникновение искаженных форм *крякать — крякнуть* объясняется тенденциями, представленными ниже.

Любопытно отметить, что все три анализируемых в этом разделе глагола имеют в русском языке звукоподражательные слова-омонимы: *кликать* ‘призывать; называть; кричать (о птицах)’ [БТС 1998: 432]; *хакать* ‘издавать отрывистые горловые звуки; гакать’ [ССРЛЯ 17: 10]; *крякать* ‘издавать крик «кря-кря» (об утке); издавать отрывистые горловые звуки’ [БТС 1998: 476]. В профессиональном жаргоне и молодежном сленге нередко наблюдается сознательное приближение фонетического или графического облика иноязычных слов к созвучным лексемам заимствующего языка (прежде всего на основе языковой игры). Привлечение таких омонимов часто ускоряет и облегчает процесс адаптации новых заимствований.

3. В третью группу глаголов-англицизмов, используемых в русской компьютерной лексике, входят неологизмы, созданные при помощи суффикса *-ирова-*, которые — подобно многим одноструктурным заимствованиям — попадают в разряд двувидовых глаголов.

3.1. Неологизм *инсталлировать* [от англ. *to install*] ‘установить на жесткий диск компьютера (программное обеспечение)’ появился в русском языке в середине 1990-х гг. вследствие широкого распространения персональных компьютеров в стране. По данным неографии, наиболее ранний случай его употребления в русской речи датируется 1994 г. [НСЗ-90/1: 667]: «NetWare Ready поможет *инсталлировать* оборудование» [Computer World, 1994/26]. В этом же издании обнаруживаются примеры использования англицизма как в качестве глагола НСВ, так и СВ: «можно будет *инсталлировать* целые библиотеки» [За рубежом, 1998/22]; «Windows обнаружит и заново *инсталлирует* устройство» [PC Magazine, 1999/4].

В описании морфологических особенностей английских заимствований довольно редко можно увидеть такое единодушие: в данном случае все словари без исключения считают этот глагол двувидовым [Ваулина 2003: 183; Скляревская 2006: 406; Крысин 2009: 105; Шагалова 2009: 254]. У последнего автора представлена и форма *реинсталлировать* [от англ. *to reinstall*] ‘переустановить программное обеспечение’, которая получила ту же самую грамматическую помету в словаре [Шагалова 2009: 556].

3.2. Глагол *сканировать* [от англ. *to scan*] в известном в настоящее время значении ‘считать с помощью сканера’ также утвердился в русском языке в 1990-х гг. Несмотря на то, что в некоторых словарях он получил помету «НСВ» [НСЗ-90/3: 827–830; БТС 1998: 1192; СТС 2001: 744], в большинстве лексикографических изданий описан как двувидовой глагол [Скляревская 1998: 590; Крысин 1998: 647; Ваулина 2003: 387; Скляревская 2006: 919; РНН 2007: 530].

Особый интерес представляет тот факт, что англицизм обладает двумя приставочными формами, которые однозначно следует отнести к совершенному виду: *отсканировать* ‘ввести изображение в компьютер при помощи сканера’ [НСЗ-90/2: 1312–1314; Ваулина 2003: 300; Скляревская 2006: 697; РНН 2007: 400] и *просканировать* ‘последовательно просмотреть; систематически обследовать (данные)’ [Ваулина 2003: 346; РНН 2007: 462]. Это говорит о том, что двувидовость анализируемого глагола постепенно уходит на задний план и, вместе с тем, формируются новые видовые пары *сканировать — отсканировать* и *сканировать — просканировать*. О неустойчивости категории двувидовости глаголов свидетельствует также словарная фиксация англицизма *сканировать* в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» с пометой «СВ и НСВ» [Скляревская 2006: 919] и одновременная регистрация перфектива *отсканировать* в этом же издании [Скляревская 2006: 697].

4. В заключение можно прийти к выводу, что в лексикографическом представлении глаголов-англицизмов, употребляющихся в русской компьютерной лексике, при описании морфологических свойств заимствований наблюдаются небольшие расхождения у разных авторов, что объясняется преимущественно новизной и неосвоенностью этой специальной иноязычной глагольной лексики в языке-реципиенте.

В настоящей статье обсуждались некоторые спорные вопросы адаптации глаголов английского происхождения. На основе приведенного нами анализа можно утверждать, что двувидовость прежде всего характерна для иноязычных глаголов с суффиксом *-ирова-*. Однако, по данным новейших лексикографических изданий, с появлением префиксальных перфективов *проапгрейдить* и *отсканировать* в последнее время прослеживается постепенный переход биаспективов *апгрейдить* и *сканировать* в разряд глаголов

несовершенного вида. В то же время вопрос о подаче формы первого лица единственного числа глаголов-англицизмов с основой на *-т-* и *-д-* типа *бутить*, *принтить*, *чатиться*, *апгрейдить* и др. остается открытым.

Литература

БРЖ — *Мокиенко В. М.*, *Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000.

БТС — *Кузнецов С. А.* (ред.) Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

Ваулина Е. Ю. Мой компьютер. Толковый словарь. М.: Эксмо, 2003.

Грачев М. А. Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2006.

Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990-х гг.). М.: Азбуковник, Русские словари, 2000.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Русский язык, АСТ-Пресс, 1998.

Крысин Л. П. 1000 новых иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2009.

Никитина Т. Г. Так говорит молодежь. Словарь сленга. (По материалам 70–90-х годов.) СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Никитина Т. Г. Словарь молодежного сленга (1980–2000 гг.). СПб.: Фолио-Пресс, Норинт, 2003.

Никитина Т. Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru.

НСЗ-90 — Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века в трех томах. Т. 1–3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009–2014.

РГ-1980 — Русская грамматика. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. М.: Наука, 1980.

РНН — *Улуханов И.*, *Хебекер Х.*, *Беленчиков В.*, *Беленчикова Р.* Русско-немецкий словарь новых слов. М.: Азбуковник, 2007.

РОС — Русский орфографический словарь. / Ред. В. В. Лопатин, О. Е. Иванова. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2012.

Скляревская Г. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Скляревская Г. Н. (ред.) Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2006.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.–Л.: Наука, 1948–1965.

СТС — *Кузнецов С. А.* (ред.) Современный толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2001.

ТСРР — Толковый словарь русской разговорной речи / Ред. Л. П. Крысин. Вып. 1–5. М.: Языки славянской культуры, 2014–2022.

Хайдарова В. Ф. Краткий словарь интернет-языка. М.: Флинта, Наука, 2012.

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX — начало XXI вв.). М.: АСТ, Астрель, 2009.

И В СЛОВЕ ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ...

Н. Н. Розанова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ninarozanova13@yandex.ru

«ТАЙНА И ПРЕЛЕСТЬ РАЗГОВОРЧИВОСТИ»: О РЕЧЕВОЙ МАНЕРЕ ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ ВИНОКУР (ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАПИСЕЙ УСТНОЙ РЕЧИ)

Татьяна Григорьевна Винокур была не только тонким и глубоким исследователем русского языка, но и образцовым его носителем. Она отличалась высокой культурой речевого поведения, свободно владела разными речевыми жанрами — как диалогическими, так и монологическими. Помимо удивительного дара выслушивания собеседника, у нее был незаурядный талант рассказчика. Ей были свойственны свободное владение разными стилевыми регистрами, внимание к собеседнику, особый вкус к удачно найденному слову. В фонотеке Отдела современного русского языка ИРЯ РАН, где много лет проработала Татьяна Григорьевна, сохранились аудиозаписи ее бесед с коллегами и рассказов на самые разные темы. На базе этих материалов в статье рассматриваются основные особенности речевого поведения и речевой манеры Т. Г. Винокур. Дается характеристика такому принципу фатического общения как «поиск общего языка». Описывается и анализируется стилистическое многообразие речевой манеры Т. Г. Винокур, коммуникативно оправданное использование различных ресурсов языка: научной, устаревшей, сниженной лексики, молодежного сленга и т. п. В конце статьи публикуются три фрагмента аудиозаписи ее разговора с Наталией Дмитриевной Ушаковой, дочерью Дмитрия Николаевича Ушакова.

Ключевые слова: речевое поведение, речевая манера, Т. Г. Винокур, жанры устной речи, информативное и фатическое общение

> Давно замечают, что *тайна и прелесть разговорчивости*, коей последние отголоски приветствовали нас во дни нашей молодости, ныне уже преданы забвению со многими другими тайнами и прелестями, упраздненными волею и новыми требованиями господствующей действительности... Болтунов найдешь, но *говоруны* перевелись.
>
> *П. А. Вяземский*

> В идеальной форме обычного диалога два участника общения олицетворяют собой паритетные начала при переменной (и, следовательно, одинаково активной) роли и в речевой деятельности, и в восприятии речи. <...> Взаимная заинтересованность обоих участников диалога в успехе коммуникации помогает как бы равномерному распределению ответственности за нее между говорящим и слушающим. То есть не только реплика, но и сам момент ее восприятия, имеющего непосредственный характер, подготавливает состав следующей (ответной) реплики.
>
> *Т. Г. Винокур*

Речевой мир говорящего (пишущего) — от Пушкина, Ивана Денисовича из повести Солженицына до случайного попутчика в городском транспорте — всегда находился в сфере научных интересов Татьяны Григорьевны Винокур. Последняя ее работа «Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения» была посвящена исследованию разных аспектов взаимодействия собеседников в процессе общения. В книге речевое поведение (РП) рассматривается как самостоятельная научная категория. Объединив в этом понятии собственно языковые, поведенческие, социально-психологические и т. п. характеристики участников коммуникации, автор стремится представить «реальное использование языка реальными людьми в многообразии реальных жизненных ситуаций» [Винокур 1993: 18]. При таком подходе основное внимание исследователя фокусируется на индивидуальных свойствах говорящего и слушающего и их взаимодействии в процессе коммуникации. Ключевым для постижения РП «человека говорящего» является для Т. Г. Винокур понятие его стиля, или манеры общения: «Стиль человека, точнее, “стиль в человеке”

(в противовес “стилю в языке”), а еще точнее, возможности его сохранения в любых условиях на фоне стилистического узуса позволяет говорить о вербальной части поведения и о том, что использование языка через стиль это и есть суть РП» [Там же: 57–58]. В связи с этим уместно вспомнить, что и в непринужденных беседах с коллегами Татьяна Григорьевна нередко цитировала крылатое выражение *Стиль — это человек*[1], замечая, что так любил говорить ее отец, Григорий Осипович Винокур[2].

В работе много внимания уделяется также рассмотрению двух функциональных вариантов РП — информативного, основная цель которого — передача информации и фатического, ориентированного на общение собеседников. В повседневном речевом обиходе индивидуальные особенности РП партнеров коммуникации наиболее ярко проявляют себя в сфере фатического общения. Фатическая речь, по замечанию Т. Г. Винокур, «максимально приближает нас к личности говорящего» [Там же: 138].

Тонкий и глубокий исследователь современного русского языка, Татьяна Григорьевна Винокур сама была его образцовым носителем. Язык для нее — это не только научный объект, но и бесценный дар, которым она могла и умела распорядиться в полной мере. В одном из своих рассказов-воспоминаний о Дмитрии Николаевиче Ушакове Татьяна Григорьевна заметила, что он был «человеком общения» [Незабытые голоса России: 45]. Однако умение общаться, «чувство партнера», были в высшей степени присущи и самой Татьяне Григорьевне. Высокая культура РП отличала старшее поколение носителей русской речевой традиции. В окружении лучших его представителей ей довелось расти. Об этом времени

---

[1] Выражение принадлежит французскому ученому XVIII века Ж. Бюффону и является фрагментом его речи, произнесенной при избрании его в члены Французской академии.

[2] Несомненно, что интерес Татьяны Григорьевны к данной проблематике был вызван трудами Г. О. Винокура, особенно его известной монографией «Биография и культура». В предисловии к публикуемой статье Г. О. Винокура «Пушкин-прозаик», посвященной эпистолярной прозе поэта, она писала: «Так возникает неповторимый и единственный образ пишущего, стиль которого, как отмечал Г. О. Винокур в книге «Биография и культура» (1927), есть элемент его биографии, влияющий на профессиональную и на жизненную позицию человека в целом» [Винокур 1991: 180].

Татьяна Григорьевна рассказывала: «Всё это была такая действительно удивительная интеллигентная среда, где — по сравнению с нашим речевым обиходом — это как... святые звуки музыки и какие-то заоблачные дали» [Незабытые голоса России 2009: 45].

В фонотеке Отдела современного русского языка ИРЯ РАН, где много лет проработала Татьяна Григорьевна, сохранились аудиозаписи ее бесед с коллегами и рассказов на самые разные темы. Конечно, они не могут в полной мере передать все многообразие ее стиля: жесты, мимику, очаровательный смех, богатство голосовых модуляций... Однако эти записи все же дают некоторое представление об особенностях РП Татьяны Григорьевны Винокур.

Опираясь на эти материалы, мы попытались представить краткое описание ее речевой манеры.

1. Взаимодействие с адресатом: поиск общего языка

Как писала Т. Г. Винокур, РП «основано на феномене сотрудничества (соавторства) людей, вступающих в речевое общение с целью достичь взаимопонимания», т. е. мы можем говорить «о коммуникативно-стилистическом варианте РП “поиск общего языка”» [Винокур 1993: 60]. Конечно, в реальном речевом узусе такое коммуникативное сотрудничество не всегда реализуется, но это норма, и ей необходимо следовать. Одна из знаменитых «Десяти заповедей речевого поведения», о которых в одной из радиопередач Татьяна Григорьевна рассказывала своим слушателям, гласит: «Умей находить общий язык с любым собеседником» [Незабытые голоса России 2009: 57]. Эта заповедь касается РП говорящего, который должен всегда учитывать интересы своего адресата. Наблюдая за РП Татьяны Григорьевны **в роли говорящего**, мы видим, что она неукоснительно соблюдает этот постулат.

Забота о собеседнике на уровне текста выражается следующими средствами:

— Обилие метатекстовых комментариев. Наиболее часто это связано с необходимостью объяснить употребление какого-либо слова, выпадающего из общего стилистического

контекста или непонятное адресату: *И-и обычно бывало так/ что папа шел с каким-то материалом туда* (к Д. Н. Ушакову) *там// Значит/ то что они/* ***щас мы бы сказали*** *наработали/ да?*; *Она* [мама] *грила/ «почему ты купила/ вот ранет/ папа ранет не любит/ а любит бель флёр/* ***такие вот... э-э яблоки***// [Поэтика. Стилистика. Язык и культура 1996: 300].

— Вовлечение собеседника в разговор прямыми вопросами и обращениями: *И её взяли в знаменитую мастерскую Кошкé/ видите ли была такая Кошкé/* ***не слышали****?* [Китайгородская, Розанова 2005: 98]; *А дедушка/ был такой в общем типичный/ еврейский/ я не знаю/* ***знаете ли вы такое слово/ вы-то точно не знаете/ Наталь Димитна****/ есть такое слово/ «шлимазл»//* ***Не слыхали такое?*** [см. Фрагмент 3].

— Общая стилистическая окраска разговора с учетом особенностей собеседника (возраста, пола, образования, речевого опыта и др.). Так, беседуя с Наталией Дмитриевной Ушаковой, Т. Г. Винокур проявляет определенную сдержанность в использовании ярких экспрессивных слов из современного молодежного сленга. Лишь один раз, рассказывая историю семьи мужа, она употребляет слово *слинять* (‘исчезнуть, спрятаться’) с метатекстовым комментарием: *Родственники сказали/ что тебе Володя надо* ***как мы б щас сказали*** *слинять/* ***То есть немножко спрятаться*** *как-то вообще//* [Китайгородская, Розанова 2005: 106]. В другом случае отступления от общей тональности беседы использование грубого экспрессивного слова оправдано шутливым контекстом: *Первая гильдия/ м-м для них... на них не распространялась/ черта оседлости// Они могли попасть в столицу// Если вторая гильдия/ уже ему* ***шиш****// Был//* [см. Фрагмент 3].

— В речи Татьяны Григорьевны встречается немалое число устаревших слов и выражений, которые даются без каких-либо метатекстовых включений, поскольку эта лексика хорошо знакома собеседнице и составляет часть ее речевого опыта. Например, таким образом используется слово **счесться** (*кем-чем*) в ушедшем из современного речевого обихода значении ‘выяснить что-н., сочтя, произведя подсчеты’ [Ушаков, IV]. Ср.: *А эта моя школьная подруга/ мы совсем даже... И вот мы один раз* ***сочлись****// Вот этим* [общими знакомыми]*/ потом другим чем-то/ Молчановкой...* [см. Фрагмент 1]. Еще одно устаревшее выражение,

встретившееся в записях беседы с Натальей Дмитриевной Ушаковой, — это словосочетание **трен жизни**, представляющее собой кальку с французского *train de vie* — ‘образ жизни’. Несомненно, это выражение хорошо знакомо собеседнице, поэтому и вводится в текст прямо, без какого-либо комментирования: *Они правда жили тоже очень скромно/ на жалованье/ он был человек небогатый// Ну такой вот петербургский / в общем интеллигентский* ***трен жизни***// [Указ. соч.: 100].

— В рассказах о семье обычно некоторые затруднения у рассказчицы вызывает использование терминов родства при описании семейных отношений. Для более точного прояснения родственных связей она обычно использует многоступенчатые номинации, отражающие хронологическую цепочку семейных ролей (по отношению к самой рассказчице — по отношению к кому-либо из персонажей повествования). Ср., например, рассказ о семье отца: *А-а/ у моего папы/* ***дедушка*** *был* [т. е. дедушка Т. Г. Винокур]/ ***отец*** *его был* [отец. Г. О. Винокура]/ *купец первой гильдии//* [см. Фрагмент 3]; ср. также фрагмент рассказа об истории знакомства родителей мужа: *А* ***ма-а-ть*** *у него* [у мужа]/ ***дочь*** *крепостной крестьянки// <...> И она/ очень быстро научилась вот корсетному делу// Лифчики/ корсеты/ она просто замечательная же была у нас мастерица/* ***бабушка*** *наша//* [Китайгородская, Розанова 2005: 98].

— В целом при общении с Наталией Дмитриевной Ушаковой Т. Г. Винокур старается не употреблять экспрессивную лексику, содержащую негативную оценку. В ее речи преобладают слова с положительной экспрессией: *И/ кавалер этот был/* ***самый красивый/ самый очаровательный/*** *и* ***самый необычайный какой только был***//; *и там её прямо* ***обожают/ холят/ нежат/ лелеют****...* Она прямо признается, что хочет избежать неприятных для собеседников тем: *Вы знаете/ уже* ***о том что возмущает/ лучше не говорить****/ потому что возмущает/ очень многое//.* Тем не менее в конце беседы, когда речь зашла о современных событиях, Татьяна Григорьевна не смогла удержаться от того, чтобы не дать оценку одному из политических деятелей 90-х гг. Этот фрагмент наглядно демонстрирует, что она неплохо владеет лексикой, содержащей отрицательную экспрессию: *У него*

*лицо/ как у древнего инка/ как вот майя// **Красная рожа**// Сам/ сидевший/ **измордованный** весь/ не знаю что// Ну/ не знаю// **Гаер**/ или какой... что это вообще за характер/ вот **терпеть не могу**// Вот он на этих Верховных советах/ ни одного не... не обходится без того/ чтоб он раз пять не **вылез**/ и не говорил бы **глу-у-пости несусветные**//*

По мнению Татьяны Григорьевны, стремиться к сотрудничеству в процессе коммуникации должен не только говорящий, но и слушающий. Одна из «Десяти заповедей речевого поведения», сформулированных Т. Г. Винокур, касается адресата: «Умей не только говорить, но и слушать» [Незабытые голоса России 2009: 62]. Основная тактика слушающего — это выражение ответной реакции на слова собеседника. Отсутствие такой реакции является «нарушением культурной нормы общения» [Там же]. По мнению исследовательницы, адекватное РП слушающего играет решающую роль в процессе общения: «Результат речевого взаимодействия в его конечной фазе зависит от адресата (реципиента), так как осуществление его коммуникативной роли и есть подтверждение готовности к общению, т. е. к взаимодействию» [Винокур 1993: 91].

Выступая **в роли слушателя**, Татьяна Григорьевна обычно активно реагирует на слова говорящего, выражая свою заинтересованность разными средствами. Помимо невербальных сигналов (жесты, мимика, звуковые жесты и т. п.), коротких поддерживающих реплик (*угу, да-да* и др.) используются и более протяженные высказывания, цель которых поддержать собеседника, побудить его к продолжению рассказа. Ср., например, характерные для нее речевые реакции в процессе беседы:

У. Она была очень интересным человеком// Она о нем/ написала такую статью/ Качал... о Качалове//
В. Правда?
У. Знаете/ есть сборник «Художественный театр»// Посвя... есть сборник/ посвященный/ э-э.... Качалову//
В. Надо поглядеть// Я не читала//
У. Больша-а-я статья// Она умница была// Она преподавала/ на рабфаке я знаю/ еще где-то... [Фрагмент 1].

В. Вы не во... не общаетесь теперь ни с кем/ из Архангельских/ как вот/ Надежда Константиновна [двоюродная сестра А. А. Архангельского] умерла/ ни с кем больше?
У. Нет// А я больше никого не знаю Архангельских// <...>
В. **Всё-таки вы скрасили/ навещали её когда-то/ да?**
У. Надежду/ да//
В. **По телефону с ней говорили//**
У. Да/ мы с ней очень часто говорили//
В. **Она милая женщина/ да//**
У. Она ко мне хорошо относилась//
В. **Очень! Ой она да// «Та-а-та/ Тата»**...

2. Речевое поведение Татьяны Григорьевны Винокур с точки зрения его стилистического многообразия

РП собеседников в значительной степени регулируется их ролевыми отношениями. Т. Г. Винокур отмечала: «Легко заметить, например, что наибольшее количество как постоянных, так и ситуативно-переменных речевых ролей свойственно интеллигенции и что это обусловливает наибольший стилистический разброс средств ее тезауруса в создаваемых ею речевых произведениях» [Там же: 62]. Способность к спонтанному стилевому переключению — одна из ярких примет РП образованных носителей языка. Их речь может содержать «очень широкий диапазон выразительных средств полярной социостилистической принадлежности» [Там же].

Для речевой манеры Татьяны Григорьевны очень характерен стилистический разброс языковых средств, в ее высказываниях нередко сталкиваются контрастные в стилевом отношении единицы — от высокой лексики или канцелярита до непринужденно-разговорных или даже сниженно-грубоватых слов. Однако подобное словоупотребление всегда мотивировано ситуацией общения, целевыми установками собеседников, а также содержательно-тематическими особенностями разговора. В речи Татьяны Григорьевны мы встречаем языковые единицы разной функционально-стилевой принадлежности:

— **Молодежный сленг.** Выше уже говорилось о том, что в разговоре с Наталией Дмитриевной Ушаковой социально-психологические особенности собеседницы (возраст, характер, воспитание и т. п.) повлияли на отбор лексико-семантических средств, например, отсутствие в речи Татьяны Григорьевны сленговых слов и выражений. В то же время в других условиях и с другими собеседниками она охотно включает в речь подобные слова как средство стилизации, языковой игры. Ср. фрагменты из разговора с коллегами по работе: *Как щас уже говорят? Как Лена мне вчера моя внучка сказала// Как щас говорят? Ну...* ***ва-а-ще тащусь!*** *<...>* ***Круто тащусь// Ваще// Ва-ащ-ще тащусь//*** (*смех*); (Вспоминает о том, как в детские годы они с сестрой бывали в гостях у Д.Н. Ушакова:) *Значит Надька* [сестра] *родилась в тридцать пятом году/ и она вот/ была самая главная уже/ вот/ сидельщица на коленях у Дмитрия Николаича/ потому что/ это вообще... бороду ему трогать/ это вообще/ всё было/ ну/* [с улыбкой в голосе]*/* ***кайф//*** [Поэтика, Стилистика. Язык и культура 1996: 300–301].

— **Сниженная лексика.** Для индивидуального стиля Татьяны Григорьевны весьма характерно свободное включение сниженной лексики в нейтрально-разговорный речевой фон. Однако такое включение всегда прагматически нагружено, связано с ситуативно-тематическими условиями момента общения[3].

Сниженно-разговорные или просторечные слова и выражения обычно появляются в шутливо-игровых контекстах и связаны со стремлением рассказчицы подчеркнуть несерьезность, комичность или даже абсурдность ситуации. Ср.: *Мы с Володей/ по-моему сезона три/ этот «Гопак»* ***отшпаривали****/ значит в Гнесинском учи-и-лище/ там всё//* [см. Фрагмент 2]; (Рассказывает

---

[3] В своей книге такой «лексико-стилистический разброс» Т. Г. Винокур рассматривает как специфику интеллигентского РП: «С той же естественностью интеллигентный носитель языка употребляет сниженное средство, находящееся на границе литературности, если оно соответствует прагматической коннотации как одной из необходимых составляющих варианта РП, который сигнализирует: “могу говорить и так”. И поэтому мы в праве говорить о широком диапазоне использования речевых стилей как “своих”, но “своих” в разной степени» [Винокур 1993: 73].

о предках мужа:) *Потому что* ***в ихней*** *семье/ ещё есть/ такая легенда/ что они/* [со смехом в голосе] *незаконные дети шведского короля// Но тут я уже* ***лопаюсь*** [от смеха]*// Тут у меня живот уже не терпит//* [Китайгородская, Розанова 2005: 95].

Нередко также появление в речи сниженной лексики связано с желанием рассказчицы избежать излишней «пафосности». Т. Г. Винокур отмечала, что употребление «высоких» слов в неофициальном непринужденном разговоре является нарушением «ситуативной нормы». Ср. приводимый ею пример, когда собеседник, почувствовав, что говорящий «взял слишком высокий тон» ироничной репликой заставляет говорящего снизить пафос: *Это вот у неё/ всегда/* ***неистребимая жажда****/ всюду* ***быть первой****// — А ты что/* ***хочешь истребить****? — Нет/ я серьёзно/ ей* ***всегда всё надо/ всюду влезть/ всюду себя показать****//* [Винокур 1993: 70].

В своих собственных высказываниях Татьяна Григорьевна стремится соблюдать эту ситуативную норму. Как представляется, именно нежеланием «говорить красиво» объясняется появление в ее рассказе о посещении в детские годы дома Д. Н. Ушакова просторечной формы *посодит*: *И с Дмит Николаичем я/ вот самое было счастье/ если он на колени* ***посодит****/ тут уже вообще//* [Поэтика. Стилистика. Язык и культура 1996: 300]. Ср. также фрагмент ее воспоминаний о детстве: *И тридцать седьмой год/ это был для меня год сл-л-е-пящей красоты/ э-э празднества/ столетия/ со дня смерти Пушкина// <...> Потом мы теперь понимаем/ там то сё/ и* ***диствитно ещё лапшу вешали****// Как выясняется//* [Китайгородская, Розанова 2005: 175]. Включая в высказывания, «заряженные» положительной эмоцией, сниженно-разговорные или просторечные слова, рассказчица «сбивает» излишне «высокий тон» всего высказывания в целом. В одном из фрагментов рассказа о Д. Н. Ушакове и «ушаковских мальчиках» Татьяна Григорьевна вполне открыто выражает эту интенцию в метатекстовом комментарии: *Вот это человек общения// Вот и/ учил он через общение// <...> Поэтому/ всякий/ вот кто...* ***я не буду говорить всякие пошлые слова/ прикасался там****/ но кто/ вообще вот/ так или иначе входил в эту среду/* ***иначе надо сказать****/ это... м-м это потом незабываемо/ это какая-то точка*

отсчета/ потом всё кажется плохим// [Поэтика. Стилистика. Язык и культура 1996: 302][4].

Необходимо также отметить и случаи использования сниженно-разговорной и даже грубо-просторечной лексики в прямом своем назначении — как средства выражения негативной экспрессии. Ср.: (Сожаление об утрате прежнего культурного окружения:) *Я-то всё токо растеряла/ забыла в войну — / в* ***жизнь эту собачью****/ всё/ ну в общем во всё это//* [Там же]; (О родственниках, эмигрировавших в Израиль:) *Теперь/ я ещё за них безумно боюсь/ в связи с этим* ***чёртовым*** *Ираком//* [Китайгородская, Розанова 2005: 392]; (О неудачном выступлении популярного политика:) *У него огромная/ огромная физиономия/ вот эти черные/ брови/ ну* ***горилла такая****// И с каждым/ разом всё хуже* [выступает]*// То ли он я не знаю/ уж* ***совсем с ума сошел****// И в этот раз было ужасно//.*

Заметим однако, что откровенно грубой и обсценной лексики Татьяна Григорьевна старается избегать, заменяя ее эвфемизмами: (О своей учебе в музыкальном училище при Консерватории:) *И у всех у них* [у студентов]*/ был абсолютный слух/ и я* ***сидела*** *там* ***полностью****/ не для записи/* ***кое в чём****/ потому что у меня единственной был... не было слуха абсолютного/ и мне трудно давалась гармония...*

— **Научная лексика**. Область профессиональных интересов Татьяны Григорьевны — лингвистика — также оказывает влияние на ее РП. Включение научной терминологии в контексты, ни тематически, ни ситуативно не связанные со сферой научной коммуникации, подчеркивает шутливый, игровой характер общения. Ср. фрагмент беседы за столом в гостях: (Обращается к хозяйке, заменившей ей чайную чашку:) ***А.*** *Ой/ вы зачем это ча-а-шку ещё мыли? Вот это я не пой...* ***Б.*** *Я не мыла/ я дала чистую//* ***А.*** *Это*

[4] Эта речевая манера использования сниженной лексики, чтобы избежать излишнего пафоса в ситуациях частного, непубличного общения напоминает способы «защитной маскировки» истинных чувств, к которым обращались Пушкин и его дружеский круг в своей частной переписке и которые Л. Я. Гинзбург называла эвфемизмами высокого: «Словоупотребление русских вольнодумцев двадцатых годов не исключает ценности; оно их прячет, маскирует просторечием, шуткой, даже сквернословием. Так возникают своего рода эвфемизмы высокого» [Гинзбург 2002: 437].

плеоназм//; *Никогда никакого спиртного* [не ставили на стол]// *Тода* [в довоенные годы] *вообще не считалось/ м-м... даже/ ну не то что пристойным/ а ну просто не было такого* ***узуса***// [Поэтика. Стилистика. Язык и культура 1996: 299]; (Из воспоминаний о детстве:) *И триц седьмой год/ девочки/ он* [с улыбкой в голосе выделяет слово книжного стиля] *очень* ***амбивалентен****/ как... вы... можете догадываться*// [Китайгородская, Розанова 2005: 174].

— **Устаревшая лексика, историзмы.** Выше уже говорилось о возможности использования Татьяной Григорьевной устаревших слов и выражений под влиянием вкусов и предпочтений ее собеседника. Но высокая встречаемость устаревшей лексики определяется прежде всего содержанием беседы. Особенно много подобных лексем встречается в воспоминаниях о прошлом. Каждому времени, о котором ведется рассказ, присущ свой набор слов-маркеров (ключевых слов), отражающих быт, реалии, ментальные и поведенческие стереотипы как эпохи в целом, так и отдельных социальных групп в этот период. Например, рассказывая об истории своей семьи и семьи мужа, Татьяна Григорьевна употребляет старые дореволюционные наименования некоторых городских объектов (*Его отец же был белым офицером/ потом стал сторожем на* ***Марьинском рынке***//; *Это был* ***дортуар****/ в их офицерском училище*// <...> *Да/* ***Александровское училище***// *И вот/ два окна* ***дортуара***//; *Она всех их/ вот этими лифчиками* [спасла от голода]/ *выходи́ла к* ***Мюр и Мерилизу*** [дореволюционное название ЦУМа]/ *как это называлось/ продавать эти лифчики*//), других реалий того времени (*И попала она/ как это называлось/ в общем/ такую* ***белошвеечную/*** *к* ***белошвейке***//; *Она вешала ему такой* ***лоток****/ на ремне/ и он на угол ходил/ продавать пироги*//; *Отец его был/* ***купец первой гильдии***// <...> ***Первая гильдия****/ на них не распространялась* ***черта оседлости***// *Они могли попасть в столицу*//). Послереволюционная эпоха маркируется другими лексемами и речевыми стереотипами, типичными для этого периода: ***Зарегистрировались*** *они вообще после того/ как Сережа родился*//; *Они* ***получив талон на мануфактуру/ пошли регистрироваться****/ вот уже в советское время*//. Вышедшие из современного речевого обихода слова и выражения, тематически связаны с повествованием и выполняют определенное эстетическое задание: создают у слушателей образ прошлого.

3. Индивидуальные особенности речевой манеры Т. Г. Винокур

Наиболее ярко особенности РП Татьяны Григорьевны проявляются в монологических жанрах, относящихся к сфере фатического общения. И это понятно, т. к., по словам Т. Г. Винокур, установка на фатику дает говорящему возможность «более широкого обнаружения социально-психологической речевой характерологии», а слушающему — возможность «более свободной интерпретации речевой манеры» своего собеседника. Именно фатическая речь, утверждала она, «максимально приближает нас к личности говорящего» [Винокур 1993: 136].

Основная масса нарративных текстов относится к жанру рассказов-воспоминаний, т. е. тематически они обращены к прошлому. При этом описываемые события касаются личной сферы рассказчицы, а их участниками являются обычно либо близкие родственники, либо она сама.

В рассказе о своем детстве[5] в центре повествования находится сама рассказчица и мир ее интересов. Свое коммуникативное намерение она высказывает прямо: *Я не буду щас касаться па-а-пы там/ своего/ это длинная история/* ***я вот скажу от себя****// Как мне было тринадцать лет/ да?* «Я-тема» воплощается в рассказе о своих эмоциональных переживаниях: Я *училась в школе/ музыкальной школе/* ***обожала*** *музыку/* ***обожала*** *литературу/* ***обожала*** *своих подруг/ своих родителей/* ***жила полной жизнью****/ да?; Я была* ***очень счастлива****/ а особенно я* ***любила*** *папу/ и/ всё что касалось/папиных занятий всегда//.* Обычно в воспоминаниях бывает представлен взгляд в прошлое с позиции настоящего времени. Не являются исключением и рассказы Татьяны Григорьевны. Выход за пределы изображаемого времени обнаруживается в стремлении рассказчицы разграничить свои тогдашние мысли, эмоции, поступки и сегодняшнее их восприятие с помощью временных локализаторов (*тогда, теперь, сейчас, потом и др.*): *Это* ***потом*** *всё/ я не гворю о том что было* ***потом****// И-и то что уже* ***постфактум*** *я/ впитывала в себя/ и воспринимала//*; *Мы* ***теперь*** *понимаем/ там то сё...*

---

[5] См. [Китайгородская, Розанова 2005: 174–175].

Для речевой манеры Татьяны Григорьевны довольно характерно включение «я-темы» в рассказы о других людях, событиях или пространственных объектах, что придает повествованию еще более личностный, почти интимный характер: *И её взяли/ в знаменитую мастерскую/ Кошке/ видите ли была такая Кошке/ <...> самое смешное/ что* ***я потом подружилась/ училась вместе/ это моя была близкая подруга****/ внучка этой вот/ мастерской Кошке/ да// Красавица Мариночка/ такая была//* [Китайгородская, Розанова 2005: 99].

Как отмечалось раньше, речевой манере Татьяны Григорьевны не свойственна была высокая, пафосная риторика. В противовес этому широкое использование различных средств выражения иронии, шутки, языковой игры — яркая черта РП Татьяны Григорьевны Винокур, стремившейся создать максимально комфортную непринужденную атмосферу общения для своих собеседников[6]. Для создания шутливо-иронического фона беседы рассказчица использует разные средства языковой игры: *Значит Надька* [сестра] *родилась в тридцать пятом году/ и она вот/ была самая главная уже/ вот/* ***сидельщица*** *на коленях у Дмитрия Николаича//* (словообразовательная игра); В. *Его послали на Грибоедова/ улицу/ где вот/ где* ***ВАК****... и... и где брачный/ этот как это?* А. *Брачный дворец//* В. *И в нём одновременно наш* ***вакх****/ как мы говорим//* (каламбур на основе паронимического сближения); *А-а/ у моего папы/ дедушка был/ отец его был/ купец первой гильдии// <...> Вот он* [папа] ***купецкий*** *сын//* (прием стилевого контраста с использованием устаревшей просторечной формы прилагательного *купеческий*); *Они* [родители отца] *э-э значит содержали/ фабрику/ козырьков для фуражек//* [со смехом] ***Это***

[6] В большинстве исследований, посвященных анализу речевых приемов комического, шутка и ирония рассматриваются как разнородные явления. С иронией обычно связана стратегия оценки, тогда как главная цель шутки — рассмешить, развеселить собеседника. Однако исследователи отмечали, что в непринужденном дружеском общении «функции иронии могут мало отличаться от функции шутки <...> Ирония, как и шутка, часто является средством снятия напряжения, создания непринужденной атмосферы» [Ермакова 2005: 174].

большое дело великое// (интенсификация признака[7]); *И вот он* [дедушка] *рвался оттуда* [из Польши]/ *ему там было* ***душно/ без счастья и воли***// (ироническое цитирование) и др.

В рассказах об истории женитьбы свекра и свекрови сквозит ирония современного человека по поводу сословных предрассудков, существовавших в дореволюционной России: А. *Тут вдруг/ родственники узнают/ что у дедушки какая-то...* «***quelque chose»***/ *да/ так сказать*//; И *када узнали что это белошвейка/ то дамы из общества эти наши все/ <...>* «***такой мезальянс/ Володя/ женится на белошвейке»***/ ***я вас умоляю!*** В этих небольших фрагментах рассказчица использует прием «речевой маски», воспроизводя слова и интонацию участников событий, а собственное отношение к происходящему выражает ироничным восклицанием *Я вас умоляю!*[8]

В одной из записей Татьяна Григорьевна с энтузиазмом рассказывает о том, как ее муж, Сергей Владимирович, вступал в Дворянское общество. Несомненно, это для нее важное семейное событие. Но и в этом случае рассказчица, желая избежать излишнего пафоса, прибегает к «спасительной иронии»: *И када он принёс всё* [документы, подтверждающие его дворянское происхождение]/ *они грят «ну Сергей Владимч/ мы»/ ему так и сказали/ «вы можете прямо/ в действительные члены идти»// Ну значит/* ***ушел муж/ приходит действительный член*** [смех]// [Китайгородская, Розанова 2005: 98][9].

Еще одна важная особенность речевой манеры Татьяны Григорьевны — это высокая экспрессивность ее речи. Особенно заметно она проявляется в нарративных фатических жанрах.

---

[7] Ср.: «Ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, оценки, характеристики: она присутствует в преувеличении мнимой похвалы, в преуменьшении отрицательной характеристики, свойственной объекту в высшей степени, и мало реагирует на умеренность оценки, характеристики и т. д.» [Там же: 106].

[8] Устойчивое выражение из одесского городского койне, обозначает несогласие говорящего с кем-чем-л. или недоверие к чьим-л. словам.

[9] Иронический оттенок появляется в результате сопоставления несопоставимых ролевых позиций человека, относящихся к разным жизненным сферам — семейной (муж) и социальной (новоприобретенный статус в пределах малой социальной группы).

Повествуя о событиях давно прошедших или случившихся совсем недавно, рассказчица стремится выйти за рамки обыденной жизни, максимально ярко, эмоционально описать происходящее.

В описательных фрагментах широко представлены эмоциональные краски женской речи. Например, диминутивы (*какая-то сидит* ***молоденькая хорошенькая*** *девушка, ну такая/* ***простенькая****, и вечно какие-то* ***оборочки****,* ***кружавчики***), междометия, восклицания (*Ах какая очаровательная она была! Какая хорошенькая в молодости!*), растяжка гласных (*Я так вся прям замру/ и блаженствую// От него каким-то вкусным табако-о-м/ чё-то одеколо-о-ном/ какой-то чистото-о-й/ чем-то/ такой даже аромат//*) и др.

Можно обнаружить большое число случаев гиперболизированной оценки. И это также яркая черта ее индивидуального стиля. В своих рассказах или описаниях Татьяна Григорьевна нередко стремится представить лицо, явление или событие как нечто необычайное, выходящее за пределы нормы: *кавалер этот был/ самый красивый/ самый очаровательный/ и самый необычайный какой токо был/; это был для меня год слепящей красоты*; *жулик оказался первостатейный*; *милейший молодой человек;* и др.[10]

Для экспрессивной оценки используются разные лексико-грамматические средства:

— глаголы, выражающие высокую степень интенсивности действия или состояния (и *там её прямо* ***обожают/ холят/ нежат/ лелеют***; *и вот он* ***рвался*** *оттуда*; *у него был очень тонкий слух/ и... но это всё он как-то* ***загубил-забросил***; *ему мячом/* ***засадили/*** *в нос/* ***и сломали перегородку***);

— прилагательные или наречия, выступающие как слова-усилители оценки (***безумное*** *меломанство,* ***безумно*** *зажатый человек,* ***необычайно*** *строгих правил,* ***ужасно*** *неудобно*, ***страшно*** *переживают*);

---

[10] Н. Д. Арутюнова отмечала, что собеседники в процессе «свободного общения» нередко стремятся выйти за рамки обыденности, повседневности, выбирая для своих сообщений «“отклоняющийся” жизненный материал». Ср.: «Для того чтобы на законных правах войти в фатическую коммуникацию, огурец должен вырасти с гору, гора родить мышь, а муха превратиться в слона. <...> Изменение размеров, количеств и параметрических пропорций составляет наиболее простой и наглядный вид девиаций, воспринимаемый даже нерезвым воображением» [Арутюнова 1999: 81].

— безударные частицы, сопровождающие интонационно выделяемые слова и подчеркивающие акцентное выделение (*он дивный **такой** был, он страшно нравился мне **прям**, Августа кажется/ которая была/ **как бы вот** придворной дамой короля*, *она **просто** замечательная **же** была у нас мастерица/ бабушка наша*);

— частицы, междометия, устойчивые обороты (фразеосхемы), произносимые с восклицательной интонацией и выступающие в функции предиката оценки (*Вот самое было счастье/ если он на колени посодит/ **тут уже вообще**!*; *Дворянское общество/ мы все **ха-ха-ха**! Мы к себе и не прикладывали этого//, О-о/ у Альсан Николавны вообще **вот такая** была талия!* [жест], *Если бы не она/ которую они не хоте-е-ли/ которая/ они были **просто ну fi donc**/ понимаете вот?*).

В пределах одного высказывания могут быть одновременно представлены разные средства выражения оценки: ***Обожала** я Дмит Николаича/ **совершенно безумной страстной** любовью//*; *Сергей Михалыч/ Бонди/ **ну это нет слов! Какой это был музыкант! И какой тонкий ценитель музыки!***; *Я ещё за них **безумно** боюсь/ в связи с этим **чёртовым** Ираком/ и что-то/ мне **прямо мороз по коже**//*.

Заключая эти фрагментарные заметки об особенностях речевой манеры Татьяны Григорьевны Винокур, отметим следующее.

Принято считать, что наша повседневная речь, отражающая языковое существование людей с их будничными заботами и «приземленным» бытом, утилитарна и обыденна. Она, в отличие от языка художественного, не обладает эстетической функцией. Татьяна Григорьевна Винокур как исследователь современного русского языка никогда не соглашалась с этой точкой зрения. Она полагала, что наиболее отчетливо эстетические установки партнеров коммуникации (часто даже не вполне осознанно) проявляются в сфере фатического общения, когда речевые интенции собеседников не ограничены жесткими утилитарными рамками и они ведут разговоры «просто так», «ни о чем». Именно такие разговоры «с историко-культурной и социально-этнической точки зрения целесообразно квалифицировать как своего рода искусство» [Винокур 1993: 156]. Для нее была очевидна связь фатических жанров повседневной речи с жанрами литературно-художественными:

«Роль фатики в жизни социума не только велика, но и уникальна (и это особенно важно) по отношению к другим, естественным и моделируемым семиотическим системам мира. Косвенное тому свидетельство — ее генерирующее значение в словесном искусстве: жанр рассказа, новеллы — это не что иное как функциональное перерождение бытовой фатики, демонстрирующее еще один вариант РП рассказчика» [Там же: 157].

Будучи образцовым носителем языка, свои теоретические идеи Т. Г. Винокур воплощала в собственной речевой практике. Ее отличала высокая культура РП, свободное владение разными речевыми жанрами — как диалогическими, так и монологическими. Помимо удивительного дара выслушивания собеседника, у Татьяны Григорьевны был незаурядный талант рассказчика. Ей были свойственны свободное владение разными стилевыми регистрами, внимание к собеседнику, особый вкус к удачно найденному слову. В ее манере общения удивительным образом сохранялась, по выражению П. А. Вяземского, «тайна и прелесть разговорчивости».

Ниже публикуются фрагменты аудиозаписей из фонотеки Отдела современного русского языка ИРЯ РАН, относящиеся к разным жанрам устной непринужденной речи.

Фрагмент 1 — это часть разговора с Наталией Дмитриевной Ушаковой, дочерью Дмитрия Николаевича Ушакова. Они беседуют на разные темы: обмениваются мнениями об общих знакомых, делятся воспоминаниями, рассказывают о текущих событиях, встречах и т. п.

Фрагмент 2 представляет собой короткий рассказ-байку о том, как Татьяна Григорьевна играла на фортепиано в четыре руки с К. Н. Игумновым. Константин Николаевич жил в одной квартире с Д. Н. Ушаковым, у которого Татьяна Григорьевна девочкой часто бывала вместе отцом. Эту «байку» Татьяна Григорьевна неоднократно рассказывала, несколько видоизменяя ее в зависимости от ситуации.

Оба фрагмента публикуются впервые.

Фрагмент 3 ранее был опубликован в [Китайгородская, Розанова 2005: 120–122] и представляет собой рассказ-повествование об истории семьи Григория Осиповича Винокура.

Фрагменты из беседы Татьяны Григорьевны Винокур и Наталии Дмитриевны Ушаковой

(Записано дома у Н. Д. Ушаковой 11.01.1991 г.)

Участники:
Т. — Т. Г. Винокур
У. — Н. Д. Ушакова
Н. — Н. Н. Розанова
М. — М. В. Китайгородская

Фрагмент 1
«*Так всех жалко. Ну нет никаких сил как всех жалко...*»

У. Я очень жалею что я́ глупо провела/ свою жизнь прожила//
В. Почему это вы так про себя говорите? Мне это дико/ что вы говорите//
У. Нет! Мне на... мне надо было бы конечно/ быть архивной крысой//
В. Крысой никому не надо быть// (*смеются*) Наталья Дмитна/ понимаете...
У. У меня к этому
[есть...
[В. Да/
у вас есть расположение// Но дело в том что вы/ прожили жизнь/ большей частью как жена/ Альсан Альсаныча//[11]
У. Да...
В. И это накладывало на вас огромную/ ответственность//
[Заботы (?)
[У. К сожалению да//
В. По-моему к счастью//
[Главное что...
[У. Ну к счастью/
но понимаете что...

---

[11] Александр Александрович Архангельский (1892–1978) — выдающийся авиаконструктор, Лауреат Ленинской премии, один из создателей самолетов АНТ и ТУ.

В. Но простите/ но/ замечательно вот// Просто вот настолько...
У. Ну я понимаю/ но... надо было не так жить//
В. Ну как это не надо//
[А я думаю что (*нрзбр.*)
[У. Я всегда (*?*) вспоминаю
папины слова между прочим// Кода я вышла замуж/ а не... я не пошла учиться в... высшее//
В. Да//
У. Ну это я-а глупо конечно сделала// Я признаю это// Глупость//
В. (*тихо*) Ну неизвестно совершенно//
У. Ну... э... я не пошла учиться// (*пауза, старается вспомнить, о чем говорила*) Что я... вот видите/ склеротик-то/ я//
В. Ну вы говорите/что вот может быть надо было другое дело иметь/ и дальше учиться...
У. Да/ папа/ папины слова я вспоминаю//
В. Угу/угу//
У. Он сказал// «Тат/ твоё дело»//
В. Ну правильно//
[Вот он очень мудро сказал//
[У. Но//
под старость/ ты пожалеешь//
В. Ниско́лько наверно вы не пожалели//
У. Я пожалела// Оч-чень пожалела//
В. Правда? А по-моему нет//
[(*нрзбр.*)
[У. Я пожалела/
я пожалела/ потому что/ в старости/ какая-то наступает... ну... вот щас/ я одна/ да? Вот пустота// В жизни//
В. Но Наталья Дмитна/ ведь такая же пустота/ у всякого в эти годы будет/ кто работал всю жизнь на своей...
У. У не... ну хорошо...
В. Я вот уже из последних сил//
У. Ну хорошо/ но у вас есть специальность/
[которую вы любите//
[В. А что она мне/
если я уйду на пенсию/ и не буду в состоянии (*нрзбр.*)
У. Вы любите//

В. Люблю действительно// Щас пока себя не могу представить без работы// Но когда-то момент настанет/ когда мне будет и тяжело/ и глаза будут...
[(*нрзбр.*)
[У. Также как вообще я скажу/
старость ко... старость конечно одинока//
В. Вот! Вот так она одинока совершенно независимо от того/ какая у вас специальность// То есть конечно/ бывают особые случаи/ Наталья Дмитна// Ну какой-нибудь знаменитый актер/ вокруг которого молодёжь/ её там/ всё её... Вот как Миронова[12] щас/ которая вдруг пошла к Табакову[13] в студию/ и там её прямо обожают/ холят/ нежат/ лелеют/ она играет там/ и она гыт «они мне продлили жизнь»// Ну там есть/ но это всё удел великих/ или какую-то очень хорошую семью любящую/ а старость действительно всегда одинока// Совершенно независимо от того/ какая у вас была/ была ли своя/
[жизнь профессиональная/
[У. Не знаю/ не знаю//
В. Уверяю вас//
У. Не знаю/ у меня очень много/ у меня о́чень много друзе́й/
В. У вас о́чень много//
У. Очень много// Если взять мою телефонную книжку/ (*смеется*)
В. Ну так что? Вот именно//
У. Да// Но они постоя... постепенно исчезают/ но у меня есть и... и дети моих приятельниц// Они меня посещают//
В. Это же так (*нрзбр.*)// Нет/ нет Наталья Дмитна/ это... А мне наоборот очень нравится/ у вас такая всегда жизнь/ независимая/ не по стандартам вот вы жили// Как вот нужно чтоб обязательно вуз/ обязательно то... Такое просто счастье Альсан Альсаныч/ какой действительно был человек при этом// Не знаю/ во всех смыслах/ во всех смыслах// И даже не то что он был там/ действительно замечательный конструктор/ просто такой/ на него только посмотреть// Хотя он очень был/ молчаливый/ и такой немногословный// (Реагирует на молчаливое выражение

---

[12] Мария Владимировна Миронова (1911–1997) — популярная актриса театра и кино, народная артистка СССР.

[13] Московский театр-студия Олега Табакова.

несогласия Н. Д.) Ну кого он не так хорошо знал близко/ как нас// Я немножко так его побаивалась// Но страшно нравился мне прям/ и Серёжа/ «Слушай/ ну какой он...» Вы не во... не общаетесь теперь ни с кем/ из Архангельских/ как вот/ Надежда Константиновна (*двоюродная сестра А. А. Архангельского*) умерла/ ни с кем больше?

У. Нет// А я больше никого не знаю Архангельских// <...>
В. Всё-таки вы скрасили/ навещали её когда-то/ да?
У. Надежду/ да//
В. По телефону с ней говорили//
У. Да/ мы с ней очень часто говорили//
В. Она милая женщина/ да//
У. Она ко мне хорошо относилась//
В. Очень! Ой она да// «Та-а-та/ Тата»...
У. Да-да-да// И/ она/ э-э двоюродная сестра//
В. Да-да-да// Альсан Саныча//
У. Двоюродная се...
В. Нет/ она двоюродная племянница//
У. Нет//
В. Надежда Константинна?
У. Надежда Константинна/ двоюродная сестра//
В. Да/ двоюродная сестра// Это да//
У. А-а/ Алексан Саныч сын/ Александра Семёныча/ Архангельского//[14]
В. Да/ правильно/ правильно//
У. Вот тоже он член-корреспондент/ и-и/ профессор/
В. Да-да-да-да//
У. древней литературы//
В. Да//
У. А м-м... там были... а-а дочка...
В. Там были (*нрзбр.*)/ музыкант...
У. Нет/ это уже Архангельские//
В. Да-да-да//
У. Дети этого/
В. Да/ дети/ дети//

---

[14] Александр Семенович Архангельский (1854–1926) — русский писатель, филолог, член-корреспондент Императорской академии наук.

У. Дети этого профессора// Да// А-а м-м Надéжда Константинна/ была значит дочерью сестры
[Александра Семеныча//
[В. Сестры Альсан Семеныча//
У. Варвары//
В. Верно-верно//
У. Она была певицей по-моему//
В. Да-да-да// Вообще вот так вот удивительно// А эта моя школьная подруга/ мы совсем даже... И вот мы один раз сочлись[15]// Вот этим/ потом другим чем-то/ Молчановкой...
У. А потом э... ведь... Надежда Константинна/ была/ подругой/ моей учительницы/ русского языка//
В. М-м-м!
У. По школе//
В. Я это и забыла эту линию//
У. Александра Семе... Александра Васильна Агапитова//
В. Я что-то слышала//
У. Ну наверно (*?*)// У нее был роман/ с Качаловым//[16]
В. Вот это мне вот... вот что-то...
[что-то такое мне мерещилось (*?*)//
[У. Она замужем не была/
мне Ната... Надежда Константинна/
В. Да-да//
У. рассказывала// Ведь я хожу на ее могилу//
В. Это замечательно//
У. Альсан... Альсан Васильны// Она/ напротив/ этих/ Дыниных (*?*) лежит//
В. Близко/ да?

---

[15] Глагол *счесться* в этом значении употреблялся в составе выражения *счесться родными* (*родней*), описывающего принятый в обществе ритуал общения: «Всякое знакомство начиналось с того, чтобы “счесться родными”, выяснить, если возможно, степень родства» [Лотман 2023: 331]. Ср.: «Сочлись родней; оказалось, что князь знал свою родословную довольно хорошо; но как ни подводили, а между ним и генеральшей не оказалось почти никакого родства. Между дедами и бабками можно бы было еще счесться отдаленным родством» (Ф. М. Достоевский. Идиот).

[16] Василий Иванович Качалов (1875–1948) — выдающийся российский актер, ведущий актер МХАТ.

У. Ну нет/ неда... вот идёте по дорожке/ они налево/ она направо//
В. Мне не попасть// Ну я туда уже совсем не попадаю//
У. А я бываю у Веры (*сестры Наталии Дмитриевны*)// Она же там лежит// И всегда к Альсандре Васильне захожу/ ставлю цветочки ей// Ну и у неё... она замужем не была/ она была всю жизнь верна/ Качалову/
В. (*со вздохом*) Да уж... знаете...
У. Она была не́ красивая/ да// Очень интересный человек/ Альсан Васильна прелестная/ великолепный/ преподаватель/ у нас литература (*тихо, нрзбр.*)// Да (*вздыхает*)// И у неё/ на/ памятнике/ на доске/ написано/ выгравированы/ стихи Блока//
К. На её могиле/ да? Там?
У. Да// Она просила/ это сделать// Ох как же это стихи (*пытается вспомнить*) «другой я жизни не желал»...
В. Я не помню//
У. Я тоже забыла// Но уже...У неё племянница// Но племянница не смотрит за могилой// Я/ как-то пришла/ вымыла доску ей/ но она белая/ и уже/ белый мрамор/ очень
[подвержен...
[В. Ужасно/
я вот мою у Киселёвых/ эту доску/ каждый раз...
У. подвержен очень ... э...
[он ржа... (*нрзбр.*)
[В. Ужасный//
он стал уже не белый никакой/ неизвестно (*нрзбр.*) Буквы все уже невидно...
У. И ра...и уже как будто он/ съедает/
В. Да-да/ он какой-то весь...
У. от времени//
В. очень плохой очевидно//
У. Угу//
В. Вобще у нас ужасно совершенно (*?*)
У. И так жалко мне её...
В. Да/ всех жалко//
У. Да/ как Надежда Константинна гово(рила)/ когда/ Качалов умирал/ он лежал э... как я поняла в санатории/ или в больнице/ Кремлёвской/
К. (*тихо*) Наверно в больнице(*?*)

У. И/ он/ ей сказал// «Шурочка/ никому я не нужен// Меня не будет никто вспоминать/ кроме тебя»//

В. О-о! (*пауза*) Но это как раз совсем конечно не так// Потому что до сих пор он кумир// Насчет кладбища конечно...

У. Нет/ но вот из бли...
[наверно близкие/

[В. Из близких/ да//

У. Из близких/ да// Жена его умерла наверно уже// Она/ в него влюбилась/ она/ из Ленинграда// Вот мне... я всё от Надежды Константинны зна(ю)// Она на... они жили... Она была... приехала из Ленинграда/ и пое... приехала она/ в Минеральные воды/ летом видимо/ и там с ним познакомилась// Ей было шо-то шестнадцать-восемнадцать лет// И она после этого...

В. Да тут наверно любовь жизни/ представляете Качалова? Он дивный такой был// Ну она еще шармэ [charmée] к тому же// Она ведь к нему неравнодушна была//

У. Она была очень интересным человеком// Она о нем/ написала такую статью/ Качал... о Качалове//

В. Правда?

У. Знаете/ есть сборник «Художественный театр»// Посвя... есть сборник/ посвященный/ э-э.... Качалову//

В. Надо поглядеть// Я не читала//

У. Больша-а-я статья// Она умница была// Она преподавала/ на рабфаке я знаю/ еще где-то...

В. А у нас роскошное есть письмо такое/ как жалко/ что по такому страшному поводу это//[17] Кода папа умер// Все присылали соболезнования/ и вот пришло это письмо/ на красивой бумаге (*нрзбр.*) коллектив МХАТ'а// И значит начинается с Качалова/ он тогда руководил (*нрзбр.)//* И потом все там// Потому что последние два года как раз/ он занимался сценической речью// Вот Кузьмина Светлана тогда говорила//[18]

---

[17] Речь идет о письме актеров МХАТа, адресованном вдове Г. О. Винокура. Письмо было написано в 1948 г. после смерти Г. О. Винокура. Открывает список подписавших письмо подпись В. И. Качалова.

[18] Светлана Максимовна Кузьмина (1937–2022) — доктор филологических наук, сотрудница ИРЯ РАН, специалист в области фонетики, орфоэпии и орфографии современного русского языка.

У. Да//

В. И ему дали в ложу/ номер/ то есть не номер/ как называется (*?*)/ пропуск?

К. Да//

В. И вот мы с ним ходили// Папа пришёл/ и гыт «Танька/ у тя есть приличное платье?» А то нам же... но я же голая/ война/ это ужас// И мне из маминых... какого-то маминого туалета/ соорудили какой-то мне/ роскошный туалет вы ж понимаете// Но это папа это даже не заметил// Потом/ я всё ходила/ такая важная/ всё/ и в последний день/ грит «ой/ слушай/ какое у тя хорошенькое платье»// «Пап/ ну я ж с тобой уже две недели/ каждый день/ в этом платье/ тут сижу»// Не понимают мужчины этого// Ну вот/ и поэтому они/ они очень переживали/ потому что тогда/ были потрясены папиной смертью// И вот у меня качаловская такая есть/ я сняла ксерокс с неё... (*вздыхает*) Так всех жалко// Ну нет никаких сил как всех жалко//

Фрагмент 2.
«*Я стала “Гопака” играть...*»[19]

В. У него была огромная/ комната/ казалась мне она/ немыслимой// И стояло два/ м-м... инструмента// Да// И вот он один раз меня посадил за один/ и гыт/ «ну давай»// Я грю «что давать/ что?»// «Ну играй/ что ты щас играешь в школе?»// Я была в Гнесинском// Я стала «Гопака» играть// Это Мусоргского// (*напевает*) Па-парара/ па-пам... И он мне стал играть значит/ мы/ в четыре руки/ с Константин Николаичем// Я пришла к учительнице/ к своей гнесинской/ грю «а я»... Она не поверила/ решила что (*нрзбр.*)/ с Игумновым играла/ в четыре руки «Гопака»// Потом оказалось что это правда// И/ меня посадили/ с Володей Антокольским/ он тогда еще был жив он// Он... то есть как тогда? Он в войну погиб// Это сын Антокольского// Да/ вот еще поэма «Сын» есть/ это Володе была посвящена// Посадили

[19] В рассказе речь идет о К. Н. Игумнове. Константин Николаевич Игумнов (1873–1948) — выдающийся русский пианист и педагог, народный артист СССР, профессор Московской консерватории.

нас с Володей Антокольским[20]/ и это оказался/ самый лучший номер был концертный// Мы с Володей/ по-моему сезона три/ этот «Гопак» отшпаривали/ (*смеются*) значит в Гнесинском учи-и-лище/ там всё// Пока нам этот «Гопак»/ не надоел/ вот это было с лёгкой руки/ Константина Николаича//

Фрагмент 3.
«*Есть такое еврейское слово — “шлимазл”...*»

Т. А-а/ у моего папы/ дедушка был/ отец его был/ купец первой гильдии// Причём вот это название/ очень шикарное/ он был нищий-нищий/ совершенно вообще... Значит у него был компаньон/ в Варшаве/ они жили в Варшаве/ и дедушка родился в Варшаве/ мой папа родился ведь/ в Варшаве//

У. Да?

Т. И то... Да// И када ему четыре года исполнилось/ вся семья переехала в Москву только// И именно потому можно было переехать/ в Москву/ что первой гильдии// Первая гильдия/ м-м для них... на них не распространялась/ черта оседлости// Они могли попасть в столицу// Если вторая гильдия/ уже ему шиш// Был// И-и м...

[но/ он был...

[У. А скоко
гильдий было?

Т. Гильдий по-моему было чтыре/ или три? Вы не помните?

У. (*тихо*) Нет//

Т. Ну первая гильдия/ это так/ звучит//

Н. Угу//

Т. Ну вот// А они и так-то были мелкие/ не знаю/ как у них эта первая гильдия полу... Вот опять дум к... спросить/

[у кого спросить?

[У. Это самая высшая/

Т. Да//

У. первая гильдия//

---

[20] Владимир Антокольский — сын поэта Павла Антокольского, погиб во время Великой Отечественной войны 6 июня 1942 года. Его памяти П. Антокольский посвятил поэму «Сын».

Н. Ну может быть они разорились? Очевидно
[зазря не давали я думаю/ первой гильдии//
[Т. Да-а// Нет/ ну они гово... ну он с...
ну он-то никада не был богатым/ как... А разорил/ его какой-то компаньон/ по фамилии по-моему Зильбер/ или Зильберштейн/ так/ опять// Жулик оказался первостатейный/ и он/ дедушку совершенно разорил// А была у них/ я вот не понимаю почему первой гильдии/ они занимались/ у них было дело/ м-м купеческое/ такое// Они/ э-э значит содержали/ фабрику/ козырьков для фуражек// (*смеются; Т. продолжает со смехом*) Это большое дело великое// И эти козырьки/ они продавали// И вот эти козырьки их и сгубили// (*смеются*) Как уж/ что я там не знаю// Но они были абсолютно всегда/ очень/ очень скромные тихие люди/ очень плохо/ жили/ огромная семья такая была/ рано умершая мать вот моего папы/ он женился/ у них была-а пре... прекрасная у папы была мачеха/ совсем не/ как полагается в сказке/ а очень любила всех детей/ там же их много было у папы/ братьев/ сестёр/ Но тем не менее// Вот/ значит совершенно разорённые/ они прибыли в Москву/ и там уж/ как существовали/ ну они рано все/ скончались// Так шо тоже очень интересно// Вот он купецкий сын// А дедушка/ был такой в общем типичный/ еврейский/ я не знаю/ знаете ли вы такое слово/ вы-то точно не знаете/ Наталь Димитна/ есть такое слово/ «шлимазл»// Не
[слыхали такое?
[У. Как-как?
Т. (*шутливо*) Ну русские/ шо с вас взять? (*Н. смеется*) Значит/ ес(т)ь тако(е) еврейское слово/ «шлимазл»// «Шлимазл» это значит ну недотёё-о-па/
У. Угу//
Т. ну такой... э-э растя-а-па/ вот ему это можно лапшу на уши пове-е-сить/ и неуда-а-чник немножко/
[ну вот/
[У. Да//
Т. всё вместе// Замечательное слово/ очень такое ёмкое/ экспрессивное// Вот папа/ это дедушка/ вот папин папа/ именно таким и был// (*смеются*)// Он обожал музыку// Вот «Травиа-а-ту»/ вот в Большо-о-й/ страшный был меломан/ отчего вот у меня

ведь папа был певе-е-ц/ и вот/ дядя Лёля/ вот/ был/ такой/ м... музыкове-е-д/ и всё прочее/ такая вот эта вот безумное... меломанство/ типично еврейская тра... кстати черта/ у нас/ была/ процветала необычайно// Ну вот// И/ вот он любил оп... оперу значит/ у них дома были прекрасные кни-и-жки/ И ещё он отличался/ «фантастической»/ как папа писал[21]/ «ненавистью ко всему польскому»// Его/ на великоросское тянуло/ да// И вот он рвался оттуда/ ему там было «душно/ без счастья и воли»/ и они/ уехали в Москву// Вот и папа тем самым/ стал уже/ значит/ московским евреем/ (*со смехом*) русским/ а не польским// А мог бы и там... Всё могло не так быть/ если б не эта ненависть/ дедушки ко всему польскому// Он/ просто м...

[заставлял говорить по-русски/ да-а/ и м-м

[Н. (*тихо*) Поразительно просто/ да? Какая прелесть//

Т. просто действительно/ и/ м-м... папа/ пишет вот в своих воспоминаниях/ что он стал... «Када вы стали преподавать?» «Вот када уч... с трёх лет»/ он учил няньку-польку/ русскому языку//

[Вот//

[Н. Угу//

Т. И-и... а сам говорил по-польски всё время// Но-о дедушка/ его отец/ для того чтоб приучить ребёнка к русскому языку/ его/ одаривал шоколадом// Вот папа пишет что он/ при помощи польского шоколада/ значит стал хорошо знать русский язык//

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. Изд. 2-е. 896 с.

Винокур Г. О. Из воспоминаний моей юности <1940> // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М.: Научный мир, 1999. С. 460–467.

---

[21] Татьяна Григорьевна пересказывает текст воспоминаний о своей юности, написанный Г. О. Винокуром в 1940 г. для стенгазеты филологического факультета ИФЛИ «Комсомолия». Этот текст хранился в семейном архиве. Впервые был опубликован в 1999 г., уже после смерти Т. Г. Винокур. См. [Винокур 1999: 460–467].

Винокур Г. О. Пушкин-прозаик // Г. О. Винокур. О языке художественной литературы / Т. Г. Винокур (сост.). М.: Высшая школа, 1991. С. 179–194.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Гинзбург Л. Я. Эвфемизмы высокого // Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб: Искусство–СПБ, 2002. С. 432–440.

Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь Москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий. М.: Проспект, 2024. 440 с.

Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1 / О. В. Антонова, Д. М. Савинов (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2009. 240 с.

Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур / Н. Н. Розанова (отв. ред.). М.: Наука, 1996. 336 с.

Ушаков Д. Н. — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ВИНОКУР И ЕЕ БЕСЕДЫ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА РАДИО

Публикация, вступительная статья и примечания Н. Н. Розановой

Несколько лет назад Сергей Владимирович Киселев, муж Татьяны Григорьевны, передал нам, ее коллегам, папку с различными материалами, обнаруженными им в ее архиве. Публикуемая здесь работа находилась в этой папке. Она представляет собой подготовительные материалы к одной из радиопередач популярного в конце 1980-х — начале 1990-х гг. цикла «Беседы о русском языке». Некоторые записи из этого цикла были опубликованы ранее (см., например, [Поэтика. Стилистика. Язык и культура, 1996: 325–330; Незабытые голоса России 2009: 50–63]). К сожалению, аудиозапись самой передачи не сохранилась. Она была посвящена Пушкину и, судя по начальным фразам сохранившихся материалов, прошла в эфир не позднее 6 июня 1991 года.

Тема беседы вынесена в заголовок: «О прозе Пушкина в свете культуры языка». В ней говорилось о колоссальной культурной работе Пушкина как создателя и реформатора русского литературного языка. При этом подчеркивалось, что эта новаторская нормализаторская деятельность гения проявилась главным образом в его прозе и прежде всего в сфере его эпистолярного творчества. Нельзя не обратить внимания на то, с каким пиететом Татьяна Григорьевна говорит о Пушкине, о его жизни и творчестве. Несомненно, пушкинская тема имела для нее особое, глубоко личное значение. Прежде всего потому, что эта тема неразрывно связана с ее отцом, Григорием Осиповичем Винокуром, выдающимся филологом-пушкинистом, одним из вдохновителей и создателей «Словаря языка А. С. Пушкина». Вспоминая об отце и своем детстве, Татьяна Григорьевна признавалась: *Я была очень счастлива, а особенно я любила папу и всё, что касалось папиных занятий всегда... А я вот со своей вот этой жизнью и необыкновенным счастьем жить дома, со своими родителями, своими друзьями, своей мамой — я просто была нормальная счастливая девочка. И тридцать седьмой год — это был для меня год слепящей красоты, празднества столетия со дня смерти Пушкина... То есть*

не празднества, простите, а юбилея... [Китайгородская, Розанова 2005: 175].

В процессе подготовки к передаче Т. Г. Винокур печатала на машинке текст выступления, а затем от руки вносила в него правку. Часть страниц этого текста была утеряна, поэтому ниже публикуются лишь отдельные его фрагменты. Однако даже по этим сохранившимся фрагментам можно понять, каким замечательным популяризатором науки была Татьяна Григорьевна. В материалах к радиопередаче обсуждаются разные вопросы: о так называемом простонародном наречии, его носителях и сферах употребления, о стилевых и композиционных особенностях пушкинских писем, их роли и значении в истории русской словесности, а также о многом другом. При этом ей удается говорить о сложных материях вполне доступным, почти разговорным языком, не упрощая или примитивизируя сам предмет разговора. Главная задача автора — показать своим слушателям, в чем состояла необычность и новизна предпринятой Пушкиным работы по созданию общенационального русского литературного языка.

Рассказывая об особенностях пушкинского эпистолярного стиля, Татьяна Григорьевна приводит много цитат из писем Пушкина, а попутно знакомит своих собеседников и с окружением поэта, бытом и нравами его эпохи, т. е. привлекает широкий историко-культурный контекст. Такой способ изложения позволяет слушателям «наглядно, грубо, зримо» представить себе пушкинское время, приблизить его к себе. Все это делает рассказ увлекательным, и он несомненно должен был вызвать интерес у тех, кто его слышал. Даже чтение этих подготовительных материалов вызывает желание немедленно перечитать пушкинские письма, его прозу, заглянуть в труды пушкинистов, о которых упоминает автор.

Тем, кто помнит, каким замечательным собеседником была Татьяна Григорьевна Винокур, легко представить себя на месте радиослушателей, воспринимавших непосредственно этот яркий рассказ, вспомнить ее живые интонации, неповторимый тембр ее голоса. Услышав однажды выступление Т. Г. Винокур по радио, академик Юрий Сергеевич Степанов обратил внимание именно на звуковую составляющую, на ее голос и на то почти магическое впечатление, которое этот голос производил на слушающих: «Прелестный, жемчужный, с некоторой хрипотцой курильщика, голос

женщины. Так могла бы, наверное, говорить Нежданова, если бы, говоря, сохраняла свои певческие достоинства в обыденной речи». Далее он попытался понять, в чем же причина притягательности этого голоса: «Важно, что силой убеждения обладал именно голос. Аргументация вообще убеждает в том или ином положении и в случае успеха может убедить в их совокупности. Голос — минуя отдельные утверждения — убеждает в истинности целого. “Понятно, что так оно и есть, как говорит этот голос”, — вот вывод, который следовал из ее голоса» [Степанов 1996: 281–282].

Однако и содержательная сторона выступлений Татьяны Григорьевны на радио была необычайно важна. Передачи с ее участием всегда вызывали живой интерес у радиослушателей, поскольку их тематика затрагивала наиболее актуальные вопросы, связанные с культурой речевого общения, влиянием новых социально-экономических условий жизни на различные языковые процессы. Сошлемся на другую радиопередачу из цикла «Беседы о русском языке», фрагменты которой были опубликованы в сборнике, посвященном памяти Т. Г. Винокур [Поэтика. Стилистика. Язык и культура 1996: 325–330]. В своем выступлении она рассказывает о новых тенденциях, проявившихся в разных сферах речевой коммуникации в последние годы. В частности, она с горечью говорит о падении уровня речевой культуры в обществе. К сожалению, эти мысли, высказанные ученым в начале 90-х гг., актуальны и сейчас: «Это отрицательно сказывается на нашем повседневном речевом обиходе, нивелирующем индивидуальность, не соблюдающем правила речевого этикета, попадающем под сильное влияние средств массовой информации. И вот здесь, я думаю, как раз положение довольно сложное, здесь я не оптимистка» [Там же: 330]. О том, как важно соблюдать нормы речевого общения говорила Татьяна Григорьевна и в другой своей передаче — «Десять заповедей культуры речевого поведения» [Незабытые голоса России 2009: 50–63].

Публикуемые ниже материалы посвящены, казалось бы, вопросам, далеким от дня сегодняшнего. Однако это не так. Татьяна Григорьевна обращается к поэтике пушкинской эпистолярной прозы в контексте современной культурно-речевой ситуации. Об этом говорит и само название беседы: О *прозе Пушкина* ***в свете культуры языка***. В самом начале разговора она подчеркивает значение

реформаторской деятельности Пушкина для современного литературного языка: «Конечно, за такой период, как почти 200 лет, этот литературный язык во многих своих частностях изменился. Но в целом для него не прошла даром та словарная и стилистическая “чистка”, которой Пушкин подверг и книжный язык предшествующей эпохи, и главным образом бытовой язык своей эпохи». В письмах поэта ярко и наглядно отразилась практика культурной работы над словом. Т. Г. Винокур обращает внимание на стилистическую неоднородность писем: «Мы видим, с каким замечательным чувством меры и как естественно соединяются в этой практике языковые средства разных слоев, разной стилистической принадлежности». Эта стилистическая неоднородность — одна из ярких черт и современного повседневного литературного языка. Она тесно связана с Пушкиным и его эпохой: «Можно смело сказать, что эпистолярная проза Пушкина прививала его современникам вот эту культуру обиходного языка, возведенного в ранг литературного». Однако использование этого стилевого богатства невозможно без высокого уровня речевой культуры. Поэтому далее, обращаясь к современным носителям русского литературного языка, Татьяна Григорьевна призывает их обратиться к пушкинскому эпистолярному опыту: «Языковое мастерство Пушкина-прозаика в его письмах — это прежде всего высокая культура речи, владение жанром, а значит, богатым набором того, что называется синонимическими языковыми средствами. Вот, например, мы сейчас в нашем современном обществе, совершенно очевидно, страдаем от отсутствия широкого выбора в ассортименте средств обращения (главным образом, к незнакомым людям). Возможно, если бы в нашем обиходе существовала необходимость чаще писать письма, причем самым разным адресатам, мы бы стали изобретательнее и в устном общении. Переписка, безусловно, оттачивает владение письменными формами литературного языка».

Необходимо упомянуть еще об одной особенности научного творчества Т. Г. Винокур — внимательном и бережном отношении к трудам других исследователей. Даже в этих кратких подготовительных записях она упоминает имена и работы многих ученых-пушкинистов, обращавшихся к вопросу поэтики пушкинской эпистолярной прозы. Это, например, Б. М. Эйхенбаум, О. М. Гершензон, Б. Л. Модзалевский и др. Наибольшее число отсылок и упоминаний

связано, конечно же, с именем ее отца, Григория Осиповича Винокура. Сама тема передачи возникла не случайно, она перекликается со статьей Г. О. Винокура «Пушкин-прозаик» [Винокур 1991: 179–194], основные положения которой были использованы в представленных ниже материалах. Эта статья впервые была опубликована в середине 1920-х гг. как отдельная глава в его книге «Культура языка» [Винокур 2006]. Следует подчеркнуть, что статья получила высокую оценку наиболее авторитетного исследователя эпистолярного наследия Пушкина Б. Л. Модзалевского, который в предисловии к трехтомному изданию пушкинских писем отзывался об этой небольшой по объему работе Г. О. Винокура как о «заслуживающей особого внимания по широте поставленного в ней вопроса» [Пушкин 1926–1935: XXXI]. Позднее, уже в 90-е гг., эта работа была переиздана в сборнике трудов Григория Осиповича [Винокур 1991]. Опубликовала статью Т. Г. Винокур, ею же были написаны предисловие и комментарии к статье.

Наконец, необходимо заметить, что публикуемые материалы не предназначались для печати. Это заметки, которые Татьяна Григорьевна писала для себя, готовясь к устному выступлению по радио. Именно поэтому они в стилевом отношении ближе к непринужденной устно-разговорной, нежели к строгой научной речи. Здесь возможны повторы, «неправильный» с точки зрения строгой нормы порядок слов, сниженная лексика и т. п. Хочется надеяться, что именно этот письменный по форме текст поможет внимательному читателю получить некоторое представление об устно-речевой манере Татьяны Григорьевны и даже, возможно, «услышать» ее индивидуальный, неповторимый голос.

Т. Г. Винокур

О ПРОЗЕ ПУШКИНА В СВЕТЕ КУЛЬТУРЫ ЯЗЫКА

Сегодняшнюю беседу я хочу посвятить Пушкину. Близятся пушкинские дни, и всего восемь последующих лет отделяют нас от славного двухсотлетия со дня рождения великого поэта и реформатора русского языка. Двести лет. А между тем наш современный русский язык — это язык Пушкина и, более того, — язык, который сам Пушкин и создал. Скажу точнее: речь идет о нашем современном литературном языке. То есть — о языке общенациональном и в то же время обработанном, подчиняющемся определенным нормам, образцовом, о языке, которым общество пользуется не только в художественной сфере деятельности, но и во всех других социокультурных и практических деловых сферах.

Конечно, за такой период, как почти 200 лет, этот литературный язык во многих своих частностях изменился. Но в целом для него не прошла даром та словарная и стилистическая «чистка», которой П. подверг и книжный язык предшествующей эпохи и главным образом бытовой язык своей эпохи. При этом П. был очень далек от «насилия» над живыми свойствами языка. Он просто делал проницательные выводы из анализа этих свойств. Так, например, он писал: «Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи»[1]. «Обычаи» же эти в истории русского литературного языка, как замечательно понял их Пушкин, складывались следующим образом: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от языка книжного. Но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»[2]. Надо ли говорить, как поразительно точно, глубоко и изящно это сказано! В этой формулировке, по сути дела, вся история развития нашего современного литературного языка. И Пушкин, таким образом, положил начало, во-первых, разграничению между языком правильным (литературным)

---

[1] См.: *А. С. Пушкин*. Заметки и афоризмы разных годов [ПСС, т. 7: 516].

[2] См.: *А. С. Пушкин.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова [ПСС, т. 7: 27].

и неправильным (нелитературным) и, во-вторых, он смягчил другое разграничение, которое существовало внутри самого правильного, т. е. литературного, языка, — различение между высоким (книжным) и низким (простонародным) языком. В народном языке П. видел материальную основу языка литературного. И именно это соединение истинно народной основы с книжным началом и было главным смыслом его реформаторской деятельности, предметом культурной работы Пушкина над словом. Эту работу он делал с проникновенной целеустремленностью, с последовательностью и глубоким научным пониманием законов языкового развития, что, кстати сказать, выгодно отличало Пушкина от его литературных современников[3].

Пушкин-нормализатор, Пушкин-новатор, который создавал литературный язык на основе языка народного и который сумел поднять создаваемый им язык на высокий культурный уровень — это прежде всего, конечно, Пушкин-прозаик, а не стихотворец[4]. И возможно даже, что в этом смысле, т. е. с точки зрения культуры языка, центральное место занимает в творчестве Пушкина не художественная, а эпистолярная проза, которую он сам называл

---

[3] О том, что представлял собой простонародный язык, или простонародное наречие, писал Г. О. Винокур в статье «Пушкин-прозаик», на которую и опиралась Татьяна Григорьевна при работе над текстом этой беседы. Ср.: «Но что такое само это простонародное наречие? Мечтая о сближении с ним, думал ли Пушкин, что наша литературная проза должна стать прозою диалекта, говора? Предположение это обнаруживает свою полную несостоятельность при первой же попытке отнестись к нему серьезно. Прежде всего, так называемое простонародное наречие, хотя и мыслилось как некий речевой уклад, близкий к языку деревни и с ним связанный генетически, на деле было языком вовсе не только деревни. На нем говорили и образованные классы, поскольку вообще говорили по-русски. Существенно же здесь подчеркнуть, что это был язык, во-первых, исключительно разговорный [здесь и далее разрядка автора — *Н. Р.*], а во-вторых, — предназначенный для низших культурных функций. Именно в этой плоскости лежала проблема, которую хотел разрешить Пушкин» [Винокур 1991: 182].

[4] Ср. слова Г. О. Винокура о Пушкине-новаторе: «Если в стихах своих он завершитель богатых традиций прошлого века, канонизатор, давший устойчивую, классическую форму, то к прозе Пушкин пришел путями безвестными, дорогами окольными: учителей, наличных традиций на них он не встречал. В прозе ему пришлось начинать сначала. Тут он все создавал заново» [Там же].

именно так: проза, т. е. его письма. Об этом писал более полувека назад ныне покойный, профессор Григорий Осипович Винокур, известный языковед и Пушкинист — и его статья, называющаяся «Пушкин-прозаик» — чуть ли не единственная в огромном море литературы о Пушкине, в которой именно так ставится вопрос. Вот я процитирую: «Пушкин создавал свою художественную прозу действительно из того бытового лингвистического сырья, которое находилось в его распоряжении в виде неразработанного, свернутого в своих потенциальных богатствах, обиходного разговорного языка <...> прежде чем стать языком литературы и вместе с тем приобрести значение языка культурного, этот обиходный язык служил для Пушкина предметом творческого преодоления и стилистической обработки именно в этом своем обиходном качестве, в жанрах обыденной и повседневной речи» (конец цитаты)[5].

Повседневная речь Пушкина и его окружения дошла до нас в письменном виде. И по его письмам можно судить, что и деловая, и дружеская переписка были для П. одновременно (опять цитирую статью) «отчетливым творческим заданием в области письменного слова» (конец цитаты)[6].

Вот для того, чтобы это показать, я хочу сначала просто прочесть несколько отрывков из разных его писем, причем не из каких-нибудь знаменитых, которые всегда цитируются по разным поводам, а из обычных, «проходных» — брату, друзьям, жене, посвященных обычным, казалось бы, прозаическим, каждодневным делам и событиям. Вот из письма к брату из Кишинева, 22-й год: «Ты на меня дуешься, милый. Нехорошо. Пиши мне, пожалуйста, как угодно, хоть на шести языках. Ни слова тебе не скажу — мне без тебя здесь скучно». (Поясню, что речь идет о предыдущем письме, где Пушкин пеняет брату: «Как тебе не стыдно писать полурусское, полуфранцузское письмо? Ты не московская кузина».) «Что ты делаешь? В службе ли? Пора, ей Богу, пора! Ты меня в пример не бери, если упустишь время — будешь тужить. В русской службе должно непременно быть в 26 лет полковником, если хочешь быть чем-нибудь когда-нибудь. Следственно, разочти.

---

[5] [Указ. соч.: 185–186].

[6] [Там же].

Тебе скажут: учись, служба не пропадет. А я тебе говорю: служи, учение не пропадет... Чтение — вот лучшее учение»[7].

А вот письмо к ближайшему и любимому другу — Петру Андреевичу Вяземскому: «Благодарю тебя, милый Вяземский! пусть утешит тебя Бог за то, что ты меня утешил. Ты не можешь себе представить, как приятно читать о себе суждение умного человека. <...> Все, что ты говоришь о романтической поэзии, прелестно, ты хорошо сделал, что первый возвысил за нее голос — французская болезнь умертвила б нашу отроческую словесность». (Речь идет о «Кавказском пленнике».) «Ты говоришь, душа моя, что он сукин сын за то, что не горюет о черкешенке, но что говорить ему — *всё понял он* выражает всё; мысль об ней должна была овладеть его душою и соединиться со всеми его мыслями — это разумеется — иначе быть нельзя; не надобно всё высказывать — это есть тайна занимательности. Другим досадно, что *пленник* не кинулся в реку вытаскивать мою черкешенку — да, сунься-ка; я плавал в кавказских реках, — тут утонешь сам, а ни черта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку — он прав, что не утопился. Прощай, моя радость»[8].

Теперь из письма к жене (1833 год): «Милая женка, вот тебе подробная моя Одиссея. Ты помнишь, что от тебя уехал я в самую бурю. Приключения мои начались у Троицкого мосту. Нева так была высока, что мост стоял дыбом; веревка была протянута, и полиция не пускала экипажей. Чуть было не воротился я на Черную речку. Однако переправился через Неву выше и выехал из Петербурга. Погода была ужасная. Деревья по Царскосельскому проспекту так и валялись, я насчитал их с пятьдесят. В лужицах была буря. Болота волновались белыми волнами. По счастию ветер и дождь гнали меня в спину, и я преспокойно высидел все это время. Что-то было с вами, петербургскими жителями? Не было ли у вас нового наводнения? что, если и это я прогулял? досадно было бы. На другой день погода прояснилась. Мы с Соболевским шли пешком 15 верст, убивая по дороге змей, которые обрадовались сдуру солнцу и выползали на песок. Вчера прибыли мы благополучно в Торжок, где Соболевский

---

[7] См. письмо Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной (21 июля 1822 г.) [ПСС, т. 10: 40].

[8] См. письмо П. А. Вяземскому (6 февраля 1823 г.) [Там же: 55–56].

свирепствовал за нечистоту белья. Сегодня проснулись в 8 часов, завтракали славно, а теперь отправляюсь в сторону, в Ярополец — а Соболевского оставляю наедине с швейцарским сыром. Вот, мой ангел, подробный отчет о моем путешествии»[9].

А теперь приведу всё же одно письмо из разряда знаменитых — к Александру Федоровичу Воейкову, в котором Пушкин пишет о впечатлении, произведенном на него литературным дебютом Гоголя: «Сейчас прочел “Вечера близ Диканьки”. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился. Мне сказывали, что когда издатель вошел в типографию, где печатались «Вечера», то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая рот рукою. Фактор (управляющий технической частью) [пояснение в круглых скобках Т. Г. Винокур — *Н. Р.*] объяснил их веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смеху, набирая его книгу. Мольер и Фильдинг, вероятно, были бы рады рассмешить своих наборщиков. Поздравляю публику с истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнейших успехов. Ради бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновению, нападут на *неприличие* его выражений, на *дурной тон* и проч.»[10].

Вот я сразу решилась привести такие обширные цитаты потому, что уверена: во-первых, они доставят слушателям удовольствие, а во-вторых, — самый текст пушкинских писем говорит за себя лучше, чем любой изощренный комментарий к ним. И уже после того, как они прозвучали, нам легче объяснить себе, что мы почувствовали: конечно, поражает их удивительная простота, лаконичность и изящество прежде всего.

* * *

Мы видим, с каким замечательным чувством меры и как естественно соединяются в этой практике языковые средства разных слоев, разной стилистической принадлежности. Как строг и возвышен,

---

[9] См. письмо Н. Н. Пушкиной (20 августа 1833 г.) [Там же: 436–437].

[10] См.: *А. С. Пушкин*. Письмо к издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» [ПСС, т. 7: 261].

но без высокопарности, а наоборот, строг и прост в своей обыденности язык письма к Кривцову[11], как игрив и остроумен в письме к Вяземскому, как живописен рассказ о дорожных приключениях в письме к жене: «болота волновались белыми волнами» во время бури. А какую удивительную ноту, какой «запах жизни», истинной, неукрашенной, но действительно богатой, насыщенной разносторонними чертами истинно народного характера поэта, вносят элементы просторечной сниженности: *сукин сын* (Кавказский пленник), *поди-ка сунься, ни черта не сыщешь, обрадовались сдуру, мне брюхом хочется увидеть тебя, ты на меня дуешься* и так далее. Особенно, когда эти элементы соседствуют со струей книжной, высокой: *суждение умного человека, романтическая поэзия, отеческая словесность, горести не удивят меня, без упоения, без ребяческого очарования*. И важно ведь то, что от такого соседства и тот, и другой слои отчасти меняют свое качество, чего и добивался Пушкин. Они нейтрализуются: у низких слов смягчается низость, у высоких снижается высокость.

И тем самым создается новое стилистическое качество литературного языка. он становится языком общим, нейтральным, годным для самых разных нужд и целей общения. Чего не могло быть в допушкинскую эпоху, когда язык разговорный и язык литературы, письменный язык, были разобщены. Язык же пушкинских писем в равной степени годится и для того, и для другого. Не чуждаясь народной основы, он в то же время становится языком так называемого хорошего общества.

Пушкин особенно заботился о том, чтобы из этого языка была изгнана и чопорность, и манерность, и грубая вульгарность. Можно

---

[11] Имеется в виду письмо к издателю Пушкина Н. И. Кривцову (10 февраля 1831 г). Оно не упоминается в публикуемых фрагментах, однако в одной из оборванных частей рукописи содержится следующая цитата из этого письма: «Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся — я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться. К тому же я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию» [ПСС, т. 10: 338–339]. Далее следует комментарий Т. Г. Винокур: «В печали этих решительных и мужественных строк их аскетической серьезности и мудрости видится как бы наперед угаданная поэтом нравственная мука последних дней его жизни, ее трагический конец».

смело сказать, что эпистолярная проза Пушкина прививала его современникам вот эту культуру обиходного языка, возведенного в ранг литературного.

Он писал, что «откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха, между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку»[12]. Старые московские барыни, у которых, по словам первого исследователя творчества поэта П. В. Анненкова, Пушкин советовал учиться русскому языку (так же, как и у московских просвирен) никогда не заменяют энергических фраз «я была в девках, лечилась» и т. п. жеманными фразами: «я была в девицах, меня пользовал» и т. д.[13]

«Проза наша так еще мало обработана, — писал он, — что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных»[14].

«Вот Вам “Борис”, — пишет он М. П. Погодину о “Борисе Годунове”. — Мы живем во дни переворотов — или переоборотов (как лучше?)[15]».

[Из письма к П. А. Вяземскому:] «Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический (т. е. научный, философский — *Т. В.*) язык, зарожденный в твоих письмах — а там что Бог даст»[16].

В бестелефонную эпоху единственным способом общения на расстоянии была переписка, т. е. письменная, а не устная форма. Поэтому письма являлись своеобразной областью словотворчества в пушкинской среде. Они сохранялись, передавались из рук

---

[12] См.: *А. С. Пушкин.* О новейших блюстителях нравственности [ПСС, т. 7: 129].

[13] Ср.: «Впоследствии он советовал учиться русскому языку у старых московских барынь, которые никогда не заменяют энергических фраз “я была в девках”, “лечилась” и т. п. жеманными фразами “я была в девицах”, “меня пользовал” и проч. В записках своих он насмешливо советует русским литераторам прислушиваться даже к разговору московских просвирен» [Анненков 1984: 163].

[14] См.: *А. С. Пушкин.* О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова [ПСС, т. 7: 31].

[15] [ПСС, т.10: 330].

[16] [Там же: 42].

в руки, вращались в дружеских кругах. Им подражали, списывали их, как стихи, в специальные альбомы. Как правило, Пушкин писал письма сначала начерно (особенно, если это были деловые письма), и многие черновики его писем сохранились. Как замечал проф. Г. О. Винокур в упомянутой уже мною статье, Пушкин обладал особым чувством эпистолярного стиля и придумывал особые названия разным его жанрам[17]. Так, были у него письма, которые он писал «спустя рукава»[18] — те, которые посылались с оказией, когда, очевидно, не хватало времени и не было стимула для особо тщательной их литературной отделки. Конечно, это прежде всего [письма, адресованные] близким и друзьям: брату Льву, Вяземскому, Плетневу и т. д. Некоторые письма он называл [письмами] «в треугольной шляпе и башмаках», т. е. письма серьезного, официального содержания, письма-прошения, так сказать. Таково, например, письмо к Жуковскому из Михайловского с просьбой, чтобы тот похлопотал перед царем [Николаем I] о возвращении его в Петербург[19]. Но и тут можно увидеть намек на некий словесный каламбур, полушутку. Слово *дружество* означает то же, что и *дружба*, но здесь в начальной фразе возникает некий структурный параллелизм с образованиями типа *ваше высочество, сиятельство, величество* и т. д.[20]. Это шутливое *Ваше дружество* дает возможность предположить о намерении Пушкина. Дружество же это с Жуковским всегда было для Пушкина

---

[17] Ср.: «Пушкин работал над своими письмами как над художественным продуктом. Он, несомненно, видел в них своеобразное творческое задание. У него было особое чувство эпистолярного стиля <...> Он различает особые разновидности этого жанра» [Винокур 1991: 187].

[18] Ср. письмо к Л. С. Пушкину (январь (после 12) — нач. февраля 1824 г.): «Так как я дождался оказии, то я буду писать тебе спустя рукава» [ПСС, т. 10: 79], а также письмо к П. А. Вяземскому (24–25 июня 1824 г.): «Я ждал отъезда Трубецкого, чтоб написать тебе спустя рукава» [Указ. соч.: 92].

[19] См. письмо П. А. Плетневу (7 марта 1826 г.), к которому Пушкин прикладывает другое, адресованное В. А. Жуковскому и выдержанное в достаточно официальном стиле, поэтому в послании к Плетневу Пушкин шутливо замечает: «При сем письмо к Жуковскому в треугольной шляпе и башмаках» [ПСС, т. 10: 204].

[20] См. письмо В. А. Жуковскому от 7 марта 1826 г.: «Поручая себя ходатайству Вашего дружества, вкратце излагаю здесь историю моей опалы» [Там же: 203–204].

особенно значимо. В письме Плетневу он писал: «Не смею надеяться, но мне бы сладко было получить свободу от Жуковского, а не от другого»[21].

Отчетливо выделяются по стилю, конечно, и чисто деловые письма. Пушкин называл их *дельными.* У Плетнева он спрашивает в очередном письме: «Получили ли мои приятели письма мои дельные, т. е. деловые? Что ж не отвечают?»[22]. У этих писем были также самые разные адресаты — от царя до разных издателей журналов, [владельцев] типографий и т. д. От наиболее важных из этих писем сохранились черновики, часто их было несколько: первый набросок, второй набросок и т. д. Пушкин отделывал их тщательно, хотя и неизменно повторял в них: «будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг...». Это у него была такая вводная постоянная формула, которой он отгораживался от бюрократического бумажного мира. И в то же время сохраняя даже в таких письмах, которые, казалось бы, непременно должны быть трафаретными, как это предписывает деловой этикет, — индивидуальный облик, ничего общего не имеющий с канцелярской рутинной писаниной. Вот, например, как начинается письмо к Бенкендорфу: «Милостивый государь Александр Христофорович! Будучи совершенно чужд ходу деловых бумаг, я не знал, должно ли мне было отвечать на письмо, которое удостоился получить от Вашего превосходительства и которым был я тронут до глубины сердца. Конечно, никто живее меня не чувствует милость и великодушие государя императора, так же как снисходительную благосклонность Вашего превосходительства»[23]. Конечно, мы можем сейчас только гадать, сколько здесь этикетного и сколько здесь искреннего начала, — ясно, что первое преобладает. Но мы видим в любом случае, что жанром официального письма Пушкин владел блестяще и как мог его совершенствовал. Потому что в нем нет ничего от языка канцелярии, а есть исполненный благородства и достоинства светский ответ на малоприятное письмо Бенкендорфа, в котором фактически налагается на Пушкина царская цензура. Об этом письме он сообщал Соболевскому: «Вот в чем дело: освобожденный от

---

[21] [Там же: 204].

[22] См. письмо П. А. Плетневу от 3 марта 1826 г. [Там же: 203].

[23] См. письмо А. Х. Бенкендорфу (29 ноября 1826 г.) [ПСС, т. 10: 218].

цензуры, я должен, однако ж, прежде чем что-нибудь напечатать, представить оное выше; хотя бы безделицу. Мне уже (очень мило, очень учтиво) вымыли голову»[24].

Языковое мастерство Пушкина-прозаика в его письмах — это прежде всего высокая культура речи, владение жанром, а значит, богатым набором того, что называется синонимическими языковыми средствами. Вот, например, мы сейчас в нашем современном обществе совершенно очевидно страдаем от отсутствия широкого выбора в ассортименте средств обращения (главным образом к незнакомым людям). Возможно, если бы в нашем обиходе существовала необходимость чаще писать письма, причем самым разным адресатам, мы бы стали изобретательнее и в устном общении. Переписка, безусловно, оттачивает владение письменными формами литературного языка. Для примера я лишь приведу сейчас обращения к наиболее постоянным адресатам писем Пушкина. Жене: *царица моя, женка, жена, мой ангел, Наташа мой ангел, моя красавица, милый мой ангел, мой друг, жена моя милая, женка мой ангел, душка моя, мой ангел*. Далее следует начало: *Вчера были твои именнины; Сегодня твоё рождение; Поздравляю тебя и себя, мой ангел; Вчера я пил твое здоровье у Киреевского с Шевыревым и Соболевским, сегодня буду пить у Суденки*.

А вот излюбленные обращения в письмах к близким друзьям: К Горчакову: *милый, мой милый, мой друг, душа моя*. К Дельвигу: *Мой Дельвиг! Барон!* К Вяземскому: *милый Асмодей, милый европеец, князь Петр Андреич! милый Вяземский!* Л. С. Пушкину: *Брат! Милый Брат! Благоразумный Левинька!* К Жуковскому: *Милый почтенный друг!* К Соболевскому: *Безалаберный!*

Такое же разнообразие концовок. За каждым письмом можно увидеть его настроение в тот момент, нюансы отношения к адресату. Публикуя в 1923 г. не изданное до тех пор письмо барону Дельвигу, замечательный пушкинист Б. Л. Модзалевский писал: «Трудно, даже невозможно выказать всего себя на небольших двух страничках ярче и полнее, чем сделал это Пушкин в приведенном выше, недавно найденном нами и впервые теперь печатаемом письме к ближайшему и любимейшему своему другу, барону Антону Антоновичу Дельвигу. Весь искристый блеск своего ума,

---

[24] См. письмо С. А. Соболевскому (1 декабря 1826 г.) [ПСС, т. 10: 222].

все прямодушие нрава, все, по выражению князя П. А. Вяземского, “непомерное добросердечие и простосердечие”, добродушную шутливость и в то же время глубокую мудрость, тонкую наблюдательность и знание человеческой натуры выразил он в этих немногих дружеских строках»[25]. Но можно с верностью сказать, что почти все письма Пушкина — из тех, которые не скованы этикетными рамками, а именно к близким — таковы[26].

В статье [Г. О. Винокура] «Пушкин-прозаик», на которую я всё время ссылаюсь, совершенно правильно замечено, что Пушкин называл свои письма «прозой» не случайно. Переход от эпистолярной речи к собственно художественным жанрам прозы возможен уже по одному тому, что сама художественная проза допускает в своих рамках некоторые эпистолярные жанры, вернее, она их стилизует, художественно обрабатывает уже тем, что включает в свой контекст. Можно привести примеры особо откровенной намеренной стилизации — письмо старшего Дубровского Троекурову:

> *Государь мой премилостивый,*
>
> *Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне псаря Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их не стерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам*
>
> *Андрей Дубровский.*

Уже по этому письму мы можем судить, что Пушкин сохранил здесь в художественном тексте «все основные стилистические

---

[25] [Модзалевский 1923: 81].

[26] Далее в скобках дается перечисление некоторых слов и выражений из опубликованного Б. Л. Модзалевским пушкинского письма, которые показывают, что поэт активно использовал контрастные стилистические средства. Это, с одной стороны, экспрессивно-разговорные: *взбесишься, уморительно, поп своё — да черт своё,* — но, с другой стороны, сугубо книжные: *немецкая метафизика, пресыщенность положительными знаниями, метафизический вопрос.* Татьяна Григорьевна цитирует также ироническое замечание Пушкина о брате Льве: «Он воображает, что имение его расстроено и что он истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую душу — Уморительно».

особенности своего живого обиходного письма»[27]. И сама тема попранной дворянской чести, оскорбительности роли «шута» была для него личной и очень больной, как мы знаем. Но дело не в данном совпадении, а в том, что письма, включенные в состав художественных произведений, повторяют с точки зрения композиции, строения фразы реальные письма Пушкина. Особенно это видно на его опытах романов в письмах, которые не были им закончены, может быть, потому, что роман в письмах — условная форма, которая была популярна в западной и русской литературе предшествующего периода долгое время (например, знаменитая «Новая Элоиза» Жан Жака Руссо). Однако в замечательных отрывках из «Романа в письмах» Пушкин стилизует очень тонко дивные голоса своих современников, придавая им тот же динамизм, стремительность и лаконичность, которые являются отличительной чертой писем самого Пушкина. Сама процедура стилизации, то есть как бы подделки одного под другое (придуманного писателем письма под настоящее) заставляет еще резче обозначить, увидеть эти черты. Потому что мы знаем: художественное изображение — это не просто перенесение действительности на бумагу, а то, что называется типизация. Изображается самое главное, типическое, свойственное тому, что писатель описывает в первую очередь. Вот поэтому в письмах неоконченного романа мы находим все особенности пушкинского эпистолярного стиля как бы через увеличительное стекло. В письмах героев этого романа Владимира, Лизы и Сашеньки поражает тематическая насыщенность. Как это всегда бывает у Пушкина, из буквально нескольких строчек мы узнаем очень много, темы писем быстро переходят одна в другую, сыплются внезапные вопросы и ответы, мимолетные признания и афористические приговоры обо всем: о высшем свете, о литературе, о природе. И — неожиданная быстрая концовка[28]. Вот отрывочек из письма Лизы: «Пиши ко мне, мой ангел. Письма твои мне будут утешением. Что наши балы? Что

---

[27] См. [Винокур 1991: 188].

[28] Ср.: «В этих нескольких строчках мы сразу узнаем весьма большое количество фактов. Эти быстрые переходы от одной темы к другой, внезапные вопросы и ответы, мимолетные признания и афористические приговоры — о свете, литературе и иных предметах, — все эти типические черты живого эпистолярного творчества полностью перешли из писем Пушкина в его эпистолярный роман» [Указ. соч.: 190].

наши знакомые? Хотя я и сделалась затворницей, однако не вовсе отказалась от суеты мира. Вести о нем для меня занимательны». И ни слова больше. Здесь напрашивается прямая параллель с положением самого Пушкина. Героиня «Романа в письмах» Лиза бежала из Петербурга из-за роковой любви и оказалась оторванной от своей среды, которая тем не менее продолжает ее интересовать. Так же и Пушкин принужден был, будучи в ссылке, спрашивать обо всех и обо всем. Поэтому его письма обычно кончались каскадом вопросов: «Что Всеволожские? что Мансуров? что Барков? что Сосницкие? что Хмельницкий? что Катенин? что Шаховской? что Ежова? что граф Пушкин? что Семеновы? что Завадовский? что весь Театр?» — спрашивает Пушкин у Я. Н. Толстого в Кишиневском письме[29]. «Что наши балы? Что наши общие знакомые?» — спрашивает Лиза. «Прости, моя прелесть, довольна ли ты моею сегодняшнею болтовнею?» — отвечает ей из столицы подруга Сашенька. Концовка другого ее письма такая: «Прости, моя милая — подумай и одумайся». А вот концовки писем Пушкина: «Ты видишь, что, кроме пословиц, ничего путного тебе сказать не сумею»[30]. И очень знаменательная полушутливая концовка вот такая: «Целую твой портрет, который что-то кажется виноватым. Смотри»[31].

Конечно, напрашивается вывод, что пушкинский роман в письмах был написан задолго до этого — в реальных живых письмах Пушкина, что эти письма, конечно, явились для Пушкина творческой лабораторией, в которой зарождались образцы редкого пушкинского стиля. И что этот стиль с поразительной силой выразился затем уже в самой художественной прозе. А для того, чтобы это произошло, Пушкину необходимо было совершить ту огромную работу, — и прежде всего в области культуры языка — которую он и совершил, прежде чем взялся за художественную прозу[32]. Многие исследователи прошлых лет не раз высказывали мнение, что

---

[29] См. письмо Я. Н. Толстому (26 сентября 1822 г.) [ПСС, т. 10: 45].

[30] См. письмо С. А. Соболевскому (15 июля 1827 г.) [ПСС, т. 10: 231].

[31] См. письмо Н. Н. Пушкиной (не позднее 30 июля 1834 г.) [ПСС, т. 10: 509].

[32] «Сколько мудрого, культурного труда вложено в этот эпистолярный путь от послеобеденной болтовни с приятелем к высокому художественному строю “Пиковой дамы”, к благородной классической болтовне “Дубровского” или “Капитанской дочки”» [Винокур 1991: 192–193].

проза Пушкина суха, бестелесна и старомодна, что в ней ощущается отсутствие воздуха и глубины, что это не картина, а рисунок пером[33]. Но если для тех же качеств найти другие определения-синонимы, то мы увидим, что недостатки оборачиваются достоинствами: «Короткая простая фраза — без ритмических образований, без стилистических фигур, сжатая сюжетная новелла, с накоплением веса к развязке, с тонкими приемами сюжетосложения». Так пишет еще один замечательный ученый Б. М. Эйхенбаум в статье «Проблемы поэтики Пушкина»[34].

Мы видим теперь, какую роль в этой сжатости, краткости, действительно, почти аскетичности играла эпистолярная проза Пушкина как школа культуры языка[35]. Совершенно очевидно, что

---

[33] О таком взгляде на пушкинскую прозу и о его истоках писал М. О. Гершензон в своем разборе «Пиковой дамы»: «Повесть Пушкина, в отличие от нашей современной повести, — не картина, а рисунок пером; в ней нет мазков, передающих полутоны, — все сухие четкие линии, рисующие как бы остов события, обстановки или характера. Отчасти эта особенность Пушкинской прозы объясняется, без сомнения, тем, что прежде, чем заняться прозой, Пушкин долго работал стихом и привык к тому способу описания, какого требует — и какой единственно допускает — ***стихотворная*** повесть: описания именно линиями, а не широкими мазками. Но была и другая, более общая причина: такова была вообще беллетристическая техника 20-х годов. Искусство воспроизводить полноту жизни, передавать воздух и глубину картины было достигнуто позднее. Нужен был гений Гоголя и вся черная работа «физиологической» беллетристики 40-х и 50-х годов, чтобы дать эту сочность» [Гершензон 1919: 111]. Точку зрения М. О. Гершензона и др. исследователей отмечает также Г. О. Винокур [Винокур 1991: 185].

[34] [Эйхенбаум 1969: 30].

[35] В интервале между этой строчкой и последующей впечатано замечание: «Сенковский о Пиковой даме — язык хорошего общества». Вероятно, Т. Г. Винокур предполагала упомянуть про восторженный отзыв о пушкинской повести главного редактора «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского, в которой эта повесть была напечатана. В письме А. С. Пушкину (январь — первая половина февраля 1834 г.) он, в частности, писал: «Вот как нужно писать повести по-русски! Вот, по крайней мере, язык вполне обработанный, язык, на каком говорят и могут говорить благовоспитанные люди. Никто лучше меня не чувствует, каких основ недостает нам, чтобы создать хорошую литературу, а главнейшая из них, жизненная, без которой нет настоящей национальной литературы, основа, которой совершенно не существует в нашей прозе, — это язык хорошего общества» (пер. с франц.) [Переписка А. С. Пушкина 1982: 420].

Пушкин овладел ею до того, как взялся за художественную прозу, то есть за язык в его высшей — эстетической, поэтической — функции. Тогда как практический язык есть более низкая, но в то же время более необходимая функция. И ясно, что эта низшая функция лежит в основе высшей. Сблизив их, сблизив язык разговорный с поэтическим, художественным, Пушкин создал совсем особый стиль прозы, которую называют пленительной и совершенной. Но не только этот один источник питал стиль пушкинской прозы. Другим источником была его собственная поэзия. «Ранние упражнения в стихотворстве», как считают исследователи, наложили на прозу всех современников Пушкина, вплоть до Тургенева, «неизгладимую печать мерности и благозвучия»[36]. И все же в прозе он был новатор, тогда как в поэзии учился у 18 века и преодолевал его. А если учился в прозе, то у самого себя. Говорят, что тайну того, как он это делал, он унес с собой. И действительно, прозе Пушкина подражать очень трудно, ее невозможно стилизовать — настолько она строга и непослушна. Однако попытки это сделать были. Наверное, сейчас мало кто знает, что шестую повесть Ивана Петровича Белкина (всего их, как известно, пять) написал в 30-е годы М. М. Зощенко. Он говорил, что проза Пушкина — драгоценный образчик, на котором следует учиться современным писателям, и что именно краткость и четкость изложения, предельная изящность формы и ирония, соединенные с подлинной занимательностью, делают необычайно сложной задачу подражания[37]. Сложность эта и привлекла азартного Зощенко, который был хорошим стилистом. «Повести Белкина» оказались сложным объектом тем более, что они отходят от «генеральной линии» стилевых черт пушкинской прозы. Это уже мостик к Гоголю, и многие поэтому считают их первой страницей зрелой классической отечественной прозы, первой страницей русского реалистического романа XIX века. Здесь впервые Пушкин применил прием подставного автора. Кто такой Иван Петрович Белкин

---

[36] [Цит. по Винокур 1991: 185].

[37] Ср.: «Мне казалось (и сейчас кажется), что проза Пушкина — драгоценный образчик, на котором следует учиться писателям нашего времени. Занимательность, краткость и четкость изложения, предельная изящность формы, ирония — вот чем так привлекательна проза Пушкина» [Зощенко 2008: 183].

само по себе не должно быть важно. На вопрос об этом Пушкин отвечал: «Кто бы он ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно»[38].

Свою повесть Зощенко назвал «Талисман». В предисловии к ней он пишет: «Итак, я предлагаю вниманию читателя копию с прозы Пушкина — шестую повесть Белкина, названную мною «Талисман». А. С. Пушкин был велик в своей работе и смеясь писал (Плетневу), что некоторые литераторы уже промышляют именем Белкина и что он этому рад, но вместе с тем хотел бы объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю чужих грехов... Прошло сто лет, и вот я "промышляю" Белкиным с иной целью — из уважения к великому мастерству, на котором следует поучиться»[39]. Подражание это, несмотря на все мастерство самого М. М. Зощенко, довольно беспомощное. Вернее, это действительно просто копия, она оказалась бледным снимком яркого оригинала.

Литература

Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 480 с.

Винокур Г. О. Пушкин — прозаик // Г. О. Винокур. О языке художественной литературы / Сост. Т. Г. Винокур. М.: Высшая школа, 1991. С. 179–194.

Винокур Г. О. Культура языка. М.: Изд. Лабиринт, 2006. 256 с.

Гершензон М. О. Пиковая дама // М. О. Гершензон. Мудрость Пушкина. М.: Т-во Книгоиздательство писателей в Москве, 1919. С. 97–112.

Зощенко М. М. Шестая повесть Белкина // М. М. Зощенко. Собрание сочинений в 7 т. Т. 6. М.: Время, 2008. 294 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005. 493 с.

---

[38] Татьяна Григорьевна цитирует здесь воспоминания П. Миллера: «Вскоре по выходе "Повестей Белкина" я на минуту зашел к Александру Сергеевичу, они лежали у него на столе. Я и не знал, что они вышли, а еще менее подозревал, что автор их — он сам. "Какие это повести? И кто этот Белкин?" спросил я, заглядывая в книгу. "Кто бы он там ни был, а писать повести надо вот этак: просто, коротко и ясно". Далее я не хотел расспрашивать» [Разговоры Пушкина 1991: 173].

[39] [Зощенко 2008: 185].

Модзалевский Б. Л. Пушкин. Неизданное письмо к барону Дельвигу // Литературные портфели. Вып. I. Изд. Атеней. Пб., 1923. С. 80–85.

Незабытые голоса России: Звучат голоса отечественных филологов. Вып. 1 / Под ред. О. В. Антоновой, Д. М. Савинова. М.: Языки славянских культур, 2009. 240 с.

Переписка А. С. Пушкина. В 2-х т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1982. 575 с.

Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. / Отв. редактор Н. Н. Розанова. М.: Наука, 1996. 336 с.

ПСС — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. Изд. 3-е. М.: Наука, 1962–1966. Т. 7: Критика и публицистика. 765 с.

ПСС — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. Изд. 3-е. М.: Наука, 1962–1966. Т. 10: Письма. 902 с.

Пушкин А. С. Письма / Под ред. и с прим. Б. М. Модзалевского. В 3-х тт. М.–Л.: Гос. изд-во, 1926–1935.

Разговоры Пушкина: собрали Сергей Гессен и Лев Модзалевский. Репринт, воспроизведение изд. 1929 г. М.: Политиздат, 1991. 318 с.

Степанов Ю. С. О голосе Татьяны Григорьевны Винокур // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М.: Наука, 1996. С. 281–286.

Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. 552 с.

Э. И. Хан-Пира

(Москва)

ТАТЬЯНА ВИНОКУР (1924–1992)[1]

15 апреля 1964 года в Малом зале Центрального Дома литераторов идет обсуждение книг писателей о языке и культуре редактирования. Обсуждение организовано сектором культуры речи Института русского языка Академии наук (ИРЯЗ). Однако в центр внимания врывается иная тема — оценка слога повести Александра Солженицына *Один день Ивана Денисовича*. И это понятно: прошло около полутора лет со времени ее выхода, а страсти еще не улеглись, напротив, усилились — она выдвинута на Ленинскую премию.

Один из выступающих говорит, что в повести много непонятных слов, а это мешает восприятию и снижает ее эмоциональное воздействие. Слово берет Татьяна Винокур. Чувствую: она сильно рассержена. Наверное, никак не ожидала от коллеги того, что мы уже слышали от людей, не имеющих лингвистической подготовки. Может быть, в эти минуты ей припомнилась и одна из наших встреч с Корнеем Чуковским, когда писатель рассказывал о беседе с маршалом Соколовским. Дело было в правительственном санатории *Барвиха*. Зашла речь о повести. Маршал был ею недоволен и сказал: «Мы не можем пропагандировать жаргон». Чуковский полчаса объяснял ему, что такое речевая маска и чего требует от автора реализм. Маршал выслушал и произнес: «Но мы же не можем пропагандировать жаргон...»

Таня начинает с цитаты из фонвизинского *Недоросля*: «Ах, всё то вздор, чего не знает Митрофанушка». Цитата попадает в цель. Оживление в зале подтверждает это. Непонятливый доцент смущен. А Таня набрасывает эскиз своей будущей статьи, которую, возможно, и задумала в этом зале и которую мы будем

---

[1] Статья представляет собой републикацию: *Хан-Пира, Э.* Татьяна Винокур (1924–1992) // Stylistyka: Przemiany stylowe — Стилевые перемены — Changes of Style, Tom 2. / Ed.-in-chief Stanisław Gajda. Opole, 1993. С. 263–266. https://czasopisma.uni.opole.pl/index.php/s/article/view/4460

читать осенью следующего года в очередном выпуске *Вопросов культуры речи*.

Вслед за Таней говорит Лидия Корнеевна Чуковская. Она присоединяется к высокой оценке слога повести и тоже отводит упреки в непонятности, а также в непристойности.

После обсуждения крайне деликатная Таня сокрушается, а не переборщила ли она с Митрофанушкой...

Насколько мне известно, упомянутая статья Тани — первое исследование слога Солженицына. Эта пионерная работа одна из ее лучших, если не самая лучшая. По-моему, она может послужить образцом при обучении студентов лингвистическому анализу художественного текста.

Я не прослеживаю здесь ни всю жизнь Тани, ни даже ее жизнь в науке. Только отдельные эпизоды, фрагменты.

С детства она видела и слышала известных и больше того — знаменитых отечественных филологов, приходивших к отцу, выдающемуся филологу Григорию Осиповичу Винокуру. За несколько недель до гибели она поделилась прекрасными воспоминаниями о Д. Н. Ушакове. Они, к счастью, записаны на пленку. Будем надеяться, что их удастся напечатать.

Помню ее рассказ об академике Л. В. Щербе, в годы ее студенчества преподававшем в Московском университете: как ходил на Щербу жаловаться в деканат ее однокурсник, не принимавший манеры Щербы держаться в аудитории и не понимавший, зачем профессор заставляет студентов еще и еще вслушиваться и вдумываться, например, в пушкинские строки: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн».

В мае 1947 года не стало Григория Осиповича. В тот год Таня закончила университет. Рекомендована в аспирантуру. Сданы туда экзамены. А приказа о зачислении нет и нет. Началась какая-то подозрительная волокита. Таню посылали, как говорится, от Понтия к Пилату: из МГУ в Министерство, оттуда в МГУ. Один известный лингвист, знавший Таню еще ребенком, теперь, встречая в университетских коридорах, не замечал ее, смотрел как бы сквозь нее. Время шло. Принятые в аспирантуру уже три месяца занимались, а Таня все искала концы в канцеляриях.

Молодой семье (Таня вышла замуж) жить на стипендию мужа было тяжело. И тогда решилась Танина мама. Она позвонила

литературоведу профессору А. М. Еголину. Он хорошо знал Григория Осиповича по совместной работе в Московском институте философии, литературы, истории. В 1947-ом Еголин занимал высокий пост в аппарате ЦК партии. Через сутки «пропавшую грамоту» разыскали. Да еще и пожурили Таню, что не торопится получить ее. А в университете выплатили стипендию за три месяца, которые Таня провела у запертых врат науки, безответно стучась в них. Вся эта канитель, конечно, не была порождена чьей-то забывчивостью, халатностью. Григория Осиповича не жаловали марровцы. А главное — набирал силу государственный антисемитизм, рос пристальный интерес к пресловутому «пятому пункту» (зарубежным специалистам по новейшей истории России и русскому языку советской эпохи нет нужды пояснять этот фразеологизм)...

Защитив кандидатскую диссертацию, Таня в поисках работы попадает во Всесоюзный институт кинематографии. На сценарном факультете предлагают курс стилистики. До нее его там не было. Она создает свою программу курса и ведет по ней занятия. Потом был Историко-архивный институт. Тут Таню ожидала история языка — курс древнерусского языка. Через несколько лет издательство института выпускает ее пособие по этой дисциплине. Любопытно, что лет тридцать спустя, будучи в Вашингтоне и разговорившись со священником тамошней православной церкви, она узнала, что он обучает студентов, пользуясь этим пособием. Ветераны Историко-архивного института до сих пор помнят ее, недолго проработавшую рядом с ними.

Наконец Таня в академическом Институте русского языка. Здесь открылись все возможности реализовать себя. Статьи в сборниках, выступления на многочисленных конференциях, книга, посвященная теоретическим основам стилистики, защита докторской диссертации по стилистике, блистательная популяризация лингвистических знаний в печати и на радио.

В «оттепельные» годы в ИРЯЗ устраивались веселые вечера — «капустники». Таня играла первую скрипку в сочинении шуточных текстов.

Она повидала мир: была в Таиланде, нескольких странах Африки, во Франции, Англии, Польше, Штатах. Но лучше всего чувствовала себя на старом Арбате. Она рассказывала, как в парижском

представительстве Аэрофлота заплакала, увидев фотографию Арбата...

Несколько лет Таня добивалась самой возможности опубликовать часть наследия Григория Осиповича, а потом участвовала в составлении двух винокуровских сборников. Летом 1991 года эти книги — *Филологические исследования* и *О языке художественной литературы* — увидели свет. И это была, кажется, последняя радость в ее жизни.

Мне невозможно представить себе человека, который мог бы сказать, что его обидела Татьяна Винокур. Она была добрым, участливым другом. Эта невысокая и хрупкая женщина обладала большой творческой энергией, сильной волей, безукоризненным тактом и чувством собственного достоинства, чувством юмора и редкой способностью к самоиронии.

Если бы она вошла в тот майский вечер не в один из головных вагонов метро и если бы вышла к Гоголевскому бульвару, а не к Музею изобразительных искусств. Если бы была чуть внимательнее, переходя улицу. Если бы...

Основные работы Татьяны Винокур:

1. Синонимия и контекст // Вопросы культуры речи, Вып. 1. М., 1964.
2. О языке и стиле повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы культуры речи, Вып. 5. М., 1965.
3. Об изучении функциональных стилей языка советской эпохи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
4. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // там же.
5. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. М., 1972.
6. Разговорная речь и разговорный стиль (Анализ понятий) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Сборник четвертый, Горький, 1973.
7. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

Е. В. Клюев[1]

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ОДНОЮ ТИПИЧНОЮ РЕЧЕВОЮ СИТУАЦИЕЮ

Где желтела форзиция
и белела акация,
и сияла реки серебристая нить,
начиналась
типичная речевая ситуация,
и уже ничего было не изменить.
Ситуация предполагалась
не особенно экзотической —
побродить, потрепаться
да вернуться домой,
но, как часто бывает,
обернулась фатической —
то есть
незапланированной и непрямой.
И не думайте, что так оно лучше ещё:
а вот просто представьте себе, дорогой,
что стоят подбоченясь
косматые чудища,
Говорящий и Слушающий, —
и ни в зуб ногой
на предмет того,
как обычно инициируют
речевой, извините за выражение, акт!
И всем сразу понятно,
что сейчас они выроют
тому акту могилу —
и будет бардак(т).

---

[1] Евгений Васильевич Клюев — поэт, писатель, драматург, переводчик, лингвист, с которым Татьяну Григорьевну Винокур связывала дружба; стихотворение написано специально для этого сборника.

«Вы чего?» — обращается
Слушающий к Говорящему,
«А чего?» — нарывается Говорящий в ответ.
«Говорите же!
Причём говорите по-настоящему:
ибо Вы у нас тут Говорящий,
а я у нас — нет».
«Так, а Вы кто такой?» —
Говорящему хочется ясности,
но метаться поздняк...
порядку уже не бывать!
И тогда Говорящий,
полагая, что он в безопасности,
заявляет:
«А впрочем, козёл,
мне на Вас наплевать».
Тут наш Слушающий —
незаконно, в общем, униженный, —
предстаёт
(к удивлению даже и для себя)
не каким-нибудь
коммуникативно-ущербным неженкой,
но вполне состоятельным коммуникантом —
и притом никому не грубя.
Он не затрудняет себя взвешиванием или мерянием —
но,
подавив коммуникативный озноб
и охваченный ясным коммуникативным намерением,
он подходит и дает Говорящему в лоб —
за «козла»,
за ответы какие-то куцые
(потрепаться пришёл —
увиливать не моги)!
Вот такая у нас иллокуция-перлокуция,
вот такие, значит, у нас пироги.
Между тем всё равно
жизнь полна веселия
и различных нелепых и милых вещей.

Но вот акт, речевой, —
это форма насилия
над живым человеком —
и так... вообще.

Научное издание

Говорящий и пишущий

К 100-летию со дня рождения
Татьяны Григорьевны Винокур

Художественное оформление обложки: *А. В. Санников*
Иллюстрация на обложке — картина В. Кандинского «Фуга»

Макет: *С. В. Родионова*

Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 31,5
Тираж 300 экз. Заказ №